

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

Published in cooperation with the UNESCO Office
for Armenia, Azerbaijan, Belarus,
the Republic of Moldova and the Russian Federation

Опубликовано при поддержке Бюро ЮНЕСКО
по Армении, Азербайджану, Беларуси,
Республике Молдова и Российской Федерации

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования

**«Международный государственный экологический
университет имени А. Д. Сахарова»**

ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Учебное пособие

*Рекомендовано к изданию Советом УМО вузов Республики Беларусь
по экологическому образованию*

Под общей редакцией Т. В. Мишаткиной и С. П. Кундаса

Минск, 2008

УДК 17:57:614.253(075.8)
ББК 87.7:28.0:51.1(2)я73
О75

*Рекомендовано к изданию Советом УМО вузов Республики Беларусь
по экологическому образованию (протокол № 4 от 28 июня 2008 г.)*

Авторы:

*Т. В. Мишаткина, С. П. Кундас, Р. Г. Апресян, А. В. Барковская, Е. В. Беляева,
С. Н. Анкуда, С. Б. Мельнов, Н. Д. Лепская, И. П. Меркулова, П. Д. Тищенко,
М. Д. Мартынова, Н. Васильевне, В. Е. Борейко, Ю. Сарана*

Рецензенты:

*Я. С. Яскевич, доктор философских наук, профессор,
директор Института социально-гуманитарного образования БГЭУ;
Е. В. Хомич, кандидат философских наук, доцент Белорусского государственного университета;
А. Е. Океанов, доктор медицинских наук, профессор МГЭУ им. А. Д. Сахарова*

Редакторы:

*Т. В. Мишаткина, кандидат философских наук, профессор МГЭУ им. А. Д. Сахарова;
С. П. Кундас, доктор технических наук, профессор, ректор МГЭУ им. А. Д. Сахарова*

Издано при финансовой поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве.

*Материалы, помещенные в данной публикации, не обязательно отражают точку зрения ЮНЕСКО.
За предоставленную информацию несут ответственность авторы.*

Published with the financial support of the UNESCO Moscow Office.

*The authors are responsible for the choice and the presentation of the facts contained in this publication
and for the opinions expressed therein, which are necessarily those of UNESCO
and do not commit the Organization.*

Основы экологической этики: учеб. пособие / Т. В. Мишаткина [и др.];
О75 под общ. ред. Т. В. Мишаткиной, С. П. Кундаса. – Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2008. – 292 с.

ISBN 978-985-6823-70-4.

В пособии дается общая характеристика экологической этики как науки и учебной дисциплины. Представлены генезис и основы теории экологической этики, ее основные направления и принципы, дискуссионные проблемы, такие как права природы, защита животных, экология человека, а также социальные проблемы, связанные с современной экологической ситуацией в обществе. Раздел «Практикум» включает тексты для анализа, методические рекомендации и практические задания, разработанные по современной методике case-study. Пособие предназначено педагогам и студентам высшей школы, может быть полезно также широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами отношений человека и природы.

**УДК 17:57:614.253(075.8)
ББК 87.7:28.0:51.1(2)я73**

ISBN 978-985-6823-70-4

©UNESCO, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Поистине нравственен человек только тогда,
когда он повинуется внутреннему побуждению
помогать любой жизни, которой он может помочь,
и удерживается от того, чтобы причинить
живому какой-либо вред.

А. Швейцер

Экологическая этика (экзэтика) охватывает предельно широкий круг проблем: она рассматривает нравственные отношения человека и окружающей его среды. Расширяя диапазон традиционных моральных принципов до отношения человека к природе, вырабатывая нравственные нормы его поведения как в «человеческих», так и в «не-человеческих» ситуациях, *новая ментальность по отношению к среде обитания* в еще большей степени делает человека Человеком, в полной мере реализующим свою родовую сущность: человеком, способным, отрешившись от собственного антропоэгоизма, проявлять Любовь и Уважение к Иному, Ответственность перед Иным.

Экзэтика организует и обеспечивает процесс моральной регуляции отношений человека и природы как равноправного субъекта. В то же время это не этика отдельной личности или даже общества, основанная на экологических императивах культуры. Это – *универсальная этика человеческой деятельности*. Акцентируя внимание на проблемах окружающей среды, она создает предпосылки действий, ориентированных на сохранение и развитие природного и человеческого бытия. Таким образом, *предмет экологической этики – это, прежде всего, отношение Человека к Природе, предполагающее в то же время и его отношение к самому себе* – противопоставление себя окружающей среде или включение в нее.

Экологическая этика является результатом междисциплинарного синтеза, располагается на стыке таких значимых форм знания в культуре, как этика и экология, и увязывает в единый нормативно-ценностный комплекс представления о природных системах и этические правила взаимодействия с ними. Функционально эта система этических принципов предстает в качестве морального регулятора механизмов социоприродного взаимодействия, нормативно-нравственного эталона природопользования и ценностного основания мотивационной деятельности людей.

Свое проблемное поле, систему нравственных категорий, базовых принципов и регулятивов экологическая этика отстраивает на двух основных уровнях: теоретическом и нормативном. На *теоретическом* уровне разрабатываются концептуальные основания экологической морали как сферы должного, осуществляются поиск и обоснование фундаментальных ценностей, их критериев и статуса, выдвигаются базовые принципы экзэтической регуляции. На *нормативном* уровне формулируются конкретные правила жизненных моральных суждений в поле взаимодействия человека и природы, отвечающие на *практический вопрос* «что я должен делать?», регламентирующие поведение людей в природе и способы разрешения социоприродных конфликтов. Оба уровня переплетаются, взаимно обуславливая друг друга и ставя нас перед необходимостью решения *основных задач* экзэтики, которыми выступают:

- *теоретическое обоснование* основных принципов и норм моральной регуляции отношения человека и природы;
- поиск *практических регулятивов*, технологий и институтов их взаимодействия;
- разработка средств и методов формирования нового – *энвайронментального сознания людей*, обеспечивающего их гармоничное сосуществование с природой.

Очевидно, что по мере углубления наших знаний о природе и человеке заново подвергаются философско-этической рефлексии многие общечеловеческие ценности. Так, в рамках экзэтики осуществляется философское переосмысление таких категорий, как *гуманизм, справедливость, благо, страдание и сострадание*. В рамках биоэтического дискурса, где мораль традиционно проявляется в ее высшем – гуманистическом – смысле, осуществ-

ляется философско-этическое переосмысление экзистенциально-пограничных ситуаций: границ жизни и смерти Живого, абсолютной ценности Жизни. Таким образом, философское и этическое знание по-прежнему выступает гуманистическим основанием современных наук о жизни, но уже в трансформированном, «приспособленном» к их нуждам варианте. Это требует сложной перестройки морального сознания, опирающейся на нравственно-экологическое и биоэтическое воспитание и просвещение.

Данное учебное пособие призвано, во-первых, предложить вниманию читателей современные представления о генезисе и теоретических основаниях экологической этики как одного из актуальных направлений прикладной этики (раздел 1); во-вторых, помочь разобраться в таких сложных дискуссионных проблемах экологической этики, какими являются права природы, защита животных, экология человека (раздел 2); в-третьих, обратить внимание читателей на социальные проблемы, связанные с экологической ситуацией в обществе (раздел 3). В разделе 4 представлены методические рекомендации и практические задания для изучения курса «Основы экологической этики» в современной и эффективной методике case-study.

Подготовка пособия осуществлялась большим коллективом авторов – специалистами в области этики, экологии, экологической этики, информатики, биологии и медицины. Благодаря этому экологическая этика представлена в целостном и достаточно широком формате: пособие объединило интеллектуальный ресурс специалистов естественнонаучного и гуманитарного профилей, что позволило показать важность, сложность и многомерность анализируемых вопросов, обозначить их дискуссионный и открытый характер. При этом выявились и несколько отличающиеся трактовки некоторых понятий, терминов и определений, поскольку авторы анализировали проблемы в разных ракурсах и аспектах, оставляя в то же время в рамках общих подходов и концепций.

Авторами пособия являются члены рабочей группы по исполнению проекта ЮНЕСКО в МГЭУ им. А. Д. Сахарова «Экологическая этика в системе биоэтического образования» из Беларуси:

Т. В. Мишаткина, к.ф.н., профессор МГЭУ им. А. Д. Сахарова, Минск (введение, главы 4, 6, 9, 13);
С. П. Кундас, д.т.н., профессор, ректор МГЭУ им. А. Д. Сахарова, Минск (введение, глава 13);
А. В. Барковская, к.ф.н., доцент БГУ, Минск (главы 2, 3);
Е. В. Беляева, к.ф.н., доцент БГУ, Минск (глава 5);
С. Н. Анкуда, к.пед.н., доцент, первый проректор МГЭУ им. А. Д. Сахарова, Минск (глава 13);
С. Б. Мельнов, д.м.н., профессор, проректор МГЭУ им. А. Д. Сахарова, Минск (глава 10);
Н. Д. Лепская, к.ф.н., доцент, зав. каф. МГЭУ им. А. Д. Сахарова, Минск (глава 12);
И. П. Меркулова, к.м.н., доцент МГЭУ им. А. Д. Сахарова, Минск (главы 6, 8);
Ю. Сарана, аспирант МГЭУ им. А. Д. Сахарова, Минск (глава 10).

В подготовке пособия принимали также участие специалисты из России, Украины, Литвы – эксперты в области этики, экологии, экологической этики:

Р. Г. Апресян, д.ф.н., профессор, Ин-т философии РАН, Москва (глава 1);
П. Д. Тищенко, д.ф.н., профессор, Ин-т философии РАН, Москва (глава 11),
В. Е. Борейко, директор Киевского эколого-культурного центра (глава 7);
Н. Васильевне, д.ф.н., профессор университета Николаса Ромериса, Вильнюс (глава 11).

Раздел 4 «Практикум» подготовлен *Т. В. Мишаткиной* и *М. Д. Мартыновой*, проректором Мордовского государственного университета им. Огарева (Саранск, Россия).

Авторы выражают благодарность рецензентам, коллегам, аспирантам и студентам МГЭУ им. А. Д. Сахарова, оказавшим помощь в подготовке данного пособия, а также участникам международного проекта «Экологическая этика в преподавании гуманитарных и социальных дисциплин», предоставившим свои разработки для составления Практикума: *В. Боронниковой* (Минск), *И. Абдрашитовой* (Саранск), *Дм. Ермакову* (Новомосковск), *М. Рогожа* (Киев), *Н. Хафизовой* (Пермь) и др.

Раздел 1

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Глава 1. Экологическая этика в системе прикладного этического знания: предмет, методология, проблематика

Этика есть ответственность за все, что живет.

А. Швейцер

Слово «*этика*» в узком и философском смысле обозначает *теорию морали, философское учение о морали*. В широком и менее строгом смысле *этика* – это более или менее систематизированные моральные взгляды и принципы. В обыденной речи слово «этика» нередко употребляется как синоним морали и нравственности.

Эта книга посвящена *экологической этике* как разновидности *прикладной этики*. И в ней слово «этика» наряду со строгим значением специального знания о морали употребляется и в более общем смысле – как систематизированные и обоснованные нравственные представления.

1.1. Что такое мораль, этика и прикладная этика?

Этика – это сфера рациональных *взглядов, осознанных ценностей и принципов*, касающихся правильного *поведения и отношений*, которые строятся в соответствии с этими взглядами, ценностями и принципами, а также *оценок* любых явлений и событий с позиций таких взглядов, ценностей и принципов – с позиций добра и зла, справедливого и несправедливого и т. д. При этом этика, или мораль, касается отношений, в которых человек проявляет себя не формально, не ситуативно, не подражательно, а как личность – сознательная и самоопределяющаяся.

Этику, или мораль (нравственность), следует отличать от *нравов* как стихийно складывающихся стереотипов поведения. Нравы – это то, как люди себя фактически ведут, как относятся друг к другу в данном обществе. Этика же говорит о том, какие действия являются *достойными*, как люди *должны* относиться друг к другу по совести, сохраняя свое и соблюдая чужое достоинство.

Этика, или мораль, – это взгляды, ценности и принципы, касающиеся отношений между людьми как *личностями*, независимо от их положения (экономического, социального, интеллектуального и т. д.). Относиться к человеку как личности – значит, признавать его достоинство, уважать его права, заботиться о его благе. Такова сфера морали, в которой идеалом является справедливость и гармония в человеческих отноше-

ях. При этом моральные отношения требуют от человека действий, совершенных на основе свободного, сознательного и разумного *выбора*.

Как сфера хорошего и плохого, правильного и неправильного этика, или мораль, представляет сферу *оценок* и *правил*, касающихся *поступков* человека, т. е. таких действий, которые осуществлены на основе определенных принципов и имеют значимые последствия для других людей. Моральные оценки и правила касаются действий человека с точки зрения их *целей* или *мотивов*, а также *результатов*, к которым они привели. В целом *мораль* можно определить как *сферу норм и ценностей, направляющих поведение человека на благо других людей*. Принимая во внимание, что люди живут в социальной и природной среде, нужно уточнить: это нормы и ценности, направляющие поведение человека на благо окружающего его мира – общества и природы.

Характер морали хорошо просматривается в таких фундаментальных и в культурно-историческом плане универсальных для морали правилах, как *талион, золотое правило и заповедь любви*, которые в той или иной форме известны во всех культурах.

Наиболее древним является правило талиона (от лат. *talio, talion* – возмездие, равное преступлению): «Поступай с другими людьми так, как они поступают с тобой», более известное как формула «око за око, зуб за зуб» (Библия. Исход. 21:24–26; Коран. 2:178). Это правило порой понимается как указание на необходимость мщения и неизбежность насилия. Между тем талион формируется как одно из первых нравственных ограничений, призванных положить конец безудержности насилия. Изначальный его смысл состоял в ограничении затмевающего сознание гнева и установлении строгой меры в ответном насилии: на ущерб, тем более обратимый, нельзя отвечать убийством – следует отвечать соразмерно. При этом тексты и Ветхого завета, и Корана показывают общую тенденцию к смягчению ответных карательных действий вплоть до замещения, когда это возможно, великодушным прощением. В Новом завете талион решительно отвергается, однако косвенно сохраняется (например, в заповеди «Не судите да не судимы будете») в формах, переходных к *золотому правилу*, которое гласит: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Евангелие от Матфея. 7:12). Близкой к золотому правилу является *заповедь любви*: «Возлюби ближнего своего, как самого себя» (Евангелие от Матфея. 22:37–39).

Талион, золотое правило и заповедь любви совокупно образуют первичное *нормативное содержание* морали и характеризуют его определенным образом.

Во-первых, все эти правила регламентируют *отношение человека к другому*. Талион ограничивает меру ответного зла, которым допустимо отвечать на зло со стороны другого. Золотое правило устанавливает равенство и взаимность во всех отношениях к другому и устанавливает ис-

точный «стандарта», по которому надо относиться к другому: самому устанавливать стандарт своих действий. Заповедь любви указывает на необходимость заботливого и любовного отношения к другому. Стало быть, отношения с другими (другим) должны строиться в соответствии с рядом принципов, восходящих от «*не вреди, не делай другому зла*» (инициативно) к «*будь справедливым, уважай другого*», и далее – «*проявляй о другом заботу, относись к другому любовно*» (в этическом смысле любовное отношение выражается в признании другого; от степени признания другого зависит глубина любви).

Во-вторых, золотое правило и заповедь любви апеллируют к человеку, к тому, как он относится к *самому себе*: последнее предстает в качестве стандарта отношения к другому.

В-третьих, в заповеди любви (в ее развернутой форме) отношение к другому и отношение к себе в конечном счете обусловлены *отношением к вышему началу*, или Богу, или идеалу.

Итак, сфера морали образуется отношениями человека к себе, другим людям и высшему. В соответствии с этим можно сказать, что моральными являются ценности и нормы, которые задаются названными императивами и которыми, соответственно, опосредствованы эти отношения.

Принимая во внимание содержание заповеди любви как наиболее развитого среди названных трех требований, можно определить **мораль** как систему ценностей и норм, ориентирующих человека на духовно возвышенное единение с самим собой, другими людьми и высшим началом и на действия во благо других людей. Именно такие действия считаются хорошими и правильными с этической точки зрения. Моральные нормы и ценности обращены к человеку и требуют, чтобы его действия были не только добродетельны и справедливы, но и совершались им намеренно, бескорыстно и самоотверженно, в результате свободного решения, исходя из заботы о благе других людей и соблюдая справедливость.

Этические идеи абстрактны, и в своих высших требованиях мораль «оторвана» от конкретных экономических, политических, социальных отношений, т. е. не вытекает из них непременно и не обусловлена ими. Тем не менее она вплетена в общественные отношения, причем как бы на двух уровнях. С одной стороны, это комплекс ценностей и принципов, в основе которого лежит идеал братского единения людей, человечности, личного совершенства, с другой – это система норм и правил, регулирующих отношения людей как частных, обособленных индивидов. Моральный идеал и высшие моральные ценности как бы «заземляются», доводятся до разнообразия противоречивых и конкурирующих интересов людей, накладывая ограничения на частные интересы. *Этика милосердия и этика справедливости* отражают эти два уровня морали.

Моральные ценности реализуются в поведении людей посредством разного рода требований (повелений, императивов), предъявляемых че-

ловеку на уровне *социальной этики* или через сознание долга – на уровне *этики индивидуального выбора*.

Своеобразие морального требования как разновидности *социальной нормы* заключается в том, что по сравнению с нормой обычая или юридической нормой (законом) оно:

а) жестко не зафиксировано, документально не оформлено и даже включенное в кодекс оставляет личности большую степень свободы, поскольку предполагаемые моралью санкции носят идеальный характер (выражение уважения и неуважения вплоть до крайних форм неуважения);

б) является чаще всего всеобщим, т. е. адресовано каждому разумному человеку, независимо от социального положения и места проживания;

в) обосновывается указанием на *идеал совершенства* (а не традицию, существующий порядок или волю законодателя).

На уровне *индивидуального выбора* принятие человеком требования осознается им как *внутренний долг*, исполнение которого контролируется *совестью*, а нарушение которого чревато утратой самоуважения и чувства собственного достоинства. Эта особенность переживания долга указывает на ответственность не столько перед социальным авторитетом, сколько перед самим собой как придерживающимся определенных моральных принципов.

Ценностное содержание морали в наиболее общем плане обнаруживается в представлениях об идеале, правильном и неправильном, добре и зле. С этой точки зрения мораль предстает со стороны того, к чему человек должен стремиться и что ради этого должен совершать, к каким результатам приводят его поступки.

Содержательно более определенное понятие морали устанавливается на пути соотнесения добра и зла с теми общими целями-ценностями, на которые человек ориентируется в своих действиях, а также правильного и неправильного – с теми принципами и нормами (правилами), которые существуют в сообществе. Частное и общее благо различны, и фактически интересы (склонности, эмоции) человека направлены либо на одно, либо на другое. Моральность человека состоит в ограничении эгоистической мотивации (договоренностями или разумом), в разумном сочетании себялюбия и благожелательности или в отказе от эгоизма, в сострадании и альтруизме.

Еще один подход в рассмотрении морали возможен при построении *этики как теории добродетелей*. Традиция такого подхода идет из античности. *Этика норм* отражает ту сторону морали, которая связана с формами регуляции поведения. *Этика ценностей* анализирует позитивное содержание, посредством норм вменяемое человеку в исполнение. *Этика добродетелей* указывает на *личностный* аспект морали – на то, каким должен быть человек, чтобы реализовать должное и правильно себя вести.

Все сказанное говорит о том, что *предметом этики* является **человек** в его обязанностях по отношению к себе, другим людям, обществу, в его поступках и оценках, а также ценности и нормы, определяющие его обязанности, поступки и поведение. Таковым было традиционное представление об этике – как она развивалась от античности до Нового времени включительно. В центре ее внимания был человек, его отношения с другими людьми и обществом, его нравственное совершенство.

Вместе с тем в истории философии и морали было немало мыслителей, которые ратовали за моральное отношение и к животным, растениям, природе вообще. Особенно последовательно эту точку зрения проводили некоторые религиозные мыслители, усматривавшие в каждом живом существе Божье творение и относившиеся к природе как порождению Бога, а нередко и как к месту его обитания. Тем не менее почти во всех религиозных традициях человек выделялся из царства природы, рассматривался как венец творения и даже как сотрудник Бога в его земных делах. За исключением некоторых религий (в особенности джайнизма и дзен-буддизма), природа воспринималась лишь как источник ресурсов и средство обеспечения человека, его благополучия и торжества.

Радикальный поворот в этом вопросе произошел совсем недавно, во второй половине XX века. В это время появляется и получает постепенное распространение новая этика – *этика уважения к природе как ценности самой по себе*. Этот новый взгляд на природу как этическую ценность лег в основу *экологической этики*.

Экологическая этика – это разновидность прикладной этики (ПЭ). **Прикладная этика** связана и с философской этикой, и с нормативной этикой, но вместе с тем отличается от них. ПЭ опирается на общее понимание морали, ее сущности и функций, вырабатываемое *философской этикой*, но предметом ее внимания является не феномен морали сам по себе, а моральные аспекты и проблемы тех отношений, в которые вступают люди, осуществляя специальные виды деятельности. ПЭ использует понятийный аппарат, разрабатываемый *нормативной этикой*, предметом которой являются моральные принципы, нормы и ценности, несущие разнообразные смыслы добра и зла, правильного и неправильного, добродетели, обязанности, справедливости в их *общем* содержании. Но в отличие от нормативной этики ПЭ изучает нормативное содержание *специальных видов деятельности*, реально практикуемые в них правила, социокультурные условия, в которых эта деятельность осуществляется, а также социальные устройства и механизмы, посредством которых обеспечивается действенность этического режима.

Что понимается под *специальными видами деятельности*? В первую очередь это *профессиональная* деятельность, т. е. деятельность, связанная с выполнением специальных, общественно значимых функций. Некото-

рые исследователи в области прикладной этики считают, что особое внимание ПЭ обращено на профессии, направленные на человека.

Действительно, кодексы профессиональной морали, или этики, возникают по поводу деятельности врача, учителя, судьи, исследователя, инженера, военного. Люди, выполняющие эти функции, в силу обстоятельств и условий профессии постоянно оказываются в ситуациях, в которых общечеловеческие нормы морали в их чистом виде иногда неприменимы. Отношения, в которые они вступают, зачастую исключают равенство и взаимность, не всегда предполагают заботу, нередко выражаются в действиях, несущих тем, на кого они направлены, страдания. Различные кодексы профессиональной этики и существуют для того, чтобы ограничить негативные последствия неравенства, отсутствия взаимности, необходимости принуждения и т. д. ПЭ изучает особенности действия морали в таких «ограниченных», «односторонних» условиях.

Вместе с тем гуманитарная ориентированность профессии – это важная, но лишь одна сторона профессиональной этики. Профессиональные кодексы морали не только снимают напряжение и противоречия, которые нередко возникают между общими моральными принципами и теми решениями, которые человек вынужден принимать, исполняя свои профессиональные обязанности, но и привносят в профессию требование *социальной ответственности*. Этика ориентирует профессиональную деятельность на общее благо. Такая ориентация является определяющей характеристикой профессиональных кодексов морали.

Посмотрим в свете сказанного на *экологическую этику*. Только в последнее время появилась профессия *эколог*, связанная исключительно с деятельностью по охране природы. Существуют также государственные органы, которые осуществляют надзор за состоянием окружающей среды и хозяйственной активностью, сопряженной с воздействием на окружающую среду, в частности с риском разрушительного воздействия. Однако деятельность по охране природы гораздо шире мер, осуществляемых организациями государственной природоохранной службы и профессиональными экологами. Ею занимаются местная администрация, общественные природоохранные организации, различные предприятия бизнеса, нередко просто в порядке обеспечения эффективности своей коммерческой деятельности. Ответственность за сохранение природы лежит также на тех, кто принимает политические и хозяйственные решения, обеспечивает их проведение в жизнь, ведет работу, через которую эти решения осуществляются. Люди разных профессий на всех этих уровнях несут ответственность за сбережение природы.

Экологическая этика как система ценностей и принципов, регулирующих отношения человека к природе, выступает как составляющая *разных* видов деятельности в рамках *различных* профессий. Бережное отношение к природе требуется в первую очередь от тех, чья работа опосредст-

вована отношениями с природой, связана с воздействием на природу, но также и от тех, кто отдыхает на природе, будь то воскресный пикник, прогулка, поход или проживание в летнем доме в период отпуска.

ПЭ появляется и развивается в ответ на общественную озабоченность по поводу социально-нравственных проблем, возникающих в связи с обособленным развитием профессий, корпораций, организаций, частных видов социальной активности и таких трансформаций в них, которые могут представлять угрозу общему благу. Конечно, и внутри профессий, корпораций, организаций могут возникать внутренние проблемы, обусловленные возможным недобросовестным исполнением профессиональных и служебных обязанностей, порочащим достоинство профессии, корпорации или организации. И эти проблемы для общества тоже важны. Но общество гораздо более обостренно воспринимает проблемы иного рода, связанные, с одной стороны, с соблюдением прав человека в профессии, корпорации, организации, с другой – с обеспечением общего блага. Функционирование профессии, корпорации или организации должно содействовать общему благу; причем это относится как к непосредственным, так и к косвенным результатам их деятельности.

Так и экологическая этика – как прикладная этика – появляется во второй половине XX века и развивается в ответ на осознание человеком уязвимости природы (шире – экосферы) и своей уязвимости перед индустриальным давлением на природу, уже не проходящим для нее бесследно.

1.2. Что такое экологическая этика?

В 1866 г. немецкий ученый-дарвинист и философ Эрнст Геккель ввел в науку термин «экология». Он использовал его в двух смыслах, как это принято и сегодня: для обозначения окружающей среды и связанных с ней проблем и для обозначения науки, изучающей состояние окружающей среды. Сегодня все чаще к экологии относят и проблемы охраны окружающей среды (практические, политические и научно-теоретические).

За прошедшие со времени появления термина «экология» более полутора столетий экология чрезвычайно развилась и сегодня предстает в виде довольно разветвленного семейства различных дисциплин. В широком плане предметом экологии является функционирование экосистем (иногда говорят специально об экологии экосистем), видов живых существ внутри экосистем, взаимоотношение видов внутри экосистем (популяционная экология). Особой областью экологии является *отношение человека к природе*.

В рамках экологии и в соотнесении с ней рассматриваются проблемы урбанистики (развития и функционирования городов как своеобразных экосистем), промышленности и сельского хозяйства (их воздействия на природу), вопросы охраны окружающей среды, которые напрямую

зависят от учета характера хозяйственной и научно-технической деятельности человека на локальном, региональном и глобальном уровнях – на этой почве развивается обширная отрасль социально-экологических наук.

На основе сопряжения *экологии* (экологических наук) и *этики* формируется *экологическая этика*. Поскольку *этика* – это сфера регулируемых ценностями и императивами отношений человека, то *экологическая этика* – это *этика отношений человека к окружающей среде, к миру природы* – как в целом, так и в частных ее воплощениях. Экологические науки также являются одним из важных ресурсов экологической этики. Однако неверно думать, что весь материал экологического рассуждения в философии или этике доставляется экологией. Философия и этика сами определяют предмет философско-экологического или этико-экологического исследования и проблематизируют его. Ценностное и нормативное содержание экологической этики вырабатывается ею самой на основе нравственного опыта преодоления кризисных экологических ситуаций.

В отличие от изрядно разветвленных экологических дисциплин императивно-ценностное содержание экологической этики не является сильно дифференцированным. Конечно, и в экологической этике может происходить некоторая спецификация ценностей и норм, но эта спецификация остается на уровне общности, применимом ко всем видам отношений человека и природы. Тем не менее можно выделить некие особые сферы экологической этики, связанные с отдельными видами человеческой активности. Согласно Р. Атфилду, это этика лесоводства (с чего исторически и начинается экологическая этика), сельскохозяйственная этика, этика отношения к животным, этика развития. Эти области связаны также с этикой бизнеса, биомедицинской, генно-инженерной, демографической этикой. К экологической этике примыкают проблемы, связанные с развитием транспорта, хозяйства, индустрии отдыха, туризма и развлечений [1, р. 16].

Как элемент прикладной этики экологическая этика включает в свою *структуру* следующие элементы:

- новое, энвайронментальное *сознание*, синтезирующее глобальное видение мира с подлинно гуманистическими ценностями;
- этические нормы и принципы, моральные взгляды и чувства, выражающие ценностно-мировоззренческое *отношение* людей к природе;
- безопасные и даже благоприятные для природного равновесия *навыки поведения* и технологии *деятельности* человека в природном мире.

Экологическая этика может быть описана и другим образом – *по характеру ценностей*, на которые она опирается [2]. Именно в экологической этике утверждается новое ценностное видение мира, в котором человек более не считается тем существом, интересам которого следует отдавать

приоритет, к кому лишь и следует относиться не только как к средству, но также как к цели, кто исключительно обладает внутренней ценностью или ценен сам по себе. Английский философ Дж. Бентам первым высказал мнение, что не только люди обладают моральным статусом, но и все чувствующие существа, т. е. существа, способные к переживанию боли. Этот подход разделяют многие экозтики в определении предмета моральной ответственности человека. Во второй половине XX века экологическая этика пошла дальше, наделив моральным статусом любые природные создания, а также экосистемы, которые они населяют, тем самым сделав их предметом моральной ответственности человека. Этот подход к пониманию экологической этики не строг с науковедческой точки зрения. Однако он помогает понять ту особенность экозтики (по крайней мере, многих ее направлений), которая обусловлена кардинальным поворотом в моральном мышлении и выражается в *расширении границ морального мира*.

Смысл экологической этики не исчерпывается тем, что она представляет собой разнovidность *практической философии, прикладной теории*. Экозтика – это и *нормативная дисциплина*.

В проекте политического документа «Экологическая этика», разработавшегося в 2004–2006 гг. экспертной группой Комиссии ЮНЕСКО по этике научного знания и технологии (COMEST), говорится: «Экологическая этика заключается в изучении нормативных проблем и принципов, относящихся к взаимодействию человека и природной среды, к условиям и последствиям этого взаимодействия. Эта сфера прикладной этики содействует определению индивидами, корпорациями и правительствами принципов, оказывающих воздействие на их деятельность, образ жизни и действия соотносительно со всем спектром энвайронментальных и экологических проблем» [3, р. 6].

При этом оказывается, что, хотя такие экологические проблемы, как загрязнение окружающей среды, сокращение биоразнообразия, уничтожение дикой природы, расширение пустынь, изменение климата, имеют определенные научные и технологические аспекты, – они не поддаются решению с помощью научно-технологических средств. Это практические социальные проблемы, и их решение возможно при условии такой мировоззренческой позиции и таких ценностных установок, из которых вытекало бы признание людьми своих моральных обязанностей по решению этих проблем. Здесь на первый план и выходит экологическая этика, перед которой стоит задача выявления этих обязанностей и мотивации их выполнения.

Последнее уже входит в компетенцию философии: обусловлена ли деятельность человека по разрешению экологических проблем его долгом перед ныне живущими людьми, перед будущими поколениями или перед не принадлежащими к человеческому роду обитателями окружающей среды? По-

этому экологическая этика нередко трактуется именно как практическая философия, а не только как прикладная этика.

Особого анализа требует *нормативное содержание* экологической этики. Непосредственный отклик на вопрос об императивно-ценностном содержании экологической этики нередко определяется реальным индивидуальным опытом каждого, кто задумывается об этом. Состояние окружающей среды, в особенности природных территорий, городских и загородных рекреационных зон, лесопарков, лесов, подчас удручающе: бытовое загрязнение, замусоренность практически повсеместны, что свидетельствует о низкой *экологической культуре* населения. О необходимости повышения экологической культуры каждого человека, особенно специалиста, и ее роли в сохранении окружающей среды свидетельствует и анализ экологической культуры студентов г. Минска (см. главу 5).

В то же время в основополагающих международных документах, посвященных принципам отношения человека к природе и окружающей среде (Стокгольмская декларация ООН по окружающей среде 1972 г., Декларация Рио по окружающей среде и развитию 1992 г., Хартия Земли 2000 г.), при безусловном понимании роли граждан, их культуры и ответственности в деле сохранения природы основное внимание уделено роли обществ и государств, их политической воле и практической дееспособности. Так, из 26 принципов Стокгольмской декларации лишь в одном говорится об ответственности человека; и то речь скорее идет о человеке, *принимаящем решения*, т. е. политике как представителе человечества, поскольку имеется в виду ответственность человека не просто за сохранение природы, но за «разумное управление продуктами живой природы и ее среды» [4, принцип 4].

Таким образом, нормативно-этические проблемы, охватывают поведение граждан как частных лиц и членов локальных сообществ, с одной стороны, и политику государств и правительств в отношении природы – с другой. Между этими крайними сферами располагается деятельность межнациональных и национальных корпораций, предприятий, сообществ – местных социальных образований разного рода. Причем деятельность правительств, корпораций и предприятий в своих непосредственных и отдаленных эффектах вызывает в обществе гораздо большую озабоченность, чем экологическая неряшливость граждан.

1.3. Основные принципы экологической этики

Развитое этико-экологическое сознание предполагает нормативно-этическую определенность. Нередко нормативно-ценностное содержание экологической этики раскрывается через анализ различий *антропоцентризма* и *нон-антропоцентризма* (или *не-антропоцентризма*) [5, 6].

Это различие действительно специфично для экологической этики: именно в рамках осмысления отношений человека с природой оно было

выявлено и проанализировано. **Антропоцентризм** усматривается в предзаданности отношения человека к природе его заботой о своих собственных потребностях и интересах. Забота же о природе обуславливается лишь тем, что природа есть условие жизни человечества и без нее оно погибнет. В противоположность антропоцентризму **нон-антропоцентризм** предполагает признание внутренней ценности живого как такового, независимо от его пользы для человека. При этом в разных теориях внутренняя ценность приписывается или биологическим видам, или особям, или только способным к чувствительности (и к страданию) животным, или экосистемам.

Нон-антропоцентризм как моральная установка и этический принцип представляет собой вызывающую нормативно-этическую новацию. В нем получает развитие проходящая через всю историю этики тенденция расширения предмета моральной ответственности.

Впрочем, это расширение происходит и в рамках антропоцентристской экоэтики, когда забота об окружающей среде выводится из специфически понятных потребностей человечества, а именно потребностей будущих поколений. Соответственно, формулируется идея обязанности ныне живущих людей перед будущими поколениями, и она рассматривается как основание бережного отношения к природе. Концепция обязанности перед будущими поколениями в этическом плане не однозначна: она требует прояснения характера этой обязанности, характера межпоколенческого пространства, на которое она распространяется, ее содержания и порядка ее осуществления. Такое расширение морального сообщества беспрецедентно, поскольку проблематизирует традиционное представление о морали – в частности, как морали, основанной на взаимности. Если не понятие самой морали, то понятие взаимности становится необходимым предметом теоретического переосмысления.

Нон-антропоцентризм еще более расширяет предмет моральной ответственности, распространяя ее и на не относящиеся к человеческому роду особи, а также сообщества и системы живых организмов.

Нон-антропоцентризм и антропоцентризм – это базовые ценностные установки экоэтики. Они заключают в себе нормативные условия принятия решений и действий, правда, не определяют непосредственно их характер и содержание. Поэтому необходимы дальнейшие шаги по раскрытию специального содержания экологической этики.

В 1979 г. американские ученые Б. Бьючем и Дж. Чилдресс в одной из первых книг, посвященных биоэтике (понимавшейся еще в широком смысле – буквально как этика жизни), сформулировали **четыре принципа**, рассматриваемых большинством современных специалистов по биоэтике как основополагающие. Это принципы: а) *непричинения вреда*, б) *благодеяния*, в) *справедливости*, г) *автономии* (пациента) [7]. Их смысл достаточно ясен из названий. В современных дискуссиях об экологической

этике высказывается мнение, что этих принципов достаточно и для регулирования отношений человека к природе. Более того, высказывается мнение, что эти принципы применимы к любой профессии, так что они могли бы быть полезны хорошему учителю в той же мере, что и хорошему адвокату [8, р. 988]. С этим трудно не согласиться. В самом деле, главная и минимальная нравственная обязанность человека по отношению к другому – не причинять вреда. Далее, не причиняя вреда, содействовать благу другого, соблюдая справедливость и признавая автономию другого.

В нормативно-этической литературе эти принципы при этом дополняются и другими – например, принципами общего блага, человеческого достоинства (и уважения к нему), свободы совести, сотрудничества, ненасилия, толерантности и т. д., которые при определенной содержательной модификации рассматриваются как достаточные и для регуляции отношений человека с природой.

Вместе с тем в качестве этико-экологических формулируются принципы, собственно этическое содержание которых в сопоставлении с названными принципами может показаться неясным. Таковы, например, принципы соблюдения экологической целостности, справедливости в удовлетворении интересов различных групп, разумности потребления, сдержанности в использовании ресурсов, контроля роста населения, сохранения мира, умеренности в развитии и, наконец, любви к природе и дружественного отношения к ней [9, р. 318–319].

Неясность такого набора принципов кроется уже в самом составе, при котором наряду с понятными положениями об экологической целостности и сдержанности в использовании ресурсов оказываются принципы, содержательно не очевидные и нуждающиеся в политическом и операциональном уточнении (например, принцип разумности потребления или принцип контроля роста народонаселения), или крайне абстрактные принципы (например, принцип любви к природе и дружественного отношения к ней). В этом наборе также не учитывается качественное различие природных объектов, на которые воздействует человек, и соответствующих экологических проблем, возникающих по поводу отношения к экосистемам, видам, особям или использования природных ресурсов, регулирования производственных выбросов, утилизации отходов и т. д.

Несомненный интерес в плане выявления принципов экоэтики представляет упоминавшийся документ «Экологическая этика», разрабатывавшийся экспертной группой ЮНЕСКО.

Вообще нормативно-этическая деятельность ЮНЕСКО в целом заслуживает внимания. Будучи единственной организацией ООН, получившей «мандат на этику», или, иными словами, которой поручена «работа» с этической проблематикой, ЮНЕСКО рассматривает этику в качестве одного из своих приоритетов. Независимые экспертные группы, приглашаемые ЮНЕСКО, проводят исследования и разрабатывают нормативные документы по биоэтике, этике ученых, этике освоения космического пространства, этике ис-

пользования и сохранения пресной воды. В настоящее время создана экспертная группа по анализу этических проблем, связанных с глобальным изменением климата. Нормативно-этическая работа по этому широкому фронту была развернута на рубеже тысячелетий и пока завершена только в области биоэтики, что и понятно: биоэтика является наиболее продвинутой областью этико-прикладных исследований и разработок. (Результатом работы на этом направлении стала «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека», принятая на Генеральной конференции ЮНЕСКО в октябре 2005 г. [10].)

В документе ЮНЕСКО «Экологическая этика» говорится о *двух типах принципов*. Это *общие*, или установочные, и *практические* принципы.

Правда, логика разделения этих принципов, на наш взгляд, не вполне убедительна. Так, принцип предосторожности выглядел бы уместнее во второй группе, а принцип соблюдения прав будущих поколений – в первой. Однако рассмотрим кратко эти принципы в порядке, предлагаемом в проекте документа «Экологическая этика» [3].

К *общим принципам* экологической этики относятся: уважение ко всем формам жизни, биоразнообразие, поддержание устойчивости биосферы, экологическая справедливость, принципы предосторожности и общего достояния природных ресурсов.

Принцип *уважения ко всем формам жизни* утверждает ценность жизни самой по себе, моральное значение каждого живого существа безотносительно к интересам человека: «любая форма жизни должна уважаться независимо от ее полезности для человека», и «каждый организм, человеческий или нет, имеющий способность ощущения или нет, безопасный для человека или опасный, является благом самим по себе» [3, р. 7].

Принцип *биоразнообразия* утверждает ценность биоразнообразия и необходимость его сохранения как одного из проявлений богатства природы. Признание ценности биоразнообразия не совпадает с принципом уважения к любой форме жизни. Из уважения к биоразнообразию не вытекает, что и каждая индивидуальная жизнь должна безусловно уважаться и, наоборот, признание приоритета индивидуального существования может быть рискованным для биоразнообразия. Иными словами, принцип уважения ко всем формам жизни и принцип биоразнообразия нуждаются в разъяснении и критической интерпретации. Так, нельзя признать убедительным их истолкование в духе швейцеровского *благоговения перед жизнью*.

Безусловность бережного отношения к видам не распространяется однозначно на отдельных представителей этих видов. При универсальности требования уважения видов особи, опасные для человека и человеческих сообществ, должны жестко контролироваться. Некоторые формы жизни яв-

ляются опасными и смертельно опасными для человека. Однако как опасности бывают различными по степени возможного негативного воздействия на человека, так и средства их ограничивающего контроля должны быть соответствующими и их применение само должно быть предметом не только технологического, но и этического регулирования. Нормативные средства такого регулирования есть; они могут быть позаимствованы из арсенала теории справедливой войны, устанавливающей критерии допустимости и степень применения силы [11]. В частности, согласно этим принципам сила должна применяться в качестве крайнего средства, как ответ на явную, непосредственную и неминуемую угрозу, ее применение должно быть адекватно степени угрозы, а получаемые от ее применения выгоды должны быть соразмерны возможным неизбежным потерям.

Принцип *поддержания устойчивости биосферы*. Сохранение биосферы, возможно, более важно, чем сохранение любой индивидуальной жизни, вида или экосистемы (за исключением человека). В условиях все углубляющихся изменений климата, ставящих под вопрос существование цивилизации в ее нынешнем виде и существующих планетарных границах, принцип устойчивости биосферы становится одним из основополагающих, а его приоритетность все шире признается в деятельности ООН и международной политике в целом. В частности, он лежит в основе *концепции устойчивого развития* (см. главу 12).

Принцип *экологической справедливости* утверждает равное распределение между людьми права на экологическую безопасность, при этом каждому вменяется ответственность за ее сохранение. Как показывает опыт, ухудшение экологической обстановки и экологические бедствия обычно имеют более острые отрицательные последствия для наименее защищенных в социально-экономическом отношении групп населения – как на национальном, так и международном уровне.

Согласно принципу *предосторожности* [12] при разработке политики, имеющей гуманитарные и экологические последствия (прямые или косвенные), следует в первую очередь принимать во внимание наиболее опасный из возможных вариантов развития событий. Когда активность человека может вести к морально неприемлемому ущербу (пусть даже его возможность научно не доказана), необходимы целенаправленные усилия по их уменьшению или предотвращению. Под *морально неприемлемым ущербом* понимается ущерб людям или окружающей среде, когда имеется угроза жизни или здоровью, когда возможны последствия, необратимые для окружающей среды (а деятельность человека вызывает все более и более необратимые последствия для окружающей среды, причем в глобальном масштабе) или ущемляющие права будущих поколений, когда предпринимаемые действия нарушают фундаментальные права тех, кто оказывается жертвой их негативных последствий, и т. д.

Принцип *общего достояния природных ресурсов* выражает представление о планете Земля как целостности. Люди несут равную ответственность за природные ресурсы и окружающую среду, поскольку истощение природных ресурсов будет иметь свои последствия для всех людей – как ныне живущих, так и будущих поколений. Общность ресурсов – это этическая, а не правовая категория. Закрепить представление об общности ресурсов юридическим образом не представляется возможным (соответствующий международный закон потребовал бы международного согласия на любую разработку природных ресурсов). При этом Декларация Рио по устойчивому развитию настаивает на своего рода национальном экологическом суверенитете, политическое признание которого потребовало бы выработки международно-правовых механизмов, обеспечивающих действенность принципа общности достояния природных ресурсов.

К практическим принципам экологической этики относятся: права будущих поколений, разделенная ответственность, «презумпция опасности», сокращение и конвергенция.

Согласно принципу *прав будущих поколений* ныне живущие люди должны проявлять заботу о будущих поколениях, причем речь может идти о будущем как людей, так и других живых существ. Хотя нам не известны возможные потребности будущих поколений, мы с определенностью можем сказать, что в любом случае они будут заинтересованы в благоприятной окружающей среде, в стабилизации населения планеты, в обеспечении людей продовольствием и пресной водой [13]. Принцип ответственности перед будущими поколениями тесно связан с принципом *экологической справедливости*.

Принцип *разделенной ответственности* утверждает, что поскольку природные ресурсы – всеобщее достояние, ответственность за охрану окружающей среды должны разделить между собой все, она не должна быть делегирована какой-либо отдельной организации, группе или стране.

Принцип *презумпции опасности* вытекает из принципа уважения к жизни и принципа предосторожности и выражается в практическом требовании: те, кто предпринимает действия, имеющие последствия для окружающей среды, должны нести бремя доказательства их безопасности.

Принцип *сокращения и конвергенции* вытекает из принципов экологической справедливости и всеобщего достояния природных ресурсов и касается выбрасываемых в атмосферу газов, накопление которых в атмосфере усиливает парниковый эффект. Согласно этому принципу необходимо введение ограничений на объемы выбрасываемых газов. Прак-

тично и справедливо было бы введение квот, что предусматривается Киотским протоколом, а не проведение постепенного всеобщего снижения выброса газов в определенных количествах, как это предусматривается Межправительственным соглашением об изменении климата.

Рассмотренные принципы в теоретико-нормативных целях подлежат дальнейшему осмыслению, проработке, проверке на эмпирическом материале и, возможно, дополнению (см. главу 4).

Вопросы и задания

1. Что такое этика? Какие понятия составляют ее структуру и отражают ее сущность?

2. *Этика, мораль, нравственность*: что общего между ними и чем различаются эти понятия?

3. Что вы знаете о *талионе, золотом правиле и заповеди любви*? Ваше отношение к этим понятиям.

4. Что является предметом этики?

5. Что такое прикладная этика? Как вы думаете, почему экологическая этика относится к прикладной этике?

6. Что такое экологическая этика? В чем ее предмет?

7. Назовите *общие принципы* экологической этики и прокомментируйте их сущность. Какие из них вы считаете наиболее важными?

8. Назовите *практические принципы* экологической этики и прокомментируйте их сущность. Какие из них вы считаете наиболее «практичными»?

Список литературы

1. Attfield, R. Environmental Ethics / R. Attfield. – Cambridge : Polity Press, 2003.
2. Thomson, J. A Refutation of Environment / J. Thomson // Environmental Ethics. – 1990. – № 12.

3. Environmental Ethics: Policy Document. Draft, December 2004. – P. 6. – http://portal.unesco.org/shs/en/ev.php-url_id=7561&url_do=do_topic&url_section=201.html

4. Стокгольмская Декларация ООН по окружающей среде, 16 июня 1972 г. (Принцип 4).

5. Горке, М. Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы / М. Горке // Гуманитарный экологический журнал. – 2002. – Т. 4, вып. 1. – С. 101–108.

6. Дежкин, В. В. Экоцентризм против антропоцентризма: давайте поспорим / В. В. Дежкин // Гуманитарный экологический журнал. – 2002. – Т. 4, спец. вып. – С. 44–46.

7. Beauchamp, T. L. Principles of Biomedical Ethics / T. L. Beauchamp, J. F. Childers. – Oxford : Oxford University Press, 2001.

8. Warnock, M. Review: Principles of Health Care Ethics / M. Warnock; ed. R. Gillon. – Chichester : J. Wiley & Sons // British Medical Journal. – 1994. – Vol. 308.

9. Huiying, X. Humankind Takes up Environmental Ethics / X. Huiying // Chinese Education & Society. – 2004. – Vol. 37, № 4.

10. Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека. – Париж : ЮНЕСКО, 2006.

11. Апресян, Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны / Р. Г. Апресян // Полис. – 2002. – № 3. – <http://www.vsses.ru/win/science/mpp/apresyan.rtf>

12. The Precautionary Principles: March 2005. – Paris : UNESCO, 2005.

13. Declaration on the Responsibilities of the Present Generations Towards Future Generations: adopted on 12 November by the General Conference of the UNESCO at its 29th Session. – <http://www.unesco.org/cpp/uk/declarations/generations.pdf>

Глава 2. Экологическая этика: историко-культурные истоки и формирование

Когда-нибудь будут удивляться, что людям понадобилось так много времени, чтобы признать несовместимым с этикой бессмысленное причинение вреда жизни.

А. Швейцер

Сегодня такие понятия, как природная среда и природоохранное движение, экология и экологический кризис, бережное отношение к природе, уважение к естественной жизни, из лексикона узкого круга специалистов прочно входят в обыденный язык. Объективные основания актуализации проблемы понятны и правомерны, но ее открытый и пафосный характер в немалой степени задан моральными проблемами наших отношений с природой: вправе ли мы вторгаться в нее, когда и как нам вздумается, и должны ли быть границы этому вмешательству; имеем ли мы право использовать ее, подчиняя нашим собственным планам и проектам, манипулировать ею по собственному произволу или же мы должны сами поставить себе границы и строго соблюдать их?

За разнообразными этико-практическими ответами на эти вопросы и разными моделями поведения скрываются различные теоретические воззрения на природу, разные картины природы, определяющие отношение к ней. С середины 70-х годов XX века возникает явная конфронтация двух основополагающих воззрений на природу.

1. Природа – это *органический живой мир*, частью которого является и человек, что предполагает обращение с ней как с *равным партнером* (по аналогии с межличностной коммуникацией). Этический долг человека состоит в том, чтобы вписаться в систему природы и при этом не разрушить ее целостности, а, наоборот, заботиться о ее благополучии и процветании. Наше отношение к природе определяется как симпатия, выражающаяся в понимании, сочувствии, сострадании, сопереживании и т. п.

2. Природа воспринимается через *призму естественнонаучного и технического знания* – тогда она противостоит человеку как *объект*

субъекту, который его описывает, анализирует и исследует по частям. При таком понимании природа должна ориентироваться на Я-субъекта, поэтому и этика ориентирована на человека, на закрепление его власти и господства над природой. В результате она включается в наши рациональные проекты без ее «согласия» и воспринимается лишь с позиции ее соответствия нашим интересам. Ключом к пониманию природы становится ее конструирование, а ее значимость для субъекта определяется его требованиями.

Подобная оппозиция в отношении к окружающей среде и актуализировала новую науку – *экологию* и новую этику – *экоэтику*.

Причины и мотивы их, на первый взгляд, внезапной актуализации выявляются, но констатация и описание фактов, вызвавших их к жизни, присутствуют в любой – научной и публицистической – литературе: это и вредные для здоровья и жизни последствия научно-технического прогресса, возникновение и умножение так называемых «цивилизационных болезней», крупных катастроф на атомных станциях, в химической промышленности и др. Все эти бедствия вышли за государственные границы и пределы жизни одного поколения. В этот ряд встраиваются научные достижения в сфере геной инженерии, вмешательство науки в хромосомное хозяйство растений, животных и самого человека, создание модифицированных продуктов, клонов, радикальное изменение трудовой деятельности с появлением компьютерной техники и т. п.

В результате происходит разрушение традиционных моральных представлений о природе и статусе человека в ней, характере их взаимоотношений. Это, в свою очередь, требует ретроспективного анализа *истоков* той парадигмы отношений, которая тысячелетиями определяла поведение человека на базе неписаных моральных заветов, не вызывавших сомнения в их нормативной обязательности.

Историческая реконструкция отношения человека и природы втягивает в орбиту своего исследования разные формы социокультурного опыта народов, механизмы культурных традиций, определявших социоприродное взаимодействие. Обращение к истории и временам более или менее массированных атак человечества на природу показывают, что и ранее высказывались опасения и жалобы, осуждение и критика насилия над природой, практически с той же аргументацией, что и сейчас.

Это касается и вырубки еще в древности средиземноморских лесов, в результате которой уничтожались тенистые дубравы и выветривались почвы; и разработки огромных каменоломен, обеспечивавших мрамором храмы, дворцы, но обезобразивших природу; и развития горной промышленности, приводившего к изменению русел ручьев и рек и т. п. Вторжение в природную среду осуществляется в любом типе общества – от аграрного до постиндустриального, различия лишь в масштабах и степени осознания последствий разрушения.

Изменение мировоззренческих ориентаций предполагает преодоление и привычных пространственных перспектив, ибо новое отношение к природе требует научиться мысленно охватывать признаки изменений, рассеянных в ее безмерном пространстве, уметь смотреть на экосистемы в далекой космической перспективе, близкой по своему историческому значению к той, что когда-то позволила человеку впервые представить себе землю не плоской, а круглой [1]. Поэтому в нашу задачу входит выявление специфики экологических и этических ценностей, определяющих стратегию поведения человека в природе, путем реконструкции культурной традиции и этнокультурного опыта Восточной и Западной цивилизаций.

2.1. Экоэтические ценности и ориентиры Древнего Востока

Восток – понятие достаточно широкое, включающее в себя разные регионы, но при этом имеющее некие общие признаки, отличающие восточный культурный ареал от западного. В этом плане смысл постижения иного мировидения состоит в том, чтобы сконструировать новый, неведомый нам экологический опыт и в этом диалоге миропониманий выявить универсальный способ разрешения конфликта между идеалом космической гармонии человека и природы и реальной действительностью.

Восточные государства определяют как *традиционные общества* аграрного типа: ведущим сектором экономики выступает здесь сельское хозяйство, а основным производственным ресурсом – природный капитал.

Здесь применяются трудоемкие технологии при производстве продуктов питания, взаимодействие человека с природой преобладает в производственной деятельности, природные ресурсы (плодородие почв, климат) являются главным фактором экономического роста. Связь хозяйственной деятельности с природными циклами предполагает органическую включенность человека в их естественный ритм. В нормативно-ценностных установках общества личность рассматривается в качестве элемента космического целого, что порождает *холистический* (целостный) тип мировосприятия. Отсюда и нацеленность на внутреннее самосовершенствование человека, основанное на преклонении перед гармонией природного мира. Признано, что аграрные культуры относились к природе уважительнее, чем мы, и в силу традиции пиетета к ней, и в силу ограниченных технических возможностей вторжения в ее пределы. Однако и та власть над природой, которая была в то время, оказывала не меньшее воздействие на сознание тех людей, чем сегодня на наше.

Специфика социоприродного взаимодействия на Востоке во многом объясняется тем, что человек традиционного общества с момента рождения и до самой смерти включен в очень мощное поле социальных предписаний и норм, следование которым является важнейшим условием его

бытия. Поэтому идеалом и становится вживание в сложившуюся среду и обращение активности на собственный внутренний мир.

Этическое измерение во всех типах культур древнего Востока первоначально задается *мифами* как первичной объяснительной схемой мира и человека. От ее признания зависела и практика должного поведения человека в природе, что закреплялось ритуалом, обычаями, разнообразными предписаниями и являлось гарантией оптимальных кондиций среды обитания и человеческого сообщества, так как в этом случае поддерживалось равновесие всех частей внешнего мира и нормальное воспроизводство социальной структуры. Нравственные нормы были включены в мифологическую картину природы, в соответствии с которой определялся тот или иной код поведения человеческого сообщества в естественной среде его обитания.

С переходом *от чувственно-эмоционального* восприятия природы с его *анимизмом, тотемизмом, фетишизмом* и др. к *рациональному*, понятийно-логическому способу изучения с ориентацией на выявление первоосновы, базовых первоэлементов, построением концептуальных моделей мира этическая тема становится значимой и порой приоритетной для целого ряда философских школ Древнего Востока.

В Древнем Китае на начальных этапах освоения жизненного пространства, когда опыт природопользования выражался в системе запретов и предписаний, фиксировался ритуалом и не имел рациональных представлений о естественных природных закономерностях, люди еще не осознавали своей роли в нарушении экологического равновесия, не видели связи между своей деятельностью и процессами деградации осваиваемых природных объектов. Но постепенно, в силу давления экологических факторов на экономическую и социокультурную жизнь, в культурной традиции, в менталитете народа Китая сформировался комплекс ценностей, упорядочивший жизнь общества, его гармоничное вписывание в изменчивый мир природы и выявляющий устойчивые связи в ритме природных, человеческих и социальных перемен [2].

В формировании социоприродных отношений в Китае доминирующую роль играл *диалог* между его прошлым и настоящим [3]. В условиях традиционной замкнутости страны мировоззренческие установки и императивы традиционного сознания определяли нормы, правила и направления взаимодействия с природой. Они основывались на системе следующих представлений:

- о целостности мира, единство которого пронизывало все уровни пространственной организации – всей Поднебесной, земледельческого поселения и индивидуального жилища;

- об изначальной гармонии и совершенстве природно-космического Универсума, что не предполагало его преобразования;
- о необходимости гармонизации социоприродных отношений, что исключало эгоцентризм.

Духовная жизнь Китая была сконцентрирована вокруг проблемы *морального блага*, что в наибольшей мере проявилось в социально-этической концепции Конфуция. Она включает: 1) доктрину «благородного мужа» (он следует долгу и закону, требователен к себе и живет в согласии с другими, ему можно доверять большие дела); 2) доктрину гуманности; 3) доктрину этико-ритуальных норм взаимоотношений между людьми и между ними и Космосом. На основании этих доктрин оформлялась универсальная система моральной регуляции всех сторон жизни общества по поддержанию социокосмической гармонии. Центральной фигурой Поднебесной являлся Император, способный объединить природный и космический миры. Политическая власть переносилась с мира людей на всю природу, о чем и свидетельствуют указы, определяющие компетенцию администрации, должной налаживать гармонию инь и ян, обеспечивать правильное чередование времен года, сохранность рек и гор, стабильность состояния в растительном и животном мире.

Небо и земля считались родителями человека, поэтому он обязан был испытывать чувство моральной ответственности за них. «Гармонического единства с небом» человек достигал лишь при условии преодоления своего корыстного «я» и сохранения «изначального сердца». Человек рассматривался в качестве «представителя» Вселенной, воплотившего в себе все ее элементы и энергии, а также пять постоянств человеческой природы: человеколюбие, справедливость, искренность, благопристойность, мудрость. Поэтому по образу человека изучали и космос, т. е. говоря о человеке, рассуждали о природе, и наоборот, ведь природа – это тот естественный путь, извечные законы, которым следует в своем развитии каждая вещь и сам человек. Для древнекитайских учений все есть природа и равно все есть человек, согласно восточному принципу «одно во всем и все в одном». Такое понимание исключало антропоцентрические модели мира, так как центр находится в каждой точке пространства Вселенной, т. е. везде. Природа вступает в *диалог* с человеком, для которого деревья, травы и он сам образуют космическое единство, они как бы видят, слышат, чувствуют и понимают друг друга.

В рамках таких представлений основным становится *принцип недеяния* (у-вэй), согласно которому человек должен минимально вмешиваться в естественный ход вещей, так как поступающий согласно порядку природы плывет вместе с потоком «дао» (бытия), и поэтому тот, кто следует ему, не подвергается опасностям. Этот принцип связан с ценностями земледельческого труда, который находился в непосредственной зависи-

мости от природных условий, что требовало угадывать ритмы смены погоды, терпеливо выращивать растения и т. п.

Уже в середине I тыс. до н. э. китайские государства столкнулись с экологическим кризисом, так как освоение бассейна Хуанхэ было связано с интенсивной вырубкой лесов под пашни, что в конечном итоге нарушило естественный баланс лесных и луговых биогеоценозов и привело к эрозии почв. Все это потребовало разработать новые правила поведения человека в природе: так, в «Принципах правления совершенномудрого вана» рекомендовалось разрешать охоту и рыболовство только в определенное время года, под государственной опекой должны были находиться не только деревья, но и животные, речная рыба и т. д. В трактате «Гуань-цзы» также регламентировались все стороны повседневной жизни для достижения главной цели: гарантирования наилучших условий организации земледелия.

Земля изначально являлась мерой человека, поэтому нравы жителей Китая напрямую связывались с качеством почвы, дыханием земли. Например, Сюнь-цзы писал, что «для всего живого было так: есть земля – есть и жизнь, лишился земли – приходит смута», а с тех пор как Князь-зерно, покровитель земледелия, «научил народ сеять и собирать урожай... у людей появились свои устои жизни». Земля воспринималась в двух ликах: космическом (как материнское тело, живой организм, в котором циркулирует энергия мира) и социальном (как возделанное поле, прообраз порядка и ухоженности). Пахота символизировала духовный процесс человеческого самосовершенствования, а ценность плодородия земли виделась и как природный ресурс, и как основа государственного могущества. Охотничьи племена обожествили землю до такой степени, что наложили табу на прикосновение к ней как к живому природному существу, которое можно ранить мотыгой, плугом или любым другим острым орудием.

Современный Китай при всем своем стремлении поддерживать традиционный уклад жизни и тип хозяйствования активно включается в глобальную сеть экономического роста. Социальные потрясения в виде культурной революции XX в. также разрушили систему моральных принципов древних. Всемирная организация защиты животных обратила внимание, что в современном Китае природопользование регулируется уже не столько традицией, сколько экономической утилитарностью: животные оцениваются с точки зрения их полезности для человека.

Такое отношение к живому миру (особенно пагубное для панд – традиционного символа Китая) связано с программой всеобщего труда, призывающей к тотальной занятости всего населения для преобразования экономики государства. Поэтому активно рубятся леса, строятся огромные плотины и т. д., в результате разрушаются естественная среда обитания животного и растительного мира и веками создававшаяся коэволюционная стратегия взаимоотношения человека и природы.

В Древней Индии экологические и этические ценности базируются на *уважении к жизни*, хотя и здесь обнаруживаются достаточно полярные интенции: наряду с сакрализацией жизни и природы присутствует крайнее пренебрежение всем природным; вознесение человека на невиданные высоты сочетается со стремлением преодолеть все человеческое; идеалам социальной активности противостоит проповедь аскетического ухода из действительности [4]. Древние учения Индии основываются на идее единства Вселенной, где действуют одни и те же законы для всех миров – видимых и невидимых. Древняя мудрость стремилась выйти за пределы видимого мира, чтобы узнать причины невидимых явлений, через изучение человека раскрыть истинный смысл и цель его жизни, определить его место в мироздании, привести индивидуальную жизнь в гармонию с жизнью Вселенной. В этом плане проявляется скоррелированность природного, человеческого и социального начал.

В индуизме регламентация поведения осуществлялась в соответствии с четырьмя стадиями жизни (ашрамами), которые человек проходит в своей духовной эволюции: 1 – ученичество; 2 – период социальной активности («хозяин дома»); 3 – освобождение от общественных обязанностей и достижение статуса «лесного отшельника»; 4 – отречение от мира, обеспечивающее симметрию и равновесие жизненного пути. Четыре ашрамы соотносятся с четырьмя жизненными целями (принципами): нравственный долг (дхарма); достижение материального благополучия и власти (артха); наслаждение (кама); духовное освобождение (мокша). Духовное начало – господин всего. Человек сравнивается с колесницей, в которой душа – ее владыка, тело – повозка, ум – возница, желания – вожжи, а мудрость проявляется в способности просеивать все, что дает ему мир.

Ключ к объяснению природы содержится в человеческом «я», поэтому моральные заповеди гласили: уделяй большое внимание своему поведению, избегай дурных поступков, стремись к хорошим деяниям. С верой в способность души совершенствоваться и переходить от одного уровня существования к другому была связана и идея о *градации существ*. Так, в джайнизме Вселенная – это иерархическая система, имеющая четыре яруса: первый занимают боги как высшие сущности; второй – люди; третий – адские существа, так как несут наказание; и лишь четвертый, низший, – растения и животные.

Устройство природы анализировалось в Древней Индии в контексте моральных добродетелей личности и ее возможностей отрешиться от чувственных земных благ. С позиции буддизма природно-космический Универсум однороден, и ощутить это должен был любой стремящийся к освобождению индивид. Природа воспринималась как процессуальная и энергийная, а не пассивная и мертвая. Отношение человека к миру было центральной мировоззренческой проблемой, в способах решения которой просматривается критическое отношение к окружающей действительности.

сти, проявившееся в постулате «бытие есть страдание». Страдание воспринималось как одно из состояний психики, характерное для абсолютного большинства людей и всех живых существ. Однако, поскольку оно носит тотальный характер, освобождение от него должно пониматься как акт преодоления мира в целом.

Нравственно-этическая концепция буддизма основывалась на идее о среднем пути, дающем зрение и знание, по которому человеку следует идти, не впадая в крайности, минимизируя любые земные страдания. Это благой восьмеричный путь: правильное видение, правильная мысль, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное внимание, правильное сосредоточение. Вступая на этот путь, он верит в то, что в принципе способен преодолеть состояние страдания и достичь высшего покоя, глубокой мудрости.

Стабилизация социально-природного развития Индии, достижение гармонии между обществом и природой определялись системой нормативно-ценностных приоритетов. Морально значимыми являлись следующие принципы.

Во-первых, отказ человека от убийства любого живого существа и осознание им своего единства со всем сущим, что не позволит ему причинить вреда ничему живому, не страдая от этого самому. В каноне «Книга о хорошем поведении» записано, что причинение вреда земле подобно избиению, ранению, убийству слепого. Зная это, человек не должен грешить против земли или позволять другим совершать подобное.

Во-вторых, признание единства и целостности всего сущего. Цели человеческой жизни должны находиться в гармонии с ритмами Вселенной, что должным образом отразится на человеческих поступках. Тогда человек обращает все вопросы к себе: «Кто я?» и «Если я таков, то что такое мир и какова моя цель в нем?».

В-третьих, утверждение высшей ценностью таких добродетелей, как чистота, добрые дела, милосердие, отрешенность от материальных интересов, безмятежность духа: «Совершайте же благое / В светлый свой черед и вы», освобождайте душу от эгоизма, враждебности, злопамятства, – завещает Будда. (Впоследствии Ф. Ницше назовет религию Будды своеобразной *гигиеной цивилизации*. Сегодня в поиске универсальной системы ценностей, регулирующей все стороны жизни людей, именно буддизм трактуют как «надежду мира», рассматривая его в качестве участника диалога Востока и Запада.)

Почитание природы как воплощения божества исключало идею господства над ней и тем более ее переделывания – следует жить, «идя за Солнцем», говорят индусы. В законах Ману существовало множество правил, охраняющих природу и определяющих моральные нормы пове-

дения человека в ней. В них сказано, что убийство любого живого существа – страшный грех.

Грех того, кто убивает животное случайно или по необходимости, не такой большой, как грех того, кто питается мясом ради прихоти. Убив лангуста, голубую сойку, лягушку, собаку, крокодила, сову или ворону, надо совершить покаяние, такое же, как за убийство человека из низшей касты. Это касалось и невидимых живых существ, которые зародились в пище, соках, плодах и цветах (для недопущения такого греха использовалось коровье топленое масло: его щелочные свойства нейтрализуют кислоты и тем самым очищают пищу). Животные охранялись и в силу их природной красоты, поэтому их убийство каралось денежным штрафом. Мораль была достаточно строга и в отношении растений: скажем, за вырубку садовых деревьев, кустов, растений, которые вяются, стелются, красуются, надлежало прочитать 100 гимнов Ригведы. Ману требовал топить или обезглавить того, кто разрушает берега водоемов, наносит вред воде и т. п.

Вместе с тем в древних текстах обращается внимание на ряд нравственных и правовых дилемм, с которыми человек сталкивается порой в своей природоохранной деятельности. Так, мудрец-подвижник видит святой долг людей в том, чтобы «оберегать жизнь всех живых тварей...», а сокол, выпустивший мышь из когтей из-за спасительных действий мудреца, считает, что последний совершает дурной поступок, нарушая закон справедливости, который гласит, что «все живые твари созданы богами, каждой из них они назначили и потребную ей пищу. ...Сказано же: что полагается – ешь, прочего в рот не бери». Эта мысль лишний раз напоминает, что современные дискуссии о защите прав природы (дикой или домашней) не только уходят своими корнями в историю, но и вписываются в ее открытое пространство, не имея и сегодня однозначной оценки.

Тезису книжной нравственности о сострадании всем живым существам (а все, что живет в мире, имеет свои души) стремились придать реальный практический характер, следуя разработанным этическим нормам. Поэтому последователи джайнизма категорически запрещали не только умерщвлять живые существа, но и наносить им какой-либо вред (принцип ахимсы): они завязывали рот белой повязкой, чтобы не проглотить какое-либо насекомое, могли ходить лишь при свете и расчищали перед собой дорогу, дабы не навредить даже мельчайшему живому существу. Сегодня в рамках экологической философии символом «экологической духовности» становится «Танцующий Шива», один из главных богов индуистского пантеона. «Экологический танец» Шивы (Х. Сколимовски) выражает осознание единства всей природы, солидарности с ней человека и его ответственности за нее, что приводит к сакрализации этого единства, к религиозному чувству благоговения перед ним.

2.2. Особенности этико-экологического мировосприятия в славянской культуре

Русская культура как явление европейского Востока синтетически ассимилировала в себе духовные искания Запада и общинный уклад Востока. Мировоззрение восточных славян формировалось на основе идей православного христианства, утверждавшего триединство духа, души и тела, что предопределило понимание статуса природы и человека, отличное от других традиций. Специфика социоприродных отношений выявляется в их субъект-субъектном взаимодействии, которому присущ изначальный диалогизм в восприятии и оценке природной реальности. Истоки этой установки обнаруживаются в языческом прошлом восточных славян, в мышлении которых природное и человеческое начала равноценны и взаимозависимы. Такой характер отношений объясняется их аграрной деятельностью как приоритетным типом хозяйственного уклада.

С принятием христианства в X веке оформляются «новые проекции диалогической интерпретации природы» и природный мир наделяется нравственно-этическими характеристиками: совершенство и гармония природных связей служат человеку «примером должного поведения и согласия». Христианство освятило природный мир и сакрализовало человека, «сделав его царем и господином всякой земной твари». Новый статус человека обязывал его заботиться о всяком живом существе, но при этом в древнерусской традиции не предполагалось «умаления природного начала и тиранической вседозволенности». Дело здесь в том, что в символе правления усматривали механизм служения, а не господства. Одновременно и природа проявляла свою активность как результат Божественного Промысла: она посредник и орудие Господа и именно через нее Бог посылает людям различные знамения о грядущих катастрофах [5].

Осмысление внутренней соразмерности бытия приведет русских философов к разработке концепции, которая должна показать, как человек совместно с Богом может гуманистически преобразовать мир и прийти к Богочеловечеству. В качестве объединяющей силы выступала Мировая Душа, София. В мире властвует зло, а человек своей деятельностью только способствует приближению конца мира, поэтому его назначение – познать скрытую в мире Божественную Премудрость и воплотить ее собственным действием через самопреобразование. Материальное и природное не принижаются несмотря на все их несовершенства. Противоречие между совершенным и несовершенным обнаруживается и в самом человеке, который является носителем этих «двух измерений». Вселенная воспринимается как дом, в который еще надо вселиться всем миром.

В этом образе фиксировалась идея соразмерности человека и природы, человека и космоса, что находит отражение в философии *русского космизма*, представленного различными направлениями: естественнонаучным (Л. Чижевский, В. Вернадский и др.), религиозным (Н. Федоров, С. Булгаков,

С. Франк, П. Флоренский и др.), мистическим (Е. Блаватская, А. Белый, М. Волошин, П. Успенский и др.) и эстетическим (Ф. Достоевский, В. Соловьев, Н. Рерих, Д. Андреев и др.).

В русской философии актуализируются представления о соборности, о симфонической личности, об идеале органического и гармонического устройства мира, восходящие к *принципу всеединства*.

У человека, утверждает Н. Бердяев, есть возможность прорваться к внутренней космической жизни, к природе благодаря творческой активности, любви и состраданию. А для этого человек постигает этику искупления, ибо «из всех родов познания познание этическое самое бесстрашное, так как в нем раскрываются ценность и смысл жизни и разворачиваются грех и зло» [6]. Именно оно преобразует человека, дает ему возможность узнать благодатный порядок, увидеть, что мир пластичен и раскрыт, что к природе нужно относиться скорее как к живому существу, чем как к материалу.

Таким образом, ценностно-нормативный комплекс оформлялся на основе ряда принципов – *соборности, всеединства, антропокосмизма, эсхатологизма* и др.

Началом развития идей «экологической этики» в России считается 1865 г., когда было создано Российское общество покровительства животным, основанное на любви к живому. Этическому отношению к живой природе способствовала и господствующая в Российской империи православная церковь: в частности, на ее деньги издавались книжки для детей, в которых раскрывалось экофильное отношение к животным.

В 1899 г. выходит книга С. Фишера «Человек и животное. Этико-юридический очерк», в которой формулируются базовые нравственно-правовые принципы: 1) государство должно охранять интересы животных; 2) охрана должна иметь правовой статус; 3) лучшим средством для этого является признание прав животных, т. е. наделение их известной долей правоспособности. В этой концепции все животные (не только домашние) заслуживают непосредственной уголовно-правовой охраны ради самих себя [7].

В начале XX века в Российской империи зародилось движение в защиту памятников природы, в котором ученые-биологи Г. А. Кожевников, А. П. Семенов-Тянь-Шанский, И. П. Бородин, Д. Н. Кайгородов развивали этико-эстетический подход в противовес научному и хозяйственному. Однако в 30-х годах XX века «голоса эстетически-этического подхода замолчали в пустыне социалистического строительства» [8].

С конца 80-х – начала 90-х годов XX века в России возрождается интерес к данной проблематике, в первую очередь у философов и представителей природоохранных организаций. Большинство специалистов было признано, что в социоприродном конфликте ответственность несет

наука, и у человечества есть два варианта будущего: нерегулируемый распад жизни на Земле в условиях гибели природы или регулируемое сосуществование (коэволюция) с ней. Успешное решение этих задач предполагает развитие экологической этики как особой области знания и анализ ее инструментария.

В практическом плане было организовано движение студенческих дружин по охране природы со своим манифестом и системой нравственных принципов: «1) мы сознаем, что все живые существа хотят жить, и жить свободно, в не меньшей степени, чем человек; 2) мы не признаем нравственных претензий человечества на исключительную роль и власть над природой» [9]. Академик Д. С. Лихачев написал вариант «декалога человечности», в котором формулируются нравственные заповеди в отношениях с миром природы, в частности:

- чти природу как мать свою и помощницу;
- пусть живет все живое, мыслится все мыслимое;
- пусть будет свободным все, ибо все рождается свободным.

В белорусской культурной традиции становление экологического сознания связывают с крестьянством, которое непосредственно было погружено в природный мир благодаря трудовой, хозяйственной и семейной жизни. Нравственное отношение к природной среде вырабатывалось не только в процессе адаптации к ней, но и в ходе практического опыта, циклов хозяйственной деятельности и т. п. Нравственные ценности, формирующиеся в сознании белоруса, ориентировали его на поддержание социоприродного равновесия, сохранение баланса разных видов флоры, фауны, почвы как важных естественных ресурсов. Для этого отбирались исторически эффективные приемы агротехники, которые позволяли адаптировать технологии к конкретным природно-климатическим условиям.

Создавались народные календари, в которых описывались различные обряды, обычаи, приметы, раскрывающие внутренний мир человека и его попытки разгадать тайны окружающей природы. Одновременно они позволяли ориентироваться в явлениях природы, от которых зависел урожай. Отдельные дни года и даже целые периоды воспринимались крестьянином в качестве образца для принятия тех или иных мер в хозяйственных делах. Они окружались магической тайной, системой требований, нарушение которых могло принести много бед.

Однако белорусы не могли в полной мере реализовать свою систему ценностей: этому не способствовало социальное расслоение. В помещичьих и крестьянских хозяйствах уровень применения технологии принципиально разнился: у первых были лучше удобрения, обработка, рациональный севооборот. Крестьяне вынуждены были практиковать краткосрочную аренду земли, что не вызывало у них чувства заботы о ней.

К тому же большие лесные массивы способствовали развитию хищнической системы подсечно-огненного земледелия: крестьяне брали участок

земли в аренду и путем выжигания леса его расчищали, увеличивая хозяйственные угодья. Леса активно вырубались для заготовки строительных материалов, дров и т. д. Таким образом, истоки экономической и экологической власти над природой на белорусской земле, уходящие в глубь веков, – в ее экстенсивном освоении. Не случайно М. Гусовский в поэме «Песнь о зубре», воспевая родную природу с ее неисчислимым богатством – обилием лесов, рек, озер, птиц, рыб, зверей, с сожалением констатирует, что именно этот неисчерпаемый природный колодец «волю дае не лічыцца з памерам здабычы», а «...дзе недагляд, там сады перародзяцца ў дзічку, / Поле радзіць перастане, бур'янам заглухне».

Для белорусского этноса не была характерна общинная организация социальной и хозяйственной жизни, так как у белорусов преобладали ценности индивидуальной хозяйственной деятельности, самостоятельного распоряжения своим наделом земли. Поэтому «толока» возможна была только в горячие периоды аграрного сезона, когда требовалось в очень короткие сроки – не более чем за неделю – завершить тот или иной вид работы (сев, жатва, молотба и т. п.). Белорусская деревня представляла собой не единый коллектив, с устанавливаемыми общими для всех законами, а скорее множество относительно автономных крестьянских мирков. Поэтому мир индивидуального крестьянского сознания являлся источником и хранителем знаний, определяющих характер *антропоприродной гармонии*. Поскольку основой жизни крестьянина являлась земля, рассматривавшаяся и как источник существования семьи, и как символ исторической связи с предками, постольку она приобретала ценностный приоритет.

С расцветом хуторского хозяйства и передачей его по наследству земля стала вызывать у людей еще более родственные чувства с той частицей природного мира, который был свидетелем основных коллизий крестьянской жизни, а ценность окружающей природы ощущалась, главным образом, на личностном уровне и отождествлялась с «родиной», «домом». В этой системе ценностей не было места развернувшейся в XX веке тотальной урбанизации: индустриальный город не воспринимался как значимая среда обитания, ибо он разрушал изначальную гармонию человека и природы. В народном сознании природа не воспринималась как объект, противостоящий человеку; их ценностный статус был одинаково высок [10].

2.3. Экоэтические ценности западноевропейской культуры

Западноевропейская культура со времен становления математического естествознания с его ориентацией на выявление рациональных смыслов в природе воспринимается как *антропоцентричная*, прагматичная и лишенная чувства моральной ответственности. Наука стремилась заменить собой все предшествующие исторические системы знания и полностью рационализировать миропонимание людей. При этом интересы и потребности людей были первостепенными, а весь остальной мир

оценивался по человеческим критериям. Так формировалось устойчивое представление о том, что *антропоцентризм* – это «отсутствие этики».

Действительно, антропоцентризм суживает моральную проблематику и ограничивает ее сферой человеческих отношений; в его рамках трудно определить степень моральной ответственности людей за окружающий их природный мир. К тому же встает вопрос: способен ли сам антропоцентризм найти выход из этой ситуации или же его идеология изначально связана с процессом саморазрушения или разрушения других видов живого?

В поисках ответа экофилософ П. Тейлор выдвигает три классических аргумента *в пользу антропоцентризма*: позицию греков, акцентировавших внимание на рациональном начале человека, что выделяет его из мира животных и растений; иудейско-христианский взгляд – люди сотворены по образу и подобию Божьему и занимают согласно Его воле высшую ступень в природной иерархии; и картезианский подход, согласно которому люди более ценны, ибо имеют души, в то время как другие создания имеют лишь тела [11].

Древнегреческая культура задала нормы и идеалы всей западноевропейской рациональной традиции. Западное мышление принимает данный мир как несовершенный, поэтому противопоставляет ему мир идеальный: окружающая природа конструировалась по вечному идеальному образцу, поэтому понять ее строение можно только интеллектуальным путем и рациональными средствами.

Поскольку древнегреческая философия оформлялась на базе мифологического мышления, то она первоначально использовала его принципы. Это позволяло сохранять мифологический приоритет природы: и в новой системе знаний она оставалась эталоном для изучения и подражания. В результате философия становилась проводником мифологической целостности Универсума, выражая это в принципе гармонии микро- и макрокосма. Более того, философское знание признает за законами природы моральный статус и рассматривает их в качестве ценностного норматива поведения людей. Позднее Лукреций в поэме «О природе вещей» писал, что познание природы должно быть не ради самой природы, а ради человека, которого именно она способна охранить своей истиной от всех страхов и приблизить к состоянию превосходства и блаженства.

Природа, как считал Аристотель, определила образ жизни и животных и людей, который бывает разным в зависимости от условий добывания пищи. Любое живое существо обладает душой и телом, но у человека есть еще и разум, который господствует над нашими стремлениями.

Аристотель впервые систематизирует и классифицирует структуры живого мира, рассматривая его в виде «лестницы существ»: растения существуют ради живых существ, а животные – ради человека; домашние

животные по своей природе стоят выше, чем дикие: первые служат человеку как для потребностей домашнего обихода, так и для пищи, вторые – для пищи и для других потребностей, чтобы получить от них одежду и другие необходимые предметы. Если верно то, что природа ничего не создает в незаконченном виде и напрасно, то следует признать, что она создает все вышеупомянутое ради людей [12].

Древнегреческая культура *космоцентрична*, и человек рассматривал себя в виде малого космоса, поэтому антропоцентризм как идеология в явном виде в ней еще не существовал. Однако по мере того, как в человеке появлялось стремление преодолеть зависимость от природы, начиналось становление личностного начала, прежде подавляемого природой и космосом. Это изменяло положение человека, делало его более свободным как физически, так и духовно, порождало у него желание созидать мир собственными усилиями, утверждаться в своем всемогуществе.

К тому же в период античности возрастает интерес к структурам социального бытия. Римское право определяет правила социальной жизни и стратегию европейской цивилизации. Формируется *римское чувство жизни*. Живой мир становится предметом развлечений: гладиаторские бои и травля зверей стали нормой этической, эстетической и социальной жизни римлян. Цицерон в работе «Об обязанностях» писал о том, что следует помнить, насколько человек по своей природе превосходит скот и прочих тварей; они не знают ничего, кроме удовольствия, и всем существом своим стремятся к нему, а человеческий ум питается познанием и мышлением, всегда что-то исследует или что-то творит. Рациональное мышление сумело объединить в себе первоначальные созерцательные устремления и позднейшую инструментально-технологическую направленность на преобразование природных объектов.

В иудейско-христианской картине мира природа является божественной конструкцией, искусственным продуктом, поэтому не она дает эталон человеку, а Бог в виде своих наставлений и «повелений». Смысл человеческого бытия – в возвышении над природой, которую должно «возделывать и хранить» (Быт.: 2,15), так как она «сама для себя недостаточна», поэтому у нее постоянно должен быть господин, чтобы повелевать ее стихиями. В этой связи Л. Уайт оценивает западное христианство как *наиболее антропоцентричное* в системе мировых религий, так как отношение человека к природе определяет во многом то, что он, как и Бог, возвышается над ней. Именно христианство настояло на том, что воля Божия такова, чтобы человек эксплуатировал природу ради своих целей [13]. Близок к этой оценке и Р. Атфилд, отмечая в Книге бытия как экофильные, так и санкционированные экспансионистские устремления человека в мир природы [14].

Вместе с тем автор современного романа «История мира в 10 ½ главах» Дж. Барнс утверждает, что человек не властен ни урезать, ни отменять права животных, дарованные им Спасителем, даже в том случае, когда их по-

ведение неудобно для людей. Непризнание прав животных – это бунт и против законов Природы, и дерзкое неповиновение Творцу: «неужели люди... так уверены в своей смирности и христианских добродетелях, что берутся обвинять кротчайших животных, не обвинив сначала самих себя? Бойтесь греха гордыни» [15]. Древесные черви, от имени которых идет повествование, не отрицают смывлености людей, их потенциала, но в нравственном плане относят их к ранней стадии развития.

Современные христианские теологи конфликт человека с природой связывают с библейским мифом о грехопадении первых людей. До грехопадения человек жил в ладу с собой и с природным миром, потому что не отвернулся еще от своего Создателя, не употребил во зло данную ему Богом свободную волю. У человека была особая миссия в мире: соединяя частицу «божественной души» и «тварность», он должен был сообщить *«состояние обожения»* всей твари». Однако первые люди решили стать «как боги, знающие добро и зло» (Быт.: 3,15), поэтому не выполнили свое предназначение, и зло явилось в этот мир, а с ним – скорби, болезни и смерть. Расстроилась жизнь природы, ставшей враждебной человеку: «проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей» (Быт.: 3, 17). Грехопадение вызвало к жизни разные виды хозяйственной деятельности людей, что создавало предпосылки для превращения природы в объект эксплуатации. Разрешение социоприродного конфликта теологи видят в «примирении» человека с Богом, которое возможно на основе «правильно понятых» библейских заповедей и осознания людьми своей ответственности перед Богом в управлении природой. Это избавит их от агрессии, и они научатся служению природному миру, а религиозная нравственность будет регулировать отношения человека к нему по законам добра, справедливости, совести.

Новый, **«декартовский» этап** «грехопадения» человека начинается с его *«самообожения»*, когда кумиром для него становится не природа, не Бог, а научно-технический прогресс. Бог как абсолютная субстанция выступает теперь лишь в функции первотолчка по отношению к природному миру, который после этого развивается по собственным законам. Как только наука становится лидером в культуре, она сразу же изменяет и прежнюю систему ценностей, придавая им инструментально-прагматический характер; установки аналитического мышления стали определять методологию познания природы. В соответствии с этим формируются и ценностные установки на практику природопользования и отношение к живому миру. Начинается этот радикальный переворот с Р. Декарта. Он сформулировал принцип автономии разума, а душу, обладающую чувством и воображением, свел к уму, что привело к противопоставлению мышления и природы. Более того, Р. Декарт лишил природу целесообразности, и она превратилась в мертвую реальность и объект

научного конструирования. В природе, представленной в виде гигантской машины, животные – это всего лишь автоматы, только более сложные. Поэтому органическая и неорганическая природа рассматриваются без учета их специфики и объясняются согласно универсальным законам небесной и земной механики. Природа лишается самоценности и обладает ценностью только для человека, и поэтому вопрос о страданиях животных из-за его произвола утрачивает нравственное значение. В силу их нового статуса с ними следует обращаться как с механизмами, которые можно разбирать на части, вскрывать их, чтобы исследовать внутреннюю работу органов, и т. п.

«Самообожение» обернулось для человека потерей и себя самого, и природы. И. Кант предпринял попытку разрешить эту ситуацию тем, что вернулся к восстановлению *принципа целесообразности* в подходе к природе: живые существа организованы целесообразно и не могут быть поняты с помощью законов механики. Тем самым устанавливались границы механическому конструктивизму природы. Но идея целесообразности выражает субъективный подход к познанию органической природы, не обладающий объективным значением. Объективное знание помогло людям стать земными богами, но оно же превратилось не просто в инструмент, а в оружие войны, направленной на порабощение и уничтожение природы – войны, которую ведут агрессивно наступающие цивилизации.

Кант считал, что «жестокое обращение с животными еще более противно долгу человека перед самим собой, так как этим притупляется сочувствие человека к их страданиям и ослабляются, и постепенно уничтожаются естественные задатки, очень полезные для моральности в отношениях с другими людьми... Даже благодарность за долголетнюю работу старой лошади или за длительную службу собаки (как если бы они были членами семьи) есть косвенно долг человека..., но непосредственно она есть долг человека перед самим собой» [16].

Таким образом, этика природы, как говорил О. Леопольд, сталкивается с повторением одних и тех же парадоксов: человек-завоеватель против человека – члена природного организма; ученый-меченосец против ученого-завоевателя; природа – рабыня и слуга против природы-организма и т. д. [17]. Оказалось, что и спустя два столетия проблемы морального долга человека и выбора им личной нравственной позиции не менее дискуссионны, чем и прежде. Вся острота моральной рефлексии современного человека проявляется в многочисленных проблемах экологической этики, что делает ее пространство открытым для разных направлений мыслей и побуждает традиционную этику к поиску новых способов самовыражения и практической эффективности.

2.4. Становление экологической этики

С начала 70-х годов XX века экологическая этика стала претендовать на статус самостоятельной дисциплины, способной разработать уникальную систему нравственных принципов и императивов, задающих правила поведения человека в природном мире.

Социальная значимость обозначенных ею проблем, открытых для изучения и широкого обсуждения, подтверждается, в частности, и фактом ее изучения как учебного предмета. В вузах Америки экологическая этика преподается с 1971 г. Эта эстафета была подхвачена учебными заведениями Норвегии, Англии, Канады, Австралии. С 1979 г. в США начинается издаваться специализированный журнал «Экологическая этика» («Environmental ethics»); в Англии с 1992 г. – журнал «Экологические ценности» («Environmental values»); в Германии – «Экология и этика» («Ökologie und Ethik»). Сегодня в США издаются такие журналы, как «Экофилософия» («Ecophilosophy»), «Глубинный эколог» («The deep ecologist»), «Между видами» («Between the species»), «Этика и животные» («Ethics and animals»).

В Советском Союзе в это время экологической этики как дисциплины не существовало, и поэтому она не была представлена ни в этической литературе, ни в учебных планах вузов. И даже теперь введение новых учебных курсов «социальная экология», «экоэтика», «биоэтика» рассматривается только как перспектива и возможный способ формирования экологически ориентированного мировоззрения. Этому имеется ряд объяснений.

Во-первых, по традиции этика определялась как наука о нормативной регуляции отношений людей друг с другом и с общественными системами, что находило отражение и в ее понятиях, описывающих только мир людей. Более того, объектом морального или аморального отношения может быть лишь человек, общество, а вырубка леса или убой скота не являются аморальным поступком – таковым является лишь то, что наносит вред только людям. Во-вторых, полагалось, что страны с социалистическими принципами хозяйствования не могут быть связаны с глубинными экологическими кризисами. В-третьих, экология рассматривалась через призму классового подхода, поэтому рекомендации западных экофутурологов по профилактическим мерам, предупреждающим глобальный экологический кризис, воспринимались как враждебные. В-четвертых, марксистская этика не допускала, что для спасения планетарной экосистемы необходимы кардинальные перемены в природопользовании как в капиталистических, так и социалистических странах. В-пятых, доминировал прагматический подход к природе, ориентировавший общество на интенсивную хозяйственную научно-преобразовательную деятельность, независимо от ее последствий для природы.

Основателями экологической этики традиционно считают немецко-французского теолога, врача и философа Альберта Швейцера (1875–1965) и американского эколога, зоолога и философа Олдо Леопольда (1887–1948).

«Благоговение перед жизнью», полагал А. Швейцер, должно стать основанием универсальной этики и мировоззрения людей в целом. Он считал, что ошибкой всех существующих до этого этик было то, что они рассматривали отношение человека к человеку, когда в действительности речь идет о том, как относится человек ко всему, что его окружает. *Этика есть ответственность за все, что живет*. Поэтому, согласно А. Швейцеру, этика благоговения перед жизнью не приемлет обращения с живым миром по необходимости (спасая одних, уничтожаем других), а утверждает принцип ответственности: «если я спасаю насекомое, то, значит, моя жизнь действует на благо другой жизни», что позволит нам избежать «раздвоенности жизни» [18]. Нравственный критерий становится главным в оценке человека и его дел, так как добро, как его трактует автор, это то, что служит сохранению и развитию жизни, а зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей. Поистине нравственен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Там, где наносится вред какой-либо жизни, необходимо ясно осознавать, насколько это необходимо: я не согласен делать ничего, кроме неизбежного, – даже самого незначительного [19].

Смысл своего существования человек должен видеть в постоянном самосовершенствовании и гармонизации внутреннего мира, чтобы стать в моральном отношении лучше. На роль нравственного идеала и заявлена этика «благоговения перед жизнью», в соответствии с которой действия людей по отношению к природному миру будут определяться по критерию «этично – неэтично», а не «выгодно – невыгодно». Совесть как внутренний регулятор поведения человека позволит ему принимать правильные решения, и тогда можно будет расслышать слова: «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить» (А. Швейцер).

Если у А. Швейцера в центре внимания находится *этический аспект* то в работах О. Леопольда доминирует *экологический аспект*: наш конфликт с природным миром предопределен не только неправильным использованием его ресурсов, но и неумением видеть Землю как часть общности, к которой мы все принадлежим. Он признает, что этика с момента ее возникновения и в последующей эволюции не выходила за пределы регуляции взаимоотношений индивидуума и общества, поэтому этики отношений человека с землей, с животными и растениями, обитающими на ней, пока не существует. О. Леопольд вводит в этику новый термин «*экологическая совесть*». С экологической точки зрения, эта норма этики представляет собой ограничение свободы действий человека

в борьбе за существование, с философской – разграничение общественного и антиобщественного поведения. Соответственно, хороша любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно [20]. Поэтому, например, опустошение земли не только вредно, но и дурно.

В качестве условия сохранения природного разнообразия О. Леопольд предлагает *изменение стиля социоприродных отношений*.

Поведение современных людей, утверждает О. Леопольд, может быть этическим только по отношению к чему-то, что мы можем видеть, осязать, понимать, любить, во что мы можем верить. Для этого создаются разные образы природы, которые обычно используются в обучении принципам охраны окружающей среды. Например, таким понятием являлось «равновесие природы», однако оно не позволяло в полной мере описать природный механизм. Поэтому О. Леопольд считает, что более наглядным является понятие «*природная пирамида*».

Пирамида становится новым символом природного мира, означая сложное переплетение многих цепей разнообразных экосистем, устойчивость которых свидетельствует о высокоорганизованной структуре, а ее функционирование зависит от совместной деятельности и конкуренции различных ее частей. Поэтому процесс изменения структуры пирамиды в результате вмешательства человека сопровождается его представлениями о том, что животный и растительный мир кажутся неисчерпаемыми запасами энергии. Это бездумное использование биологического капитала и приближает *час расплаты* [17].

Этические принципы по отношению к Земле расширяют границы общности, включая в это понятие почву, водные ресурсы, растения и животных. В соответствии с *этикой Земли* не следует: уничтожать виды или способствовать их вымиранию; необдуманно смешивать отечественные и экзотические виды; запруживать или загрязнять реки – но всегда необходимо заботиться о животных.

Идеи и концепции А. Швейцера и О. Леопольда оказались не только фундаментальным основанием зарождающейся экологической этики, но и открытым пространством диалога разных форм знания – экологии, философии, культурологии, этики. Их проекты стали интенсивно обсуждать, развивать, обосновывать и конкретизировать, придавая им статус альтернативных этико-экологических парадигм, направленных на разрешение глобальных экологических проблем современности.

Вопросы и задания

1. Какие смыслы вкладываются в понятие «природа»?
2. В чем сходство и различие культурных традиций Востока и Запада в понимании природы?

3. В чем смысл основных стратегий миропонимания в древнекитайской и индийской культурах?

4. В чем специфика формирования образов природы в культуре Запада?

5. Какое отношение человека к природе должно быть в постчернобыльский период?

6. В каком мире человеку уютнее и безопаснее – жестко-детерминированном или саморазвивающемся и самоорганизующемся?

7. Согласно современным синергетическим представлениям о мироздании, будущее не заложено в настоящем. В таком случае не является ли социально-экологическое прогнозирование бессмысленным?

8. Являются ли противоречия между обществом и природой вечными?

9. Гармония отношений в системе «человек–социум–природа» – это утопический идеал или реальная возможность?

10. Прокомментируйте следующие высказывания:

• «Гляжу я на горы, / И горы глядят на меня, / И долго глядим мы, / Друг другу не надоедая» (Ли Бо, VIII век). На каких принципах китайской культуры сформировалось подобное поэтическое видение природы?

• Зенон Китийский в трактате «О человеческой природе» писал, что конечная цель – это жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью. Диоген говорит, что конечная цель – это благоразумный выбор того, что соответствует природе. Что в этих высказываниях выступало для человека в качестве истинного и морального образца для подражания? Какие определения природы они используют?

Список литературы

1. Гор, Э. Земля на чаше весов / Э. Гор. – М., 1993.
2. Анохина, А. А. Экологические приоритеты традиционной культуры Китая / А. А. Анохина // Антология экологической мысли. Цивилизация Востока; науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск, 2006. – С. 381–384.
3. Анохина, В. В. Этнодинамика экологического сознания и диалог культур / В. В. Анохина, А. В. Барковская, Е. В. Хомич // Выбранные навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Минск, 2001. – С. 371–376.
4. Хомич, Е. В. Становление и развитие экологических ценностей в традиционной индийской культуре / Е. В. Хомич // Антология экологической мысли. Цивилизация Востока; науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск, 2006. – С. 197.
5. Хомич, Е. В. Идея экологического синтетизма в русской культуре / Е. В. Хомич // Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры. – Минск, 1994. – С. 152–169.
6. Бердяев, Н. О назначении человека / Н. Бердяев. – М., 1993. – С. 31.
7. Фишер, С. Человек и животное: этико-юридический очерк / С. Фишер. – СПб., 1899.
8. Стручков, А. Истоки экологической этики в Советском Союзе / А. Стручков // Любовь к природе: материалы Междунар. школы-семинара «Грибуна-6». – Киев, 1997. – С. 156–169.
9. Манифест Движения дружин по охране природы // Охрана дикой природы. – 1996. – № 11. – С. 12–13.

10. Анохина, В. В. Экологическое измерение белорусской культуры и архетипы народного сознания / В. В. Анохина // Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры. – Минск, 1994. – С. 170–181.
11. Taylor, P. Are humans superior to animals and plants? / P. Taylor // *Environmental ethics*. – 1984. – Vol. 6. – P. 149–160.
12. Аристотель. Политика / Аристотель // Соч.: в 4-х т. – М., 1983. – Т. 4. – С. 388–389.
13. Уайт, Л. Исторические корни нашего экологического кризиса / Л. Уайт // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – С. 196.
14. Атфилд, Р. Этика экологической ответственности / Р. Атфилд // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – С. 203–257.
15. Барнс, Дж. История мира в 10 ½ главах / Дж. Барнс // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 101.
16. Кант, И. Соч.: в 6 т. – М., 1964. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 382.
17. Леопольд, О. Природная пирамида / О. Леопольд // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. – М. – Бостон, 1992. – С. 57–58.
18. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973. – С. 310.
19. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
20. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд. – М., 1983. – С. 200.

Глава 3. Современная экологическая этика: основные направления

Счастливый человек – это такой человек, который
умеет пользоваться благами природы.

Несчастный человек – это человек, который
не умеет пользоваться ее благами.

П. Гольбах

Экологическая этика, однажды определившись в исходных принципах, предстает сегодня как интенсивно развивающееся знание. Разнообразие ее направлений, каждое из которых стремится стать господствующим и претендует на определенный инструментально-прикладной статус, – тому подтверждение. Такими претендентами выступают прежде всего *био- и физиоцентризм, экоцентризм, биоцентризм, экофилософия, глубинная экология, экофеминизм* и др., что нашло отражение в ряде книг, вышедших преимущественно к концу XX века.

Их названия говорят сами за себя: «Дикая природа как священное место» (Л. Грабер), «Человеческое уважение к природе» (Дж. Пассмор), «Уважение к природе», «Состояние дикой природы» (П. Тейлор), «Этика и экологическая забота» (Р. Этфилд), «Права природы» (Р. Наш), «Основы этики отношений с природной средой» (Ю. Харгроув), «Глубинная экология: жить с сознанием значимости природы» (Б. Дивол, Дж. Сешинс) и др.

Экологическая этика предстает в этих работах как одна из нормативных систем мировоззренческих, ценностно-целевых и регулятивных установок общества, которые задают человеку, с одной стороны, степень его долженствования по отношению к природе, с другой – общий характер его социокультурных взаимоотношений с ней. Таким образом, экологическая этика не только гармонизирует социоприродные отношения, но и актуализирует в человеке его нравственные чувства – долг, справедливость, добро и т. п. В результате этические категории расширяются и наполняются экологическим содержанием, что приводит к своеобразной *экологизации морали*.

Основные направления экологической этики представляют собой альтернативное антропоцентристскому видение характера взаимоотношений человека и природы. Их *не-антропоцентризм* проявляется в ряде установок:

- 1) природный мир представляет собой разнообразие биотических и абиотических структур;
- 2) объекты природы взаимосвязаны;
- 3) в окружающей природе не только человек, но и любой ее вид неповторим и ценностно значим;
- 4) человек не вправе руководствоваться принципом пользы или целесообразности в определении ценности и праве на жизнь любого биологического вида;
- 5) человек должен заботиться о сохранении всех видов и объектов природы, не допуская потерь в биоразнообразии [1].

Не-антропоцентрическое значение сообществ и видов в рамках экологической этики можно сформулировать следующим образом: «они должны сохраняться потому, что они существуют, и потому, что их существование само по себе представляет собой лишь современное выражение продолжительного исторического процесса, древнейшего и величественного» (Д. Эренфельд) [2].

Концепции *био- и физиоцентризма* высшей ценностью признают гармоничное и равноправное сообщество людей, животных, растений, почвы, органических и неорганических компонентов природы. Отсюда вытекает ряд конкретизирующих нравственных принципов: 1) животные и растения имеют право на жизнь, место обитания, защиту от страданий; 2) животное, как существо чувствующее, может испытывать боль и радость, иметь потребности, которые должны быть удовлетворены (Е. Смолкова, Р. Крчак и др.).

Особенность *биоцентризма* в том, что он рассматривает, в первую очередь, *ценность отдельных существ*. В своей *радикальной версии* он утверждает, что все системы живой и неживой природы представляют

собой единое целое и являются частями морального сообщества. Поэтому человек должен иметь непосредственные обязательства перед ними. (В консервативном крыле биоцентризма суживают границы морального сообщества, считая, что морально значимыми могут быть либо только высшие животные, либо все животные, либо все животные и растения.)

В то же время человек часто сталкивается с обстоятельствами, сложившимися приоритетами или стереотипами поведения, в силу которых он вынужден причинять вред животным. Экологическая этика допускает нарушение принятых нравственных принципов только в том случае, если у человека нет другого выхода: например, если нападает медведь, то человек вправе, вне зависимости от внутренней ценности медведя, убить его. Комар – чувствующее существо, но, нападая на человека, он предоставляет ему право защищаться от него. Чувствительность и ценность муравьев не должна изменять образ жизни людей и ограничивать их свободу передвижения, что позволяет им ходить по дорожкам без опасения наступить на муравья.

Таким образом, биоцентризм делает ценностную систему экологической этики достаточно подвижной и поэтому видит выход в замене «бесчеловечного гуманизма» (антропоцентризма) на «человечный гуманизм» (биоцентризм). Полагается, что новый вид гуманизма позволит изменить роль человека как завоевателя природного сообщества на роль рядового его члена и гражданина.

В отличие от биоцентристов **экоцентризм** рассматривает *ценность видов и экосистем*, аргументируя свой выбор тем, что экосистемы, как и дикие виды, ценятся по ряду причин: они независимы от нас, сложны и разнообразны, саморегулируются, имеют длительную историю эволюции.

Присутствие экосистем в природе есть добро, а человек не должен стремиться уменьшать количество добра в мире. Каждое животное и каждая экосистема являются «морально значимыми», а значит, нуждаются в прямой моральной заботе, поэтому нужно стараться не причинять им вред или же делать это в минимальном объеме. Не вызванная необходимостью жестокость по отношению к животным морально не оправдана.

Природоохранная этика должна включать *принцип возмещения ущерба* в качестве морального рычага для подъема сознательности людей и коррекции их поведения. Принцип справедливого возмещения должен действовать там, где нарушаются нормы и правила человеческой этики по отношению к природе [3]. В этой связи экоцентристы видят свою задачу в том, чтобы строить человеческое благополучие и процветание на идее ценности окружающей среды: именно человеческие ценности должны согласовываться с природными, а не наоборот.

Экофилософия выходит за рамки чисто этической проблематики и ставит вопрос о взаимоотношении человека и природы в широком философско-мировоззренческом плане. Понятие «экологическая этика» ис-

пользуется вместе с понятием «экологическая (или энвайронментальная) философия» и потому, что это новое философское направление концентрируется вокруг журнала «Энвайронментальная этика», издаваемого Ю. Харгроувом. Данная концепция пронизана идеей целостного и системного описания закономерностей и динамики процессов, происходящих в природе, общественной жизни, культуре, человеческом мышлении, что неизбежно предполагает преобразование самого восприятия мира и формулирования этико-экологических ценностей. Речь идет о формировании *«экологической духовности»*, объединяющей в себе осознание *единства всей природы, солидарности с ней человека и его ответственности за нее.*

Экофилософия, основанная на этих принципах, по мысли Х. Сколимовски, приведет к сакрализации самого этого единства, к религиозному чувству благоговения перед ним. Он считает, что человек должен стремиться к нравственному идеалу организации повседневной и профессиональной деятельности, а не перепоручать свою ответственность за мироориентацию компьютеру, так как «когда мы взаимодействуем с миром посредством технологии, мы никогда не думаем, как быть великодушными, сочувствующими или любящими, но всегда, как быть эффективными, контролирующими, напористыми» [4].

Таким образом, экофилософское сознание должно обладать такими чертами, как целостность, духовность, благоговейность, эволюционность, соучастие, а проповедуемые им ценности связывают каждого человека со всеми формами жизни в универсуме. Оно рассматривает универсум не как отчужденный от человека объект, а как его дом, в котором все люди являются его хранителями и ответственны за все, что там есть, включая их собственную судьбу. «Отныне быть Я, — полагает Э. Левинас, — означает невозможность отстраниться от ответственности. На моих плечах словно держится все здание тварного мира... никто не может ответить вместо меня. Выявить в Я такую направленность — значит отождествить Я и нравственность. Перед лицом Другого Я бесконечно ответственно» [5].

Фактически в рамках экофилософии выстраивается современная философия природы, которая строится на переживании встречи человека с внутренним «я» природного мира, в котором он, как существо более глубокое и творческое, стремится обрести гармонию в жизни и осуществить подлинные отношения со всеми существами, достигая блага для всех. Именно *этико-экологическое «я»*, охватывающее всю природу любовью, способно помочь беззащитному внутреннему «я» любой твари. В этом смысл экологической мудрости.

С точки зрения Б. Калликота этика отношений человека с природной средой должна начинаться со скрупулезно выбранной теории *межличностной* и *социальной этики* и объединить благо животных и нравственность под одним теоретическим зонтиком. Он считает, что этическая теория должна

обладать строгим философским обоснованием, опираться на ценности, учитывающие внутреннюю ценность человека и природы как целого. Б. Калликот говорит о том, что пока я думаю, что заключен в собственном теле, я буду заботиться о нем, часто ценой «тел» других – минералов, растений, животных и даже людей. Но раз я понял, что на самом деле внутренне связан со всем остальным, все в мире оказывается моим телом. Этими внутренними связями создано даже мое «я» и поэтому нет принципиальной преграды между ним и природой. Ведь природа внутренне ценна в той мере, в какой внутренне ценно «я» [6].

Глубинная экология (термин введен в 1973 г. норвежским философом А. Нессом) представляет собой одну из школ экологической философии и ставит под вопрос базисные принципы западного общества – удовлетворяет ли оно фундаментальные потребности людей в любви, безопасности и возможности общаться с природой. Сегодня последователи А. Несса называют себя «трансперсональными экологами (У. Фокс) или «авторами персональных экософских версий глубинной экологии».

Глубинная экология исходит из двух принципов: первый гласит, что человечество – часть природы и люди должны рассматриваться как компонент экосистем; согласно второму, социальная перспектива и ценность экологического поведения людей определяется тем, насколько полно в нем учитываются интересы целостных экосистем, а не только интересы отдельных индивидов. Основываясь на этих принципах, глубоко-экологический подход проповедует *целостное видение мира*, обуславливающее гармонию с природой, признание внутренней ее ценности, биосферного равенства существ, простые материальные потребности, самоограничение ради сохранения Земли, адекватную технологию, не доминирующую науку, учитывающую традиции меньшинства и биорегиональные отношения. Сопереживание другим жизненным формам и уважение их права на жизнь и процветание являются базовыми принципами отношения человека с природой, поэтому глубинные экологи против рассмотрения природы в качестве источника ресурсов для человека.

Более того, например, П. Фермен отрицает важность человеческого вида на том основании, что люди представляют собой один из многих видов, которых к тому же слишком много. Он считает, что жизнь человека не более важна, чем жизнь других существ, и что здоровью биосферы следует оказывать предпочтение перед человеческим благом. Кроме того, все живые существа, включая экосистемы, имеют свои интересы, а значит, могут пострадать либо выиграть, поэтому они заслуживают внимания со стороны морали не меньшего, чем человек.

Глубинная экология заявляет о себе не столько теорией, сколько практикой, альтернативной доминирующему мировоззрению. Глубинные экологи привержены новому взгляду на мир и разрабатывают конкретный путь создания *личной экофилософии*. Наряду с принципом биоцен-

тричного равенства (жить с минимумом, а не максимумом воздействия на биосферу Земли) особое значение придается *трансперсональной* и *персональной* идентификации.

Трансперсональная идентификация – это переживание всего существующего как единого мирового процесса, что способствует развитию у людей чувства общности и благоговения перед существованием в целом. *Персональная идентификация* ограничивается сферой развития мира человека: я, моя семья, мои друзья и т. д. В совокупности все виды идентификации направлены на духовное преобразование человека, который способен оказать помощь и поддержку всему существующему. Особенность глубинной экологии в том, что она синтезирует в себе знания о природе и знания о человеке и его душе, полученные как на Востоке (даосизм, дзэн-буддизм и т. д.), так и на Западе (аналитическая психология Юнга, трансперсональная психология и т. д.) [7].

Экофеминизм (термин был введен в 1974 г. Ф. д'Эбони) – явление достаточно автономное и специфическое в пространстве экологической этики, характеризующееся изначальной критической позицией, а также радикальной политизацией. К настоящему времени существуют *феминистская философия* (М. Хинтиikka) и *«несексистская» социология и психология* (Дж. Бернард), которые встраивают женский опыт восприятия в научную картину мира. Они полагают, что процесс освобождения «женского начала» должен начинаться с *освобождения природы как носителя женского архетипа*. Во-первых, доминирование природы тесно связано с лидерством женщины; во-вторых, признание субординации одного влечет за собой принятие субординации другого. Женщина воспринимается как *символ близости к природе* в противовес символу мужского начала, доминирующего в западной культуре.

Экофеминизм подчеркивает особую специфику женского «телесного мышления», которое, в отличие от рационального мужского, ориентировано на синтез и примирение, демонстрируя тем самым целостное (холистичное) миропонимание, проявляющееся в трех взаимосвязанных аспектах: личном, социальном и космическом. Целостность противопоставляется патриархальному отделению духа от тела, рассудка от чувств, что лишает жизнь чувственных, телесных и эстетических форм проявления.

Предпосылкой усмотрения родства между женским началом и экологией являются давние традиции отождествления природы с женщиной. Их идентификация вырастает из чувства единства всех форм жизни и их циклических ритмов рождения и смерти, что и составляет суть экологического отношения к жизни. Анализ религиозно-мифологического комплекса показал, что изображение женских божеств воплощает этот род духовности значительно лучше, чем мужских. Такая позиция в современной культурной экологии принимается как обоснованная, ибо полагают,

что действительно во многих культурах, в том числе и западной, культ Богини опережает культ мужских божеств.

Так, по мнению Б. Бруто, Бог-мужчина олицетворяет, как правило, такое *единое*, которое может существовать как самостоятельное, независимое и абсолютное, в то время как *многое* обязано воле Бога, и в силу этого зависимо и относительно. Примером является анализ отношений между отцом и ребенком: поскольку образ отца перенесен на образ Бога, то он естественным образом связывается с выдвигаемым им требованием послушания, лояльности, веры, ассоциируется с вызовом или угрозой, наградой или наказанием. Отец, который никогда физически не был связан со своим ребенком, может демонстрировать только условную любовь, и поэтому человек, равняющийся на Бога, невольно переносит подобное отношение на окружающий мир. В случае Богини-женщины данная проблема решается через *синтез единого и многого*, когда единое проявляется во многом, многое же существует в единстве. В такой взаимосвязи не существует оппозиции Бога по отношению к миру, так как изначальный природный синтез исключает ситуацию, в которой никто и ничто не навязывает и не отрицает. В этом мире отношения характеризуются гармонией, теплом и нежностью, а не сомнениями и драмой. Такое представление связано с материнством и отражает безусловную любовь матери; физическая связь, существующая между матерью и ребенком, вызывает то, что они оба неразрывно участвуют в жизни. В этом образе человек видит органическую связь между собой и природой.

В русле экофеминизма осуществлена попытка переосмыслить традиционные космические начала китайской философии — *ян* (мужское, светлое начало, олицетворяет небо) и *инь* (женское, темное начало, символизирует плодоносящую землю). В китайской традиции *ян* трактовалось как активное начало, в то время как женское начало *инь* отождествлялось с пассивностью. Ф. Капра считает, что оба эти начала являются активными, но отличаются разной ориентацией в своей активности: *инь* стремится к объединению, сотрудничеству, а *ян* — к агрессивности, завоеваниям и соперничеству. Поэтому активности *инь* сопутствует экологическое сознание, активность же *ян* связывается с осознанием собственного «Я». В результате Капра полагает, что правомерно назвать *инь* — «эко-активностью», а *ян* — «эго-активностью». При этом эти два вида активности связываются им и с двумя способами мышления, в которых они доминируют: *инь* — с интуитивным мышлением, которое в наибольшей степени проявляется в религиозном и мистическом опыте человека; *ян* — с рациональным мышлением и поэтому сферой его локализации являются различные области науки [8].

Таким образом, экофеминисты строят свою теорию на следующих принципах:

- существует несомненная связь между угнетением женщин и угнетением природы;

- понимание характера этой связи необходимо для адекватного понимания природы;
- феминистская теория и практика должны включать экологическую перспективу;
- решение экологических проблем должно включать феминистские перспективы.

Феминисты считают, что Мать-Земля – это заботливый дом для всей жизни, и ее следует почитать и любить, как это делали наши предки.

Рассмотренные направления экологической этики, несмотря на их отличия в подходах, методологических основаниях, путях реализации системы ценностей, совпадают в главном: все они *накладывают нравственный мораторий на обращение с природой как с вещью, объектом и ресурсом*. Если общество примет такой императив, то оно будет дееспособным в преодолении экологического кризиса как кризиса, прежде всего, системы ценностей. В этом случае и в природоохранной политике приоритетным становится признание самоценности природного мира. В результате природа приобретает статус идеала, не только определяющего сущность культурно-исторического пространства, в котором пребывает человеческий мир, но и продвигающего его вперед. Значимость такого идеала состоит и в том, что он способствует объединению людей, заставляет их искать контакты друг с другом и в конечном итоге побуждает их к изменению собственного «я», делая его ответственным за природный мир. В этом случае сознание человека способно раздвигать свои пределы, чтобы мир внешний стал для него миром внутренним и коммуникативные отношения человека и природы осуществлялись на основе *субъект-субъектного взаимодействия* как необходимого условия равноправного и полноценного диалога между ними.

Вместе с тем актуально звучит проблема: возможна ли такая рационализация экологической этики, которая сделала бы неизбежным однозначно верный нравственный выбор при решении конкретных задач, обозначенных разными направлениями? Следует признать, что на сегодняшний день все проблемы экологической этики, рассматриваемые в указанных направлениях: проблемы ее статуса, содержания эколого-этических категорий и принципов, возможности воплощения заявленных идей в реальную жизнь – носят исключительно *дискуссионный, открытый и неоднозначный* характер.

Кроме того, любая этическая категория – добро, зло, долг, справедливость, любовь и т. п. – является, по сути дела, *антропоцентричной* и применительно к природному миру звучит, скорее, как метафора. И такому положению дел есть определенные объяснения, базирующиеся на презумпции возможностей человека, который только и способен форми-

ровать язык общения с природой, любить и защищать ее или же относиться к ней всего лишь как к среде своего обитания, специально для него созданной, и т. п.

Проблема усложняется тем, что человек пытается выстраивать сценарий отношений с природой одновременно и от своего, и от ее имени, опираясь на достаточно условные, хотя и полагающиеся объективными, знания о ней. Экстраполяция человеческих смыслов в не принадлежащую нам реальность и стремление подчинить ее нашим законам свидетельствует о том, что в вышеназванных категориях звучат интонации присвоения этого чужого, но не чуждого человеку мира.

Мы изначально полагаем природный мир онтологически иным и самодостаточным, с присущим ему «Я», но, тем не менее, априори рассуждаем о возможности взаимопонимания. Вместе с тем совершенно справедлив вопрос: сможет ли этот иной мир сохранить при этом свою «инаковость», так как, осваивая его, мы пытаемся найти ему место в своей классификации мира, «растворить» его реальность в нашем мышлении? Тем более что искусственная среда обитания человека как альтернатива естественной – это плод человеческой деятельности, позволившей ему отделиться и возвыситься над природой. Соответственно изначальная природная среда обитания все больше модифицируется в *неоприродную*.

Например, город (преобладающее место жизни современного человека) – это уже иной порядок человеческой жизни, в котором парковые ландшафты замещают дикую природу и приобретают тем самым статус фундаментальной ценности, регулирующей человеческие отношения в структуре городской жизни. Мы привыкли жить в «мире артефактов», поэтому природный универсум нам легко заменяют иные реальности – «аркологический ландшафт», «эстетизированный универсум» и др. Не случайно в экологическом словаре появилось выражение «урбанизация природы», указывающее на преобразование естественных ландшафтов в искусственные под влиянием городской застройки. Отсюда возникает принципиальный вопрос: может ли городской человек быть компетентным проводником базовых идей социоприродного взаимодействия, поскольку не природный, а опредмеченный мир, состоящий из сплошных символов и артефактов, определяет, в первую очередь, его современное бытие?

Наш конфликт с природным миром предопределен не только неправильным использованием его ресурсов, но и неумением видеть природу как часть общности, к которой мы все принадлежим. Проблема в том, что радикальная перестройка сознания, принципов охраны природы и нравственных поступков людей современной цивилизации в ближайшее время, как того требует ситуация, невозможна и в силу того, что *антропоцентристов*, заинтересованных в благополучии собственной жизни, как показывает реальная практика, в мире значительно больше, чем *экофилов*.

Даже среди сторонников охраны природы существуют разногласия: для одних земля – это почва, функция которой заключена в товарном производст-

ве, для других она предстает в виде природного организма. Одних сторонников охраны природы животные интересуют как объект охоты, что приводит к рассуждениям о квотах добычи фазанов или форели, другие же выясняют вопрос о том, как охота отражается на хищниках, как сдерживать исчезновение видов (например, тетерева, которого и на охоте трудно встретить), должна ли распространяться хозяйственная деятельность на полевые цветы? Например, реклама разнообразной косметики в СМИ в качестве привлекательного и убедительного, с их точки зрения, аргумента использует указание на их природный состав, сопровождая рекламный ролик картинками лугов, лесов, полей и т. д.

Характер ответов на открытые вопросы зависит не только от *культурной традиции* той или иной страны, но и от ее *экономического положения*. Например, может ли страна так называемого третьего мира позволить себе пропагандировать «экологическую этику самоограничения», не вызывая голодных бунтов населения?

Не разрешает ситуацию и не возвышает человека нравственно и вопрос о *наделении животных правами* или признании их членами морального сообщества. Это лишь обостряет характер дискуссий и делает их все более открытыми. Тем более что наделить животных правами пока нереально, ибо практика человека не позволяет определить их юридический статус: люди обязаны относиться к животным хорошо, хотя это и не обеспечивает им юридических прав.

Любой «центризм», независимо от чьего имени, природы или человека, он себя манифестирует, является плохим проводником этических ценностей, поскольку он изначально пытается решить ситуацию с одной, хотя, возможно, и глубоко искренней позиции, а это лишает взгляд стереоскопического видения всего комплекса проблем. Ведь сострадание к животным – это умение вжиться в состояние другого существа, что далеко не просто. С нравственной точки зрения, как говорил И. Бентам, мы не спрашиваем, умеет ли какое-либо существо говорить или обладает ли оно разумом, так как главное для нас в том, может ли оно страдать. Человек до сих пор не научился (или же разучился) в полной мере сострадать другому человеку; как же он может сопереживать животным, отличным от нас, но отнюдь не низшим?

Этим вопросом задается французский писатель XX века Р. Гари в романе «Корни Неба». Его герой едет в Африку спасти ее фауну, особенно слонов, с желанием продлить присутствие среди людей «этого чуда природы, этого зрелища, которое вызывает счастливую улыбку у всякого, достойного называться человеком». Герой «дошел до такого состояния, что ему насущно необходимо всякое дружеское участие, какое только он может обрести, и в своем одиночестве он нуждается во всех слонах, во всех собаках, во всех птицах...» [9]. Ключевой идеей романа и личной позицией автора является призыв к людям сберечь красоту природы. Манифестом звучат слова: *каждый человек, независимо от того, в какой точке географического про-*

странства он расположен, несет полную ответственность за то, что где-то гибнет живой мир. Фактически этими словами автор формулирует своеобразный нравственно-экологический императив, требующий от «этически разумного» человека жить в добродетельном согласии с природой и нести ответственность за все, что с ней происходит.

В другом романе – «Элементарные частицы» французского писателя М. Уэльбека – герой, наблюдающий в передачах из серии «Жизнь животных» образ поведения разных животных (как «они убивали, терзали, пожирали слабых, старых или больных зверей, а потом вновь погружались в бессмысленную сонливость»), стал ощущать, как растет в нем непререкаемая убежденность в том, что «...дикая природа в ее целостности не что иное, как оправдание тотального разрушения, всемирного геноцида, а предназначение человека на земле, может состоять, в том и заключается, чтобы довести этот холокост до конца» [10]. Эта книга, как пишет автор, посвящается человеку, который по современным меркам живет счастливо, так как ему удалось укротить силы, непобедимые в глазах людей: эгоизм, гнев, жестокость.

Способен ли современный человек, позволяющий себе чудовищные взрывы насилия, но все же никогда не перестававший верить в добро и любовь, победить в себе зло? Сумеет ли общество в своем развитии прийти к так называемой *этносфере* – бытию, основанному на принципах нравственного отношения к жизни на Земле, и утвердить традицию «сотрудничества с природой»?

Ответы на эти непростые вопросы может дать только будущее, но уже сегодня очевидно, что по мере исчерпания природных ресурсов мы должны все больше инвестировать не в технику и технологии, а в людей – в их образование, воспитание, формирование их нравственной и экологической культуры. Это как раз та программа, которая приобретает сегодня легитимную форму благодаря многогранной деятельности организационных структур ЮНЕСКО, Совета Европы и др., становясь международным Манифестом для всех государств, ищущих выход из экологического кризиса. Несомненно, что такой подход должен стать не просто благим пожеланием, но нормой и для нашей постчернобыльской Беларуси.

Вопросы и задания

1. Сформулируйте ваше понимание и отношение к каждому из рассмотренных направлений. Какое из них наиболее созвучно вашим взглядам? Почему?
2. Приведите примеры художественных произведений (кино, литература), в которых ставятся актуальные проблемы экологической этики. Каких направлений, на ваш взгляд, придерживаются их авторы?

Список литературы

1. Agar, N. Valuing species and valuing individuals / N. Agar // Environ. Ethics. – 1995. – Vol. 17, № 4. – P. 397–417.

2. Эренфельд, Д. Дилемма сохранения природы. Глава из книги «Высокомерие гуманизма» / Д. Эренфельд // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. – М. – Бостон, 1992. – С. 99.
3. Охрана дикой природы: спец. вып. – М., 1996. – С. 20–22.
4. Там же. – С. 48.
5. Левинас, Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб., 1998. – С. 171.
6. Callicott, J. Baird. The case against moral pluralism / J. Baird Callicott // Environmental ethics. – Athens, 1990. – Vol. 12, № 2. – P. 99–124.
7. Ермолаева, В. Космизм и экологическая этика / В. Ермолаева // Общественные науки и современность. – 1995. – № 4. – С. 118–124.
8. Capra, F. Punkt zworotny. Nauka spoleczenstwo, nowa kultura / F. Capra. – Warszawa, 1987. – P. 65.
9. Гари, Р. Корни Неба / Р. Гари // Избр. – Рига, 1994. – С. 53.
11. Уэльбек, М. Элементарные частицы / М. Уэльбек. – М., 2001. – С. 45–46.

Глава 4. Концептуальные основания экологической этики

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Ф. И. Тютчев

Становление экологической этики как самостоятельной отрасли этического знания, как было уже показано, шло по линии расширения традиционного предметного поля этики и включения в него объектов природы как равноправных субъектов. Не человек сам по себе в рамках традиционного гуманизма и антропоэгоизма, а выбор им подлинных ценностей открывает перед нами *«пост-человечность»* – человечность более высокого уровня, выявляющую способность личности не только к эгоцентризму, но и к заботе о жизни и правах Живого на до-, не- и недочеловеческом уровнях, что выводит гуманизм за пределы человеческого как биологического вида [1]. Новый гуманизм должен в той же мере проявляться в отношении к природе, как и в межчеловеческих отношениях, ожидая от человека Ответственности, Любви и Уважения ко всему природному миру. Более того, гуманизм как принцип связи между людьми приобретает завершённый вид только тогда, когда он становится одновременно формой связи между человеком и природой. Признание за человеком способности отказаться от собственного антропоэгоизма и начать жить интересами Иного – это и есть проявление подлинного – *«человечного» гуманизма*.

Тем самым подготавливается основа для формирования нового типа морального сознания – *энвайронментального*, синтезирующего глобальное видение мира с подлинно гуманистическими ценностями. Коренное изменение сознания людей, которое соответствовало бы потребностям выживания человечества и обеспечивало бы необходимую коэволюцию общества и природы, требует сложного и неоднозначного пересмотра традиционных и поиска новых моральных принципов, ценностей и норм.

Рассмотренная нами долгая предыстория экологической этики, процесс ее становления и формирование внутри нее различных – взаимодополняющих и взаимоисключающих – направлений позволяют провести своеобразную «ревизию», сделать анализ ее достижений и наработок, попытаться определить ее специфические особенности, систематизировать ее основные проблемы с тем, чтобы выявить *концептуальные основания*, на которых она строится.

4.1. Основные парадигмы и специфические особенности экоэтики

От антропоцентризма к не-антропоцентризму: смена парадигм

В основе формирования экоэтики лежит *переход* от «старой» парадигмы отношений человека и природы – *антропоцентристской* – к новой, *не-антропоцентристской* парадигме (см. главу 1). Противостояние этих двух этико-философских позиций сложилось давно, но стало актуальным в конце XX века, породив не только теоретические, но и практические проблемы, от решения которых зависят формы практических отношений человека и природы.

Согласно *антропоцентризму*, единственным и высшим критерием в шкале ценностей является *Человек*. Частный случай антропоцентризма *утилитаризм* вообще признает в качестве ценностей только объекты, находящиеся в пределах интересов человека. Антропоцентристская парадигма, ставящая человека в центр мироздания, возникла в рамках этического гуманизма, что вполне естественно, поскольку антропоцентризм и гуманизм – понятия родственные: и тот, и другой замыкаются на человеке. Но не следует их отождествлять: гуманизм вовсе не претендует на «центризм» человека, он стремится лишь защитить и «реабилитировать» индивида перед обществом. Антропоцентризм же, возвеличивая человека вообще, забывает о его природной биологической сущности, и в этом смысле он – «бесчеловечный гуманизм».

Вероятно, сторонники антропоцентризма (Декарт, Бэкон, Кампанелла, Гегель, Кант), считавшие человека господином и хозяином природы, не предполагали, что когда-нибудь свободная воля и деятельность этого «хозяина» поставят под сомнение саму возможность существования человека. Но случилось именно так. И тогда обнаружилось, что гуманизм, выступающий в

«человеческих» отношениях в образе благородного рыцаря, в «нечеловеческих» отношениях – человека с природой обретает облик *высокомерного эгоцентризма*. Особенно тревожно то, что антропоцентристский принцип регуляции отношений человека с природой настолько привычен, что воспринимается им как нечто само собой разумеющееся. Именно с этих позиций человек тысячелетиями подчинял себе природу и даже любил ее – для себя. Этот принцип прост и естественен. Ему не надо специально обучать: любой ребенок, подрастая, становится *антропоцентристом*, или *антропоэгоистом*, используя окружающую среду в своих интересах.

Естественно, это не может не вызывать противодействия со стороны тех, кто закономерно озабочен негативными последствиями антропоцентристских действий человеческого сообщества, кто нуждается в «*человечном гуманизме*», трансформирующем роль *homo sapiens* из хозяина и господина природы в ее часть, и в связи с этим ставит вопрос о необходимости перехода к другой ориентации – *не-антропоцентристской*.

Не-антропоцентристские концепции в качестве альтернативы антропоцентризму выдвигают как высшую ступень в шкале ценностей *гармоничное и равноправное сообщество* людей и всех других живых и неживых компонентов природы. Признание за человеком способности отказать от своего антропоэгоизма и начать жить интересами Иного – это и есть проявление подлинного – «человечного» гуманизма. Основные положения *не-антропоцентристского* видения взаимоотношений человека и природы сводятся к следующему:

- природный мир есть *разнообразие* биотических и абиотических структур;
- объекты природы *взаимосвязаны*;
- в окружающей природе любой ее вид *неповторим и ценностно значим*;
- человек не вправе руководствоваться *принципом пользы или целесообразности* в определении ценности и права на жизнь любого биологического вида;
- человек должен *заботиться* о сохранении всех видов и объектов природы, не допуская потерь в биоразнообразии.

Представленные парадигмы являются альтернативными не только в плане их ценностно-теоретического противостояния в экологической этике. Они лежат в основе выработки стратегии и тактики практических моделей отношения человека и природы: будут ли эти отношения на сегодняшнем этапе строиться на основе «*традиции управления*» или «*традиции сотрудничества*».

В основе ***традиции управления*** лежали идеи Аристотеля, Платона, стоиков, а также иудео-христианское учение о человеке как «венце творения», существе, занимающем в сотворенном Богом мире центральное

положение и в силу этого наделенном «царственной» властью над природой. Так складывалась *традиция управления*, суть которой – в признании человека *управляющим* вверенной ему природой и несущим *ответственность* за свои действия и их последствия.

Наличие ответственности предполагает бережное и заботливое отношение к природе. Однако этому мешал антропоцентристский характер этой традиции: ответственность человека не выводится из учения о нем как о «части» природы, а следует из признания его особой миссии, особого назначения. В результате «управление» порождало «господство», которое легко перерождалось в «деспотизм», предполагающий право человека на произвол по отношению к другим живым существам. От сохранения, улучшения, вдумчивого преобразования природы человек переходил к ее радикальной перестройке согласно заранее сконструированным проектам. Так традиция управления эволюционировала в направлении «деспотического антропоцентризма» в отношении к природе.

Параллельно традиции управления в отношении к природе развивалась другая – *традиция сотрудничества*. Ее основу составлял подход, согласно которому человек призван совершенствовать природный мир и раскрывать его нереализованные возможности, которые не могут раскрыться сами по себе, без творческого содействия человека.

В основу этой традиции кладется неутилитарное и неинструментальное отношение к миру. В традиции сотрудничества преодолевается неравноправие человека и природы, ведущее к нравственному оправданию господства над ней. «Освобождение природы» от физического и морального подавления сторонники традиции сотрудничества считают необходимыми составляющими экологической гармонизации и нравственного обновления и самого человека, так как *сотрудничество* предполагает взаимность и нравственную основу.

В современных терминах идея «сотрудничества с природой» может быть названа *«коэволюцией»* – понятием, обозначающим *процесс совместного развития биосферы и человеческого общества*. Концепция коэволюции природы и общества, с которой первым выступил Н. В. Тимофеев-Ресовский [2], определяет оптимальное соотношение интересов человечества и всей остальной биосферы, предостерегая при этом от двух крайностей: стремления к полному господству человека над природой («Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача», – говорил советский преобразователь природы И. В. Мичурин) и пассивного смирения перед ней («Назад, в природу!» – призывал французский просветитель Ж.-Ж. Руссо).

Как принципиальные альтернативные позиции, определяющие теоретическое содержание и практический стиль отношений человека и природы, *антропоцентризм* и *не-антропоцентризм* выступают также

водоразделом при решении такой важной проблемы экологической этики, как проблема ценностей природной среды.

Проблема природных ценностей в экологической этике

Проблема *природных ценностей* изначально является одной из наиболее фундаментальных и неоднозначных в экоэтике: следует ли признать *независимость и внутреннюю самооценку* природных целостностей, или их ценность определяется в зависимости от человека, его потребностей и интересов? Сегодня эта проблема – одна из самых спорных в экоэтике. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой экосистемы должны быть признаны ***самостоятельными моральными субъектами***, которые обладают *внутренней неотъемлемой ценностью*.

Но что означает для человека признание или отрицание ***самоценности*** природных объектов? В чем она состоит? Имеет ли природа какую-то ценность *без человека, вне «человеческого фактора», сама для себя*? Применимо ли вообще к ней это понятие? Решение этих вопросов опять-таки проходит по линии водораздела между антропоцентризмом и не-антропоцентризмом. *Антропоцентризм* считает, что каждый биологический вид должен оцениваться с позиции его целесообразности или полезности для человека. *Не-антропоцентристская* точка зрения исходит из многомерности мира, каждый объект которого неповторим и представляет собой ***самоценность*** – безотносительно от его пользы для человека.

Для экологической этики особое значение имеет «истинная» (подлинная) ценность природных объектов, исключая интерес или само присутствие оценивающего. Эта ценность присуща им изначально, она заложена в процессе их естественной эволюции. Наличие внутренней ценности указывает на то, что они предназначены не для человеческого манипулирования, а для иной цели, возможно, непонятной людям: ведь само существование природы намного важнее, чем ее значимость для человека. Поэтому человек не вправе решать с позиции пользы и целесообразности вопрос о ценности или праве на жизнь того или иного биологического вида. Он должен заботиться о сохранении всех видов и объектов природы, не допуская потерь в *биоразнообразии*.

Система ценностей, имеющих неэкономическую, неутилитарную направленность, делает природу ориентиром, не только определяющим сущность культурно-исторического пространства, в котором пребывает человеческий мир, но и продвигающим его вперед. Предполагается, что такой подход позволит строить отношения с природной средой в целом и ее отдельными компонентами на *этических приоритетах*, а не только на экономически выгодных основаниях. Такой подход предполагает признание *независимого функционирования экологических систем*, существ-

ования внутренних (природных) ценностей, ибо они служат ограничением антропоцентристского инструментализма (Э. Кэтз).

Эта проблема является одной из главных в дискуссии, которая ведется в журнале «Environmental Ethics». С одной стороны, на страницах журнала вообще подвергается сомнению существование ценностей, внутренние природным системам и обеспечивающих их гармонию. С другой – всякий подход, отрицающий внутреннюю ценность природных систем, объявляется прагматическим, антропосоциоцентристским, не отвечающим задачам бережного отношения к окружающей природной среде. С третьей – в журнале критикуется абсолютизация роли «истинных ценностей» в структуре экологической этики и поощряется «прагматический сдвиг» к плюрализму системы ценностей, основанной на интересах человека. Такой точки зрения придерживается, например, Б. Нортон, считающий, что, принимая экологические решения, следует учитывать все проблемы выбора и множество конфликтующих ценностей. Другие авторы (Д. Калликот, Э. Кэтз) считают, что подобная «сбалансированная» прагматическая теория ценностей носит слишком субъективный характер, чтобы на ее основе можно было развивать достоверную этико-экологическую теорию. Обязанность защищать природную среду не должна быть основана на «правильном» опыте людей, взаимодействующих с природой, поскольку этот опыт неизбежно включает в себя и существенные ошибки.

На наш взгляд, нынешним и будущим природопользователям *проблему моральных ценностей* в отношениях человека с природой следует не только *обсуждать*, но и *учитывать* в их профессиональной деятельности, исходя из того, что экосистемы и сообщества людей являются *самостоятельными моральными субъектами*, которые обладают *собственной неотъемлемой ценностью*. К сожалению, признание *внутренней ценности природных систем* на сегодняшний день (если оставаться на почве реальности) не стало еще необходимым основанием этих отношений. Но исключительно *человекоцентристские цели* не могут и дальше оставаться единственным принципом экологической политики человечества. Только *самоценность* природных систем может быть основанием современной экотетики.

Конечно, здесь могут обнаружиться и парадоксы. Так, один из авторов журнала «Environmental Ethics» ставит весьма практическую, хотя и тривиальную проблему. С одной стороны, пишет автор, важнейшим утверждением экологической этики является главный тезис биоцентризма о том, что все живые существа имеют присущую им ценность. С другой стороны, в определенных условиях человек в силу обстоятельств, сложившихся стереотипов поведения или приоритетов вынужден уничтожать или наносить вред другим живым существам (болезнетворные микробы, надоедливые мухи, «вредные» сорняки). Как здесь поступать с точки зрения экологической этики? Автор предлагает решать конфликт путем выбора приоритетов.

Нравственно-понимающее отношение к природе

Признание внутренней ценности природных систем предполагает особое, *нравственно-понимающее отношение к природе* [3], ценностно-мировоззренческой основой которого выступает признание ее «*одухотворенности*». Проявляется оно в стремлении понять природу, вплоть до взаимопроникновения в ее чувствования и переживания. Для такого сочувствия, сострадания необходимо, чтобы Живое – «*нечеловеческий субъект*» – признавалось источником отношений, равным субъекту человеческому. Поэтому осуществляя или планируя то или иное воздействие на природные объекты, человек должен руководствоваться определенными нравственными нормами, как бы ожидая ответных действий, также имеющих не только физическое, но и нравственное содержание, со стороны этих объектов.

Мысль о «сознательности» природы не так уж нова. Ученым давно известен тезис А. Эйнштейна, согласно которому «природа коварна, но не злонамеренна». Однако злонамеренные или неумелые, не направляемые нравственным законом действия «преобразователя» природы могут вызвать и часто вызывают те или иные формы «наказания» с ее стороны. «Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу, – писал Ф. Энгельс, – она нам мстит». И разве не следует именно так рассматривать черномыльскую трагедию – как «наказание», «мечь» за бездумные игры с природой?

Перенесение на природу *субъектных*, в том числе *нравственных*, качеств всегда было свойственно человеческому миропониманию, в том числе антропоцентристскому (мы привычно говорим «злой ветер», «ласковое солнышко», «трудолюбивый муравей»). Вместе с тем принятие новой «*нравственной субъектности*» природного Иного вызывает вопросы, остающиеся открытыми для обсуждения как в научном сообществе и общественной морали в целом, так и для формирующегося эквайронментального сознания будущих специалистов. Например, нельзя ли предложить этому «нравсубъектному» Иному определенную систему правил взаимоотношений с человеком, и будет ли Оно руководствоваться ими? Вправе ли человек ожидать от этого Иного (биосферы, техносферы, космосферы и т. д.) гуманного отношения к себе, если перенесет на Него действие *принципа гуманизма*? Тезис Эйнштейна о незлонамеренности природы позволяет надеяться на то, что она будет «соблюдать» требование «Не навреди человеку!» – по крайней мере, в ответ на его действия, не вредящие ей.

Здесь может быть высказано возражение со ссылкой на коварство природы: как расценивать ненамеренное зло, наносимое людям стихией? Очевидно, как лежащее вне экологической морали, ибо оно не вызвано взаимодействием общества и природы. Хотя здесь может содержаться нравственный аспект, отражаемый, в частности, в религиозной морали. Так, оценивая соци-

альные бедствия с позиций христианской этики, философ И. А. Ильин писал: «Вопрос надо изменить в корне, спрашивая не “за что нам это послано?”, а “для чего, в какое испытание, в какое научение и удостоверение, закалиение и преображение нам посланы эти мучения?”...» Возможно, такой подход способен оплодотворить и экологическую мораль.

Если «нравосубъектное» природное Иное не будет приносить людям зла в ответ на их гуманное отношение, имеет ли смысл выдвигать ему те или иные нравственные требования, особенно если Оно заведомо их не нарушит (в случае соблюдения их человеком)? На этот вопрос можно ответить следующим образом: *экоэтика* вообще имеет смысл только применительно к преобразуемой природе. В той мере, в какой природа естественна, она не злонамеренна, а в той степени, в какой очеловечена, социализирована, она может отвечать человеку на добро либо добром, либо злом – если изменена *несообразно* естественным или человеческим законам. Как и сам человек, его создания – преобразованная им природа – нуждаются в совершенствовании, в данном случае это как бы нравственное воспитание Иного. Другими словами, *экоэтика предполагает нравственное совершенствование не только «человеческого», но и внешнего, природного мира.*

Образцом такого «воспитания» могут служить три закона робототехники американского писателя-фантаста А. Азимова, «очеловечивающие» робота предъявлением к нему своеобразного морального кодекса: 1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат первому закону; 3) робот должен заботиться о своей безопасности, насколько это не противоречит первому и второму законам. Эти законы А. Азимова носят поистине универсальный характер, ибо совпадают с основными принципами большинства этических систем – от библейских до современных. И поэтому, как утверждает их автор, тот, кто соблюдает все три закона, – это или «настоящий робот», или «очень хороший человек». По этому же принципу предъявления нравственных требований возможно и «очеловечивание» природы.

В связи с применением принципа гуманизма по отношению к природе возникает ряд других парадоксальных вопросов: гуманно ли *по отношению к Человеку* применять принцип гуманизма к природному Иному? Не будет ли возвышение ценности преобразуемых природных систем до уровня общечеловеческих ценностей низводить последние до некоторого низменного уровня? Эти вопросы достойны размышления и обсуждения.

Одним из проявлений нравственно-понимающего отношения к природе выступают *Любовь* и *Уважение* к ней, составляющие *нравственный смысл* экологической этики, тот *стержень*, вокруг которого происходит формирование всех ее ценностей и критериев (О. Леопольд).

Любовь к природе – это внутренний отклик души человека на красоту, гармонию природы в целом – то, что остается за пределами научного познания. Такая любовь возможна, если человек не одержим жадной самоутверждения, покорения природы, получения от нее максимальной прибыли, а стремится понять природу вплоть до взаимопроникновения с ней. Любовь может опираться только на не-антропоцентристское нравственно-понимающее отношение, ибо для нее необходимо, чтобы природа – *«нечеловеческий субъект»* – признавалась источником любви, равным субъекту человеческому. «Очеловечение», «гуманизация» природы выражается в стремлении улучшить ее, улучшая тем самым и себя – ее часть. Любовь и творчество являются атрибутами целостной личности, и поэтому предварительным условием того, чтобы *любовно-творческое отношение к природе* стало реальностью, выступает становление человека как нравственной личности.

Идеалом экзотики является *«взаимная любовь»* – не только любовь человека к стихийным силам природы (которые нередко враждебны к нему), но и любовь самой преобразуемой природы к человеку, даже когда его действия враждебны по отношению к ней. Однако следует помнить, что «любовь» Иного по отношению к нам есть отражение нашей любви к природе. Поэтому в нынешней ситуации конфликтных взаимоотношений человека и природы у нас слишком мало оснований рассчитывать на взаимность.

Таким образом, формирование нравственно-понимающего отношения к природе – процесс, призванный оказывать сдерживающее и облагораживающее воздействие на жизнедеятельность людей и способствовать более глубокому постижению природы, человека, их взаимодействия.

Морально-экологическая свобода и ответственность

В экологической этике соотношение *морально-экологической свободы и ответственности* определяется степенью познания социоприродных закономерностей и возможностью овладения и «манипулирования» ими. Как и в общей этике, формой проявления свободы в экологической этике выступает *моральный выбор*.

Экологическая свобода предполагает возможность, способность и моральную готовность личности действовать в природной среде обитания и по отношению к ней в соответствии с мерой собственной экологической культуры, принимая решения и действуя в соответствии с ними.

Экологическая свобода определяется *морально-экологической ответственностью*, которую можно рассматривать как осознание человеком необходимости экологической деятельности, ориентированной на принцип коэволюции общества и природы и дальнейшую гармонизацию их взаимодействия. В таком понимании морально-экологическая ответственность выступает как *разделенная ответственность*, поскольку она не может относиться к какой-либо отдельной организации или стране

(см. главу 1). Она является и мерой *исторической ответственности*, ибо характеризует принятие решений, реализация которых имеет кардинальное значение для путей развития общества в целом.

Морально-экологическая свобода и ответственность базируются на **принципиальных постулатах**, учитывающих не только то, что хорошо или плохо для человеческого сообщества, но и то, что хорошо или плохо для всей системы «человечество плюс природа» (О. Кинке). Эти постулаты гласят:

- необходим переход от «модели преобладания» человека над природой к «модели сосуществования» человека и природы, предполагающей установление устойчивого равновесия между нашим современным существованием и экосистемным прошлым;
- новая концепция охраны окружающей среды должна включать в себя защиту среды обитания и «братьев наших меньших» не столько *для* человека, сколько *от* человека;
- необходимо научиться управлять «животным», которое находится внутри нас, для чего мы должны развивать в себе такие качества, как самоограничение, ответственность, честность, справедливость; укреплять веру в такие ценности, как любовь, альтруизм, взаимопомощь, права человека и права Иного живого;
- следует стремиться сглаживать конфликты и примирять экономику и производство с экологией, оценивая и то, и другое моральными критериями.

Для формирования морально-экологической ответственности требуются целенаправленные усилия каждого человека, всего общества, преодоление складывавшихся столетиями экологической беззаботности и безграмотности. Человечество должно найти в себе достаточно доброй воли, времени и энергии, чтобы взяться за решение всех этих проблем, иначе оно во вполне обозримом будущем может исчезнуть со сцены жизни.

4.2. Принципы и императивы экологической этики

В проекте документа ЮНЕСКО «Экологическая этика», как отмечалось в Главе 1, в качестве *основополагающих* были выдвинуты следующие принципы: уважение ко всем формам жизни, биоразнообразие, поддержание устойчивости биосферы, экологическая справедливость, принцип предосторожности, принцип общего достояния природных ресурсов. Кроме того, в качестве *практических* предлагались такие принципы, как соблюдение прав будущих поколений, разделенная ответственность, «презумпция опасности», сокращение и конвергенция.

Рассмотрение истории, специфических особенностей и проблем экологической этики, таких, как проблема самооценности природных сис-

тем, нравственно-понимающее отношение человека к природе и др., позволяет дополнить и уточнить этот ряд принципов и предложить некоторые положения, которые, на наш взгляд, могут также рассматриваться в качестве *принципов экологической этики*.

1. Принцип субъект-субъектных отношений человека и природы – безусловно, важнейший принцип экоэтики, связанный с не-антропоцентристским отношением человека к природе и вытесняющий традиционные отношения, в которых природа воспринималась как *объект*: объект воздействия, использования и даже заботы. Этико-методологическим основанием данного принципа является ориентация на общение человека с миром природных явлений как с *Иным субъектом*. При этом независимо от того, верит ли человек в реальность существования стоящего за этими природными явлениями другого сознательного субъекта, и независимо от того, существует или нет в действительности этот иной сознательный субъект, всю природу предлагается рассматривать как Иное мыслящее или, по крайней мере, чувствующее существо или организм (идея В. И. Фалько).

Именно принцип субъект-субъектности делает возможным нравственно-понимающее отношение людей к природе, признание ее самоценности независимо от интересов человека, любовь к ней и ожидание взаимности от нее.

2. Обращенность в будущее как нравственный *принцип экоэтики* – своеобразное проявление и «ответ» на *чувство времени*, перешагивающее рубеж одного человеческого поколения и предполагающее заботу о природных условиях существования будущих поколений [4]. Обращенность в будущее, по словам О. Леопольда, – важнейшая особенность экологической этики (напомним: соблюдение прав будущих поколений – один из практических принципов ЮНЕСКО). В свою очередь, она базируется на ряде моральных принципов, норм и ценностей, которые должны лежать в основе наших обязательств перед будущими поколениями, имеющими право на достойную жизнь. Это:

- *принцип хронологической объективности*, запрещающий игнорировать интересы индивидов из-за их временного, пространственного или идеологического отдаления;

- *«долг перед потомками»*, предписывающий: действие, совершаемое в соответствии с этим моральным долгом, является наиболее ценным из всех возможных действий.

Особенность этого долга в том, что он обращен к потомкам, присутствие которых в современной жизни не может быть актуальным, поскольку они существуют пока лишь в виде возможностей, но которые имеют конкретные права по отношению к нам уже сегодня; это, в частности, приоритет обязанностей перед будущим в случае его столкновения с нашими совре-

менными нуждами, а также воплощение в жизнь социальных программ ответственности перед будущими поколениями;

- нормы-императивы диалога с будущим, включающие в себя: необходимость отказа от действий, которые могут подорвать возможность существования будущих поколений; приоритет ответственности перед потомками при принятии решений, касающихся здоровья человека и состояния природной среды; недопустимость нанесения ущерба интересам будущих поколений в интересах ныне живущих людей.

3. «Нравственно-экологический императив» также можно рассматривать в качестве своеобразного *практического принципа*, предъявляющего объективные требования – «*категорические повеления*» людям, ответственным за внедрение в биосферу достижений научно-технического прогресса в практических целях. Эти повеления базируются, в свою очередь, на «обращенности в будущее» и одном из основополагающих принципов экоэтики – *принципе предосторожности*, к которому можно отнести следующее:

- необходимость учитывать уязвимость природной среды;
- не допускать превышения ее «пределов прочности»;
- глубже вникать в суть свойственных ей сложных взаимных связей;
- не вступать в противоречие с естественными закономерностями, чтобы не вызывать необратимых процессов.

Выполнение этих требований автор «экологического императива» академик Н. Н. Моисеев [5] считает обязательным не только для тех, чья деятельность носит непосредственно хозяйственный характер, но и для политической власти, от которой зависят способы разрешения многих экологических проблем.

4. Принцип «благоговения перед жизнью» выступает важнейшим принципом и экоэтики и биоэтики. На наш взгляд, он является реальным развитием принципа гуманизма и предполагает проявление всех основных принципов ЮНЕСКО, соединяя в себе уважение ко всем формам жизни, экологическую справедливость, заботу о биоразнообразии и поддержании устойчивости биосферы.

Согласно этому принципу А. Швейцера, обращенному к личности и требующему от нее самостоятельного индивидуального выбора, следует «относиться с благоговением к каждому живому существу и уважать его как собственную жизнь... Сохранять жизнь, двигать ее вперед, доводить развивающуюся жизнь до высшей ступени – значит... делать добро; уничтожать жизнь, мешать жизни, подавлять развивающуюся жизнь – значит... делать зло. Это необходимый, абсолютный, основной принцип морали... Этика благоговения перед жизнью включает в себе все, что можно обозначать как любовь, самопожертвование, сострадание, соуча-

ствие в радости и стремлении... Благоговение перед жизнью требует от личности индивидуального выбора на основе формулы А. Швейцера: «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить». При таком подходе подлинно нравственный человек испытывает побуждение выказывать равное благоговение как по отношению к собственной воле и жизни, так и по отношению к любой другой. Только такое, благоговейное отношение к природе может стать основой равноправного диалога человека с ней [6].

Экологизация морали – процесс или принцип экоэтики?

Формирование и развитие экологической этики идут параллельно с процессом ***экологизации морали*** [3]. Процесс этот носит одновременно стихийный и целенаправленный характер. Стихийный – поскольку реалии жизни заставляют людей включать в поле нравственной регуляции свои отношения с природой; целенаправленный – поскольку требует опережающей и кардинальной перестройки всей общественной морали. Экологизация морали предполагает:

- детерминацию отношения людей к природным объектам не только материально-экономическими, правовыми или административными предписаниями, но и *нравственными нормами и принципами*;
- *экологизацию* «традиционных» моральных норм и принципов (например, долг и совесть по отношению к природе как *экологический долг* и *экологическая совесть*);
- появление *новых моральных ценностей*, минимизирующих «старые» (полезности и целесообразности);
- образование единой *нравственно-экологической ответственности* как в производственно-профессиональном, так и бытовом природопользовании;
- постепенную, сложную и длительную перестройку морального сознания, которой должны способствовать *нравственно-экологическое образование, воспитание и просвещение*.

Рассмотренные принципы, нормы и императивы вполне могут претендовать на роль ***концептуальных оснований экологической этики***. Они далеко не бесспорны, но их признание и реализация способствовали бы формированию необходимого в современных условиях энвайронментального сознания, требующего определенных корректив *этического образования и нравственного воспитания*, которые должны вести к становлению у граждан *нравственно-экологической культуры*. Причем уже сегодня экологическая трансформация сознания и деятельности должна двигаться от простой экологической грамотности к обретению высокой *экологической культуры*.

Вопросы и задания

1. Энвайронментальная этика (environmental ethics) – это этика окружающей среды или этика осознания себя в окружающей среде?

2. «Традиция управления» в отношениях человека и природы – это забота, господство или деспотизм? «Традиция сотрудничества» и понятие коэволюции – в чем их смысл?

3. В чем смысл антропоцентристского и не-антропоцентристского отношения человека к природе?

4. Что такое «нравственно-понимающее отношение к природе»? Составьте тест на определение вашего «нравственно-понимающего отношения к природе». Ответьте на него сами и предложите ответить своим друзьям.

5. В чем суть проблемы ценностей в экологической этике?

6. Какие основные принципы и императивы современной экологической этики вы готовы назвать? Выскажите ваше отношение к ним.

7. Как вы понимаете принцип «благоговения перед жизнью»? Какие преимущества, проблемы и парадоксы усматриваете вы в следовании ему?

8. Возможно ли так развить наше морально-экологическое сознание, чтобы это подготовило нас к встрече с иными формами разума и помогло выработать этику взаимоотношений с ними, например, *космоэтику*?

9. Мы говорили о «*правосубъектности*» изменяемой человеком природы. А есть ли смысл говорить о ее «*правосубъектности*»?

10. Возможно ли ставить вопрос о каких-то «интересах» преобразуемой природы и о сочетании их с интересами людей в рамках «политической экологии» или «социальной экологии»?

11. Как решается в экоэтике проблема свободы и ответственности человека перед природой?

13. Какой смысл вы вкладываете в понятия «долг перед природой» и «долг перед потомками»?

14. Возможно ли, говоря словами М. Пришвина, «так сойтись с природой, чтобы чувствовать в ней свою собственную душу»? У вас так получалось? Как вы относитесь к возможности «взаимной любви» с природой?

15. Рассмотрите принципы экоэтики, предлагаемые проектом ЮНЕСКО (см. главу 1), пять основных принципов экоэтики, сформулированных П. Тейлором (см. Раздел 4.2.3), и принципы, выдвигаемые в этой главе. Сравните их, выберите из них наиболее рациональные, на ваш взгляд, и составьте собственный кодекс экологической этики. Будьте готовы аргументировать свой выбор.

16. Свяжитесь с наиболее активной природоохранной общественной организацией в вашем городе и проанализируйте ее программу с точки зрения экологической этики.

Список литературы

1. Тутьчинский, Г. Л. Современная гуманитарная парадигма: гуманитарность против гуманизма? / Г. Л. Тутьчинский // Философский век. – Вып. 21. Науки о человеке в современном мире. – Ч. 1. – СПб., 2002. – С. 134.

2. Тимофеев-Ресовский, Н. В. Биосфера и человечество / Н. В. Тимофеев-Ресовский // Бюллетень ЮНЕСКО. – 1968. – № 1. – С. 3–10.

3. Петрицкий, В. А. Экологизация морали и этика / В. А. Петрицкий // Философские науки. – 1990. – № 4. – С. 103–106.
4. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд. – М., 1983.
5. Моисеев, Н. Н. Человек, среда, общество / Н. Н. Моисеев. – М., 1991.
6. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
7. Леопольд, О. Природная пирамида / О. Леопольд // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. – М. – Бостон, 1992.

Глава 5. Экологическая культура студенческой молодежи: опыт социологического анализа в вузах Беларуси

Человек стоит перед дилеммой: либо он должен измениться – как отдельная личность и как частица человеческого сообщества, либо ему суждено исчезнуть с лица Земли.

А. Печчеи

Экологическая культура общества формируется по мере того, как оно осознает насущность экологических проблем, вырабатывает в отношении природы новые мировоззренческие установки и изменяет социальную практику в соответствии с ними. Содержание экологической культуры составляют нормы, которым нужно следовать при взаимодействии с природой, и ценностные приоритеты человеческого поведения в этой сфере. *Экологическая культура личности* определяется степенью, с которой личность усвоила установившиеся в обществе экоэтические представления, а также чуткостью к экологическим проблемам, способностью воспринимать их решение как собственную задачу, умением практически улучшать взаимоотношения с природой, разрешать конкретные экологические проблемы.

Данная глава призвана помочь читателю проанализировать собственный уровень экологической культуры. Для этого предлагается заполнить анкету (см. раздел 4.4), а затем сравнить свои представления с общими тенденциями в развитии экологической культуры белорусской студенческой молодежи. О них можно судить по результатам социологического исследования, проведенного в 2008 г. на базе Белорусского государственного университета и Международного государственного экологического университета имени А. Д. Сахарова. Было опрошено 354 студента, обучающихся на четырех факультетах различного профиля: гуманитарного, технического, медицинского и экологического. В дальнейшем условно будем называть студентов факультета радиофизики и электроники БГУ *радиофизиками*, студентов филологического факультета БГУ – *филологами*, студентов факультета экологической медицины МГЭУ – *медиками*, студентов факультета мониторинга окружающей среды МГЭУ – *экологами*.

В табл. 1 представлена *экологическая самооценка* студентов в абсолютных цифрах и процентах от числа опрошенных на каждом факультете.

Таблица 1

Уровень вашей экологической культуры	Радиофизики	Филологи	Экологи	Медики	Всего
Высокий	2 (2,2 %)	4 (4,1 %)	3 (3,8 %)	4 (4,6 %)	13 (3,7 %)
Достаточно высокий	20 (22,5 %)	24 (24,2 %)	12 (15,2 %)	38 (43,7 %)	94 (26,6 %)
Средний	52 (58,4 %)	63 (63,5 %)	48 (60,8 %)	40 (46,0 %)	203 (57,3 %)
Низкий	5 (5,6 %)	4 (4,1 %)	7 (8,8 %)	0 (0 %)	16 (4,5 %)
Затрудняюсь ответить	10 (11,3 %)	4 (4,1 %)	9 (11,4 %)	5 (5,7 %)	28 (7,9 %)
Итого	89 (100 %)	99 (100 %)	79 (100 %)	87 (100 %)	354 (100 %)

Обращает на себя внимание высокая самооценка медиков, среди которых нет ни одного, кто счел бы свою экологическую культуру низкой, а 42 % находят ее высокой и достаточно высокой. На втором месте идут филологи, скромно оценивающие свой уровень как средний. Дальнейший анализ показывает, что эта самооценка занижена: именно студентки филологического факультета привержены ценностям экологической этики в максимальной степени. Другую группу образовали радиофизики и экологи, которые чаще прочих затруднялись оценить свою экологическую культуру или давали ей низкую и среднюю оценки. К сожалению, относительно низкая экологическая самооценка этих категорий студентов является по большому счету адекватной.

Можно предположить, что на уровень экологической культуры современной молодежи наибольшее влияние оказывает *общая нравственная культура*, а не особая экологическая подготовка. В нашем анкетировании «хорошие девочки» филологического факультета (обладающие наиболее высоким рейтингом по общеобразовательным предметам) по всем экзотическим позициям оказались существенно нравственнее «плохих мальчишек» – радиофизиков. Так что эти различия вполне можно трактовать не только как профессиональные, но и как гендерные.

Проведенный опрос позволил проследить понимание молодыми людьми трех проблемных блоков экологической этики: *проблемы нравственного отношения к природе в целом; проблемы нравственного отношения к животным; проблемы биомедицинской этики, относящиеся к экологии человека.*

5.1. «Экоцентристы» и «антропоцентристы»

Экологическая этика сформировалась на фоне появления *новой антропологии*, в которой были пересмотрены место человека в мире и его статус среди других существ. Как уже отмечалось, сложившийся в культуре Нового времени **принцип антропоцентризма** предполагал, что человек – это наиболее значимое существо, которое вправе использовать все прочие существа в соответствии со своими целями. Как с религиозных, так и с материалистических позиций человек мыслился как «царь природы», «венец природы», который может и должен переустроить мир в соответствии со своими «высшими» интересами. Парадоксальным следствием этого переустройства стало создание мира, все более не пригодного и опасного для жизни. Данная ситуация породила болезненное представление о человеке как «вредном для природы» существе, тезис о несовместимости природы как саморегулирующейся системы и сущности человека как деятельного существа. Более взвешенным тезисом, описывающим новый статус человека, стал **принцип экоцентризма**, согласно которому человек – существо, равное со всеми живыми существами природы.

Отношение современных белорусских студентов к предложенным мировоззренческим тезисам представлено в табл. 2 в *процентах* от числа опрошенных на каждом факультете.

Таблица 2

Какое место, по вашему мнению, занимает «человек разумный» в живой природе?	Радиофизики	Филологи	Экологи	Медики	Всего
1.1. Человек имеет большую ценность по сравнению с другими существами	27	41,3	21,8	23	28,9
1.2. Человек – существо, равное со всеми живыми существами природы	33,7	44,4	52,5	56,3	46,5
1.3. Человек – «вредное» для природы существо	39,3	14,3	25,7	20,7	24,6
Итого	100	100	100	100	100

Назовем тех, кто выбрал позицию 1.1 **«антропоцентристами»**; тех, кто выбрал позицию 1.2 – **«экоцентристами»**; а тех, кто выбрал позицию 1.3 – **«критиками человека»**. Согласно полученным данным, экоцентрической позиции привержены около половины опрошенных, причем *степень распространенности экоцентризма* прямо коррелирует с будущей профессией молодых людей (если среди радиофизиков таких – 33 %, среди филологов – 44 %, то у экологов – 51 %, а у медиков – 56 %). А вот почти 40 % студентов факультета радиофизики отнесли человека к «вредным» существам. Их профессия, относящаяся к сфере высоких технологий, потенциально (хотя и косвенно) опасна для всего живого, поэтому негативная оценка статуса человека здесь распространена сильнее, чем в других профессиональных сообществах. Представители технических специальностей вполне ясно осознают экологическую угрозу, но мыслят ее как неустрашимую.

Любопытно, что филологи в полтора раза чаще, чем другие, считают человека «венцом творения» и очень редко полагают его «вредным» существом. Вероятно, это связано с тем, что изучение литературы и языка – высших и «экологически чистых» достижений человека – формирует гуманистическое убеждение в высоком предназначении человека. Оно ассоциируется не с практической преобразовательной деятельностью, а с творчеством нравственно насыщенных образов. Это заставляет задуматься о сущности современного антропоцентризма, который не всегда означает отрицание экологической этики.

Позиция современных «антропоцентристов». В целом оказывается, что антропоцентристы не менее привержены ценностям экологической этики, чем экоцентристы. Например, при оценке базового для экологической этики принципа «благоговения перед жизнью» только 20 % антропоцентристов остаются последовательными и полагают, что благоговение перед жизнью относится преимущественно к жизни человека. При этом важно, чтобы человек не убивал ни людей, ни животных. Таким образом, современные антропоцентристы ценят не просто жизнь человека как живого существа, но *жизнь человека как существа, соблюдающего этические принципы*, т. е. для современного антропоцентриста господство человека основано на его *нравственном превосходстве*.

Наделение природы нравственным статусом подразумевает, что она самодостаточна и значимость ее объектов не может определяться той пользой, которую она приносит человеку. Не удивительно, что молодые люди экоцентрического сознания разделяют это убеждение в 86 % случаев, однако и среди антропоцентристов эта позиция оказалась господствующей (71 %). А вот о сентиментальной «взаимной любви с природой» антропоцентристы в 42 % случаев никогда не задумывались.

Таким образом, современный антропоцентризм, продолжающий утверждать, что человек – более ценное существо, чем другие, базируется

на том, что «*высшее*» существо обязано позаботиться о всех прочих живых существах. Критерием господства человека становится не его разум и способность переустраивать мир, а его *способность этот мир спасти*. Только человек может руководствоваться экологической этикой, сознательно ограничивать свои потребности и возможности, исходя из нравственных убеждений. Благоговение перед жизнью каждого живого существа, любовь к природе и самоценность ее объектов переживает не сама природа, но «высшее» ее творение – человек.

Вопрос о том, ради чего следует охранять природу, оказался водоразделом между антропо- и экоцентристами. Для первых природу следует сохранять ради грядущих поколений, т. е. делается акцент на сохранении человека, для экоцентристов же важно сохранять природу ради нее самой. Однако в сумме ответы на вопрос, следует ли сохранять природу ради нее самой (экоцентрическая позиция) или ради грядущих поколений (антропоцентрическая позиция), разделились практически поровну среди всех категорий опрошенных, независимо от их формальной приверженности той или иной антропологической парадигме.

При ответе на открытый вопрос о том, что важнее, долг перед природой или долг перед потомками, все студенты продемонстрировали тесную связь обоих видов долгов, аргументируя это невозможностью выполнить один долг, игнорируя другой. Нравственные обязанности перед людьми и нравственные обязанности по отношению к природе *не противоречат друг другу*, а экологическая этика является закономерным продолжением нравственного развития человечества.

Позиция «экоцентристов». Специфику такой ориентации современных студентов можно прояснить, анализируя их отношение к фундаментальным принципам экоэтики. Принцип «*благоговения перед жизнью*» имеет у них различную интерпретацию: иногда его смысл сужается до гуманистического представления о благоговении перед человеческой жизнью, иногда расширяется до благоговения перед жизнью вообще, в иных случаях делается акцент на разумных и чувствующих формах жизни. Три четверти участников опроса разделяют «*экологическую*» интерпретацию благоговения перед жизнью: не только человек, но и все живое, в особенности разумные и чувствующие формы жизни, требуют соблюдения по отношению к ним нравственных норм.

Общэкологический лозунг «*природа самоценна, безотносительно к пользе для человека*» разделяют 78,5 % молодых белорусов и только 13,5 % полагают, что «ценность природных объектов определяется степенью их пользы для человека». Полученные результаты свидетельствуют о несколько поверхностном восприятии предложенной альтернативы. К сожалению, на практике при решении любой социальной задачи идея

«самоценности природы» легко отступает перед экономическим или исследовательским интересом.

Константой нравственного мира является «золотое правило нравственности», предполагающее моральную взаимность: «относись к другому так, как хочешь, чтобы он относился к тебе». Выработанное в древности, это правило в той или иной формулировке знакомо всем народам. А вот насколько построения экологической этики могут быть основаны на распространении этого правила на природу – вопрос спорный. Считать природу субъектом нравственных отношений и распространить на нее «золотое правило нравственности» согласились 32,6 % опрошенных студентов и только 4,9 % полностью отвергли эту идею. Наибольшую популярность (62,5 %) получила позиция, согласно которой, «хотя “золотое правило” неприменимо к природе, люди должны нравственно к ней относиться, исходя из других нравственных соображений». Это говорит о том, что *большинство молодежи не считает природу субъектом нравственных отношений*, как это предполагает экологическая этика.

Таким образом, *принцип экоцентризма укоренился в современном общественном сознании поверхностно, а его интерпретация дает порой противоречивые результаты.*

Позиция «критиков человека», тех, кто считает человека «вредным» для природы существом, распространена гораздо шире, чем можно было бы предположить на первый взгляд. При этом 14,7 % полагают, что человек не виноват в сложившемся положении вещей, а большинство (63,3 %) считают, что, оставаясь «паразитом», человек должен позаботиться о своем носителе. Вместе с тем в своем благородном стремлении улучшить отношение к природе люди не замечают, что представление о паразитической функции человека по отношению к биосфере *противоречит утверждению о равноправии всех живых существ*. Если прежде человек считался лучшим существом, то теперь он считается худшим, что свидетельствует об определенном перекосе в сознании. Более взвешенной является точка зрения, согласно которой человек – не выше, но и не ниже других элементов природы, самоуничтожение его как «вредного паразита» нравственно нецелесообразно, так как ничтожному по природе существу невозможно вменить в обязанность «заботу о своем носителе».

Негативное восприятие роли человека отличает, как правило, людей невысокой нравственной культуры: молодые люди, отдающие отчет в своем несовершенстве, проецируют это переживание на все человечество. Они в целом довольно равнодушны к этическим проблемам, чаще других «затрудняются ответить», «не понимают, о чем идет речь», «никогда не думали об этом». «Критики человека» не склонны ценить жизнь человека и в подавляющем большинстве считают его паразитом на теле Земли. Феномен жизни редко наделен для них этическим смыслом. «Критики человека» чаще

других отрицали возможность взаимной любви с природой, так как природа – не разумное существо. Собственной экологической деятельностью они занимаются редко.

Итак, современные антропоцентристы разделяют экологические ценности и следуют нормам экологической этики не меньше, чем эгоцентристы. Ведь больше всего антропоцентристов оказалось на факультете филологии, экологическая культура которого наиболее высока. Экологическая этика современной молодежи не обязательно зиждется на эгоцентризме, на убеждении, что человек равен другим живым существам и не должен их подавлять. С таким же успехом основой экологической практики может быть и антропоцентризм: защитить природу может только человек – высшее существо.

5.2. Отношение к животным

Одной из важнейших новаций, привнесенных экологической этикой в нравственное сознание людей, стало утверждение морального статуса всех живых существ. *Гуманное отношение к животным*, ко всем нечеловеческим формам жизни становится важнейшей характеристикой нравственности человека. Традиционная этическая мысль также полагала, что заботливое, гуманное отношение к животным является предпосылкой гуманного отношения к людям, жестокость в обращении с живыми существами осуждалась. Но теперь границы должного в этом вопросе стали существенно строже. Экологическая этика предписывает видеть в животных равноправных участников нравственных отношений, а не только объект заботы со стороны человека. Классический *принцип благоговения перед жизнью* утверждает значимость жизни любого существа, независимо от того, является ли оно полезным для человека или вредным, ведет ли это существо себя нравственно или безнравственно. Однако степень укорененности таких воззрений в нашем обществе относительна. Сентиментальные декларации о любви к животным редко переходят в представления об их самоценности. Любить «животных вообще» гораздо проще, чем проявить хотя бы терпимость к массе неприятных и вредных существ, которыми кишит окружающая среда.

То, что благоговения заслуживает жизнь всех животных, заявили 45 % опрошенных, хотя трудно поверить в то, что все они – вегетарианцы. А ведь системное благоговение перед жизнью животных предполагает отказ от их убийства с какими бы то ни было целями. При том что 51 % филологов благовоит перед жизнью всех животных, именно филологи чаще всех других отметили эксклюзивное право человека на жизнь – 16 %. «Экологическое благоговение» продемонстрировали, скорее, медики: 56 % распространили его на всех животных и только 3,4 % склонны благовоить исключительно перед жизнью человека.

Некоторая расплывчатость понимания принципа «благоговения перед жизнью» обнаруживается, когда его нужно распространить на какие-то конкретные ситуации. Только 2,5 % опрошенных молодых людей согласны считать неприкосновенным вирус СПИДа и только 7 % сочли необходимым благоговение перед жизнью комара (возможно, с долей юмора).

Практическим показателем нового отношения должен стать *отказ от экспериментов на животных* как традиционного метода медико-биологической науки. Отношение современной экологической этики к таким экспериментам существенно отличается от позиции академика Павлова, когда для достижения научного результата вивисекция считалась само собой разумеющейся. Сегодня 64 % современных молодых людей полагают, что «необходимо изыскивать и применять альтернативные методики, заменяющие животных, особенно в учебном процессе». Тех, кто считает, что без таких экспериментов не обойтись во имя спасения жизни и здоровья человека, в среднем 30 %.

Интересно, что отношение к экспериментам на животных никак не зависит от экологической самооценки студентов: как те, кто считал свою экологическую культуру высокой, так и те, кто полагал ее низкой, примерно в равной степени распределились между предложенными вариантами ответов. Это свидетельствует о том, что экологическая культура представляется молодым людям «набором правильных мнений», а не нормами, значимыми для повседневного поведения.

Более всего привержены традиционным экспериментам на животных радиофизики, 37,5 % которых разделяют распространенное мнение о важности поиска истины и достижения научного результата любой ценой. А ведь, казалось бы, именно им должна была прийти в голову мысль о замене реальных экспериментов компьютерным моделированием.

Наиболее сострадательны к животным в этом отношении девушки-филологи, среди которых 80 % считают, что традиционным экспериментам надо найти замену. А вот 34 % медиков согласны с необходимостью экспериментов на животных, т. е. их «благоговение», о котором шла речь выше, действует избирательно. Любопытно, что ни один (!) медик не затруднился с ответом по вопросам, связанным с животными: от половины до двух третей готовы ограничить некоторые формы практики, приносящие вред конкретным особям животных.

Существование еще одной старинной практики человека – охоты, а также не менее традиционных цирковых аттракционов с животными показывает, что современное общество с трудом расстается со своими предрассудками. Когда в детстве родители ведут ребенка в цирк, они не задумываются над негуманностью содержания животных в неволе и жестокостью методов дрессуры. Напротив, предполагается, что такие походы воспитывают в детях любовь к животным. Между тем по нормам экологической этики животное должно находиться там, где лучше для него,

а не там, где нравится нам: *развлечения за счет животных должны остаться в прошлом.*

То, что охота и цирк вошли в традиционный образ жизни человека полагает одна треть студентов, но эта цифра – средняя величина между «жестокими» радиофизиками (46 %) и «заботливыми» филологами (25 %). Негуманной считают охоту на животных, содержание животных в цирках, уличные аттракционы с использованием животных 43 % опрошенных. Причем разница между «лидерами гуманизма» – медиками (56 %) и «равнодушными» экологами (27 %) составляет два раза! Вопрос явно поляризует общество, которое еще не выработало по нему некой солидарной позиции.

Очередной вопрос касается *использования животных для производства одежды и обуви* из натурального меха и кожи. Эта вполне традиционная и распространенная практика может быть поставлена под вопрос только в рамках строгой эоцентрической парадигмы. В нашем обществе крайние позиции по данной проблеме не получают существенной поддержки.

Спокойно относятся к натуральному меху и коже как необходимым и полезным для здоровья человека вещам около 8 %, негативно, как к варварству, – 10 %. Зато по одной трети набрали позиции, согласно которым «можно носить мех и кожу только специально выращенных для этого животных, но не диких», и «вполне можно обойтись искусственными заменителями». Наконец, для примерно 15 % опрошенных это вообще «не самая большая проблема».

Таким образом, общественное сознание уже способно поставить *проблему меха и кожи как этическую*, но до превращения отказа от натурального меха и кожи в этическую норму еще весьма далеко. Заявления о переходе на искусственные заменители вовсе не обязательно подкреплены собственной практикой опрошенных. Что же касается разницы между дикими и специально выращенными животными, то в экологической этике существует течение, которое считает, что единицей экологической заботы являются не особи, а виды животных. Поэтому нравственность состоит не в том, чтобы к каждому отдельному комару относиться, как к человеку, но в том, чтобы не сокращалось видовое многообразие, не нарушался баланс в биоценозах. При таком подходе выращивание животных с целью получения от них меха и кожи считается нравственно допустимым, так как не только не сокращает число видов животных, но даже увеличивает их.

Таким образом, очевидно, что *в отношении к животным проявляется различие между эоцентрической и антропоцентрической мировоззренческими позициями.* Отношение к природе в целом у представителей всех типов мировоззрений является нравственно положительным, но как только речь заходит о конкретных практиках, отказ от которых привел бы

к ущемлению традиционных привычек человека, позиция антропоцентрически ориентированных молодых людей меняется.

Например, от экспериментов на животных готовы отказаться 70 % экоцентристов, а антропоцентристов – 57 %. То, что охота и цирк не гуманны, считает почти половина экоцентристов (но только половина!), а вот среди антропоцентристов таких – около одной трети. Только 28 % экоцентристов согласны носить мех специально выращенных животных, а среди антропоцентристов таких 45 %. Экоцентристы согласны обходиться искусственными заменителями меха и кожи в 42 % случаев, антропоцентристы – только в 18 %. Кроме того, одна пятая последних вообще не видит здесь большой проблемы, равнодушна к самой ее постановке.

Наконец, косвенным показателем отношения к живому является *наличие домашних животных* у наших студентов. 61 % проявляет о домашних питомцах повседневную заботу. Трудно сказать, в рамках какой именно нормативно-ценностной программы они реализуют свое нравственное отношение к живым существам, но сам факт такой заботы внушает оптимизм.

5.3. Отношение к человеку: биомедицинские проблемы

Экологическая этика привела к пересмотру традиционного отношения не только к природе и животным, но и к людям. Если прежде обязательность нравственного отношения к человеку определялась его личностным и духовным статусом, то новая антропология, полагая человека существом среди других существ, обосновывает необходимость нравственного отношения к нему именно как *живому существу*. Такая постановка проблемы актуализировалась под влиянием развития биологии и медицины, успехи которых породили этическую неоднозначность многих вновь возникающих ситуаций, разрешение которых является предметом *биомедицинской этики*. При этом *права человека как личности зачастую сталкиваются с правами человека как живого существа*. Так, при решении проблемы аборта сталкивается право женщины распоряжаться своим телом и право зародыша на жизнь, на то, чтобы стать человеком. При обсуждении проблемы эвтаназии вступает в конфликт право человека распоряжаться своей судьбой, жизнью и смертью и нравственная обязанность медиков всеми силами сохранять жизнь.

Несмотря на то что биомедицинская этика, как и экоэтика, призвана заботиться об экологии человека, в нашем обществе проблемы биомедицинской этики слабо ассоциируются с экологической этикой. *Экология человека*, защита его не в качестве личности и социального субъекта, а в качестве живого существа, до сих пор не слишком популярна. Это связано с общей мировоззренческой установкой общества, согласно которой человек – это, прежде всего, личность, «душа Божья», а не тело. Косвен-

но об этом свидетельствуют и данные нашего опроса. В вопросах биомедицинской этики все студенты, независимо от своей экологической культуры, руководствовались принятыми стереотипами, отражающими состояние общественной морали, но не собственную декларируемую эгоцентрическую ориентацию.

Проблема состоит в том, что дальнейшее развитие современной медицины и биологии может привести к отрицательным последствиям для экологии человека. Никто не может знать точно, какими именно будут эти последствия. Этот агностический ответ – свидетельство растерянности не только 40 % молодых людей, но и человечества в целом перед лицом собственных достижений. Среди оставшихся 60 % оптимистов несколько больше, чем пессимистов. *Оптимисты* – это те, кто верит в силу экологической этики и предполагает, что нравственно-правовое регулирование научных исследований способно предотвратить их негативные последствия.

Наибольшие опасения относительно последствий развития медико-биологических исследований выразили филологи и медики (25–27 %), наименьшую (около 15 %) – радиофизики. Возможно, это происходит потому, что студенты-компьютерщики позитивно оценивают достижения в собственной профессиональной сфере, их экологический вред не столь очевиден, а с опасностями медико-биологических исследований они не слишком знакомы. Весьма колоритна позиция студентов-экологов, среди которых более половины считают, что последствий «никто не может знать точно», что свидетельствует о растерянности, дефиците позитивных альтернатив возникающим угрозам и методов их предотвращения.

Ответы на вопрос о том, могут ли при проведении медико-биологических исследований *интересы общества быть выше интересов отдельного человека*, распределились в равных пропорциях между тремя позициями. Одна треть молодых людей оправдывает исследования, проводимые в ущерб личности, еще треть готова смириться с ними как фактом и лишь треть занимает гуманистическую позицию. На распределение ответов, по-видимому, наложил отпечаток печальный опыт XX века, когда лозунг «цель оправдывает средства» был слишком популярен как в теории, так и в социальной практике, когда ни ученые, ни политики не останавливались перед экспериментами на людях и другими ущемлениями прав отдельных лиц, оправдывая это «интересами науки», «интересами государства», «благом всего человечества» и т. п. Только одна треть современных молодых людей нашла силы отстаивать альтернативную позицию, основанную на концепции прав человека: в ходе медико-биологических исследований *интересы личности не могут нарушаться в угоду сообществам или абстрактным идеям*.

Развитие современной медицины и фармакологии зачастую предполагает исследования с участием человека. Гуманистическая точка зрения,

которую разделяет две трети студентов, состоит в том, что биомедицинские эксперименты на людях можно проводить только при значительном перевесе предполагаемой пользы над риском для испытуемых. Тех же, кто ради будущего блага готов пойти на риск даже при минимальных шансах на успех, оказалась одна пятая. Самыми «рисковыми» оказались экологи, а самыми традиционными – филологи. Остальные осторожно высказались в том смысле, что «никто не может предвидеть результата, поэтому лучше об этом не думать».

В биомедицинской этике является нормой, что очередность предоставления медицинской помощи зависит от тяжести и характера заболевания, а не от социального статуса пациента. Подавляющее большинство наших студентов (68 % в среднем и 80 % у филологов) придерживаются этой нормы: медицинские манипуляции (например, срочная операция или пересадка органов) должны проводиться по жизненным показаниям, невзирая на социальный статус человека, уровень его общественной полезности и заслуг. Только 6 % недемократично полагают, что общество должно в первую очередь заботиться о наиболее ценных гражданах. Оставшиеся 26 % считают, что все зависит от ситуации.

По вопросу об *аборте* и других медицинских вмешательствах в репродукцию человека большинство молодых людей (72 %) придерживаются *либеральной позиции*, согласно которой «все это – личное дело человека, и он вправе распоряжаться своим телом». Всего 7,4 % выступают против контрацепции, искусственного оплодотворения и прочих новых репродуктивных технологий, и только 20,5 % считают аморальным аборт. Данные с очевидностью показывают, что принцип «благоговения перед жизнью», который высоко оценивался в теоретическом плане, не имеет в этом случае никакого практического значения. К сожалению, в нашем обществе *по проблеме аборта господствует не нравственный, а утилитаристский или эгоистический взгляд*. Слабое осуждение аборта в нашем обществе, склонность считать его «технической проблемой» и выносить ее за рамки морали подтверждаются и другими исследованиями [3]. Люди активно высказываются за спасение жизни животных, со своей же, человеческой, жизнью каждый волен делать все, что угодно.

Еще один вопрос биомедицинской этики, порожденный возможностями пренатальной диагностики, состоит в том, что следует делать в случае обнаружения на стадии беременности возможных физических или психических отклонений у будущего плода. Для половины молодых людей проблема оказалась неразрешимой: «это слишком ответственное решение, я не знаю». Одна треть полагает, что будущей матери из соображений гуманности следует избавиться от неполноценного ребенка. И только 17 % настаивают на том, что в период беременности *следует сохранить жизнь неполноценного плода, поскольку жизнь принадлежит*

ему и никто не имеет права решать за него. Такой ответ свидетельствует об эгоцентрической ориентации студентов, независимо от типа их мировоззрения.

Среди медиков не треть, а более половины считают, что от потенциально неполноценного ребенка надо избавляться; они существенно реже, чем все прочие категории опрошенных, затрудняются в этом вопросе. По-видимому, это объясняется преобладающими в медицинской среде суждениями, а возможно, и тем, что они хорошо представляют, что такое «неполноценность» ребенка на практике. Чем меньше у человека медицинских знаний, тем больше он склонен проявлять «абстрактный гуманизм»: только пятая часть филологов согласны, что потенциальные отклонения у плода – повод для избавления от него.

Вопрос о **трансплантации органов** также разделил всех опрошенных на три примерно равные группы. Одни полагают, что необходимо ограничить забор и использование органов от живых доноров при трансплантации, так как это может сделать их предметом купли-продажи. Другие не хотели бы таких ограничений, так как это сделает невозможным добровольное «дарение» органов своим близким. И треть затрудняются ответить.

Странно, что за ограничения в области трансплантологии активно голосовали медики (42 %). Вероятно, они более других представляют себе возможные масштабы такой практики и «боятся» от негативных последствий. В этом вопросе экологическая самооценка студентов оказывается очень сильно: лица с высокой самооценкой в пять раз чаще, чем с низкой, высказывали желание ограничить практику забора органов.

Очередной вопрос из арсенала биомедицинской этики – **эвтаназия**. Расценивать ли ее как реализацию права человека на смерть и как гуманную помощь умирающему, или эвтаназия – это прерывание Жизни, а потому она должна быть отвергнута, как и всякое убийство? В нашем общественном сознании проблема эвтаназии рассматривается зачастую не в моральном, а в психологическом и даже экономическом ключе: безнадежно больной человек сам не живет полноценной жизнью и не дает жить своим родным; на поддержание угасающей жизни тратятся средства, которые могли бы пойти на улучшение здоровья жизнеспособных членов общества.

Не удивительно, что половина молодых людей легко соглашается, что эвтаназия – это возможность для умирающего человека избавиться от страданий и реализовать свое право не только на жизнь, но и на смерть. 12 % считает, что эвтаназия может стать легальной формой убийства и самоубийства, являясь потворством слабости и лазейкой для преступности. И только 38 % опрошенных, выступая против эвтаназии, одновременно считают, что должен быть принят закон, дающий человеку такое право.

Клонирование человека еще не стало реальностью, но нравственные его последствия уже активно обсуждаются. С одной стороны, клони-

рование свидетельствует о прогрессе науки, с другой – это покушение на человеческую индивидуальность и неповторимость, опасность тиражирования злодеев или олигархов. В нашем опросе разбежка мнений оказалась очень большой.

«За» клонирование высказалось 27 % студентов-радиофизиков, у которых опыт работы с виртуальной реальностью порождает желание «поиграть» с любой подвернувшейся возможностью. Они больше других отдают себе отчет в неизбежности изменения биологических форм существования человека и смелее пойдут на любой эксперимент, им просто любопытно. Но только 6 % экологов отозвались о клонировании позитивно: они, вероятно, глубже продумывают последствия, поэтому безоглядных экспериментаторов среди них немного. Против клонирования опять-таки наиболее активно выступили медики (71 %), при этом они практически не колеблются в ответе на вопрос. Возможность выращивать методом клонирования органы и ткани для пересадки не является той целью, считают опрошенные, ради которой стоит рисковать непредсказуемыми последствиями клонирования человеческого организма в целом.

Если посмотреть на дело шире и задаться вопросом, является ли современная форма биологического существования человека (конечность жизни, способ размножения, форма получения энергии в виде потребления пищи и т. д.) обязательной и в будущем для человеческой цивилизации, то необходимо признать, что нравственные аспекты такой перспективы, несомненно, подлежат обсуждению. Большинство наших респондентов полагают, что *современная форма существования человека определяется законами природы, а экологическая этика должна охранять современную форму биологического существования человека*. Чем выше уровень экологической самооценки студентов, тем более они привержены экологии человека, охране его естественного статуса.

В целом при рассмотрении биомедицинских проблем эоцентрическое отношение к природе и гуманность по отношению к животным, которые декларировались большинством молодых людей, практически не сказываются. Те, кто призывал защитить права животных, легко одобрили эвтаназию, аборт и избавление от неполноценного плода. **Человек продолжает считать себя «особым животным»** и настаивает на своем праве перекраивать свое тело и свою жизнь в соответствии с собственными, пусть и вредными для себя представлениями.

5.4. Экологическое сознание и экологическая деятельность

Состояние экологической культуры современных белорусских студентов внушает сдержанный оптимизм. Примерно у половины опрошенных укоренились базовые экологические представления. **Нравственная самооценка молодых людей достаточно адекватна**: чем выше ее уровень, тем больше человек привержен экологическим ценностям при ре-

шении различных проблем. Больше половины опрошенных оценивают свой уровень экологической культуры как «средний», поэтому наиболее популярные ответы – это ответы студентов со средней экологической самооценкой.

Культура экологического сознания современных молодых людей может считаться достаточно развитой: они знакомы с основными проблемами, ценностями и нормами экологической этики, у них сформировалось отчетливое убеждение, что **решение экологических проблем возможно и зависит от активности самих людей**. На вопрос, в какой степени сохранение природы зависит: от государства, от неправительственных общественных организаций, от каждого члена общества, лично от меня, от степени экологической ориентированности бизнеса, от системы экологического образования, от семейного воспитания, – очень немногие ответили, что приведенные субъекты социальной деятельности не оказывают влияния на сохранение природы, или затруднились в ответе на вопрос. В итоге безусловным лидером стал лозунг, согласно которому **сохранение природы для будущих поколений в полной мере зависит от каждого члена общества**. Его придерживаются более трех четвертей опрошенных. Можно было бы восхититься подобным чувством экологической ответственности, если бы не ответ на следующий пункт анкеты. То, что сохранение природы в полной мере зависит *от меня*, полагает уже только половина (53 %), и столько же набрали государство и семейное воспитание. На последнем месте оказались общественные организации: в полной мере в них верит только 21 % опрошенных. Это совершенно ясный показатель роли общественных организаций в разрешении не только экологических, но и каких бы то ни было других проблем нашего общества.

Роль экологического образования также оценивается студентами сдержанно, около 10 % вообще не верят в его воздействие на решение проблем сохранения окружающей среды. Нравственное развитие студентов-экологов, как показывает опрос, относительно невысоко и никак не соответствует тем задачам, которые они, казалось бы, призваны решать. Обучение специальности «мониторинг окружающей среды» формирует у них навыки компьютерного программирования и статистического анализа, но не ценностное отношение к предмету своей деятельности.

То, что половина молодых людей переживает личную ответственность за решение экологических проблем, это уже неплохо, однако **культура экологического действия** развита у них очень слабо. При переходе к практической реализации экологической этики студенты, к сожалению, не видят возможности личного активного участия в решении проблем.

В нашем опросе первое место среди экологически ориентированных действий студентов занимает неразжигание костров там, где запрещено (вероятно, за неактуальностью этого занятия). Почти две трети опрошенных забо-

тятся о домашних животных и читают на упаковке состав продуктов, которые покупают, почти половина работает на даче. А вот специализированная экологическая деятельность (участие в экологических митингах, выпуск экологических стенов, участие в работе экологических организаций) оказалась на последних местах.

Таким образом, *наблюдается разрыв между экологическими убеждениями и экологической деятельностью студентов*. Создается впечатление, что из всех видов экологически ориентированной деятельности студенты склонны к тем, которые приятны и полезны для их собственного здоровья, а не для сохранения окружающей среды. В свободных ответах на вопрос о том, как каждый человек может принять участие в сохранении природы, на первом месте стоит... «не бросать мусор вне урны»! Это правило гигиены, а не собственно экологии, у студентов почему-то оказалось первой нормой экологической этики. Даже высокая оценка студентом собственной экологической культуры не способствует более активной экологической деятельности: *ни один из них не состоит в экологических организациях*.

Для повышения культуры экологического действия необходимо активизировать *систему эколого-этического образования*, сочетая переход от «сентиментальной» модели преподавания экотетики, апеллирующей к чувству сострадания, к аналитическому разбору реальных ситуаций, способствующему умению принимать в них ответственные решения. Сталкиваясь со сложной ситуацией, молодые люди часто отказываются принимать на себя ответственность, говоря «никто не может знать точно», «поживем – увидим», «это очень сложно, я не знаю» и т. п. Следовало бы *от общих принципов экологической этики переходить к технологиям решения проблем*. (Примером является применение методики «case-study» на семинарских занятиях.) Наверное, для формирования экологической культуры специалистов и населения целесообразно также использование в экологической этике принципов наименьшего зла и наибольшего добра; максимального блага для максимального числа людей (или биологических видов); поиск компромисса интересов преобразующей деятельности человека и интересов сохранения природы. Пока эти проблемы остаются в экологической этике открытыми.

Вопросы и задания

1. Как связаны ваши экологические представления с вашей профессиональной ориентацией? Как профиль факультета, на котором вы учитесь, сказывается на ваших экологических представлениях?
2. Являетесь ли вы приверженцем принципа антропоцентризма или экоцентризма? Какое влияние эта мировоззренческая установка оказывает на ваше экологическое сознание?
3. Как можно применять принцип «благоговения перед жизнью» на практике в повседневной жизни?

4. Как следует относиться к людям, которые не разделяют принципов экологической этики?
5. Можно ли сказать, что экологическая этика защищает права животных за счет ущемления прав человека?
6. В каких ситуациях животные могут выступать как субъекты нравственных отношений с человеком, а не только как объекты его этической заботы?
7. Могут ли цели экологии природы вступить в противоречие с целями экологии человека?
8. Экология человека предполагает защиту человека как вида или защиту каждого отдельного человека? Могут ли эти задачи войти в конфликт?
9. Может ли экологическая этика строиться на принципе «цель оправдывает средства»?

Список литературы

1. Борейко, В. Е. Экологическая этика / В. Е. Борейко. – Киев, 2004.
2. Прикладная этика: учеб. пособие / И. Л. Зеленкова [и др.]; под общ. ред. И. Л. Зеленковой. – Минск : ТетраСистемс, 2002. – 208 с.
3. Титаренко, Л. Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2004. – 159 с.
4. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973. – 310 с.
5. Этика: учеб. пособие / Т. В. Мишаткина [и др.]; под общ. ред. Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : Новое знание, 2006. – 580 с.

Раздел 2

«ОТКРЫТЫЕ» ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Глава 6. Экоэтика и биоэтика: грани взаимодействия

И если впрямь земля болеет нами...

А. Тарковский

В постчернобыльский период, усугубленный глобальными природными катаклизмами, свои претензии миру человеческих отношений предъявил мир в полном смысле слова *«не-человеческий»* – природный. В ситуации, когда опасность экологических катастроф из прогнозов и предостережений превращается в неумолимую реальность, он заявил о своих правах и потребовал от человека равноправного диалога с ним; потребовал поставить вопрос не только о том, что есть Добро и Зло для человека и человечества, но и о том, что есть Добро и Зло для триады «человек – общество – природа» [1].

Такое отношение человека к природе – не выдумка XX века. Оно существовало на стадии становления морали у наших далеких предков, затем, как мы помним, было вытеснено антропоцентристским подходом, а теперь снова востребовано сложившейся экологической ситуацией. Именно в связи с ней в последнее время заметно усилился пафос защиты жизни на Земле от насилия и посягательств человека, утратившего чувство ответственности за свои действия, за выбор тех средств, которые он использует для достижения своих целей.

Господствовавшие на протяжении столетий антропоцентрические представления о взаимодействии Человека и Природы, где объекты природы рассматривались только как средства достижения человеческих целей, определявшие вектор развития экономики, политики, науки, культуры, приобрели особое негативное значение в современном обществе глобальной технологизации.

Выдающиеся гуманисты – основатели экологической этики земли (О. Леопольд), универсальной этики (А. Швейцер), глобальной биоэтики (В. Р. Поттер) высказали идею о необходимости отношения Человека к Природе не только как среде обитания, в которой безраздельно господствует Человек. По мнению В. Р. Поттера, «существование мира не должно зависеть от терпения Природы выносить наши оскорбления и ее способности бесконечно поддерживать жизнь наших потомков. Наука не может заменить щедрость Природы, когда последняя изнасилована и ограблена».

Экоэтическим идеалом является такой мир, где благо человеческого общества и удовлетворение потребностей Человека может быть достигнуто только без ущерба, причиняемого Природе. Особенностью современного этапа развития эко- и биоэтики является их объединение и взаимодействие на меж- и мультидисциплинарной основе.

Основные этические правила экологической этики, сформулированные известным экофилософом П. Тейлором: непричинение вреда живой природе, невмешательство и восстановление справедливости по отношению к природе, ответственность за прирученное животное (см. раздел 4.2.3.) – созвучны универсальному принципу «благоговения перед жизнью» А. Швейцера и биоэтическому кредо Р. В. Поттера. Базовыми убеждениями, формирующими это кредо, служат:

- осознание необходимости принятия неотложных мер в мире, находящемся в кризисной ситуации;
- согласие с тем, что выживание и развитие человечества в будущем в значительной степени зависит от сегодняшних планов и деятельности человека;
- признание уникальности каждой личности и ее естественного желания внести свой вклад в развитие общества способом, который был бы совместим с его потребностями;
- неравнодушие к страданиям как результату негуманного отношения одного человека к другому;
- подтверждение благоговения перед жизнью, а также своих обязательств перед будущими поколениями.

В современном обществе эти правила, отражающие сложные взаимоотношения между Человеком и Природой, получили дальнейшее развитие. Они легли в основу деклараций, меморандумов, конвенций различных профессиональных сообществ экологов, врачей, ученых и общественных движений, борющихся как за охрану окружающей среды, так и за гуманное отношение к животным, а также государственных, международных законов и стандартов, регулирующих разные сферы деятельности человека.

Современная экологическая этика ставит вопрос о необходимости обеспечения длительного и устойчивого взаимодействия человека с природой. *Концепция коэволюции* исходит при этом из их *общности* и пытается соотнести представления об *общности блага* для человека и природных существ с идеями об *общности целей* их взаимодействия и развития. При этом становится очевидным, что совершенствование природы нуждается в совершенствовании самого человека. Коренное изменение морально-этической оценки природы, которое соответствовало бы этим представлениям, состоит в том, чтобы научиться видеть в природе *ценность культуры*. Это означает, что *гуманизм человека в той же мере*

должен проявляться в отношении к природе, как и в межчеловеческих отношениях. Более того, гуманизм как принцип связи между людьми приобретает завершённый вид только тогда, когда он становится одновременно формой связи между человеком и природой.

Новый гуманистический подход находит конкретное проявление в двух основных принципах – *экоцентризме* и *биоцентризме* (см. главу 3), на базе которых формируются новые междисциплинарные научные направления – *экоэтика* и *биоэтика*. Как мы помним, *экоэтика* – отрасль прикладной этики, предметом которой выступают нравственные взаимоотношения человека, общества и *природы в целом* в их гармоничном единстве как автономные и равные моральные субъекты. Предметом *биоэтики*, ориентированной на изучение и разрешение моральных проблем, порожденных новейшими достижениями науки и биотехнологий, выступает нравственно-понимающее отношение к *Жизни и любому Живому*. Как видим, экоэтика и биоэтика объединены, прежде всего, *общим предметом – отношением человека и природы*. Вместе с тем между ними имеются и определенные различия.

Так, *экоэтика* распространяет свои моральные нормы и требования на отношение человека ко всей природе – живой и неживой – и требует от него *нравственно-понимающего отношения* к ней. *Биоэтика* же рассматривает проблемы ценностного характера, свойственные отношениям и профессиям, связанным с *Живым*, включая профессии биологов, медиков, зоотехников, ветеринаров и др. Она выступает моральным регулятором проблем, связанных не только с защитой прав человека в биомедицине, но и с защитой прав животных. Биоэтика выходит за рамки жизни и здоровья человека, касаясь проблем существования и защиты диких животных и растений, содержания животных в сельском хозяйстве и домашних условиях, экспериментирования на них в научных исследованиях и учебном процессе и решая эти проблемы с точки зрения соблюдения экоэтических требований.

Не рассматривая отношений экоэтики и биоэтики в вертикальном, «соподчиненном» взаимодействии, отметим, что в горизонтальном разрезе их единство, общность, возможное (и необходимое) «сотрудничество» чрезвычайно важны. Обе сферы одинаково «пронизаны» моральными принципами, ценностями и императивами (см. главы 1 и 4), содержащими одновременно возможности *этического измерения* и *этического обеспечения* экологии природы и экологии человека.

Так, принцип субъект-субъектных отношений человека и природы необходим для установления равноправного диалога человека и природы, в котором любое Живое выступает как Иной субъект; принцип «благоговения перед жизнью» требует «относиться с благоговением к каждому живому существу и уважать его, как собственную жизнь»; «нравственно-экологический императив» предъявляет требования «повеления» людям: учитывать одинаковую уязвимость человека и природной среды; не допускать превышения их «пределов прочности»; не вступать в

противоречие с природными «био-эко-этическими» закономерностями, определяющими гармоничное сосуществование человека и природы; «обращенность в будущее» и «долг перед потомками», имеющими право на достойную жизнь, обеспечивают наши обязательства перед будущими поколениями, в частности отказ от действий, которые могут подорвать возможность их существования, или признание ответственности перед ними при принятии решений, касающихся здоровья человека и состояния природной среды.

Таким образом, *экологическая этика* и *биоэтика* предполагают оптимальное соотношение интересов человечества и всех других живых и неживых компонентов природы, обеспечивающее их взаимно скоординированное развитие, когда, *воздействуя* на объекты живой природы, *используя* их в своих целях, человек обязан *учитывать их возможности и интересы*. Коренное изменение морально-этического отношения к природе требует пересмотра проблемы моральных ценностей: ведь в этом случае должна признаваться независимость и внутренняя *самоценность* природных феноменов «для себя», независимо от их ценности для человека и его потребностей.

Отношение человека к природе должно определяться его родовой сущностью, его сложнейшей *био-психо-социальной природой*. Одним из подходов, определяющих отношение человека к природе как «Иному Живому», является понимание им собственной антропологической сущности как *части* природы. Внутренний фактор *единства и взаимодействия* человека и природы обусловлен, прежде всего, природной (биологической) сущностью самого человека, что, вероятно, и натолкнуло его в свое время на мысль использовать для изучения человеческой природы другие животные системы. Вместе с тем именно это обстоятельство требует от нас признавать приоритетным, естественным правом, определяющим все другие права и моральные ценности, ***право на жизнь***: не только человека, но и других природных систем. Именно оно предупреждает об опасности, общей и для всей природы, и для человека – опасности излишне активного вмешательства человека в природу. Примером здесь могут служить достижения генной инженерии по вторжению в природу человека, других живых существ и растений.

Сегодня за счет включения в поле заботы этики объектов природы как *равноправных человеку субъектов*, происходит расширение традиционного гуманизма, что и привело к появлению экологической этики и биоэтики. Они вырабатывают новые нравственные нормы поведения личности как в «человеческих», так и в «нечеловеческих» ситуациях, ориентируют человека на отказ от собственного антропоэгоизма и учат его проявлять Любовь, Уважение и Ответственность по отношению ко всему природному миру. При этом эко- и биоэтические концепции пред-

полагают оптимальное соотношение интересов человечества и всей остальной биосферы – «Иного Живого».

Гуманистическим основанием современных наук о жизни выступает, прежде всего, философское и этическое знание в его трансформированном, «приспособленном» к нуждам экологии, биологии и медицины варианте. Оно и становится методологической основой фундаментальных положений *глобальной биоэтики и экологической этики*. В их содержании может быть выделен ряд аспектов, которые и составляют, на наш взгляд, *основные направления современного эко- и биоэтического знания*. Это:

- *нормативный аспект*, в рамках которого исследуются специфика и «работоспособность» общечеловеческих моральных норм, ценностей и идеалов в отношениях человека с живой и неживой природой;

- *ситуативный аспект*, обосновывающий необходимость морального выбора и принятия решений в различных экотических и биоэтических ситуациях и казусах;

- *экспериментальный аспект*, предполагающий распространение моральных принципов на биомедицинские и экологические исследования с участием человека и животных;

- *институциональный аспект*, связанный с необходимостью решения социальных и профессиональных проблем экологии природы и человека и ролью этических комитетов как специальных институтов в этом процессе.

Большинство этих проблем носят *«открытый»* характер, поскольку они ставят специалиста перед *выбором*, который не всегда является однозначным и простым, но всегда определяется уровнем его *этической компетентности*.

Сегодня экологическая этика находится в процессе становления собственной системы ценностей, от которых зависит продуктивность деятельности людей по защите естественной среды обитания. В *культурологическом диапазоне* выявляется целый спектр ценностно-оценочного отношения к природному миру. Так, наиболее значимыми в оценке дикой природы некоторыми исследователями [2, 3] признаются:

- *культурно-историческая ценность* природы как способность осуществлять преемственность с прошлым и сохранять дух истории и культуры;

- *ценность наследия*, полагающая природу родовым началом всякой жизни на Земле;

- ее *духовная ценность*, делающая природу местом, где осуществляется контакт человека с ее творческой энергией с целью обретения мудрости, спокойствия и духовности;

- ее *символическая ценность*, указывающая на то, что отдельные виды природы приобретали у разных народов статус символа;
- ее *биоэтическая ценность*, защищающая право всех природных систем на жизнь и существование, вне зависимости от целей человека;
- ее *эстетическая ценность*, акцентирующая внимание на ее красоте, в соответствии с которой необходимо соотнобразовывать свои поступки в природопользовании;
- ее *религиозная ценность*, усматривающая в природе средоточие тайн и чудес Бога, что проявляется в сакрализации ее отдельных территорий, которые воспринимаются как святые места.

Тем самым экологическая этика накладывает нравственный мораторий на обращение с природой как с вещью и ресурсом. Если современное общество это понимает и принимает в качестве нравственно-экологического императива, тогда оно дееспособно в преодолении экологического кризиса. В этом случае и в природоохранной политике общества приоритетным становится понимание того, что многообразные природные объекты должны быть сохранены исключительно по причине их внутренней *самоценности*. Поэтому долг человека – не только не допускать потерь в биоразнообразии, сохраняя все возможные виды и объекты природы, но и заботиться о *правах биоса*, проявляя широкий «человеческий» подход, предполагающий пересмотр традиционных этических и юридических принципов и формирование новых [4]. В этом суть и экологической этики, и биоэтики.

Вопросы и задания

1. Что общего между экотикой и биоэтикой? Чем отличаются эти области прикладной этики?
2. Каким образом экотика и биоэтика обеспечивают оптимальное соотношение интересов человечества и всех других компонентов природы?
3. Почему биоэтика – это необходимый и единственный «мост в будущее», обеспечивающий человечеству выживание (В. Р. Поттер)?
4. В чем, на ваш взгляд, состоит умение человека в «нечеловеческих» ситуациях отказаться от собственного антропоцентризма и проявлять Любовь, Уважение и Ответственность по отношению к природному миру? Вам приходилось оказываться в подобных ситуациях? Как вы считаете, способны ли вы соответствовать этим требованиям?
5. Проанализируйте основные направления современного эко- и биоэтического знания и прокомментируйте, какую роль играют они в будущей профессиональной деятельности специалиста.
6. Рассмотрите приведенные выше ценностные аспекты природы и выскажите ваше отношение к ним.

Список литературы

1. Гор, А. Неудобная правда. Глобальное потепление: Как остановить планетарную катастрофу / А. Гор. – СПб. : Амфора, 2007. – 328 с.
2. Борейко, В. Е. Современная идея дикой природы / В. Е. Борейко. – 2-е изд., доп. – Киев : КЭКЦ, 2003. – 208 с.
3. Борейко, В. Е. Философы дикой природы и природоохраны / В. Е. Борейко. – 2-е изд., доп. – Киев : КЭКЦ, 2004. – 160 с.
4. Сингер, П. Освобождение животных / П. Сингер. – Киев : КЭКЦ, 2002. – 128 с.

Глава 7. Экологическая этика и права природы

Другие животные тоже нуждаются в защите под сенью закона, как мы.
И. Бентам

Права природы так же незыблемы, как и права человека.
Б. Е. Патон

Одной из «открытых» и наиболее спорных проблем экологической этики является проблема прав природы.

В самом общем виде история прав – это история борьбы с рабством и бесправием. Она началась еще в древние века, когда рабы под предводительством Спартака боролись за свою свободу. Постепенно свои права завоевали негры, женщины, дети. Теперь человечеству осталось сделать последний шаг – признать права всех без исключения живых существ, а также экосистем дикой природы, т. е. освободить от рабства и бесправия всю природу [1].

Права природы – это этическая или юридическая конструкция, идея, а не факт, не вещь. Они не существуют сами по себе, а являются отражением морали или юридической практики определенного человеческого сообщества.

Так, культура и религия американских индейцев и многих азиатских буддистов предполагали наличие прав у животных, и поэтому эти права защищались людьми. В Карпатах, в Западной Украине, местное население присваивало медведям право на добычу сельскохозяйственных животных. Считалось, что медведь имел право задрать до 10 коров. За медведем признавалось также право на жизнь. Убить или не убить медведя, задравшего скотину, решал специальный суд из уважаемых в селе людей [5].

Права животных признавались в Древнем Египте, о них писали юристы Древнего Рима и арабский мыслитель Изд-Дин ибн Абд-Салам. В 1903 г. московский ученый П. В. Безобразов издал книгу «О правах животных», в которой впервые на просторах Российской империи обосновывал наличие прав животных [8]. В 1909 г. классик российского заповедного дела про-

фессор Московского университета Г. А. Кожевников поднял вопрос о праве первобытной природы на существование.

В защиту прав природы высказывались также американский писатель-натуралист Сетон-Томпсон, природоохранник Дж. Мюир, один из основателей экологической этики О. Леопольд, освободитель от рабства американских негров президент США А. Линкольн, немецкий философ Краузе, французский дипломат Энгельгард, английский философ Сольт, российский пионер охраны природы профессор А. П. Семенов-Тянь-Шанский, издатель и друг Льва Толстого В. Г. Чертков и др. «Я вижу конские свободы и равноправие коров», – писал российский поэт Велимир Хлебников [1].

Особенно обострился интерес к идее прав природы с середины 1960-х годов, когда писательница Б. Брофи опубликовала эссе «Права животных». В 1970–1980-х годах в США, Великобритании, Австралии и других странах в большом количестве стали выходить научные и популярные статьи и книги, обосновывающие наличие и защиту прав не только у высших животных, но и у деревьев, растений, микроорганизмов, экосистем и даже космоса. В США с 1984 г. действует организация «Юристы за права животных». Среди теоретиков концепции прав животных следует выделить австралийских, американских, английских философов и юристов – Питера Сингера, Олдо Леопольда, Тома Ригана, Ричарда Райдера, Эндрю Линзи, Кристофера Стоуна [9, 10].

В высших и средних заведениях многих стран студентами философских, юридических и экологических специальностей изучается *теория прав природы*. Только в США ее преподают более чем в 25 колледжах и университетах. Впервые курс прав животных был введен здесь в 1988 г. В Рутгерсе (штат Нью-Джерси) курс под названием «Права животных, теория и практика» читается с 1990 г., в Университете Сизгла курс называется «Права животных и экологическая этика».

В 2006 г. в Украине Законом «О защите животных от жестокого обращения» признаны юридической дефиницией естественные права животных. Президент Национальной академии наук Украины академик Б. Е. Патон заявил в одном из своих интервью: «Права природы так же незыблемы, как и права человека» [4]. Защиту прав животных включает Национальная стратегия сохранения биоразнообразия России [13]. Во многих странах мира 24 апреля празднуется как День прав животных. Как показывают социологические исследования, проведенные в Украине Киевским эколого-культурным центром и в России рядом социологических служб, около 70 % опрошенных в этих странах поддерживают идею прав животных.

Что такое права природы?

Права природы – это защищенные моралью или законом потребности, притязания и интересы природы (животных, растений, микроорга-

низмов, экосистем), рассматриваемой как моральный партнер. Права природы нужно рассматривать в объективном и субъективном смыслах. В объективном смысле – это система необходимых правил поведения человека в отношении природы, в субъективном – признаваемые человеком претензии природы на какое-либо жизненное благо, интерес. Например, волк имеет жизненный интерес в пище, свободе, жизни. Без этих благ он не сможет существовать как вид или индивид. Поэтому он должен обладать правами на защиту этих своих жизненно важных интересов.

Право – это регулятор общественных отношений; права природы должны быть регулятором наших отношений с природой. Права бывают моральные (естественные) и юридические. Моральные права защищаются этикой, традициями, религией; юридические права – законом. Как правило, вначале человеческим сообществом обосновываются и признаются моральные права, а затем юридические. Поэтому признание человеком прав природы – вопрос, прежде всего, нравственной, а впоследствии и юридической защиты природы.

Кто может обладать правами?

Долгое время в этике бытовала концепция, что наличие прав обязательно должно предполагать наличие обязанностей, которая и по сей день имеет своих сторонников. Из нее следует, что поскольку собаки, лягушки и ландыши не имеют никаких обязанностей, то сомнительно наделять их правами. На наш взгляд, такой однобокий и формальный подход имеет серьезные изъяны в своей логике. Дело в том, что если ему следовать даже в пределах человеческого вида, то мы должны отобрать права у младенцев, душевнобольных людей, которые обладают не только моральными, но и юридическими правами, а также у будущих поколений людей, экологические права которых сейчас активно начинают защищаться. Ведь эти категории людей не имеют никакой ответственности. Например, абсурдно говорить о том, что какую-либо ответственность несут еще не родившиеся люди или больные, потерявшие рассудок. Тем не менее современная моральная и юридическая практика наделяет младенцев и душевнобольных людей правами.

Некоторые зарубежные эколо-философы, например Том Риган, наделяли правами только высших животных – млекопитающих, птиц, которые могут чувствовать боль и страдать, в свою очередь обделяя правами не чувствующих боль, и значит, не страдающих насекомых, растения, микроорганизмы [10].

Однако, согласно современным взглядам экологической этики, любое живое существо, имеющее не только осознанные желания, надежды, стремления и импульсы, цели и задачи, но и латентные тенденции, способность к волевому движению, питанию и росту, дыханию и самозащи-

те, естественные чувства удовлетворения, а также склонности и свойства, подобные им, или хотя бы что-то одно из этого перечня, – обладает интересами [6]. А тот, кто имеет интересы, должен обладать правами на их защиту. Такой универсальный подход позволяет обосновать наличие прав у всех без исключения живых существ, от человека до растений и микроорганизмов [6]. Ведь они, так же как человек, имеют способность к питанию и росту. Более того, в эту категорию могут попасть и экосистемы, так как они тоже имеют способность к питанию и росту. Поэтому *право принадлежит тем, кто имеет свои интересы, потребности и цели*. Другими словами, если нет интересов, потребностей и целей, то не имеется и соответствующих прав. Так, камень, что лежит на дороге, не имеет никаких интересов, потребностей и целей, поэтому у него нет и не может быть никаких прав. Корова же, которая проходит мимо, имеет свои интересы и потребности, например в пище, в хорошем обращении, в жизни, следовательно, у нее имеются и определенные права на их удовлетворение.

Обсуждая проблему прав природы, следует подчеркнуть три важные вещи, которые порой неверно интерпретируются.

Во-первых, как мы уже говорили, права природы это чисто человеческая конструкция, существующая лишь в моральных или юридических отношениях человека к природе. В самой природе прав нет. То, что волк съел зайца, не означает, что он нарушил его право на жизнь. Права белок и зайцев следует защищать не от куниц и волков, а от насилия со стороны человека и государства.

Во-вторых, придание природе (животным, растениям и т. п.) прав не означает прекращения их использования (как и люди, обладающие правами, продолжают друг друга использовать), а только прекращает их использование со злоупотреблением, их эксплуатацию.

В третьих, в отличие от человека, другие живые существа обладают гораздо меньшим количеством прав. Например, курица не обладает правом на образование, так как у нее нет в этом интереса. Ландышу совершенно не нужно право на свободу совести и т. д.

Кто является конкретным носителем прав природы?

В настоящее время различными природоохранными и зоозащитными организациями, экофилософами, экологами разработано несколько деклараций прав животных и природы [3, 7], предлагающих ввести понятия прав живых существ на уровне видов и индивидов.

На уровне видов основным правом признается *право вида на существование*. Это право носит фундаментальный характер, оно давно общепризнано и защищается Международной конвенцией о биоразнообразии [11]. В конвенции подчеркивается, что крайне нежелательным и

опасным является уничтожение вида как такового. Другими правами живых существ на уровне видов могут быть:

- право на возмещение ущерба по вине человека;
- право на процветание.

На уровне индивидов могут быть предложены следующие права:

- на жизнь;
- на естественную свободу;
- на необходимую для жизни долю благ;
- на отсутствие ответственности перед человеком;
- на возмещение ущерба, нанесенного человеком;
- на защиту от ненужного страдания по вине человека;
- на опеку (для домашних и сельскохозяйственных животных и растений). Кстати, последнее право в ряде стран (Украина, Польша, Австрия, Германия, Латвия и др.) охраняется законами о защите животных от жестокого обращения.

Кроме того, живые существа на уровне и видов, и индивидов обладают также правом на генетическое разнообразие.

Для экосистем, рек, гор, космических тел наиболее важным правом является *право на существование*. Законы об охраняемых природных территориях как раз и защищают это право многих природных экосистем. Другим важным для них правом может быть признано право на возмещение ущерба по вине человека.

Какой характер носят права природы?

Как и права человека, права природы *не являются абсолютными*, т. е. они могут быть нарушены при веском моральном обосновании. Так, защита своей или других людей жизни, здоровья, а также поиск пропитания являются важным моральным обоснованием для того, чтобы убить животное. Однако убийство животного ради развлечения, традиции, удовольствия или образовательного опыта к таким важным обоснованиям, с позиции экологической этики, не относится.

Особенно сложным является вопрос о правах растений, микроорганизмов и животных, наносящих существенный вред человеку.

Как правило, концепция прав природы поддерживается людьми по отношению к домашним животным, диким зверям и птицам, имеющим красивый внешний вид (олени, лебеди, дельфины) или приносящим пользу человеку (синицы, бобры, соловьи). Когда же речь начинает идти о животных, наносящих вред человеку (волки, серые вороны, жуки-дровосеки), или о растениях и микроорганизмах (микробы, вирусы, особенно болезнетворные), то тут концепция прав природы, как правило, начинает терять своих сторонников. Кроме того, возникает закономерный вопрос: как, например, можно охранять микроорганизмы, если в ре-

альной человеческой жизни они гибнут в большом количестве (например, при необходимом употреблении большим лекарственных антибактериальных препаратов)?

Действительно, при современном уровне жизни человека осуществить охрану прав всех индивидуальных микробов (как, впрочем, и всех индивидуальных растений) пока невозможно. На практике всегда можно найти достаточно оснований, чтобы игнорировать права и интересы бактерий. Но это не должно делать индивидуальные живые микросущества не имеющими отношения к этике. Налицо этическая позиция, которую мы хотели бы принять, но которая пока фактически не может быть осуществлена. Однако и в ней уже могут быть некоторые компромиссы с практикой. Во-первых, мы должны делать отличие неизбежного, вынужденного, морально оправданного убийства микробов от неоправданного убийства. Например, зачем уничтожать редкие колонии микробов в соляных озерах или гейзерах, если они к тому же не приносят никакого вреда человеку? Во-вторых, мы уже сейчас можем говорить об охране права всех видов микробов и вирусов на существование (даже вредных, сохраняя их в специальных лабораториях). Так, вирус оспы не уничтожен полностью, а сохраняется в Центре контроля за болезнями (Атланта, Джорджия, США) и в лаборатории «Вектор» (Новосибирск, Россия).

Нарушение прав природы: видовой терроризм

Одной из самых грубых форм нарушения прав живых организмов выступает **видовой терроризм** – целенаправленное уничтожение людьми того или иного вида живых существ. К ним относятся, в частности, волки, серые вороны, шакалы, кроты, серые цапли, лисы, так называемые растения-«сорняки», признанные «вредными». Идеологической основой видového терроризма является антропоцентризм во всех его формах – от мягкого до агрессивно-имперского. По сути дела, видовой терроризм выступает *аморальным инструментом власти человека над природой*. Современный видовой терроризм демонстрирует цинизм, воинствующий аморализм, готовность пренебрегать жизнью других живых существ.

Насилие в отношении диких животных и растений сопровождало всю историю человечества. Видовой террор пережил несколько стадий своего развития – от импульсивного, стихийного, индивидуального до планомерного, массового и государственного. Как и другие виды терроризма, видовой терроризм порождает высокую социально-общественную и экологическую опасность. Она заключается не только в угрозе уничтожения целого вида флоры или фауны, но и в воспитании у людей жестокости и склонности к насилию.

В качестве примера можно привести различные учебники по охотоведению, в которых рекомендуется физически уничтожать те или иные виды диких животных. Акции по уничтожению «вредных» животных нередко демонст-

рируются по телевидению, тиражируются СМИ, прежде всего охотничьими, лесохозяйственными и садоводческими. Причем охотничьи СМИ играют здесь особую роль, ибо постоянно подпитывают своих читателей ненавистью к «вредным» животным, вовлекая охотников в борьбу с ними в качестве палачей. Как и в случае с другими видами терроризма, расстрелы «вредных» животных происходят без суда и следствия, не за преступления, а по видовому признаку. Так, в СССР с 1946 по 1967 г. охотниками было уничтожено 35 тыс. волков, в 1962 г. – 1 млн. 154 тыс. хищных и других «вредных» птиц. В настоящее время в странах СНГ волки уничтожаются поголовно, в любое время года, вне контроля.

Поэтому видовой терроризм, как это уже сделано в отношении других видов терроризма, должен быть признан аморальным и противоправным. Подобная этическая позиция должна следовать даже в отношении защиты прав животных и растений, приносящих вред человеку. Право на существование волков, серых ворон, насекомых – сельскохозяйственных вредителей и растений-сорняков должно твердо защищаться на уровне вида. Ни в коем случае нельзя уничтожать волков или одуванчики как вид. Более того, с позиции экологической этики можно требовать разработки и введения гуманных методов регулирования численности высших, чувствующих боль животных. Так, волков или бродячих собак нужно не травить ядами и отстреливать, а стерилизовать, серых ворон – отпугивать.

Еще больше расширяется практическое применение экологической этики, когда дело касается защиты прав растений. В этом случае можно говорить не только о реальной защите права видов растений на существование, но и о реальной защите права некоторых индивидуальных растений на жизнь.

Так, современное законодательство охраняет от уничтожения не только виды, но и индивиды редких растений, занесенных в Красную книгу. Например, занесенные в Красную книгу подснежники нельзя собирать в природе даже в количестве одного экземпляра.

Другой пример защиты права на жизнь индивидуальных растений – это заповедное дело, объявление памятниками природы отдельных деревьев-долгожителей или памятных, связанных с важными историческими событиями или легендарными людьми деревьев. Их не рубят, а берут под охрану.

По-видимому, можно говорить о праве на опеку и для тех индивидуальных растений, которых человек забрал из природной среды и принес в свой дом (например, комнатные или садовые растения). Ведь сами, без заботы человека, они не выживут и погибнут.

Уважать права других живых существ означает способствовать их интересам вне зависимости от наших чувств и симпатий.

Юридическая защита прав природы

Моральные (естественные) права природы являются основой для законов, которые должны будут приниматься в следующем (а может и

через одно) поколения. Они готовят людей к жизни в новой *экоэтической сфере ответственности*.

Сегодня важнейшим элементом охраны прав природы может быть возможность подачи исков в суд на ее губителей. Однако современная отечественная юридическая практика пока не признает права природы и поэтому подача исков в суд возможна только в том случае, если ответчиком нарушены экологические права человека, нанесен ему или какой-либо организации экономический ущерб или ущерб здоровью или жизни истца. Однако в природоохранной практике существует немало примеров, когда уничтожением объектов животного или растительного мира не наносится ущерб какому-либо человеку или организации и поэтому виновника привлечь к ответственности невозможно.

Например, в Украине с 1991 по 2007 г. из-за незаконно открытой органами лесного хозяйства валютной охоты на занесенных в Красную книгу зубров их численность сократилась с 680 до 190 голов. Над редким видом животного нависла угроза уничтожения. Однако никакие права людей в этом случае нарушены не были, как не был нанесен им экономический ущерб или ущерб их здоровью и жизни. Что касается органов лесного хозяйства, то они даже получили прибыль, заработав валюту на отстреле зубров зарубежными охотниками. Ущерб понесли только зубры, их в общей сложности браконьерами и валютными охотниками было добыто около 1000 голов (вместе с приплодом). Однако никто наказан не был, так как юридические права зубров официально в Украине не признаны. Налицо правовой и моральный парадокс: есть нарушители (органы лесного хозяйства), есть нарушение (незаконная валютная охота), есть ущерб (убитые зубры), но нет наказания.

Если бы зубры, как и другие редкие животные, были признаны субъектами права, виновных можно было бы привлечь к ответственности путем подачи исков в суд (например, от природоохранных общественных организаций) за нарушение права зубров на существование. Этот простой пример убедительно показывает необходимость развития концепции прав природы и признания моральных, а затем и юридических прав природы.

Вместе с тем моральные права природы, т. е. защищенные моралью или традициями, постепенно приобретают юридическую силу и становятся юридическими правами. В 1974 г. американский юрист и экофилософ К. Стоун опубликовал ставшую классической работу по практике предоставления юридических прав животным, растениям и участкам дикой природы. Он гениально просто показал, что так же, как опекуны могут защищать в суде права людей, лишенных дееспособности (младенцы, умалишенные больные), так и опекуны (представители природоохранных организаций) могут представлять в суде права других живых существ или экосистем, не обладающих дееспособностью, но обладающих (так же, как младенцы или умалишенные больные), *правоспособностью* [12]. Его идею подхватили природоохранные организации различных стран.

Так, пернатая обительница Гавай птичка *палила* могла исчезнуть, так как на склонах вулкана Килоуза должны были бурить скважины. В 1978 г. Сьерра-клуб и Одюбоновское общество подали иск в суд в защиту маленькой птички от ее имени. Впервые в американской судебной практике истцом стало животное. И птица победила. Федеральный суд заставил местные власти отвести для палилы специальные охраняемые территории.

В Японии, в префектуре Кагошима, окружным судом был удовлетворен иск об аннулировании разрешения на вырубку леса, запланированную на острове Амами Охшима, которое было выдано губернатором префектуры. Истцами по иску были названы представители местной фауны, в том числе амабийский заяц. В окружной суд Мито (Япония) был подан иск о сохранении в префектуре Ибараки места зимовки большого зобатого гуся. В качестве истцов были указаны сам гусь и группа граждан. Окружной суд префектуры Нагасаки в Японии удовлетворил иск, требующий остановить строительные работы в заливе Исахая. Истцами выступили сам залив, пять видов местной фауны и местные жители. В Хокайдо был подан иск об остановке строительства туннеля в Дайсетсуданском национальном парке, истцом выступила обитающая там азиатская щука.

Такая практика привлекает внимание к проблеме справедливости по отношению к другим видам живых существ, что является важным шагом в создании правовой системы будущего. Ведь быть гражданином – значит отстаивать права не только людей, но и других существ и экосистем.

Признание права природы одновременно означает некоторое *ограничение прав и не жизненно важных интересов и потребностей человека*. Так, ради защиты права на жизнь и свободу диких животных придется ограничить права, защищающие интересы охотников-спортсменов развлекаться путем убийства оленей и лосей ради трофеев или почитателей корриды, имеющих интерес поглазеть на истязание и убийство быка.

Вместе с тем в связи с признанием прав природы приобретают качественно новое значение права человека. Получается, что человек обладает правами не в силу своей исключительности, а по причине принадлежности к природе, в которой, кроме него, живет еще примерно от 4 до 40 млн. видов живых существ.

С признанием прав природы человечество неизбежно придет к поиску энергетических эквивалентов и альтернатив с тем, чтобы все меньше использовать другие формы жизни и здоровье животных в качестве пищи и рабочей силы, все меньше будет использовать убийство животных, все больше будет ограничивать себя в потребностях.

Современный человек должен научиться не только уважать права природы, но и стать их выразителем, спикером всей экологической общности, ее моральным голосом.

Вопросы и задания

1. Что такое права природы?

2. Кто является конкретным носителем прав природы? Кто может обладать ими?
3. Какой характер носят права природы?
4. В чем, на ваш взгляд, может заключаться нарушение прав природы?
5. Какие и чьи права нарушает видовой терроризм?
6. В чем заключается защита прав природы? Что означает юридическая прав природы?
7. Имеет ли юридическую защиту природа Беларуси? Что, на ваш взгляд, необходимо для гарантированной защиты нашей природы?

Список литературы

1. Борейко, В. Е. Прорыв в экологическую этику / В. Е. Борейко. – изд. 4-е, доп. – Киев : КЭКЦ, 2005. – 208 с.
2. Закон «О защите животных от жестокого обращения». Украинский прорыв / под ред. В. Е. Борейко. – Киев : КЭКЦ, 2007.
3. Декларация прав живых существ // там же.
4. Патон, Б. Е. Права природы так же незыблемы, как и права человека // Там же.
5. Васидлов, Ю., 2007, Украинские народные корни концепции прав природы // там же.
6. Cockell, Ch. The value of microorganisms / Ch. Cockell // Environmental ethics. – 2005, Winter.
7. Всемирная Декларация прав животных // www.deti.religiousbook.org.ua.
8. Безобразов, П. В. О правах животных / П. В. Безобразов. – М. : Печатня А. Н. Снигирева, 1903. – 220 с.
9. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд. – М. : Мир, 1980. – 216 с.
10. Риган, Т. В защиту прав животных. Линзи, Э. Божественные права животных / Т. Риган, Э. Линзи. – Киев : КЭКЦ, 2004.
11. Конвенция о биологическом разнообразии (5 июня 1992, Рио-де-Жанейро). – Киев, 2000. – 15 с.
12. Стоун, К. Должны ли деревья иметь права? / К. Стоун // Гуманитарный экологический журнал. – 2001. – Т. 3, вып. 1. – С. 56–60.
13. Национальная стратегия сохранения биоразнообразия России. – М., 2001. – С. 36–37.

Глава 8. Защита животных, используемых в биомедицинских исследованиях и образовании

Как много делаем мы еще зла, когда подвергаем животных
ужасным мукам, чтобы продемонстрировать студентам
и без того хорошо известные явления!

А. Швейцер

8.1. Этика биомедицинских экспериментов на животных

Морально-этические проблемы отношения человеческого общества к экспериментированию на животных неразрывно связаны с прогрессом,

достигнутым в развитии биомедицинских наук. Дискуссии, посвященные этичности разработки и применения новых методов диагностики, лечения, профилактики заболеваний, фундаментальных наук о жизни и новых биомедицинских технологий, формирование правовой основы их использования столь же неизбежны, как и сам научно-технический прогресс, и не имеют однозначного ответа.

На протяжении столетий развитие наук о жизни связано с экспериментами на животных. Можно без преувеличения сказать, что исторический путь научного становления биологии и медицины залит реками крови животных, погибших в результате экспериментов, и усеян их многочисленными трупами. Исследователь, экспериментирующий на живом объекте, всегда стоит перед нравственным выбором: во имя какой цели я должен лишить жизни живое существо или причинить ему боль и страдание? Имеет ли право человек распоряжаться жизнью беззащитного существа даже ради собственной пользы? Допустимы ли эксперименты на животных и, если это необходимо, можно ли их провести более гуманными способами?

Этапы развития экспериментальных медико-биологических наук и биоэтики

В истории экспериментальной биологии и медицины выделяют несколько основных этапов.

Эмпирический этап (XV–XVIII века) характеризуется появлением первых системных исследований по анатомии человека, изложенных в классической работе А. Везалия «О строении человеческого тела». В. Гарвей, основоположник физиологии человека и животных, создает теорию кровообращения и публикует фундаментальное «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных». В труде «О движении животных» Дж. Борели закладывает основы биомеханики. В этот период формирования научной медицины и биологии эксперименты над живыми животными – *вивисекция* – проводились без обезболивания, так как оно было еще не известно науке.

Научный этап (с конца XVIII до начала XX века) знаменуется бурным развитием и дифференциацией медицинских и биологических наук.

Целлюлярная патология Р. Вирхова заложила основы научной патологической анатомии. Благодаря разработке метода вакцинации против инфекционных болезней Э. Дженнером и Л. Пастером, гуморальной (П. Эрлиха) и клеточной (И. И. Мечникова) теорий иммунитета, открытию возбудителей туберкулеза и холеры Р. Кохом развивались научная микробиология и иммунология.

Отличительной чертой этого периода является развитие экспериментальной нормальной и патологической физиологии, разработка методов острого и хронического эксперимента на животных, основоположниками которых

считаются К. Бернар и И. П. Павлов – лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии 1904 г.

Необходимость экспериментирования на животных долгое время рассматривалась с позиций господствовавшего в среде ученых антропоцентрического мировоззрения и оправдывалась очевидной пользой приобретения новых знаний для человека. Природные объекты, в том числе и животных, не относили к непосредственным объектам моральных поступков человека, а считали лишь средством для достижения человеческих целей. Моральный аспект жестоких экспериментов рассматривался как обязательство человека по отношению к самому себе, а не к животным.

Вместе с тем начиная с середины XIX века уже были известны обезболивающие эффекты закиси азота, паров эфира, которые стали использоваться в хирургической практике; в начале XX века появляются препараты для внутривенного наркоза. Однако большинство экспериментов на животных по-прежнему проводилось без обезбоживания, жестокая vivisection оставалась неотъемлемой частью формирующихся наук о жизни.

Развитие духовно-этических норм христианства, распространение гуманистических идей в обществе и расширение в рамках утилитаризма представлений о моральных обязательствах не только по отношению к человеку, но и животным, способным испытывать страдание, легли в основу *общественного движения, осуждавшего vivisection с позиций этики*, а также в основу *законов против жестокого обращения с животными*.

Современный этап развития медико-биологических наук характеризуется широким распространением идей биоэтики и обсуждением проблем этического отношения к животным в обществе и среди ученых-экспериментаторов. Развитие философской концепции биоцентризма и его квинтэссенции – биоэтики не только как науки, но и мировоззрения, определяющего нравственное отношение ко всему живому и моральную ответственность за свои поступки, в том числе связанные с профессиональной деятельностью, стало этической революцией второй половины XX века. В качестве альтернативы антропоцентрической идеи овладения и управления природой основоположники биоцентрической и экоцентрической этики выдвигают *принцип сотрудничества с природой*, согласно которому объекты природы, в том числе и животные, рассматриваются как равноправные члены живого сообщества.

Многие представители экологической этики (П. Сингер, Т. Риган, П. Тейлор и др.) обосновывают существование прав животных исходя из того, что они способны чувствовать и могут испытывать страдания. Поэтому у любого животного, особенно высшего, есть права, присущие человеку: право на жизнь, воспроизводство, природное место обитания, право не подвергаться страданиям и не быть без необходимости убитым и замученным. Правда, согласно другой этической позиции, абсолютиза-

ция моральных прав животных создает неразрешимый конфликт интересов, так как человеку остается только стать вегетарианцем или умереть от голода, либо постоянно испытывать угрызения совести. Таким образом, гуманное отношение к животным вообще и правомочность постановки научных экспериментов с использованием животных в частности, становится не только центральным вопросом эко- и биоэтики, но и своеобразной этической лакмусовой бумагой, отражающей состояние общественной морали.

Сегодня морально-этические и правовые аспекты охраны окружающей среды, развития биомедицинских технологий требуют нового осмысления. Отношение к экспериментам на животных является лишь частью этой сложной проблемы. В настоящее время в биоэтике сформировались два основных подхода, определяющих ее дальнейшее развитие: первый – гуманистический, основанный на признании долга человека перед животными и стремлении уменьшить их страдание. Второй подход – признание прав животных, приравненных к правам человека, и морального долга человека не только защищать животных от жестокости и страданий, но и защищать их право на жизнь.

Лабораторные «двойники» человека и перспективы замены животных альтернативными моделями

За долгую историю развития биомедицинских наук у человека появилось много *лабораторных «двойников»* – лягушки, мыши, крысы, кролики, собаки, обезьяны.

Так, эксперименты по пересадке ядер зрелых клеток в яйцеклетку лягушек и мышей создали основу для разработки методики клонирования. Биологические законы трансплантации органов, многие другие фундаментальные знания о деятельности иммунной системы, развитии злокачественных опухолей стали известны благодаря исследованиям, проведенным на мышах. Без экспериментов на собаках трудно представить развитие трансплантологии. Замена клапанов сердца при пороках, аортокоронарное шунтирование – это и многое другое стало повседневной врачебной практикой только благодаря экспериментальному моделированию заболеваний человека на животных.

Важным этапом в развитии экспериментальной медицины и биологии стало выведение генетиками линий животных, полученных от близкородственного скрещивания. Они имеют одинаковый набор генов в пределах одной линии и являются аналогами однояйцевых близнецов человека. Благодаря этой технологии экспериментаторы получили новые уникальные биологические модели – высоко- и низкораковые линии мышей, линии крыс-гипертоников, кроликов с наследственной формой атеросклероза или аллергии, мини-свиней для изучения сердечно-сосудистых болезней и многие другие модели распространенных наследственных и приобретенных заболеваний человека. Развитие молекулярно-генетических методов исследова-

ния позволило создать организмы, отличающиеся в генетическом плане лишь одним геном (так называемые нокаут-мыши: от англ. *knock out* – выбивать), и анализировать изменения в клетках, где этот ген не работает.

Сегодня в биомедицине налажена целая индустрия производства экспериментальных животных, обеспечивающая качественную постановку и достоверность научных экспериментов. Фармацевтические концерны имеют собственные виварии по выращиванию животных, причем из 1 миллиарда средств, затраченного на разработку нового лекарственного препарата, на доклинические исследования направляется около 10 %.

По существующему во всех странах законодательству новые лекарства, биологически активные добавки, медицинские инструменты, хирургические методы лечения не могут быть внедрены в клиническую практику без доклинических испытаний и предварительного тестирования. Химические соединения, используемые в пищевой промышленности и бытовой химии, отходы производства, представляющие потенциальную опасность для здоровья человека, также должны проходить токсикологическую экспертизу. Экспериментальное моделирование и доклинические испытания являются необходимыми этапами создания и новых биомедицинских технологий (лечение с помощью стволовых клеток, направленный транспорт лекарств, нанотехнологии и др.).

Вместе с тем в результате экспериментальных исследований ежегодно в мире погибают миллионы подопытных животных. Грызуны (мыши и крысы) составляют 85 % лабораторных животных, вторая многочисленная группа «тружеников науки» – лягушки и рыбы. По данным Евросоюза, около 90 % животных гибнут в процессе прикладных и фундаментальных медико-биологических научных исследований. Тесты на токсичность лишают жизни 8 % экспериментальных животных, 1 % погибает в результате учебных опытов студентов медицинских, биологических и ветеринарных факультетов. Причем на протяжении десятков лет доклиническое тестирование проводилось на экспериментальных животных по стандартным методикам.

Поворотным моментом в развитии этики научных исследований с участием животных стало появление **концепции 3 R**, сформулированной В. Расселом и В. Берчем [11]. Эта концепция определила базовые направления гуманизации экспериментирования: сокращение количества используемых животных (*reduction*), усовершенствование эксперимента за счет применения обезболивающих и нетравматических методов (*refinement*), замена высокоорганизованных животных низкоорганизованными или использование альтернативных методов (*replacement*).

Сегодня во многих странах мира ведется разработка новых биологических моделей и методик, позволяющих заменить эксперименты на животных без ущерба для научности результатов (сравнимость, воспроизводимость и достоверность данных), для развития медицины и биомедицинских технологий. Лидерами в этой области являются европейские страны,

США, Япония. Созданы общественные и государственные фонды поддержки работ по замене животных в экспериментах, исследовательские центры альтернатив тестированию на животных, Европейский и национальные центры утверждения альтернативных методов, эффективная система сбора и анализа баз данных о фармакологических свойствах лекарств, токсичности химических соединений, а также *банки альтернатив*.

В поисках гуманных альтернатив сформировались основные направления исследований:

- замена млекопитающих низкоорганизованными животными с менее развитой нервной системой, эмбрионами животных, а также растениями и бактериями;
- применение изолированных органов, срезов тканей, клеточных культур (методы *in vitro*), естественных и искусственных субклеточных структур (мембраны клеток, митохондрии, липосомы), молекулярно-генетических тестов;
- компьютерное моделирование клеточных биохимических и молекулярных физико-химических процессов;
- создание комплекса приборов для экспресс-оценки общей токсичности различных соединений.

В Европе, где на протяжении столетия совершенствуются законы о защите животных, активно работают общественные и профессиональные объединения сторонников внедрения гуманных альтернатив в биомедицинские исследования и образование. В результате за 15 лет количество экспериментальных животных уменьшилось на 30 %. С 2000 г. в странах Совета Европы запрещен окулярный тест Драйзера для проверки косметических препаратов (он заменен тестами *in vitro*), а к 2012 г. планируется запретить и другие методы тестирования косметики на высших животных. В России Министерством здравоохранения в качестве замены болезненному тесту Драйзера на кроликах утвержден тест на курином эмбрионе.

Очевидно, что в сегодняшней ситуации необходима не только этическая, но и правовая регламентация биомедицинских экспериментов на животных.

8.2. Этические проблемы использования животных в образовании

Традиционно во всех учебных заведениях при изучении биологических, медицинских дисциплин и подготовке ветеринаров широко использовались острые эксперименты на живых животных – *viviseкция*. Препарирование животных – *диссекция* – также было обязательным навыком, который приобретали студенты-зоологи и ветеринары ради необходимого

в последующем опыта работы с животными и тканями. В результате таких экспериментов большинство животных погибало во время занятий или их умерщвляли на глазах студентов. К лягушкам, мышам, крысам и даже собакам относились, как к одноразовой вещи, причиняя боль и страдание, пренебрегая их жизнью, оправдывая необходимостью получения профессиональных знаний по анатомии, физиологии, хирургии. Расчлененные и окровавленные, выброшенные в мусорное ведро в конце занятий, они становились безмолвным упреком человеку в его жестокости. Возникает закономерный вопрос: **как может сострадать** будущий врач, ветеринар, благоговеть перед жизнью будущий биолог или эколог, **если он должен убивать беззащитное животное?** А каждому преподавателю приходится искать ответ на другой вопрос: как учить, если биомоделирование заболеваний человека на животных по-прежнему остается основным инструментом получения биологических и медицинских знаний.

Гуманные альтернативы экспериментам на животных

Процесс гуманизации преподавания наук о жизни стал продолжением развития этики научных исследований с участием животных на основе концепции 3 R.

Гуманными альтернативами в образовании считаются обучающие материалы, заменяющие использование экспериментальных животных, а также другие образовательные средства, исключая причинение вреда животным. Разработчики концепции гуманного образования основываются на признании прав животных и относят к понятию «вред» любое действие, которое ограничивает такие права животных, как право на жизнь, естественное поведение, право быть частью структуры экосистемы, право не быть голодным, не испытывать жажду, боль, страх и стресс.

Применение гуманных альтернатив становится образовательным стандартом для многих учебных заведений. В пятидесяти странах мира эффективно работает Международная сеть за гуманное образование – ИнтерНИЧ (InerNICHE), целью которой стало распространение идей о гуманном образовании и альтернативных обучающих методов, способствующих развитию сострадания, уважения к жизни и умению критически мыслить.

К гуманным альтернативам, применяемым в образовании, относятся:

- видеofilмы, эксперименты на растениях, культуре клеток, заменяющие лабораторные опыты на высших животных;
- модели, манекены, механические и компьютерные симуляторы, системы виртуальной реальности;
- эксперименты на мертвых животных, полученных из этически допустимых источников;
- наблюдение и полевая практика;
- эксперименты студентов на себе.

Одним из первых направлений в гуманизации образования стала замена повторяющихся лабораторных экспериментов на высших животных *демонстрацией видеофильмов*. Прежние опыты на животных, которые проводились для группы студентов во время практических занятий, препарирование животных студентами не имели никакой научной ценности, а скорее были демонстрацией бессмысленной жестокости и вызывали у студентов отрицательную реакцию. Создание видеофильмов, а в последующем компьютерных обучающих программ, систем виртуальной реальности, сложных манекенов животных и человека, тренажеров для отработки хирургических навыков позволили полностью отказаться от жестоких экспериментов на практических занятиях.

Особое место в этом перечне занимают *компьютерные обучающие программы* и манекены, разработанные на основе современных информационных технологий. Создана и успешно развивается коммерческая система разработки компьютерных технологий обучения экологии, биологии и медицине. Хорошо оснащенные электронные библиотеки с разнообразными компьютерными программами и виртуальными лабораториями стали привычным элементом обучения. Расширен доступ ко многим оригинальным авторским курсам через Internet в режиме on-line.

Модели (муляжи), имитирующие отдельные органы человека и животных, традиционно применялись для изучения анатомии. Благодаря новым химическим материалам (высокопрочный пластик, латекс различной степени пористости) они более точно воспроизводят структуру органов. Для отработки техники инъекций и хирургических навыков из таких материалов изготавливают качественные тренажеры – имитаторы кожи, мышц, конечностей. Более сложные модели – манекены животных и человека, копирующие строение их тела в натуральную величину, дают возможность освоить технику манипуляций по забору крови, интубации, зондированию, катетеризации, оказанию первой помощи.

Например, недавно норвежской фирмой Laerdal разработан манекен-тренажер человека SimMan 3G, который при помощи встроенного компьютера реагирует на лечение и воспроизводит типичные реакции больного человека: расстройства сердечного ритма, дыхания, он может истекать кровью, хрипеть и стонать. Стоит такой робот \$ 65 тыс. Однако результаты анализа экономической эффективности дорогостоящих медицинских тренажеров доказывают, что затраты окупаются в течение полугода. Около 60 американских медицинских вузов уже используют подобные симуляторы.

Уникальные возможности для разработки гуманных альтернатив открывают современные технологии *компьютерного моделирования*, которые не только создают виртуальную реальность, но и дают ощущение прикосновения к тканям и органам (технология хептика, построенная на осязании). На основе хептики создаются роботы-хирурги с дистанцион-

ным управлением. Они позволяют отрабатывать и совершенствовать тонкие навыки, необходимые в сосудистой, глазной, пластической хирургии, диагностической и оперативной эндоскопии.

Вместе с тем в обучении зоологов, медиков и ветеринаров есть одна область навыков, освоение которых, несомненно, требует практической работы с естественными тканями – это препарирование и хирургическая практика. Эта проблема может быть успешно решена благодаря *системе получения трупов и тканей животных из этических источников*. К этическим источникам относятся ветеринарные клиники, фермерские хозяйства, частные лица, которые по договоренности снабжают учебное заведение животными, умершими естественной смертью, в результате несчастного случая или умерщвленными гуманным способом с помощью эвтаназии из-за смертельной болезни. Такие программы использования животных уже успешно действуют во многих университетах США и Европы.

Наблюдение за животными в естественной среде обитания, а не в лабораторной клетке может эффективно заменить практические занятия при подготовке будущих специалистов, постоянно работающих с животными, – этологов и зоологов. Здесь тоже есть простор для научного эксперимента без нанесения вреда животным и окружающей среде. Так, российские ученые провели уникальные исследования поведения и адаптации обезьян к новым условиям жизни при их переселении на необитаемый остров в Псковской области.

Экспериментирование студентов на себе с помощью безопасных функциональных методов изучения работы сердечно-сосудистой, нервной, пищеварительной и других систем (электрокардиография, энцефалография, УЗИ и др.) используется при изучении будущими врачами физиологии и методов функциональной диагностики заболеваний. Эти методы также позволяют без эксперимента на животных оценить функциональные и биохимические изменения под влиянием обычных веществ, таких как кофе, сахар, или лекарств (например, мочегонных). При обучении ветеринарии замена объекта исследования – животного на человека, как представителя млекопитающих, служит безвредной и гуманной альтернативой.

Эффективность применения гуманных альтернатив в образовании

Альтернативы экспериментам на животных в процессе обучения должны отвечать критериям гуманности и соответствовать академическим требованиям педагогической эффективности. Отказ от вивисекции не должен снижать качества образования. Также учитываются финансовые затраты, время и усилия, потраченные на перестройку учебного процесса и внедрение альтернатив. В одних случаях достаточно замены опыта демонстрацией видеофильма, в других нужно комбинировать несколько альтерна-

тивных методик. Например, при изучении зоологии традиционная диссекция лягушки заменяется комбинацией модели лягушки и интерактивной компьютерной анатомо-физиологической программой «Frog».

Более того, благодаря альтернативам качество образования может улучшаться. В первую очередь это относится к компьютерным обучающим программам как наиболее распространенным альтернативам. По сравнению с традиционными экспериментами они дают возможность моделировать патологические процессы, которые не могут быть воспроизведены в обычных учебных лабораториях. Они также помогают ознакомиться с методикой сложных и длительных опытов, хирургических операций, получить наглядную информацию о проявлениях и механизмах действия лекарственных препаратов. Студент может отработать алгоритм постановки эксперимента в индивидуальном темпе, повторить важнейшие этапы эксперимента.

Таким образом, обучение при помощи компьютерных программ дает возможность изучать биомедицинские науки более углубленно, готовит студентов к совершенствованию профессиональных качеств в будущем, где информационные технологии имеют решающее значение. Это позволяет не только спасти жизни многих лабораторных животных, но и успешно работать с теми студентами, которые по этическим причинам не хотят проводить эксперименты *in vivo*.

Применение гуманных альтернатив в учебном процессе имеет ряд несомненных положительных последствий и с точки зрения этики. По остроумному высказыванию этолога Дж. Балкомба, «согласно основному принципу этики, если есть два способа достижения чего-либо и один из них причиняет боль, страдания, смерть, а другой нет, то следует выбрать второй способ». Раньше, проводя эксперименты на животных во время занятий, преподаватели фактически давали урок жестокости. Со временем и у преподавателей, и у студентов формировалась привычка не обращать внимания на страдания животных, снижался порог этической и эмоциональной чувствительности, чувства сострадания. Студенты, противники экспериментов на животных по этическим соображениям, в лучшем случае могли только выразить свои отрицательные эмоции. Это создавало конфликтную ситуацию и вызывало эмоциональный стресс у всех участников конфликта. Использование альтернатив дает возможность преподавателям учить не только профессиональным знаниям, но и прикладной биоэтике на конкретных примерах. Студенты имеют возможность обсуждать проблемы этики новых биомедицинских технологий, многие из них сами с энтузиазмом участвуют в разработке альтернативных обучающих методик. Этический конфликт нейтрализуется.

Прогрессивное гуманное образование с использованием альтернатив имеет и еще один важный этический аспект – соблюдение гражданских свобод

студентов: свободы совести и свободы выбора. Студентам, возражающим против экспериментов на животных, предоставляется программа обучения с гуманными альтернативами. Такое право выбора студентов закреплено специальными законами в Италии, Великобритании и Швеции. В результате более 70 % университетов Италии запретили эксперименты на животных и полностью заменили их гуманными методиками обучения.

В современной системе экологического образования биоэтика, рассматривающая моральные аспекты отношения человека к различным живым формам, лежит в основе формирования мировоззрения будущих специалистов. Она является, по определению В. Р. Поттера, «своеобразной наукой выживания современного общества, новой мудростью, объединяющей биологическое знание и общечеловеческие ценности».

8.3. Общественные движения в защиту животных от жестокости и правовое регулирование биомедицинских экспериментов на животных

Планетарный экологический кризис, резкое обострение этических проблем, вызванное развитием биомедицинских исследований на животных, внедрением новых технологий в медицинскую практику, способствовали не только теоретическому развитию эко- и биоэтики, но и привели к значимым практическим результатам. Замена жестоких научных экспериментов и лабораторных опытов в образовании на альтернативные методы, принятие прогрессивных законов о защите животных – это и есть практическое движение от философских идей биоэтики к реальному гуманизму не только профессиональной деятельности ученых, преподавателей, врачей, ветеринаров, но и каждого гражданина человеческого сообщества.

Законы о защите экспериментальных животных имеют долгую, подчас драматичную историю. Несмотря на различия в социальном устройстве разных стран, их историко-культурных традициях, законодательная инициатива зарождалась в первую очередь в рамках общественных движений по защите животных от жестокости.

Королевское общество по предотвращению жестокости к животным, которому покровительствовала королева Виктория, впервые возникло в Англии в 1824 г., затем в других странах Европы и Америки. Известное и влиятельное Всемирное общество защиты животных (WSPA – World Society for Animal Protection) за четверть века приобрело столько сторонников во всех уголках земного шара, что объединило более 500 обществ из 150 стран мира.

Одним из важнейших направлений работы многочисленных обществ за гуманное отношение к животным стала *борьба против viviseкции*. Самостоятельное общественное движение против viviseкции, также впервые

возникло в Англии в 1875 г. Вскоре такие же общества были созданы в Германии (1879), Франции (1882) и США (1883).

На современном этапе общественные объединения против вивисекции во многих странах мира сохранили свое значение и по-прежнему имеют многочисленных сторонников. Так, в США сформировалась самостоятельная организация, основной целью которой является запрет экспериментов на животных (SHAC – Stop Huntingdon Animal Cruelty). В других организациях, борющихся против жестокого обращения с животными, за права животных, это направление является частью работы различных объединений.

Родоначальниками **законодательных актов**, защищающих животных от жестокого обращения, стали страны Европы. Приоритет и в этой области также принадлежит Великобритании. В 1878 г. Парламент Англии, несмотря на протесты сторонников вивисекции, принял первый в мире закон, обязавший использовать обезболивание при проведении всех научных и учебных опытов на животных. До конца XIX века законодательные основы защиты животных были разработаны и приняты также в Германии, Швейцарии, Скандинавии, Канаде, Австралии и других странах. В США законы, защищающие животных, появились только в первой половине XX века.

Современные законы о защите экспериментальных животных являются неотъемлемой частью общего законодательства о защите животных, которое касается различных сфер деятельности человека и регламентирует ее в отношении сельскохозяйственных, домашних, диких, исчезающих видов животных, животных, используемых для развлечений. В ФРГ с 2002 г. защита естественных основ жизни и животных считается государственной задачей и закреплена в Конституции. В некоторых странах в соответствии с новыми законами ограничено использование животных для тестирования лекарств, препаратов бытовой химии и косметики.

Во всех законах, регулирующих эксперименты на животных, установлено, что исследования на животных должны проводиться с соблюдением определенных этических правил. Выполнение этих правил является обязательным условием и служит одним из критериев цивилизованности государства. В ряде стран приняты самостоятельные законы об использовании экспериментальных животных (Великобритания, США), в других – это разделы общего закона о защите животных. Их отличительной чертой является широкое использование норм международного права и опыта стран, имеющих развитую систему государственного и общественного контроля над соблюдением этических норм экспериментальных исследований.

Общепринятым мировым стандартом для разработки законов, регулирующих использование животных в исследованиях и образовании, являются ранее упомянутые принципы В. Рассела и Р. Берча (сокращение

количества используемых животных, усовершенствование эксперимента, применение альтернативных методов).

Основные морально-этические принципы проведения биомедицинских экспериментов на животных сформулированы Международным советом медицинских научных обществ (CIOMS) в Этическом кодексе (1985), включающем раздел «Международные рекомендации по проведению медико-биологических исследований с использованием животных», и Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации (2000). В этих документах ***гуманное отношение к подопытным животным провозглашается моральным долгом ученых***. Признается, что использование животных для научных целей нежелательно и по возможности следует применять методы, не требующие их использования, однако при существующем уровне знаний использование животных неизбежно. Определены также основные ***этические принципы – непричинение вреда и научная обоснованность исследования***. Это значит, что экспериментатор должен стремиться по возможности не причинять животным боли и неудобства, нести ответственность за их состояние и условия содержания, планировать эксперимент и обосновывать его необходимость, изыскивать альтернативные способы получения данных без привлечения живых животных.

Критериями необходимости использования лабораторных животных для научных и учебных целей при этом выступают:

- выполнение фундаментальных научных исследований, требующих экспериментального подтверждения;
- проведение экспериментального этапа доклинических испытаний, направленных на получение результатов, не достижимых другими средствами (разработка новых или улучшение существующих способов лечения, разработка технологии или получение знаний для разработки нового эффективного способа лечения, диагностики или выяснения этиологии и патогенеза заболевания);
- обучение технике неотложных оперативных вмешательств, овладение навыками и умениями, необходимыми для последующей работы в клинике, приобретение которых не может быть обеспечено другими способами.

В Европе правовой основой законодательства по регуляции проведения экспериментов на животных стала Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых в эксперименте и для других научных целей (№ 123, 1986), включающая основные положения Этического кодекса. Директива Совета ЕС «О сближении законов, постановлений и административных положений государств ЕС по вопросам защиты животных, используемых для экспериментов и других научных целей» (86/609/ЕЕС) определила стратегические направления законодательства в этой области:

- запрещение экспериментов с использованием животных, если имеется другой (альтернативный) научный метод получения результата;
- требование сокращения количества животных, используемых в экспериментах, и усовершенствования экспериментальной техники с целью минимизации страданий подопытных животных;
- требование компетентности (соответствующее образование и практические навыки) лиц, которые могут быть допущены к работе с животным;
- контроль исполнения законов государственными службами и/или этическими комитетами учреждений.

Многие положения директив Евросоюза уже реализованы в законах и практической деятельности научно-исследовательских организаций и университетов разных стран. Считается, что лучшее законодательство, касающееся экспериментов на животных, разработано в Великобритании.

Законом 1986 г. определены научные направления, в которых можно использовать экспериментальных животных; требуются обоснование необходимости проведения экспериментов с точки зрения вреда для животных и пользы для человечества, доказательства отсутствия альтернатив планируемыми экспериментам. Высшим контрольным органом является Комитет по процедурам на животных при Министерстве внутренних дел, предусмотрена также система самоконтроля через этические комитеты учреждений.

В США первый закон о защите экспериментальных животных был принят лишь в 1966 г. Благодаря развитию и распространению идей био- и экоэтики, деятельности общественных движений за права животных, профессиональных сообществ врачей и преподавателей университетов в США за короткий период были приняты значительные поправки к этому закону. Расширился круг объектов законодательного регулирования и ужесточились требования к экспериментам на животных, закон был переименован в «Закон о защите животных».

Развитие и совершенствование национальных законодательств, применение норм международного права в законах о защите животных, гуманизация биомедицинских исследований принципиальным образом влияют на законотворческую деятельность и в странах постсоветского пространства. Однако путь к закреплению принципов биоэтики в законе долг и тернист. Беларусь, Россия и Украина пока не подписали Европейскую конвенцию о защите животных № 123 и Директиву Совета ЕС 86/609. Вместе с тем Украина приняла в 2006 г. прогрессивный закон «О защите животных от жестокого обращения», отражающий международные рекомендации в области регламентирования экспериментальных исследований на животных.

В России законопроект «О защите животных от жестокого обращения», рассматривается Госдумой с 1997 г. В 2000 г. закон был отклонен Президентом

РФ, а в 2008 г. Госдума РФ полностью сняла его с рассмотрения. В проекте впервые экспериментальные животные классифицируются как отдельная группа правового регулирования. Предусмотрено, что животные используются только при отсутствии других альтернативных моделей и методов.

В Беларуси разработан законопроект «Об обращении с животными», который уже несколько лет дорабатывается Постоянной комиссией по проблемам чернобыльской катастрофы, экологии и природопользования Палаты представителей Национального собрания.

В странах СНГ важную роль в разработке новых законов, контроле правовых и этических вопросов биомедицинских исследований на животных играют созданные в конце 90-х годов национальные и локальные (в научно-исследовательских институтах, вузах, клиниках) комитеты по биоэтике, а также набирающие силу общественные движения в защиту животных. В Беларуси в 2005 г. также создан Национальный комитет по биоэтике.

Как самостоятельная наука биоэтика развивается всего четверть века, однако между прикладной биоэтикой и моральным состоянием общества уже прослеживается прямая взаимозависимость. Этические проблемы отношения человека к природе вообще и к животным в частности – важный показатель этого состояния. По мнению одного из основоположников концепции прав животных Р. Райдера, «мы живем в период моральной революции. Мы переоцениваем нашу мораль. Мы вовлекаем животных – наших братьев по эволюции, в сферу морали. Мы расширяем границы традиционной морали и права, чтобы дать место и им. Я верю, что нет научных и логических причин, почему нам не привлечь всех животных, способных к страданиям, в сферу морали».

Вопросы и задания

1. Назовите и охарактеризуйте основные этапы развития экспериментальных медико-биологических наук и биоэтики.
2. Какие этические принципы положены в основу гуманного отношения к экспериментальным животным?
3. Что понимают под правами животных? Дайте критическую оценку этого понятия.
4. В каких случаях допускается использование лабораторных животных для научных и учебных целей?
5. Какие альтернативы экспериментам на животных используются в современной системе биомедицинского образования?
6. Какие морально-этические принципы положены в основу современного законодательства о защите животных от жестокости?

Список литературы

1. Биомедицинская этика: учеб. пособие / Т. В. Мишаткина [и др.]; под ред. Т. В. Мишаткиной. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 320 с.
2. Борейко, В. Е. Краткий курс экологической этики / В. Е. Борейко. – Киев : КЭКЦ, 2004. – 72 с.
3. Вековшинина, С. В. Биоэтика: начала и основания: философско-методологический анализ / С. В. Вековшинина, В. Л. Кулиниченко. – Киев : Сфера, 2002. – 152 с.
4. Джукс, Н. Гуманное и эффективное обучение наукам о жизни / Н. Джукс, Е. Марусева // Гуманизация обучения специалистов медико-биологического профиля: материалы науч.-практ. семинара с международ. участием (Минск, 14–15 ноября 2006 г.) / ред.-сост. Т. В. Мишаткина; гл. ред. Г. Я. Хулуп. – Минск : Проспектплюс, 2006.
5. Макарчук, Н. Н. Преподавание физиологии возможно без убийства / Н. Н. Макарчук // Нужны ли опыты на животных в учебном процессе?: сб. докл. / под ред. В. Мещеряковой. – М. : Рос. отд. ИнтерНИЧ, 2006.
6. Павлова, Т. Н. Биоэтика в высшей школе: учеб. пособие / Т. Н. Павлова. – М. : МГАВМ и Б им. К. И. Скрябина, 1977. – 148 с.
7. Биоэтика: междисциплинарные стратегии и приоритеты: учеб.-метод. пособие / Я. С. Яскевич [и др.]; под ред. Я. С. Яскевич. – Минск : БГЭУ, 2007. – 225 с.
8. Поттер, В. Р. Биоэтика. Мост в будущее / В. Р. Поттер; под ред. С. В. Вековшининой, В. Л. Кулиниченко; пер. с англ. Т. Г. Будковской, С. В. Вековшининой. – Киев, 2002. – 216 с.
9. Jukes, N. From guinea pig to computer mouse. Alternative methods for a progressive, humane education / N. Jukes, M. Chiuia. – 2nd edition. – London : Biddles Ltd. : InterNICHE, 2003. – 520 p.
10. Mishatkina, T. V. Ethical Review System for Biomedical research. Republic of Belarus / T. V. Mishatkina, Ya. S. Yaskevich // Ethical Review of Biomedical Research in the CIS Countries (Social and Cultural Aspects) / editor in chief O. Kubar. – Saint-Petersburg : Phoenix Ltd., 2007.
11. Russell, W. M. S. The Principles of Humane Experimental Technique / W. M. S. Russell, R. L. Burch. – UFAW, 1992. – 238 p.

Глава 9. Экология человека в этическом измерении

Жизнь не в том, чтобы жить, а чтобы быть здоровым
Марциал

9.1. Экология человека: предмет, цели, этические основания

В последние два десятилетия в терминологии специалистов в области экологии достаточно прочно укоренилось понятие **«экология человека»**. Сравнительно новое научное направление находится на стыке двух наук – экологии и гигиены окружающей среды (экологической медицины) и координирует проблему сохранения здоровья населения с функ-

ционированием экосистем. Таким образом, сутью и **предметом** экологии человека является *исследование объективных законов функционирования, развития и взаимосвязей целостной динамической системы «окружающая среда – человек»*, где приоритет охраны здоровья человека должен учитывать его *био-психо-социальную* сущность, а также моральные ценности и ориентиры, скоординированные с принципами организации и функционирования биологических систем природной среды. **Целью** экологии человека выступает обеспечение экологической безопасности населения, причем важнейшим фактором решения этой проблемы оказываются этические аспекты поведения самого человека: его моральные установки, ценности и приоритеты, уровень его нравственной культуры.

Экологическая безопасность человека не может быть обеспечена исключительно за счет ограничения его производственной деятельности, поскольку это неизбежно станет препятствием экономического и социального развития общества. Регламентирование экологического воздействия природных объектов на человека обязательно должно сочетаться с *моральным императивом* – ограничением его, человека, негативного воздействия на функционирование биологических систем природной среды. И если гигиена окружающей среды (медицинская экология) главным в природоохранной деятельности считает регламентирование внешней нагрузки на человека, то экология свои основные усилия направляет на сохранение многообразия видов и поддержание устойчивого функционирования биогеоценозов в целом. Это зачастую приводит к возникновению «зоны непонимания» в отношениях представителей экологической медицины и собственно экологов при разработке природоохранных мероприятий и регламентов качества окружающей среды. Разрешению этого «конфликта интересов» призвано способствовать введение в поле их противоречий моральных регулятивов, разрабатываемых *экологической этикой и биоэтикой*, которую Р. В. Поттер образно и точно охарактеризовал как «мост в будущее», имея в виду ее роль в обеспечении выживания человечества [1].

В отличие от остального биологического мира человек фактически оказался вне факторов естественного отбора и вошел в социальную эволюцию генетически недостаточно адаптированным к длительным неблагоприятным воздействиям внешней среды. К тому же прогрессирующая технизация среды обитания исключает естественный отбор его новых генетических адаптаций и снижает запасы генетической прочности, унаследованные от прошлых поколений, но закрепляет в геноме человека отрицательные и патологические мутации. Наряду с этим как ответ на «потребности» человека идет нарастание антропогенного потока химических соединений – искусственно синтезированных веществ, совершенно чуждых биосфере и, соответственно, живому организму. В результате создается прямая и явная угроза здоровью и сохранению генофонда человека. При этом

мутагенное воздействие комплекса этих факторов в небольших дозах практически не вызывает изменений в состоянии здоровья людей и не замечается ими. Но они накапливают свой негативный эффект для последующих поколений, причем, в соответствии с законами генетики, не ограничиваются одним поколением, а будут воспроизводиться, как и любые другие наследственные признаки, неопределенно долго [2]. Очевидно, что здесь как раз и проявляется отсутствие или легкомысленное пренебрежение тем, что один из основателей экологической этики О. Леопольд называл «долгом перед потомками» [3].

Этическое обеспечение экологии человека пришло с неожиданной стороны. Оказалось, что для решения ее проблем необходимо было «снять» противоречие между антропоцентризмом «старого» гуманизма, делавшего человека исключительным центром мироздания, и новым, «не-антропоцентристским» подходом, предполагающим заботу о Жизни и Живом во всех их проявлениях. Снятие этого противоречия в рамках *общности эко- и биоэтического измерений*, единство которых мы рассмотрели, делает обе эти парадигмы *комплементарными* – «уживающимися» и взаимодополняющими друг друга. Таким образом, именно **экология человека**, задачи обеспечения его экологической безопасности и биологического выживания, как это ни парадоксально, показали несостоятельность и даже опасность отношения к человеку как самоценности. В результате **этическим основанием экологии человека** выступает симбиоз экоэтики и биоэтики, объединенных общностью предмета и функций в рамках экологии человека.

Сегодня в обществе все более утверждается мнение, что XXI век будет веком гуманизации науки. Система медико-биологических знаний и исследований, объектом которых является человек, что, казалось бы, само по себе обеспечивает их гуманистическую ориентацию, как это ни парадоксально, не является исключением. Пожалуй, наоборот, в этой области испытывается особо острая нужда в гуманистическом осмыслении происходящих процессов, и поэтому здесь анализ механизма взаимодействия естественнонаучного и гуманитарного знания приобретает первостепенное значение. Одним из возможных путей осуществления их синтеза в рамках экологии человека является ее гуманитарное обеспечение блоком этических наук – этикой и биоэтикой. Сегодня продолжается поиск их ценностных оснований, уточняется их статус, формулируются базовые этические постулаты, высвечиваются нравственные дилеммы и казусы. Попытаемся через определение этих этик выявить общее и особенное каждой из них в контексте защиты жизни и здоровья человека.

Экоэтика – отрасль прикладной этики, предметом которой выступают наиболее фундаментальные принципы и проблемы нравственных взаимоотношений человека, общества и природы. Если главная цель эко-

этики – «защита природы *от* человека», то в рамках экологии человека экоэтика выступает фундаментом, обеспечивающим здоровую среду обитания *для* человека.

Биоэтика – междисциплинарное научное направление, ориентированное на изучение и разрешение моральных проблем, порожденных новейшими достижениями науки и современных биотехнологий. Высшей моральной ценностью для биоэтики является Жизнь, а главным принципом – *благоговение перед любой формой жизни*.

Взаимодействие экоэтики и биоэтики в решении проблем экологии человека определяется рядом обстоятельств:

- общепризнанным единством человека с природной средой его обитания, выступающей условием его существования; это *внешний* фактор их взаимодействия, требующий от человека заботы о сохранении природной среды, даже из чисто эгоистических побуждений;
- пониманием сущности человека как *части* природы, определяющим его отношение к природе как «Иному Живому» – *внутренний* фактор их взаимодействия, базирующийся на принципе «благоговения перед Жизнью» – как человеческой, так и иноприродной;
- природной (биологической) сущностью самого человека, делающей право человека и других природных систем на жизнь приоритетным, естественным правом, определяющим все другие права, моральные и неморальные ценности;
- опасностью излишне активного вмешательства человека в Природу и собственную природу, общую и для природы, и для человека (например, достижения геной инженерии по вторжению в природу человека, других живых существ и растений).

Особую нишу в контексте этического обеспечения экологии человека занимает **биомедицинская этика**, которую также объединяет с экоэтикой и биоэтикой идея *благоговения перед жизнью*, а отличает приоритетное внимание *жизни и здоровью человека*. Биомедицинская этика (БМЭ) – это этико-прикладная дисциплина, предметом которой выступает нравственное отношение общества в целом и профессионалов (медиков и биологов в особенности) к *человеку*, его жизни, здоровью, смерти. БМЭ носит наиболее *интегративный* характер, концентрируя в себе *общие* экоэтические и биоэтические проблемы и требования и объединяя их с *конкретными* медицинскими ситуациями и казусами, превращая их в основания для этических обобщений, выводов и последующих рекомендаций. Поэтому этическое обеспечение **экологии человека** – это прямая задача БМЭ.

Между этими этиками существуют сложные отношения, определяющие их статус и роль в решении проблем **экологии человека**. Очевидно, что фундаментальные положения экоэтики и биоэтики играют роль

методологического основания для биомедицинской этики, которая, по существу, обеспечивает экологию человека. Но опираются все они, в конечном итоге, на те *общечеловеческие ценности*, которые выработаны социумом, составляют основу его существования и обретают особый смысл и специфику в медико-биологической деятельности (рис. 1).

Рис. 1. Этическое обеспечение экологии человека

В этом «клубке» взаимодействий, связей и зависимостей у каждой из этик есть свои функции в обеспечении экологии человека. *Экоэтика* предоставляет заботу о среде обитания человека как условии его благополучного существования, условия защиты его жизни и здоровья. *Биоэтика* лежит в основании биомедицинской этики и распространяется на все проблемы биомедицины, связанные с лечением больных, научными исследованиями, учебным процессом по подготовке специалистов; она включает в себя спектр вопросов, связанных с общественным здравоохранением, безопасностью труда, контролем популяционных процессов, и решает их на широкой научной и социальной основе. *Биомедицинская этика* отличается от них тем, что включает в себя проблемы, выходящие за рамки и биоэтики, и экоэтики (например, проблемы трансплантации, суицида, психической «нормы» и патологии и ряд других «открытых» проблем), и, как уже отмечалось, играет роль непосредственного этического основания экологии человека.

9.2. Биоэтические проблемы экологии человека

Особая роль биомедицинской этики как *морального основания экологии человека* определяется рядом обстоятельств:

во-первых, необходимостью и потребностью осмысления и нравственной оценки биомедицинских исследований, выявивших опасность отношения к человеку как объекту экспериментирования и манипулирования. Причиной этого стали грандиозные изменения в техническом и технологическом перевооружении медицины и кардинальные сдвиги в медико-клинической

практике, генной инженерии и клонировании, трансплантации органов, новейших биотехнологиях, возможностях длительного поддержания жизни умирающего пациента;

во-вторых, постоянно усиливающимся в условиях гуманизации общества вниманием к правам человека. Фундаментальной проблемой БМЭ становится *защита прав человека* при его соприкосновении – вынужденном или добровольном – с медико-биологическими воздействиями. Поэтому задача БМЭ – привлечь внимание к проблемам экологии человека и сделать охрану жизни и здоровья каждого человека его приоритетным правом.

Задачи этического обеспечения экологии человека предполагают рассмотрение **круга проблем**, которые, переплетаясь и взаимодополняя друг друга, определяют особую роль БМЭ в обеспечении экологии человека [5]. Основные из них следующие:

- выявление специфики общечеловеческих моральных принципов и ценностей в медицине, биологии и экологии человека;
- разрешение нравственных коллизий в конкретных ситуациях – случаях, возникающих в процессе биомедицинских исследований и лечения человека;
- решение этических проблем межличностных человеческих отношений в системе вертикальных и горизонтальных связей в сфере биомедицины.

Первый круг проблем, связанных с этическим обеспечением экологии человека, нацелен на выявление *специфики общечеловеческих моральных ценностей и принципов* в медицинской деятельности и биологических исследованиях на теоретическом и практическом уровнях, которые, с одной стороны, выступают основой «стратегии и тактики» профессионального выбора врача и исследователя, с другой – касаются защиты прав каждого человека.

Это, во-первых, проблема активного включения в лечебную практику в качестве руководства к действию таких общечеловеческих моральных ценностей, как Добро и Зло, Страдание и Сострадание, Долг и Совесть, Честь и Достоинство, Свобода и Ответственность. Преломленные сквозь призму профессиональной деятельности врача, эти ценности обретают особую специфику, что зачастую приводит к кардинальному рассогласованию их восприятия и оценки «обычными» людьми и медицинскими работниками. Так, добро и зло особенно наглядно проявляют в сфере медицины свои относительность и нерасторжимую связь; страдание и сострадание демонстрируют иногда неизбежность и даже полезность первого и сомнительное значение и опасность второго; свобода обеспечивает медику и биологу-исследователю право на риск, а поэтому и на ошибку, но и налагает на них особо высокую ответственность.

Во-вторых, это проблема однозначного определения сущности и признаков *Жизни* и *Смерти человека* как высших базовых ценностей, что дает возможность определиться в решении вопроса о праве каждого из нас на *достойную жизнь* и столь же *достойную смерть*. А это, в свою очередь, выступает необходимым основанием деятельности трансплантологов, реаниматологов, акушеров-гинекологов и других специалистов.

Второй круг этических проблем экологии человека связан со спецификой, развитием и современными достижениями биологии и медицины, которые проявляются в конкретных случаях и сказываются на человеческой судьбе. БМЭ сконцентрирована преимущественно на анализе этих отдельных случаев – *медицинских казусов*, затрагивающих жизнь и здоровье человека, и призвана выявлять *моральные стороны конкретных ситуаций*, которые порождают новые «открытые» вопросы. К их числу относятся:

- *эвтаназия* – безболезненный добровольный уход из жизни – проблема, ставшая актуальной в результате достижений медицины по продлению жизни человека, а значит, и его страданий;
- *реанимирование* – проблема принятия решения о его необходимости, длительности, прекращении;
- *трансплантация органов* – морально-правовая проблема выбора донора и реципиента;
- установление *критериев нормы* и *патологии* взрослого человека и человеческого зародыша;
- *искусственное оплодотворение* и *прерывание беременности* – не только медицинская, но и нравственно-правовая проблема;
- предвидение и предотвращение негативных последствий медико-биологических, особенно генетических, исследований и экспериментов на человеке; определение меры ответственности исследователя и возможной степени риска.

Третий круг этических проблем защиты жизни и здоровья человека – определение характера и регуляция *межличностных отношений* в сфере медицины. Вторгаясь в область медицинской деонтологии, а точнее, включая ее в себя, БМЭ вырабатывает рекомендации по моральному регулированию человеческих отношений в системе «врач – больной» (отношения «по вертикали») и в медицинском коллективе (отношения «по горизонтали»). И если последние не связаны непосредственно с экологией человека, то от *моделей отношений*, складывающихся в процессе взаимодействия между медиками-профессионалами и «обычными» людьми, во многом зависит решение практических задач по обеспечению экологии человека.

В медицинской деонтологии известны две основные модели этого взаимодействия: традиционная – *патерналистская* и более современная – *автономная*. *Патерналистская* основана на том, что всю полноту ответственности за принятие клинических решений врач берет на себя, не считаясь зачастую с мнением пациента. *Автономная* модель исходит из приоритета моральной независимости пациента и признания его права на решение своей судьбы.

Необходимость перехода в современных условиях от традиционной патерналистской деонтологии к признанию автономности личности пациента, к «сотрудничеству» с ним предполагает решение ряда конкретных задач-этапов, направленных на защиту его прав. Среди них:

- определение *уровня автономности и прав пациентов*, в том числе психически больных, гериатрических пациентов, лиц с девиантным поведением (наркоманов, алкоголиков и др.); здесь возникают сложные, трудно разрешимые проблемы: например, возможность предоставления такому больному права на отказ от лечения, защита его от него самого и т. д.;
- введение в медицинскую практику *принципа «информированного согласия»*, что предполагает совместное с пациентом принятие решений, касающихся его лечения или участия в медико-биологических исследованиях;
- пересмотр некоторых традиционных норм медицинской деонтологии (положения о врачебной тайне, принципа «не навреди» и др.), поиск инвариантных решений, необходимость определения своего отношения к новым деонтологическим подходам в новых условиях, в частности в условиях компьютерной и телемедицины, платного здравоохранения и др.

Перечень проблем БМЭ можно было бы продолжить. Ясно одно: их решение или хотя бы подходы к решению лежат в русле заботы общества об экологии человека и необходимы как практическому врачу и биологу-исследователю, которые сегодня зачастую действуют на свой страх и риск, на уровне личной нравственной культуры, так и «обычным» людям, которых жизнь сталкивает с медициной в обыденных, а иногда и самых невероятных ситуациях.

Особое значение для экологии человека имеет тема *жизни и смерти*.

Право человека на жизнь распространяется на все этапы его бытия – от зачатия до смерти. В этом ключе следует рассматривать и споры по поводу искусственного прерывания беременности – аборта.

Решение *проблемы аборта* зависит в первую очередь от установления статуса эмбриона (плода) и четкого определения того момента, который разделяет два различных состояния плода: состояние, которому мы не приписываем никакого «человеческого» содержания, и состояние, за которым это содержание уже признается.

Авторы, стоящие на *консервативных* позициях, утверждают, что этот момент совпадает с зачатием (оплодотворением), и на любой стадии развития плод является человеческим существом, обладающим правом на жизнь. По-

этому, лишая жизни эмбрион, мы убиваем то, что может стать личностью. «Либералы» отрицают справедливость этой точки зрения, указывая, что обсуждать права плода столь же бессмысленно, как обсуждать «права» аппендикса, ибо даже на самых поздних стадиях беременности плод не является личностью. Неопределенность статуса эмбриона порождает и другие вопросы: с какого времени зародыш считается ребенком, человеком? Обладает ли он (и в какой мере) человеческими качествами? Способен ли он к ощущениям (в особенности – к ощущению боли)? В случае возможных или обнаруженных аномалий беременности может или должен быть зародыш уничтожен, и на каком этапе его развития это допустимо?

Очевидно, что как бы мы ни называли человеческую жизнь в утробе матери – «живой человеческий плод» или «зародыш человеческой личности», – значимость и ценность этого явления ни в коем случае не должна преуменьшаться. Идея А. Швейцера о «благоговении перед жизнью» распространяется и на эту, еще только зарождающуюся жизнь. Поэтому искусственное прерывание беременности следует квалифицировать как моральное нарушение заповеди «не убий», а со стороны врача – еще и клятвы Гиппократова. И даже в тех случаях, в которых мы определяем его как «выбор меньшего зла», нельзя забывать, что речь идет все-таки о зле.

Право человека на жизнь не ограничивается проблемой искусственного прерывания этой жизни на начальных стадиях ее зарождения. Это право должно реализовываться на протяжении всей жизни человека, порождая не только медицинские, но и социальные, нравственные, правовые вопросы и моральную готовность общества к их решению.

Так, скорее этической, чем сугубо медицинской, является проблема отношения к так называемым «неполноценным» детям и взрослым – физическим и психическим инвалидам. Зачастую в обществе вместо готовности создать для них «полноценные» условия существования обсуждается вопрос об их *праве* на существование, о его целесообразности и стоимости, что свидетельствует о моральной неготовности многих людей безоговорочно принять право на жизнь как естественное право *каждого человека*. То же относится и к другой, отнюдь не биомедицинской проблеме – проблеме смертной казни. За нежеланием и неготовностью общества к ее отмене стоит непонимание, что право на жизнь есть неотъемлемое право каждого, в том числе и преступника, и что никто не вправе распоряжаться этим его правом.

К проблеме права человека на жизнь относится и применение новых методов *преодоления бесплодия*, в частности возможности *искусственного оплодотворения*, порождающие множество этических проблем. Оплодотворение яйцеклетки бесплодной, но способной к вынашиванию ребенка женщины спермой мужа (или другого мужчины) вне ее организма с последующей имплантацией оплодотворенной яйцеклетки в ее матку

(ребенок, зачатый *in vitro* – в пробирке) с этической точки зрения до сих пор оценивается неоднозначно.

Нарекания обычно вызывают нарушение таинства супружества и противоестественность самого процесса. Так, учитывая, что донорская сперма может сохраняться для оплодотворения какое-то время в замороженном виде, как оценить тот факт, что мужчина может стать отцом ребенка после собственной смерти? Кто является собственником «избыточных» эмбрионов, которые обычно возникают в качестве «побочного продукта» при оплодотворении *in vitro*? Допустимо ли использовать «избыточные» эмбрионы для проведения научных исследований и экспериментов? Очевидно, что с моральной точки зрения должно быть полностью запрещено проведение некоторых видов экспериментов на плодах. Так, эмбрионы, подвергнутые тем или иным воздействиям, не должны имплантироваться в женский организм. Эмбрионы человека не должны имплантироваться в организм животного и т. д.

Возникают и другие, социальные вопросы. Например, стоит ли подвергать хирургическому вмешательству здоровую женщину и использовать столь сложные технологии, чтобы дать детей бесплодным семьям, когда в мире так много бездомных, несчастных детей, ждущих усыновления? Этична ли неизбежная при искусственном оплодотворении целенаправленная или случайная «селекция»: ведь естественно, что будущие родители захотят подобрать для своих детей «самых умных», «самых здоровых» или «самых красивых» носителей генов. Не приведет ли это к своеобразному расизму?

Особенно много вопросов связано с так называемым «суррогатным материнством», сущность которого заключается в вынашивании и рождении женщиной чужого ребенка с целью последующей передачи его биологическим родителям. Обычно в матку женщины-носительницы имплантируется яйцеклетка другой женщины, оплодотворенная спермой ее мужа, если она не может (или не хочет) вынашивать ребенка. Считается, что функции, выполняемые женщиной-носительницей, близки к функциям кормилицы, а условия соглашения и обоюдной заинтересованности должны снимать все противоречия. Однако здесь возникают проблемы этического и юридического характера.

Например: на каких основаниях следует строить взаимоотношения семьи, «принявшей» ребенка, и женщины-носительницы? Каковы ее права и обязанности в случае рождения неполноценного ребенка? Не станет ли распространение носительства началом рассмотрения человеческой жизни в качестве товара? Ведь речь, по сути, идет о недопустимой и несанкционированной продаже и приобретении эмбрионов. С точки зрения экологии человека существует также опасность, что «суррогатное материнство» может не только нарушить моральный климат в семьях, причастных к этому явлению, но и осложнить жизнь ребенка. В связи с этим насколько допустима или необходима для будущих детей и их официальных родителей анонимность суррогатных матерей (или доноров-мужчин)? Ребенок не должен быть средством удовлетворения потребностей и целей своих родителей. Его

жизнь для них должна быть самоценностью, его отношения с ними должны основываться не на контракте, а на любви и преданности.

Вместе с тем запрещать любые манипуляции с эмбрионами – значит не только лишить детей те семьи, которые не могут иметь детей иначе, чем по методикам экстракорпорального (внематочного) оплодотворения, но и закрыть целое научное направление – эмбриологию, которое не только помогает изучать многие тяжелые болезни и искать пути их лечения, но и является одним из важнейших путей реализации экологии человека. И вообще: задача биомедицинской этики – не запрещать и не налагать моратории на новые и старые биотехнологии, а способствовать их развитию и контролировать их использование.

Право человека на смерть не менее значимо, чем право на жизнь: наряду с необходимостью морально-этического «взвешивания» ценности человеческой жизни в ее начальной фазе существует потребность этико-гуманистического осмысления ее заключительной фазы – умирания. Именно в связи с этой «пограничной ситуацией» человеческой жизни актуальными становятся проблемы сущности жизни, определения смерти, границы жизни и смерти.

Смерть – естественное явление, другая сторона жизни человека. Жизнь ограничена зачатием и смертью, и все люди равны перед ее лицом. Поэтому важнейшая этическая задача, во-первых, выработать механизмы защиты (не от смерти, а от страха перед смертью – и эмоциональные, и рациональные), во-вторых – обеспечить человеку **право на достойную смерть**. В рамках экологии человека оно должно быть таким же естественным, как и право на достойную жизнь.

Проблема *умирания с достоинством* затрагивает как личное достоинство умирающего, так и достоинство общества, которое своими действиями должно охранять достоинство каждого человека. Умирание с достоинством предполагает, прежде всего, нравственную заботу об умирающем.

Однако это не только достойное оформление естественного процесса ухода человека из жизни окружающими, но еще и *право больного на решение уйти из жизни*, сделанное им обдуманно, с учетом своего психического и физического состояния. Такое решение может быть рассмотрено как проявление самоуважения личности, так как оно связано с ценностным подходом к жизни. Умирающий сам должен определить для себя, что для него важнее: быть человеком, обладающим рассудком (*ratio*), или просто оставаться еще какое-то время живым, в состоянии поддержания жизни (*vita*).

Реальным воплощением этических проблем, связанных с *правом человека на достойную смерть*, выступает **эвтаназия**. Термин «эвтаназия» означает добровольную безболезненную смерть и отражает естественное для человека желание умереть легко и спокойно. Никакого антигуманного содержания само по себе это понятие не несет.

Однако споры вокруг моральных аспектов этого феномена становятся все более активными. Одни отвергают эвтаназию как акт убийства, пусть и совершенного с согласия убитого. Другие рассматривают ее как панацею от всех бед, ибо «негуманно мучить людей жизнью». Раздаются и осторожные голоса, выражающие сдержанную тревогу: не обернется ли легализация эвтаназии дискредитацией врачебной профессии? Не подвигнет ли она медиков – вместо трудного поиска новых, более эффективных средств и методов лечения и обезболивания – на более легкий и простой путь «умерщвления из сострадания»? Не ослабит ли наличие такой перспективы, как «легкая, безболезненная смерть», волю тяжело, но не безнадежно больных пациентов к сопротивлению болезни, к борьбе за жизнь?

Опасности такого рода существуют, но они не должны лишать человека его права самостоятельно распоряжаться своей жизнью – и смертью. И если ревностные сторонники эвтаназии допускают возможность насильственным образом прервать нить жизни, то поборники максимально возможного продления биологического существования человека теми же насильственными мерами пытаются растягивать эту нить до бесконечности. Сложность проблемы в том, что не существует абсолютно безупречных с морально-этической и правовой точек зрения способов ее решения, поскольку выбор делается не между добром и злом, а между меньшим и большим злом.

Этические проблемы реанимации и трансплантации. Не только уход из жизни по личным соображениям, когда человек сам предпочитает достойную смерть недостойной жизни, но и нестандартные ситуации, порождаемые научно-техническим прогрессом в практике медицины, заставляют общество пересматривать и углублять отношение к жизни и смерти. Так, благодаря сравнительно молодому направлению – **реаниматологии** – предметом изучения медицины становятся не только болезнь и здоровье человека, но и *процесс его умирания*. Возможность поддержания человека в бессознательном, «вегетативном» состоянии длительный период времени привела к коренной ломке установившихся понятий, к пересмотру традиционных представлений о смерти, поиску новых подходов к определению **критерия смерти**, к попыткам решения философской проблемы **статуса смерти**.

Действительно, в каком смысле следует признать *существование* смерти? Если она существует (в строгом смысле слова), то не является ли она лишь формой перехода живого в мертвое? Не существует ли она именно как *умирание*, как переход одного качества в другое, как граница бытия и небытия живого? В таком случае какую степень деградации жизненного процесса следует считать **объективно наступившей смертью**? Что означает утверждение, что данный человек умер? Когда окончательно наступает смерть? Где проходит грань, за которой бесполезны все усилия медиков по спасению человеческой жизни?

Современные концепции предлагают считать таким критерием *смерть головного мозга*, который является носителем автономной целостности, суверенности и индивидуальности личности. Смерть мозга есть расщепление основания жизни, ибо в этом случае утрачиваются атрибутивные качества личности. Человек уже мертв, и врачам остается лишь юридически оформить данный факт. Искусственная же вентиляция легких, протезирующая функцию дыхания, способствует лишь воспроизведению искусственной жизни, которая обречена на прогрессирующую деградацию.

Но здесь вновь возникают вопросы. Чем является тело человека, мозг которого перестал функционировать, однако видимые еще признаки жизни (например, сердечные сокращения), безосновательные надежды близких на «оживление», наконец, вековые медицинские традиции мешают признать человека мертвым. Не является ли в таких случаях отключение аппарата «искусственные легкие–сердце» убийством? Эти вопросы носят не абстрактно-умозрительный характер; они содержат в себе этические основания для решения практических задач современной биомедицины. Ведь сегодня, при соответствующем медицинском и экономическом обеспечении, реанимированные больные могли бы жить, точнее, существовать в «вегетативном» состоянии сколь угодно долго и после смерти мозга. Вопрос в том, нужно ли это, что это дает? Даже в самом благоприятном случае – неизвестно, вернется ли к спасенному человеку нормальное сознание (ведь повреждения мозга необратимы). И тогда – ради чего сохранять это растительно-животное существование, если человек все равно перестал быть личностью?

Поэтому в медицинских кругах широко дискутируется вопрос, насколько морально оправданно продление жизни безнадежного больного или его реанимирование в ситуациях, когда: его сознание необратимо утрачено; умирая, он испытывает невыносимые физические страдания; этот пациент – новорожденный, анатомические дефекты которого неустранимы. В этих условиях благороднейшая и гуманнейшая задача медицины – борьба с болезнью – может стать своей противоположностью – борьбой за *поддержание* болезни в течение длительного срока, превращая тех, кого она опекает, в заложников своего сверхгуманизма.

Этические проблемы порождаются и практическим развитием *трансплантологии*. Прежде всего, это проблема *донора и реципиента*. Наиболее оптимальный и высокоморальный вариант здесь – добровольная жертва одного из своих органов родственниками больного. Но не всегда такой вариант имеется. И тогда встает вопрос о постороннем доноре, согласие которого на взятие у него органов и тканей для трансплантации другому человеку должно быть добровольным и сознательным.

Однако в соответствии с законом некоторых стран (в том числе России и Беларуси) посторонний человек не может при своей жизни продать или пода-

ритель другому свой орган. Значит, необходимый больному орган может быть взят только у трупа. Но возникает этическое противоречие: реаниматологи до последней возможности пытаются спасти жизнь умирающего человека (даже безнадежного больного), а трансплантологи в это же время с нетерпением (?) ждут его смерти, так как она даст им возможность спасти жизнь другого. Причем объективно получается так, что чем скорее умрет один, тем надежнее, что за счет изъятых у умершего органов, будет спасен другой.

В трансплантологии возникают и другие серьезные этические философские проблемы, связанные с ценой и ценностью человеческой жизни. Возможность продлить жизнь человека и улучшить ее качество с помощью трансплантации органов и тканей таит в себе опасность превращения донорства в коммерческую сделку (покупка или продажа органов, приобретение приоритетного права в списке очередников на необходимый донорский орган). Здесь возможны злоупотребления, подкуп, коррупция. Но запреты проблем не решают. Нельзя, например, опасаясь этого, запретить обмен донорскими органами с другими странами: это значило бы не иметь возможности не только передавать, но и получать необходимые обреченным людям органы по международным системам сотрудничества. Так же несостоятельно предложение запретить изъятие органов у трупов без прижизненного письменного согласия на то умерших людей: это значит поставить крест на всех программах трансплантации органов и тканей, которые сегодня спасают жизнь и здоровье тысячам людей.

Проблема отношения человека к жизни и смерти актуализируется сегодня и в связи с достижениями *современных биотехнологий*. С одной стороны, расширение экспериментальных исследований в области биологии и медицины породило новые возможности – генетическое манипулирование, эмбриональную хирургию, новые технологии деторождения, трансплантацию органов, поддержание больного в бессознательном, «вегетативном» состоянии в течение долгого времени и т. д. С другой – эти успехи вызвали к жизни нестандартные ситуации, усилившие необходимость серьезного решения многих моральных, психологических, правовых аспектов теоретических и практических проблем экологии человека.

Вопросы и задания

1. Предложите собственную схему взаимопересечения экзотики, биоэтики, биомедицинской и медицинской этики в рамках этического обеспечения экологии человека.

2. Право человека на жизнь: с какого момента оно должно реализовываться? Что вы думаете о правах эмбриона, зародыша, новорожденного младенца? А о праве матери распоряжаться его жизнью и своим телом? Аборт – обычная хирургическая операция или убийство?

3. Проблема клинической смерти: в каких случаях, на ваш взгляд, следует реанимировать умирающего, а в каких – нет?

4. Ваше отношение к эвтаназии? Страх смерти – норма или недостаток воспитания?

5. Выскажите ваше отношение к проблеме искусственного оплодотворения и «суррогатного материнства».

6. Оцените перспективы трансплантологии с эτικο-правовых позиций: проблема забора органов для пересадки у живых и мертвых доноров; возможности криминальных действий в этой сфере и т. д.

7. Выскажите вашу точку зрения на возможность пересадки головного мозга. Какие перспективы видите вы в этом направлении трансплантологии?

8. Сформулируйте и аргументируйте ваше отношение к допустимости или необходимости экспериментов на человеке (или человеческом эмбрионе) – генетических, фармакологических, психотропных, экологических и др.

9. Прокомментируйте с позиций биомедицинской этики высказывание Сент-Экзюпери: «Меня мучает, что в каждом человеке, быть может, убит Моцарт».

Список литературы

1. Поттер, В. Р. Биоэтика. Мост в будущее / В. Р. Поттер. – Киев, 2002.
2. Милютин, А. А. Экология человека и биомедицинская этика / А. А. Милютин, М. И. Смирнов // Биомедицинская этика: проблемы и перспективы: материалы междунар. конф. (Минск, 12–13 окт. 2000 г.) / под ред. С. Д. Денисова, Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич. – Минск : БГМУ, 2000.
3. Леопольд, О. Природная пирамида / О. Леопольд // Экологическая антология. – М., 1992.
4. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
5. Биомедицинская этика: учеб. пособие // Т. В. Мишаткина [и др.]; под общ. ред. Т. В. Мишаткиной, С. Д. Денисова, Я. С. Яскевич. – Минск : Тетра-Системс, 2003.

Глава 10. Экология человека и этические последствия научно-технического прогресса

...Не стоит слишком обольщаться нашими победами над природой:
за каждую такую победу она нам мстит.
Ф. Энгельс

10.1. Этические аспекты генной инженерии и современных биотехнологий

Со второй половины XX века начался период бурного развития биомедицинских наук. Особенно больших успехов ученые добились в таких принципиально новых областях, как трансплантология, репродуктивные технологии (искусственная инсеминация, оплодотворение *in vitro*, трансплантация эмбриона), контроль рождаемости (аборт и контрацеп-

ция), геномика (генодиагностика, геномная инженерия, генотерапия, генетическая идентификация личности), психофармакология, реаниматология и др. Такое быстрое развитие различных научных областей и новых методик сделали возможным вмешательство в святое святых – генетический аппарат человека, в ход самой эволюции, в ход жизни, что привело к проблематизации традиционно сложившихся границ начала и конца человеческого существования, демаркации нормы и патологии, различения своего (собственного) и чужого, морального и аморального, легального и криминального.

В связи с появлением новых морально-этических вопросов и необходимостью осмысления и нравственной оценки бурно развивающихся исследований в сфере биологии и медицины, их достижений и проблем, когда явственно проявилась опасность отношения к человеку как объекту наблюдения, экспериментирования и манипулирования, и возникла **биоэтика** [1], призванная сформировать обновленное осознание ситуации, выработать новые морально-этические нормы и концепции, задающие жесткие границы искусственного вмешательства в механизм возникновения новых живых существ, рамки допустимости проведения экспериментов и манипуляций.

Проблему формирования таких этических принципов и правовых норм необходимо рассматривать применительно к современному либеральному, мировоззренчески-нейтральному правовому обществу, в котором секуляризованное государство должно обеспечивать справедливое взаимодействие индивидов и общностей, имеющих различное представление о морали и этически-правильном образе жизни. Такое общество «гарантирует каждому равную свободу развивать этическое самопонимание для того, чтобы в соответствии с собственными возможностями и благими намерениями осуществить в действительности персональную концепцию “благой жизни”» [2, с. 12]. Это еще больше обостряет и без того сложные проблемы, стоящие перед биоэтикой. Ведь новые этические концепции должны поддерживать как подобную мировоззренчески-плюралистическую организацию общества, так и свободу волеизъявления каждого индивида, а также «втиснуться» в рамки еще одного нового понятия и исследовательского направления – **экологической этики**.

По вопросу о статусе экологической этики, биоэтики, биомедицинской и медицинской этики среди специалистов, как уже отмечалось, существует разброс мнений.

В американской *Encyclopedia of Bioethics* (1995) **биоэтика** определяется как «систематическое исследование нравственных параметров – включая моральную оценку, решения, ориентиры поведения и т. п. – достижений биологических и медицинских наук с привлечением разнообразных этических методологий» [3, с. 21].

Современная этика рассматривает *биоэтику* как *раздел прикладной этики*, который:

а) регулирует проблемы нравственных взаимоотношений между человеком, природой и обществом, рассматривая всех участников этого взаимодействия как автономные моральные субъекты;

б) ориентирует человека на выработку и установление нравственно-понимающего отношения к жизни вообще и любому живому, на заботу о правах биоса;

в) вырабатывает и обосновывает высоконравственные принципы отношения общества в целом и профессионалов (медиков и биологов) к человеку – его жизни, здоровью, смерти [1].

Уже сам термин «биоэтика» указывает на то, что это направление науки ориентировано на изучение любых живых существ независимо от того, находят или нет эти исследования свое применение в лечении человека.

С самого начала своего возникновения биоэтика и разрабатываемые ею проблемы порождали разные мнения и подходы, связанные с современными биотехнологиями и биобезопасностью [4]. Наибольшее количество этических проблем и споров связано с такими направлениями научных исследований, как *геновая инженерия, генетика человека, клонирование и евгеника*. Большинство вопросов, возникающих применительно к этим сферам научного знания, в основном можно свести к двум бинарным оппозициям: имеем или нет мы право, во-первых, вмешиваться в давно устоявшийся порядок жизни с целью изменить его, и, во-вторых, имеем или нет мы право проводить какие-либо манипуляции и применять продукты таких манипуляций, если отдаленные последствия таких действий неизвестны.

Стремительное развитие генетики человека порождает множество вопросов, основными из которых являются следующие:

- Может ли геном быть критерием оценки личности?
- Может ли генетическое тестирование стать основанием классификации групп населения, а для властей поводом ограничения свобод «неблагополучных» людей?
- Может ли реальность биогенетического неравенства (способности, здоровье) стать основанием социального неравенства?
- Должно ли генетическое обследование стать доступным каждому и охватывать всю популяцию?
- Должно ли генетическое тестирование стать обязательным, особенно для людей, вступающих в брак, или при беременности?
- Можно ли рассматривать получение неблагоприятного прогноза при пренатальной генетической диагностике как основание для аборта?
- Этично ли сообщать человеку об имеющейся у него предрасположенности к тому или иному заболеванию, если медицина не может еще предотвратить его развитие?

- Допустимо ли, чтобы данные «генетической паспортизации» были использованы страховыми компаниями и работодателями?
- Как гарантировать и обеспечить конфиденциальность материалов генетического тестирования?
- Должна ли информация о результатах генетического обследования быть доведена до всех членов семьи?
- Вправе ли человек выбирать: знать или не знать о результатах генетического тестирования?
- Ограничится ли наука расшифровкой патологических генов или пойдет дальше – к поиску генов, ответственных за поведение человека?
- Можно ли улучшить или «гармонизировать» человека и род человеческий путем предоставления рекомендаций при вступлении в брак на основании медико-генетического тестирования?
- Может ли человек (генетик-исследователь, политик) стать «соавтором» биологической эволюции?
- Могут ли государство и общество регулировать процесс научных исследований, и если «да», то как?

Каждый из этих вопросов – не просто упражнение в риторике, а естественное следствие существующей научной и правовой практики. Именно поэтому руководитель научного совета России по программе «Геном человека» академик А. А. Баев справедливо отмечал: «Геном человека – это уже не только фундаментальная научная проблема, но и крупное социальное явление, как финансовое, так и производственное. Изучение генома достигло такого состояния, что и гуманитарии, занимающиеся вопросами философии, социологии, права, и религиозные деятели, и широкая общественность должны, наконец, вплотную заняться вопросами биоэтики» [5].

Применительно к проблемам *генетики* привлечение этических методологий способствовало формированию двух биоэтических подходов, которые условно можно назвать «либеральным» и «консервативным». Приверженцы «либерального» подхода видят огромные перспективы, открывающиеся в области генетической терапии и биотехнологии, и любые ограничения этих перспектив рассматривают как остановку научного прогресса. Такое отношение исповедуют, как правило, ученые: молекулярные биологи, генетики, т. е. непосредственные участники исследовательских работ. В основе этой позиции лежат принципы прагматизма и утилитаризма.

«Консервативная» точка зрения более распространена среди юристов, философов, богословов, но и среди ученых. Те, кто ее придерживается, весьма озабочены возможностью генетических изменений, которые, однажды начавшись, могут изменить, по их мнению, генетический портрет человечества настолько, что в соотношении с последствиями этой

«революции» могут показаться ничтожными последствия войн и катастроф. Аргументы этой позиции классически этичны, они связаны с ожиданиями катастрофических последствий отказа человека (включая ученого, исследователя) от соблюдения традиционных моральных норм.

С нашей точки зрения либеральный подход является наиболее адекватным и в большей степени соответствует современному состоянию науки и общества. *Генная инженерия*, несомненно, способствует бурному технологическому развитию общества.

На сегодняшний день в целом ряде направлений активно применяются генетически модифицированные организмы: в фармакологии, сельском хозяйстве, медицине, пищевой промышленности и т. д. С помощью методов генной инженерии возможно также восстановление вымерших и вымирающих видов животных и растений.

В сельском хозяйстве с помощью рекомбинантной ДНК могут быть получены сорта культурных растений, устойчивые к засухе, холоду, болезням, насекомым-вредителям и гербицидам. Одна из важных задач – получение растений, устойчивых к вирусам, так как пока еще не разработаны другие достаточно эффективные способы борьбы с вирусными инфекциями сельскохозяйственных культур. В настоящее время уже получены трансгенные растения, способные противостоять воздействию более десятка различных вирусных инфекций, сохраняя при этом высокую продуктивность.

С помощью генно-инженерных подходов получен ряд жизненно важных медицинских препаратов, в том числе инсулин человека и противовирусный интерферон. И хотя такого рода технологии еще только разрабатываются, они обещают огромные успехи и в медицине, и в сельском хозяйстве, поскольку это весьма перспективный путь создания и производства вакцин. Уже сегодня с помощью генной терапии можно лечить диабет, анемию, некоторые виды рака, болезнь Хантингтона и очищать артерии. В настоящее время осуществляется более 500 программ клинических испытаний различных видов генной терапии.

Неблагоприятная экологическая обстановка и ряд других причин приводят к тому, что все больше детей рождается с серьезными наследственными дефектами (на сегодняшний день известно более 4000 наследственных заболеваний). И хотя для большинства из них не найдено эффективных способов лечения, но уже существует реальная возможность диагностирования многих генетических заболеваний еще на стадии эмбриона или зародыша. Пока наиболее эффективным способом профилактики является прекращение беременности на самой ранней стадии в случае серьезных генетических дефектов, но скоро станет возможным корректировать генетический код, исправляя и оптимизируя генотип будущего ребёнка. Это позволит не только полностью избежать генетических болезней, но и улучшить физические, психические и умственные характеристики новорожденных.

Невероятные потенциальные перспективы открывает перед человечеством возможность **клонирования**. К сожалению, на реалистичное обсуждение этой темы с самого начала оказывали влияние сенсационные, но вводящие в заблуждение сообщения СМИ, а также общая негативная эмоциональная реакция, порожденная «ненаучной» фантастикой. Отрицательное отношение к клонированию людей – это, скорее, следствие захватывающей дух новизны идеи, чем реальных нежелательных последствий. При разумном регулировании преимущества клонирования людей существенно перевесили бы возможные недостатки и опасности.

Иногда ученые, общественность задаются вопросом: для чего вообще клонировать человека? Для этого существует как минимум две веские причины: во-первых, чтобы предоставить возможность семьям зачать детей-близнецов выдающихся личностей и, во-вторых, чтобы позволить бездетным парам иметь детей. Мы также можем спросить себя: действительно ли отрицательные последствия клонирования настолько драматичны, что нам следует запретить это делать взрослым людям, действующим добровольно? Ведь в целом отрицательные последствия не перевешивают преимуществ и они не так уж непреодолимы, ибо они могут быть предотвращены или минимизированы с помощью узконаправленных законов и регулирующих норм.

Клонирование органов и тканей – это задача номер один в трансплантологии, травматологии и других областях медицины и биологии. При пересадке клонированного органа не надо думать о подавлении реакции отторжения и возможных последствиях в виде рака, развившегося на фоне иммунодефицита. Клонированные органы – альтернатива для людей, попавших в автомобильные аварии или какие-нибудь иные катастрофы, а также для людей, которым нужна радикальная помощь из-за заболеваний пожилого возраста (изношенное сердце, больная печень и т. д.).

Не менее важная задача клонирования – регулирование пола сельскохозяйственных животных и клонирование в них человеческих генов, обеспечивающих наработку биологически активных макромолекул, таких как инсулин, интерлейкины и др., которые используются в терапевтических целях для людей. Например, для страдающих гемофилией, причина которой – мутации по гену, кодирующему фактор свертываемости крови. Сегодня эти белки готовят из крови доноров, которые могут оказаться носителями ВИЧ, гепатита и т. д., из-за чего все страдающие гемофилией входят в группу риска по инфекционным заболеваниям.

Основные возражения против клонирования человека свидетельствуют о фундаментальном непонимании этого процесса широкой публикой. Эти возражения можно свести к следующим.

1. Создание еще одного человека с тем же самым генетическим кодом может стать посягательством на человеческое достоинство и его уникальность [6].

Этот аргумент сводится к тому, что существование в мире 150 млн человек, чей генетический код уже не является уникальным. Речь идет об однояйцевых близнецах, которые появляются на свет в среднем 1 раз на 67 рождений. Эти близнецы имеют к тому же одинаковый возраст, в то время как клон-близнец и донор ДНК могут иметь разницу в возрасте в несколько десятков лет. Отвратительны ли естественные двойняшки или тройняшки? Нарушают ли близнецы человеческое достоинство? По-видимому, этот аргумент полностью несостоятелен.

2. Клонирование сократило бы генетическое разнообразие, делая нас более уязвимыми к эпидемиям, снижая адаптивность к новым, постоянно меняющимся условиям в современном индустриальном обществе.

Это возражение базируется на необоснованном расчете. На нашей планете в настоящее время живет более 5 млрд. человек. Исходя из стоимости процедуры, совершенно очевидно, что клонирование человека будет производиться в очень скромных масштабах. Также очевидно, что в большинстве случаев женщина все же не захочет быть матерью клонов-близнецов. Таким образом, относительная доля клонов составит весьма незначительную часть общего населения и не окажет сколь бы то ни было существенного влияния на генетическое разнообразие человеческой популяции.

3. Клонирование может привести к созданию людей-монстров или уродов, а также узкоспециализированных клонов со специальными свойствами (клоны-спортсмены с повышенной выносливостью и физической силой, клоны-солдаты, запрограммированные убивать и т. д.).

В действительности же клонирование человека существенно отличается от его генно-инженерного трансформирования (хотя они и тесно связаны между собой). При клонировании ДНК копируется, в результате чего появляется еще один человек, точный близнец существующего индивида, следовательно, – не монстр или урод. Генная же инженерия подразумевает модификацию исходной ДНК на молекулярном уровне, в результате чего может появиться человек, не похожий на донора.

В то же время необходимо признать, что на современном этапе технология клонирования не отработана, она может привести к смерти плода, что теоретически можно приравнять к убийству. Но, как правило, любая сфера деятельности человека сочетается с определенным риском случайной гибели. Клонирование человека в этом смысле также не исключение.

4. Многие начнут клонировать себя только для того, чтобы получить затем органы для трансплантации, т. е. действовать по принципу «убить ближнего, чтобы выжить».

Однако мы должны постоянно помнить, что человеческий клон – это человек, обладающий всеми вытекающими из этого правами. Основные же вероятные приложения технологии клонирования концентрируются в сфере трансплантации органов, пересадки кожи. В этих случаях не требуется клонирование целостной особи – достаточно использовать технологию переноса ядра из клетки в клетку для выращивания новых тканей или органов.

5. При проведении процедуры клонирования (или даже ЭКО) исследователь, как правило, работает с несколькими клетками, параллельно создавая несколько зародышей, а затем, руководствуясь своими собственными критериями, выбирает, кому дать жизнь, а кому нет. Отсюда вытекает еще одна этическая проблема, которую кратко можно сформулировать как «Я – бог».

В Библии и священных текстах других религий не содержится прямого запрета на клонирование человека. Тем не менее существует множество людей, которые полагают, что клонирование человека – это богохульство. Некоторые религиозные лидеры, не принимающие клонирование человека, также убеждают свою паству бороться с «грехом клонирования». Предлагают применять карательные меры к тем, кто им не верит, они тем самым дискредитируют себя и свою религию. В отличие от процедуры аборта, которая заключается в *прерывании* жизни плода, клонирование подразумевает *создание* новой жизни. Следовательно, оппозиция клонированию человека не базируется на общепринятых моральных принципах.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении другого весьма перспективного, с нашей точки зрения, направления – *евгеники*. В литературе принято различать *позитивную* и *негативную* евгенику. Цель *позитивной евгеники* – увеличение воспроизводства индивидов с признаками, способствующими процветанию общества, такими как, например, высокий интеллект, хорошее физическое развитие или повышенная биологическая адаптабельность.

Негативная евгеника направлена на уменьшение воспроизводства тех, кого можно считать арьергардом общества – лиц с отягощенной наследственностью. По-видимому, негативная евгеника зародилась в древней Спарте, где старейшины на Скале Советов решали, подарить ли жизнь младенцу или сбросить его в пропасть.

Вместе с тем благодаря современным достижениям медико-биологических наук и технологий некоторые цели евгеники уже частично реализованы. Например, общеизвестна позитивная роль генетического консультирования, нацеленного на оказание помощи будущим родителям и выявление тяжелых наследуемых заболеваний типа гемофилии, серповидноклеточной анемии или хореи Гентингтона. Более того, цитогенетическое исследование плода с помощью амниоцентеза и других тестов позволяет выявлять ряд генетических аномалий еще до рождения ребенка. При обнаружении серьезных аномалий родители имеют возможность своевременно принять правильные меры и, в крайнем случае, прервать беременность.

Научная репутация евгеники была существенно поколеблена в 30-е годы XX века, когда евгеническая риторика стала использоваться для обоснования расовой политики гитлеровской Германии. Подобные тенденции по созданию расы коммунаров также рассматривались в 1920–1930 гг. в СССР.

На Нюрнбергском процессе жесткое осуждение вызывали данные по использованию опытов по радиационной и химической стерилизации узников, после которой их направляли на «общие работы», затем умерщвляли и исследовали изменения в тканях гонад. Конрад Лоренц, сторонник «практической» евгеники в фашистской Германии, после войны стал «персоной нон грата» в большинстве цивилизованных стран. Тем не менее ряд региональных и национальных правительств поддерживал евгенические программы до 1970-х годов.

Несмотря на то что евгеника является чисто научной дисциплиной, так называемые евгенисты взяли на вооружение ненаучную, расистскую часть теории и используют ее как обоснование «совершенства» какой-либо расы. Это оттолкнуло многих ученых от евгенических идей и задержало развитие евгеники, сделав сам термин непопулярным.

Негативное отношение к евгенике, признание ее не соответствующей представлениям и принципам биоэтики привело к тому, что в развитых странах на практике растет так называемый *генетический груз* – сохранение маложизнеспособных особей за счет сокращения числа спонтанных аборт. При естественном ходе беременности такие аборт отсеивают часть возникших мутационных нарушений. При переводе беременных в режим «на сохранение» (обычно подразумевается сохранение каждой беременности) сохраняются и мутационные нарушения, создавая генетический груз. Второй причиной роста генетического груза является развитие медицины, которое позволяет дойти до репродуктивного возраста лицам, имеющим значительные врожденные генетические аномалии или заболевания. Эти заболевания ранее были препятствием к передаче дефектного генетического материала следующим поколениям. В связи с этими факторами концепция евгеники в отношении человека сегодня становится более актуальной, нежели 100 лет назад.

Способом сокращения генетического груза, помимо аборта, основанного на результатах анализов, в том числе амниотической жидкости, является превентивное консультирование родителей в медико-генетических центрах. Евгенические принципы сегодня частично реализуются в рекомендациях по желательной/нежелательной беременности – пока что такие оценки проводятся на основании опроса и/или биотестирования лишь небольшой категории лиц, входящих в так называемую «группу риска». Социальной компенсацией для лиц, не имеющих шансов на рождение собственного здорового потомства, являются методы искусственного оплодотворения, а также институт усыновления.

Непродуманное использование евгенических принципов, допускающих и даже рекомендующих вмешательство в репродуктивные процессы человека, безусловно, противоречит биоэтическим принципам, в частности принципу святости человеческой жизни. Поэтому сегодня многие приверженцы биоэтики высказываются за то, чтобы на корректирование гено-

фонда, как и на клонирование человека, был наложен запрет [7] из-за опасений возможности расслоения общества на классы по генетическим признакам (например, носители каких-либо удачных комбинаций генетических или фенотипических признаков – и носители неудачных; искусственно созданные более совершенные люди – и «обычные» люди).

Однако все не так просто, и вполне правомерно задать встречный вопрос: имеем ли мы право передавать будущему ребенку какой-либо негативный признак или наследственную болезнь, если этого можно избежать?

Профессор Тихоокеанской лютеранской богословской семинарии Тед Петерс так высказался по этому поводу: «Вопрос заключается в том, что если мы можем оказать влияние на направление изменения, должны ли мы сделать так, чтобы стало лучше или хуже? ДНК человека будет продолжать изменяться, даже если мы ничего не будем делать, просто вследствие естественного отбора, мутаций и т. д. Теперь, если мы имеем такую возможность, если мы можем изменить ситуацию таким образом, чтобы содействовать улучшению здоровья человека, облегчить его страдания, я думаю, у нас есть моральный долг и ответственность поступать так» [8]. На симпозиуме в Ватикане глава папского Совета справедливости и мира кардинал Ренато Мартино, защищая генную инженерию, также прибегнул к помощи Библии, где говорится, что человек был помещен на землю, чтобы иметь власть над природой [9].

По нашему мнению, развитие таких направлений науки, как генетика человека, генная инженерия, клонирование и практическое применение различных разрабатываемых в их рамках технологий, приведет к прогрессу такого явления, как *либеральная евгеника*. То есть каждый член общества сможет сделать информированный выбор: прибегать ли к генетическому кариотипированию при планировании семьи, делать или не делать пренатальную диагностику, допускать или нет рождение заведомо больного ребенка, пользоваться или не пользоваться технологиями искусственного вмешательства в геном с целью его коррективки.

Подобные тенденции в обществе уже существуют. Так, уже давно применяются на практике генетическое консультирование при планировании семьи, пренатальная диагностика различных наследственных заболеваний и пороков развития плода. И запрет на применение подобных технологий или осознанное торможение развития таких направлений науки, как генетика человека, биотехнология и генная инженерия лишает человека возможности совершать выбор «в соответствии с собственными возможностями и благими намерениями осуществить в действительности персональную концепцию “благой жизни”» [2]. А это, на наш взгляд, как раз и будет противоречить принципам биоэтики применительно к мировоззренчески-плюралистическому обществу.

10.2. Этические проблемы последствий катастрофы на ЧАЭС

Отравлен хлеб и воздух выпит.

Как трудно раны врачевать...

О. Мандельштам

Не меньшие, если не большие этические проблемы в области экологии человека порождаются обстоятельствами, связанными с техногенными катастрофами. Авария на четвертом блоке Чернобыльской АЭС в 1986 г. стала крупнейшей ядерной катастрофой в мировой истории. По масштабам радиоактивного выброса и его последствий она намного превзошла все наиболее серьезные из предыдущих аварий (в Уиндскейле, Великобритания, 1957 г.; Три Майл Айленде, США, 1979 г.; промышленный комплекс «Маяк», СССР, 1957 г.). Проблемы, вызванные этой аварией, и ее последствия в большей или меньшей мере коснулись многих стран Европы, придав этой катастрофе статус глобальной. Общеизвестно, что в наибольшей мере пострадали Украина, Беларусь и Россия. Преодоление последствий аварии на Чернобыльской АЭС имеет статус государственной значимости в этих странах. Проблемы и вопросы, связанные с обеспечением безопасной жизнедеятельности населения, проживающего на загрязненных территориях, находятся в фокусе внимания законодательных и исполнительных властей пострадавших регионов, а также мировой политической и научной общественности.

По прошествии более чем двадцати лет с момента катастрофы многие задачи уже решены, очерчен круг долгосрочных проблем, подготовлено множество государственных и транснациональных проектов по преодолению последствий аварии на ЧАЭС. Существует огромное количество исследований состояния здоровья людей, пострадавших от этой аварии, подсчитан экономический ущерб, постоянно изучается экологическое состояние региона.

Однако гораздо меньшее значение придавалось морально-этической стороне проблем, связанных с аварией на Чернобыльской АЭС. А ведь это тысячи людей с ухудшением здоровья, это рост частоты встречаемости онкологических заболеваний и других патологий органов и систем среди населения пострадавших регионов, это тысячи переселенцев, столкнувшихся с моральными проблемами и трудностями, связанными с переселением. При этом в отечественной и зарубежной научной литературе практически не встречается публикаций на тему эко- и биоэтических аспектов аварии на ЧАЭС [10, с. 63], в то время как именно здесь выявилось большое количество противоречивых морально-этических проблем. Субъектами этих проблем являются, прежде всего, население, проживавшее на загрязненных территориях, ликвидаторы и лица, пострадавшие от аварии на ЧАЭС, на которых проводились биомедицинские исследования.

Соблюдение и нарушение эко- и биоэтических принципов в отношении к населению

Во-первых, одним из основных прав, которыми должно обладать как общество в целом, так и каждый индивид, является право на достоверную информацию о состоянии среды обитания, ее потенциально опасных изменениях и научно обоснованных прогнозах возможного влияния этой ситуации на здоровье и жизнь субъекта. Оно-то первым и было нарушено во время аварии на Чернобыльской АЭС.

Реальное сообщение о необходимости защитных мероприятий было передано лишь спустя несколько дней после аварии. До этого население зараженных территорий активно отдыхало и работало на приусадебных участках – стояла необыкновенно теплая погода. От населения была скрыта информация о произошедшей катастрофе. Этот факт уже сам по себе явился грубейшим нарушением прав человека и норм экологической этики.

Во-вторых, во время эвакуации с загрязненной территории людям также не дали полной информации о происходящем, не была проведена разъяснительная работа. Население не было поставлено в известность о характере угрозы, последствиях аварии и даже о том, что данная эвакуация в ряде случаев не была временной. Тем самым был нарушен один из основных принципов биоэтики – принцип информированного согласия. Пострадавшие были вынуждены покинуть свои дома, сменить привычный уклад жизни, что не могло не отразиться на их психоэмоциональном состоянии.

Правда, здесь имеется и «смягчающее» обстоятельство. Во время любой катастрофы, последствия которой затрагивают большую территорию и большое количество населения, проживающего на ней, времени, за которое надо успеть эвакуировать население, всегда очень мало. А просветительские мероприятия, направленные на информирование населения о происшедшем и его последствиях с тем, чтобы обеспечить его право сделать информированный выбор, занимают много времени. Допустимо ли тратить драгоценное время на просветительскую работу или лучше начать эвакуацию сразу? Ведь, с одной стороны, речь идет о психоэмоциональном состоянии людей, а с другой – об их жизни.

В-третьих, при проведении эвакуации возникла еще одна дилемма, связанная с биоэтическим принципом добровольности: допустима ли принудительная эвакуация в случае отказа от нее людей? С одной стороны, любой член общества имеет право на принятие собственного решения, но с другой – речь идет об обеспечении безопасности и предотвращении ущерба для здоровья, гарантированных каждому гражданину конституцией государства.

Какая чаша весов должна перевесить и как далеко простирается обязанность государства обеспечивать приемлемые условия жизни для его граждан, может ли личное решение одного из его членов установить границу,

которая не должна быть преодолена даже при обеспечении конституционных прав этого индивида?

В-четвертых, поскольку эвакуация проходила в авральном режиме, многие семьи были разъединены, люди не знали, куда их отправляли, что, несомненно, нанесло эвакуировавшимся глубокие психологические травмы, повлияло на самооценку и самоидентификацию личности, что, с точки зрения экологии человека, не только не гуманно, а попросту недопустимо.

Проведенные исследования показали, что в результате у пострадавших отмечается снижение уровня психической адаптации, неуверенность в себе, неустойчивая самооценка, пессимистическая оценка будущего. Подавляющее большинство населения испытывает чувство утраты личной безопасности, что само по себе является свидетельством глубочайшей морально-психологической травмы [11, с. 63].

Все это свидетельствует о том, что государство не имеет права скрывать информацию от людей, оно обязано грамотно, с соблюдением необходимых морально-психологических требований, проводить эвакуацию, не бросая людей в неизвестности, разлучив их с близкими. С эвакуированным населением должна проводиться социальная работа по их адаптации на новом месте, им должна быть оказана информационная поддержка, помощь в поиске родных и близких, дабы люди не чувствовали себя одинокими и незащищенными, что является одним из основных факторов *морально-психологического радиоэкологического стресса*.

Радиоэкологический стресс носит кумулятивный и длительный характер и может в некоторой мере выступать в качестве маркера качества оказания социальной и психологической помощи пострадавшим от аварии на ЧАЭС, показывая уровень их социальной адаптации. Так, по данным Национального доклада «20 лет после чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление», в 1987 г. стрессу было подвержено 48 % обследованных, в 1991 г. – 54, в 1995 г. – уже 74 % [3, с. 63], что свидетельствует о том, что проблеме социально-психологической адаптации пострадавших от аварии на ЧАЭС уделяется недостаточное внимание.

Массовый социально-радиоэкологический стресс порождает несколько видов адаптационных синдромов:

- повышенную соматизацию тревожных ожиданий («бегство в болезнь»);
- обесценивание потребностей (социально-психологическая апатия);
- фиксацию на неприятных переживаниях (крайний ее случай – синдром безысходности) [11, с. 63–64].

Все эти факты показывают, насколько важна этическая сторона вопроса реабилитации пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Морально-психологические и социально-экологические нарушения прав ликвидаторов

Кроме этических проблем, связанных с эвакуацией населения из чернобыльской зоны, во время ликвидации последствий аварии на ЧАЭС были грубейшим образом нарушены права самих ликвидаторов. Они также не были информированы о масштабах происходящего, многие из них вообще были неграмотны в вопросах радиобиологии и радиоэкологии и не осознавали возможных последствий своего участия в ликвидации. Здесь сложилась такая же ситуация, как и со всеми остальными пострадавшими от аварии на ЧАЭС – люди не могли принять решения на основании правдивой, исчерпывающей информации о происходящем и его последствиях, так как попросту ее не имели. Таким образом, невыполнение базового принципа биоэтики – возможность принятия информированного решения – лежит в основе проблем, с которыми мы постоянно сталкиваемся при анализе этических аспектов последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Еще одна этическая проблема связана с присвоением статуса ликвидатора и статуса пострадавшего от аварии на ЧАЭС. Многие люди несправедливо лишены льгот, так как не имели оформленных должным образом документов (путевые листы, командировочные, приказы и т. д.). В то же время они посещали зону и подвергались достаточно высоким дополнительным радиационным воздействиям. К этой категории в первую очередь относится обслуживающий персонал (водители, работники торговли и сферы обслуживания), ученые и медики, работавшие в зоне загрязнения, и многие другие. Такие люди чувствуют себя изгоями, в первую очередь именно они подвержены социально-радиоэкологическому стрессу.

Этические проблемы проведения биомедицинских исследований на лицах, пострадавших от аварии на ЧАЭС

Безусловно, для обеспечения здоровой экологии человека чрезвычайно важно изучить последствия влияния различных дозовых нагрузок на организм человека, отдаленные эффекты радиационного воздействия, эффекты малых доз и т. д. Тот факт, что знания подобного рода позволят сделать большой прорыв в радиобиологии, медицине и смежных дисциплинах, неоспорим. Однако никоим образом не следует забывать о том, что лица, пострадавшие от аварии на ЧАЭС, как и все остальные, имеют право на принятие автономного осознанного решения. Любые исследования, проводимые с их участием, могут быть проведены лишь при информированном согласии этих лиц.

Печально известен случай с 21 белорусским ребенком, прооперированным в Италии. У них были удалены щитовидные железы, однако при последующем гистологическом исследовании диагноз «рак» не был подтвержден ни в одном случае. Более того, к этому времени в Беларуси уже была отра-

ботана методика сохранения паращитовидных желез при проведении таких операций. В Италии этого сделано не было, и прооперированные пациенты пожизненно должны получать экзогенный паратгормон – чрезвычайно дорогостоящий препарат.

Много международных исследований, особенно в начальный поставарийный период, были проведены с нарушением правовых и биоэтических норм. Поскольку в Беларуси и других странах СНГ биоэтические комитеты начали действовать совсем недавно, то и формы информированного согласия были разработаны и введены в практику также недавно. До этого времени многие исследования проводились без соблюдения необходимых норм, в частности, первоочередной ориентации на благо пациента. Зачастую эти исследования имели целью лишь сбор необходимого материала, а не улучшение состояния самих исследуемых, и поэтому для них не приносили никакой пользы.

Катастрофа на ЧАЭС: основные последствия и выводы

Здоровье ликвидаторов и населения, проживающего на загрязненных территориях, является одним из приоритетных вопросов, обладающих огромной социальной значимостью, что обуславливает пристальное внимание к этому вопросу и подчеркивает насущную необходимость долгосрочного мониторинга состояния здоровья всех категорий пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС в Беларуси.

Ежегодно индивидуальные медицинские данные о более чем 1,5 млн. граждан собираются и хранятся в базе данных Государственного регистра лиц, подвергшихся облучению вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС. В результате двадцатилетнего наблюдения за лицами, пострадавшими от аварии на ЧАЭС, были сделаны определенные выводы, опубликованные в материалах Национального доклада «20 лет после Чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление» [11]. Основные из них сводятся к следующему:

- существует радиационно-индуцированный характер избыточной заболеваемости раком щитовидной железы у облученных радионуклидами йода в детском и подростковом возрасте; продолжает неуклонно расти заболеваемость раком щитовидной железы среди взрослого населения Беларуси; однако в результате раннего обнаружения и своевременного медицинского вмешательства возможные летальные исходы в связи со всеми случаями рака щитовидной железы удалось свести к минимуму;
- проведенными до настоящего времени исследованиями не удалось напрямую связать увеличение заболеваемости злокачественными новообразованиями легкого, мочевого пузыря, кожи и желудка с радиационным фактором по сравнению с контрольной группой; в то же время риск заболеть злокачественными новообразованиями всех локализаций среди ликвидаторов на 23 %, раком желудка – на 15 %, ободочной кишки – на 33 %, легкого – на

26 %, мочевого пузыря – на 65 %, почки – на 24 %, щитовидной железы – в 2,6 раза выше, чем среди необлученного населения;

- за период 1990–2003 гг. отмечалось статистически значимое превышение заболеваемости раком молочной железы среди женщин, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях (риск заболеваемости среди них на 25 % выше, чем в контрольной группе); на загрязненных территориях отмечалось также существенное «омоложение» заболеваемости раком молочной железы (пик заболеваемости достигался здесь на 15 лет раньше и соответствовал возрастной группе 55–59 лет, а среди женщин контрольной группы – 70–74 года); выявлена также линейная зависимость между накопленной дозой облучения и реализованным относительным риском развития рака молочной железы среди женщин Гомельской области;
- преимущественно среди ликвидаторов отмечается рост заболеваемости катарактой;
- среди ликвидаторов и населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях, преимущественно трудоспособных возрастов, отмечен достоверный рост заболеваемости недугами, характеризующимися повышенным артериальным давлением, цереброваскулярными болезнями, инфарктом миокарда, болезнями щитовидной железы;
- по всей республике количество зарегистрированных врожденных пороков развития строгого учета увеличилось примерно в 2 раза по сравнению с доаварийным периодом.

На фоне этих медико-соматических тревожных показателей еще больше проявляет себя необходимость пристального внимания к своевременному решению морально-психологических, эко- и биоэтических проблем. Чтобы разрешить хотя бы некоторые из них, необходимо создать программы адекватного информирования и просвещения населения, проводить разъяснительные работы с лицами, пострадавшими от аварии на ЧАЭС, с целью дать им подробную информацию о возможных последствиях, рисках для здоровья их и их потомков и рекомендации по минимизации и предупреждению этих последствий.

Как показало социологическое исследование, проведенное в 2008 г. Белорусским отделением Российско-Белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, большая часть респондентов обращает на информацию о последствиях аварии на ЧАЭС особое внимание (51,6 % респондентов) и выражает желание получать больше информации о правилах безопасного проживания на загрязненных территориях (76,6 % опрошенных). Вместе с тем исследования позволили сделать вывод, что синдром недоверия к информации, передаваемой населению через СМИ, полностью не изжит. Основная причина этого кроется в том, что материалы, предоставляемые СМИ, как правило, носят сенсационный, противоречивый и не систематический характер (обычно они появляются к юбилейным датам). Таким образом, у населения Беларуси существует и информационный голод, и синдромом недоверия к получаемой информации [12].

Кроме того, необходимо уделять больше внимания различным социальным и этико-психологическим программам, дабы помочь населению, проживающему на загрязненных территориях, в социальной адаптации и уменьшить влияние на них такого фактора, как социально-радиэкологический стресс.

И последнее в этом списке по порядку, но далеко не последнее по значимости требование – необходимо, наконец, признать факт имевших место нарушений прав человека и извиниться перед людьми.

Вопросы и задания

1. Какие направления современной биотехнологии, на ваш взгляд, являются наиболее перспективными и актуальными, а какие следовало бы запретить или хотя бы приостановить?

2. Какие этические «плюсы» и «минусы» для экологии человека и природы видите вы в развитии генной инженерии?

3. Исходя из личного опыта, опыта вашей семьи и друзей, какие этические проблемы постчернобыльской ситуации вы считаете наиболее актуальными и тревожными?

Список литературы

1. Биомедицинская этика: учеб. пособие // Т. В. Мишаткина [и др.]; под ред. Т. В. Мишаткиной, С. Д. Денисова, Я. С. Яскевич. – Минск : ТетраСистемс, 2003.

2. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М. : Весь Мир, 2002.

3. Encyclopedia of Bioethics. – New York, 1995. – Vol. I.

4. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика / А. П. Ермишин [и др.]; под ред. А. П. Ермишина. – Минск : Тэхналогія, 2005. – 430 с.

5. Баев, А. А. Геном человека: некоторые этико-правовые проблемы настоящего и будущего / А. А. Баев // Человек. – 1995. – № 2.

5. Ученые создадут гибрид человека с коровой // [http:// gizmod.ru/2007/04/10/uchenye_sozdadut_gibrid_cheloveka_s_korovoj/](http://gizmod.ru/2007/04/10/uchenye_sozdadut_gibrid_cheloveka_s_korovoj/) 27.03.2008.

6. Электронная энциклопедия // <http://ivoc.ru/35048/25766/a146627.27.03.2008>.

7. Первородный грех и генетический детерминизм: интервью с Тедом Петерсом. Перевод: «Богослов.Ru». По материалам сайта <http://www.meta-library.net/>

8. Проблемы этического характера, возникающие в процессе развития генной инженерии // <http://www.sced.nnov.ru/Kib.htm> 27.03.2008.

9. Ткачишин, В. С. Атомна енергетика в аспекті пов'язаних з нею біоетичних проблем / В. С. Ткачишин, І. О. Парпалей. – Киев, 1996.

10. Национальный доклад «20 лет после чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление».

11. Борисевич, Н. Я. Информационные аспекты постчернобыльского периода / Н. Я. Борисевич, О. В. Лупей // Чернобыльские чтения-2008: материалы междунауч.-науч.-практич. конф. – Минск, 2008.

Раздел 3

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Глава 11. Этика общества экологического риска

Наука выживания должна быть не просто наукой, а новой мудростью, которая объединила бы два наиболее важных и крайне необходимых элемента – биологическое знание и общечеловеческие ценности.

В. Р. Поттер

11.1. Концепция общества риска как отражение современной экологической ситуации

Современные сообщества переживают период глубоких цивилизационных преобразований. Эти перемены фиксируются в понятиях «информационное общество», «постиндустриальное общество», «сетевое общество», «постчеловеческое общество» и др. Но, по мнению одного из наиболее влиятельных немецких социологов Ульриха Бека, на самом деле «вопреки еще господствующему прошлому» намечается будущее, реальность которого усматривается им прежде всего в стремительно формирующихся социально-экономических институтах *общества риска*.

Можно усомниться, насколько риск специфичен для современной ситуации. Несет ли понятие риска то общественно-историческое значение, которое ему придается? Разумеется, риски – не изобретение нового времени. Они существовали всегда, когда кто-то пускался в путь, чтобы открывать новые страны и части света, или проводил на себе научный эксперимент. «Но это был личный риск, а не глобальная угроза для всего человечества, которая возникает при расщеплении атомного ядра или складировании ядерных отходов. Слово “риск” тогда имело оттенок мужества, приключения, а не возможного самоуничтожения жизни на Земле» [1, с. 23–24].

Другое принципиальное отличие в том, что в предшествующую эпоху риск рассматривался как результат недостаточного развития технологий и научных знаний. Мышление людей находилось во власти диктатуры бедности. Как пишет Бек, «движущую силу классового общества можно было выразить одной фразой: “Я хочу есть!”» [1, с. 59]. Преодолеть этот недостаток должно было производство материальных благ – богатства. Поэтому магистральный путь уменьшения цивилизационных рисков виделся в научном познании и создании новейших технологий.

К концу ушедшего века ситуация в индустриально развитых странах качественно изменилась. Риски, с которыми все больше имеет дело человек, формируются *избыточностью* технологического и научного прогресса. Началось активное формирование нового типа социальности –

общества риска со своей доминантой движения политических и экономических процессов. В отличие от предшествующей эпохи «движущая сила общества риска выражается фразой: “Я боюсь!” Место общности нужды занимает общность страха. Тип общества риска маркирует в этом смысле эпоху, в которой возникает и становится политической силой *общность страха*» [1, с. 60].

Еще в начале 60-х годов ушедшего века Г. Йонас теоретически предлагал избрать *эвристику страха* в качестве негативного основания нового типа солидарности и ответственности в эпоху надвигающейся экологической катастрофы [2]. К концу века страх становится мощным политическим инструментом, которым пользуются не только зеленые партии и группы, но и все остальные – от представителей традиционного истеблишмента до экстремистских групп и новых религиозных сект. *Экологический страх* стал фактором политики, стимулом развития новых типов производства. Он составляет содержание нового типа мифологии, в которой на место злых духов встают такие силы, как облучение, загрязнение, генетически модифицированные продукты, повышенное содержание в продуктах сахара, соли, холестерина и т. д.

Из отслеживаемого, измеряемого и контролируемого *побочного последствия* научно-технической деятельности риск оборачивается неисчерпаемым *ресурсом* нового класса потребностей. Стремительно растущая экономика, удовлетворяющая потребность в снижении рисков и защите от них, становится источником новых рисков. Например, фильтры, очищающие воду для питья от «вредных» веществ, сами выделяют в эту «очищенную» воду вещества, способные вызвать в организме человека негативные явления.

Другая особенность рисков. Богатством можно *владеть*, распоряжаться им по своему усмотрению, подтверждая свою автономность. Рисками же нельзя владеть, «риски нас настигают», разрушая границу между своим пространством личного контроля и чужим. Богатство можно пытаться уберечь за оградой дома, за стенами города или рубежами национальных границ. Риск делает несуществующими эти разграничения. Риск, определяющийся последствиями чернойбыльской катастрофы, не нуждается в паспорте для пересечения пограничных рубежей. Богатство иерархично, риск (например, смог) даже не демократичен. Демократичность допускает внутреннюю дифференцированность хотя бы на изолированные индивидуальности. Смог тоталитарно влияет на каждого.

Озоновые дыры и глобальное потепление несут риски и для индустриально развитых стран, и для слаборазвитых. Выхлопные газы, сбросы промышленных отходов в реки, последствия технологических катастроф типа чернойбыльской не замечают национальных границ, не признают различий между богатыми и бедными – они угрожают каждому. Попытки развитых стран экспортировать отходы в страны третьего мира для снижения собст-

венных рисков – слабая полумера, ресурс которой быстро исчерпаем, а экономическая и политическая цена на глазах стремительно растет.

В «раскручивании» социально-экономических институтов общества риска особую роль играет *наука*, которая трояко участвует в возникновении и углублении цивилизационных опасностей и соответствующего кризисного сознания страха. Во-первых, она оказывается со-причиной главных цивилизационных рисков; во-вторых – общественно признанным их диагностом, «органом восприятия»: считается, что лишь наука в силах распознать риски пестицидов, холестерина, сахара, нитратов и т. д.; в-третьих, наука выступает как социально-экономический агент, призванный разрабатывать новые, более совершенные средства защиты от них, т. е. она создает предпосылки для преодоления угроз, возникших по ее же вине.

Особая ситуация складывается и в отношении *восприятия рисков*. Угрозы голода и нищеты, которые определяли экономико-политическую динамику индустриального общества, воспринимаются непосредственно. Человеку не нужно спрашивать эксперта о реальности собственного голода и о том, что необходимо делать для избавления от этой угрозы. Для этого не нужны измерительные приборы, сбор статистических данных, их подтверждение, соображения касательно порога терпимости.

Иная ситуация в обществе риска. Каждый человек оказывается существенно зависимым от *чужого* знания. «Жертвы становятся некомпетентными в деле, касающемся их собственной жизни. Они утрачивают значительную часть суверенного знания. Вредное, таящее в себе угрозу, враждебное притаилось повсюду, но судить о вредности и полезности сами они не в состоянии и потому вынуждены пользоваться гипотезами и методами чужих производителей знаний», – пишет Бек [1, с. 26]. В результате риски несут с собой двойной шок: шок, непосредственно связанный с угрозой, и шок вследствие собственной беспомощности, неспособности ни разглядеть угрозу, ни уберечься от нее. Человек вновь оказывается в зависимости от науки – без нее он не способен воспринять риск, даже если этот риск является следствием деятельности самих ученых. Влияние науки растет, но, как ни парадоксально, этот рост не способствует усилению влияния научной рациональности, а скорее становится источником новой мифологии.

Двойной шок оказывается чреват парадоксальными антропологическими последствиями. В результате «шоковой терапии» сознание человека раздваивается, и мир, в котором он живет, также оказывается раздвоенным: это реальный наблюдаемый мир и мир невидимый, но страшный своим присутствием.

«Цивилизационные угрозы ведут к возникновению своеобразного “царства теней”, сравнимого с богами и демонами на заре человечества, царства, ко-

торое таится за видимым миром и угрожает жизни человека на этой земле. Сегодня мы имеем дело не с духами, которые прячутся в вещах, мы подвергаемся “облучению”, глотаем “токсические соединения”, нас наяву и во сне преследует страх перед “атомным холокостом”... Непосредственному наслаждению радостями жизни, простому существованию пришел конец. Всюду корчат рожи вредные и ядовитые вещества, бесчинствуя, словно черти в средневековье. Люди перед ними полностью беззащитны. Дышать, пить, есть – значит повсюду сталкиваться с ними». Причем каждое из них имеет «свои собственные отношения вражды со специальными противоядиями, свои ритуалы уклонения, формулы заклинания, свои предчувствия и уверенность в своих возможностях» [1, с. 89, 90].

Это научно-мифологическое восприятие угрозы оборачивается попытками воздействовать на риск не только физически, но и символически. Символически, к примеру, действует этикетка на продукте питания. Она одновременно и признает угрозу, указывая на содержание «вредных веществ» (соли, сахара, холестерина и т. д.), и закликает («заговаривает») ее, демонстрируя, что «все под контролем».

Тенденция к «онаучиванию» общества становится существенной чертой современного социума начиная с XIX века. Она имеет две формы. Первая, «первичное» или «простое» онаучивание, наиболее характерна для начального периода этого процесса. В современной ситуации происходит его преобразование в «рефлексивное онаучивание», связанное с концептом риска.

На этапе первичного онаучивания восприятие и роль науки были «располовинены»: внутри научного сообщества работал принцип «универсального сомнения»; вовне, т. е. в обществе, наука заняла авторитарные позиции. В глазах общества она играла роль *спасителя* перед угрозой существования, которая виделась человеку в лице природной стихии, поскольку люди считали, что в их болезнях, кризисах, катастрофах «виновата» дикая, непонятная природа. В этой установке сознания были заключены основания научного авторитаризма классического периода европейской культуры.

В современной ситуации происходит «онаучивание онаучивания» – рефлексивное онаучивание в рамках формирующихся институтов общества риска. Происходит онаучивание уже не только природы, человека и общества; рефлексия все более распространяется на продукты, воздействия, ошибки и риски, возникшие по «вине» самой науки. Никакой *дикой* природы нет – все является специфическим продуктом научно-технического, экономико-политического прогресса. В наводнениях, засухах, болезнях – во всех экзистенциальных угрозах человек обнаруживает свое собственное присутствие.

Классическая наука разбиралась с риском и своими ошибками сама внутри научного сообщества благодаря мощным механизмам внутрипрофессиональных монодисциплинарных критических дискуссий. В результате и ошибки, и риски становились новыми источниками научной экспансии и

технического прогресса, минуя взгляд посторонних (публики, общественности). При этом если во внутреннем пространстве наук сомнения сохранялись и обсуждались, то одновременно «вовне» научные результаты авторитарно осуществлялись. Скрытие рисков от общественности служило основанием веры в науку.

В ситуации общества риска происходит рефлексивное замыкание принципа научного сомнения на саму научную деятельность. Дело в том, что обнаруженный обществом *цивилизационный риск*, прежде всего в форме *экологической угрозы*, принципиально не наблюдаем монодисциплинарным взглядом, с позиций одной науки. В ситуации простого онаучивания ученый эксперт в своей области мог дать ответ на вопросы: «что происходит?», «почему?» и «что делать?». В новой ситуации обнаруживается явная недостаточность монодисциплинарного подхода. Цивилизационный риск обнаруживается только *мультидисциплинарно*, совокупными усилиями многих наук.

Правда, при этом одна наука сталкивается с другой, а значит, со скепсисом и пренебрежением, какие одна наука способна высказать по отношению к другой. В результате процедуры восприятия, осознания и оценки риска осуществляются не в некотором научном *центре*, претендующем на полноту знания и автономность принимаемых решений, а в коммуникативном процессе в *сети конфликтующих источников* неполной и недостаточной научной информации.

Таким образом, пространство коммуникативного и решающего взаимодействия в процедуре оценки цивилизационных/экологических рисков выпадает из ведения науки, и ее место занимает *общество*. Теперь именно от общественной восприимчивости зависит признание или непризнание того, что некий фактор приобретает или не приобретает статус *риска*. Как показывают исследования, проведенные во многих странах мира, чем ниже уровень социально-экономического развития социальной группы, тем меньше экологические риски осознаются в ней и тем слабее их осознание мотивирует поведение граждан.

Влияние общества имеет и другое последствие. В рамках общества риска формируются новые формы научной деятельности, ориентированные на работу с общественным мнением, зависящие от него и обслуживающие стихийно формирующийся протест против научно-технического прогресса. Бек называет их *контр-наукой*, или *адвокатской наукой*. Ученый из свидетеля истины становится адвокатом определенной заинтересованной группы и начинает видеть свою задачу в защите конкретных интересов. К примеру, если речь идет об интересах биотехнологических компаний, то он защищает тезис безопасности генно-модифицированных продуктов. Если он отстаивает интересы экологических организаций – его тезис оказывается прямо противоположным.

В качестве *внутринаучной* реакции выделяется несколько новых феноменов. Во-первых, и численно, и по своему научному потенциалу быстро растет наиболее зависящая от общественного признания часть науки, ориентированная на решение практических проблем, центральное место среди которых занимают проблемы цивилизационных/экологических рисков, имеющие большой общественный резонанс, политическое влияние или практическое применение. Во-вторых, наука распадается на конкурирующие, яростно конфликтующие друг с другом *конфессиональные общины* ревнителей истинного знания, которых объединяет общая неприязнь к дилетантам, полужэкспертам, шарлатанам, невежественной общественности и проч. Эти тенденции, несмотря на кажущуюся противоположность установок, децентрируют научную рациональность и обнажают неуниверсальность и принципиальную необеспеченность научного знания.

Раньше риск практического применения научного знания, к примеру, в технике или медицине, ассоциировался с его временной недостаточностью, а прогресс научного познания означал снижение этого риска до приемлемого минимума. В ситуации рефлексивного онаучивания прогресс познания не снижает, а увеличивает риск, связанный с практическим использованием научных знаний. Чем более совершенной и изощренной становится наука в исследовании частностей, тем дальше ее экспертные возможности оказываются от решения конкретных практических ситуаций, требующих в оценке риска не упускать целого. Причем снижение способности оценить риск сопровождается стремительно растущей его ценой. Риск при строительстве паровых машин XIX века несоизмерим с риском при строительстве и эксплуатации ядерных реакторов.

За последние десятилетия в Европе были созданы специализированные институты, занимающиеся оценкой рисков технологического прогресса. В этих организациях происходит институционализация профессиональной *контрэкспертизы*. Так, медицина критически оценивает новейшие биомедицинские технологии (типа клонирования или генной терапии), физика – новые идеи разрешения энергетического кризиса и т. п. Существенным фоновым условием институционализации контрэкспертизы являются сильные и независимые суды, сильное и независимое общественное мнение, СМИ.

Формирование институтов общества риска сдерживается искаженным восприятием и пониманием новой исторической ситуации. Общество и индивиды втянуты в своеобразный спектакль, играть который уже все устали, но не играть не могут. Они живут условностью «как будто», делая вид, что ничего не происходит. «Это “как будто” царит на сцене с XIX века и по сей день, в начале века XXI. Ученые делают вид, как будто арендовали истину, и с точки зрения внешней иначе не могут, так как от этого целиком зависит их позиция. Политики – особенно в предвыборной борьбе – обязаны притвориться решающей властью, прекрасно зная, что это системно обусловленная легенда, чем их при первом же удобном случае и попрекнут. Реальность этих фик-

ций – в функциональной ролевой игре и властной структуре индустриального общества» [1, с. 344]. И политика, и наука, по Беку, должны развиваться по линии самоограничения, передачи своих полномочий в принятии общезначимых решений демократическим общественным институтам.

Такова, в общих чертах, концепция *общества риска*, которая открывает новый подход к пониманию специфики современной ситуации.

Моральное сознание общества экологического риска

В новой ситуации общества риска формируется *новый тип морального сознания – энвайронментальный*, который отчасти покрывается понятиями *экологической этики* и *биоэтики*. Каковы *источники формирования* этого морального сознания?

Первый источник – это *экологическое движение*, осознавшее угрозу биологическому существованию человека в безудержном развитии научных технологий и технологическом подходе к природе.

Второй источник – это *биоэтическое движение*, дополняющее экологическую озабоченность биологическим выживанием человечества озабоченностью сохранения идентичности человека (включая моральную идентичность). Клонирование, к примеру, угрожает не только нарушением здоровья созданных новым способом граждан (клонов), но, прежде всего, разрушением основополагающей и для индивидов, и для всех существующих сообществ культурной оппозиции мужского и женского.

Третий источник – *прогресс науки и техники*, превративший традиционные теоретические проблемы (включая антропологические и моральные) в актуальные экзистенциальные проблемы, требующие незамедлительного практического разрешения. Например, трансплантация сердца спровоцировала переосмысление такого фундаментального конструкта индивидуального самосознания и культуры, как феномен смерти.

Четвертый источник – это формирование идеологии *культурного и ценностного плюрализма* и резкое снижение влияния традиционных источников морального авторитета.

Каковы *специфические черты* морального сознания общества риска? С наибольшей отчетливостью они получили выражение в современной *биоэтике* и *экологической этике*. Но их можно также обнаружить во многих современных вариантах прикладной (в том числе профессиональной) этики.

1. Осмысление и принятие ответственных решений в экологических, биоэтических и иных ситуациях не может осуществляться лишь на основе экспертного заключения ученых-естествоиспытателей (например, врачей или биологов) или иных экспертов (юристов, политиков и т. п.). Насущно необходимо их сотрудничество с представителями гуманитарных дисцип-

лин и общественности. Недаром Р. Поттер назвал биоэтику новым типом мудрости, интегрирующим научное знание и гуманитарные ценности.

2. Не существует единственной философской, моральной или религиозной доктрины, которая могла бы предложить систему универсально признаваемых ценностей или антропологических идей для решения быстро нарастающего числа конфликтов и затруднений.

3. Сферой принятия решений становится сеть профессиональных, мультидисциплинарных научных и публичных коммуникаций (обсуждений): диалог ученых, политиков, представителей религиозных групп, бизнеса и общественности. Иными словами, решение принимается не в некотором центре, представляющем моральный авторитет, а в *сети институтов публичного форума*. При этом разнообразные формы этики общества риска не только используют публичный форум как средство для решения своих проблем, но и становятся факторами формирования публичного пространства.

4. Результаты общественного диалога как процесса формирования морально обоснованных решений имеют двоякую форму. С одной стороны, ответом являются новые *внутренние ценности*, которые формируются конкретными моральными сообществами (религиозными, профессиональными, философскими и т. д.) в результате публичных обсуждений острейших экзистенциальных ситуаций, провоцируемых научно-техническим прогрессом. С другой стороны, результатом общественного диалога являются *внешние, формальные ценности*, которые представляют собой формы политического компромисса, достигнутые в результате деятельности публичных механизмов гражданского общества. Эти ценности закрепляются в этических кодексах, декларациях, принципах и правилах, законодательных документах, регламентирующих осуществление тех или иных форм деятельности (например, пересадку органов или тканей человека, квоты на отлов рыбы или выбросы промышленных газов, проведение спасательных операций в зонах экологических катастроф и т. д.).

5. Общество экологического риска характеризуют два типа ответственности: 1) ответственность личности (ученого, бизнесмена) перед собой за самосовершенствование и самореализацию; 2) ответственность за события, возникающие как последствия поступков самореализации. Центральными регулятивными принципами в этих условиях выступают принципы *предосторожности* и *презумпции опасности*.

6. Ситуация общества риска характеризуется, с одной стороны, глобализацией рисков, объединяющей человечество и заставляющей искать общий морально значимый ответ; с другой стороны – внутренним расслоением морального сознания и ослаблением влияния моральных авторитетов. Соответственно существует два моральных условия экоэтики, способствующих преодолению релятивизма: 1) наличие «внутреннего» морального

основания у личности и 2) готовность отстаивать свои внутренние ценности посредством использования мирных публичных демократических процедур. При этом значимость возникающих проблем определяет потребность обоснованного принятия решения в режиме «здесь и сейчас», т. е. не с точки зрения вечности, но как благоразумный ответ на конкретную историческую ситуацию. Осознание ограниченного ситуацией характера морального ответа делает его принципиально открытым для переосмысления в полном соответствии с меняющейся ситуацией.

7. Влияние экологической этики в целях сохранения окружающей среды усиливается за счет *операционализации* и применения *этических инструментов*. Современная прикладная этика как этика организаций/предприятий становится дополнительным способом социального контроля, все более применяемым по мере возрастания потребности в снижении экологических и техногенных рисков. Она помогает целенаправленно *институционализировать* такие ценности, как ответственность, «законопослушность», честность, прозрачность, доверие и т. п.

11.2. Экологическая этика как фактор управления риском

Осознание риска техногенных и экологических катастроф приводит к переосмыслению приоритетов ценностей и делает не столь важными социальные, расовые, национальные и другие различия, что способствует развитию солидарности и сотрудничества как в локальных, так и в глобальных масштабах. Глобализация рисков объединяет человечество и заставляет искать *общий морально значимый ответ*. Бессмысленно лишь сетовать на «безответственность», «нечестность», «несправедливость», «потерю ценностей»; приходится искать более эффективные пути продвижения нравственных ценностей в повседневную практику. Инновационные социально-гуманитарные знания, в частности экологическая этика, биоэтика, профессиональные этики, не только объясняют, но и предоставляют средства для более динамичного перехода к общим морально значимым ответам на современные вызовы, а также вырабатывают методологически обоснованные инструменты для достижения поставленных целей. Причем инструментализм здесь не только не противоречит гуманизму, а становится эффективным средством его реализации.

Сегодня появляются новые декларации и кодексы профессиональной этики, включаются механизмы этического контроля над наукой и бизнесом, активизируется деятельность этических комитетов/комиссий в разных профессиональных структурах. Такие новообразования являются фактами *рациональной институционализации* этики в организациях, профессиях, на предприятиях. Этика становится *функциональным средством* в деле целенаправленного упорядочения различных сфер практической деятельности. Вернее, общество целенаправленно использует ее

как дополнительный способ социального контроля. Это становится актуальным по мере того, как в обществе возрастает *потребность в защите от рисков и в их снижении*. Удовлетворению этой потребности служат наука (не только порождая риски, но и находя способы защиты от них), экономика, право, менеджмент. Поскольку всего этого оказывается недостаточно для обеспечения гарантий безопасности, то необходимо вовлечь все возможные социальные факторы, которые усилили бы возможности снижения рисков. Поэтому ставка делается на **моральные ценности** и на формирование методов их действительного достижения.

Внедрение конкретизированных моральных ценностей должно осуществляться путем постепенного их продвижения от теории к практике – от рассуждений о моральных ценностях до их моделирования и процедурного управления процессами, которые обеспечивают основанное на них социально желаемое поведение. В сфере биоэтики это демонстрируют уже внедряемые на практике СОПы – стандартные операциональные процедуры, предназначенные обеспечить дееспособность этических норм и принципов.

Вместе с тем консерватизм морального сознания мешает адекватно воспринимать такие современные парадигмы этики, как инструментализм, управление ценностями, технологии поведения и т. п., либо они вызывают негативные реакции. Поэтому важно начинать с обучения системно, инструментально, «шаг за шагом» принимать этические решения и конструировать социально ответственные действия. Так этика включается в науку менеджмента и становится дополнительным средством в технологиях социального контроля.

Функции и возможности экоэтики в управлении рисками

Необходимость **управления риском** потребовала поиска *новых парадигм в этике*. Сегодня от этики ожидают не только изучения нормативных проблем и принципов, оценки наличных практик и выработки идеалов. Практика требует не только детальной разработки конкретизированных нормативных документов, но и просчета стратегий соответствующих действий, а этика призвана способствовать усилиям по продвижению принятых документов (этических деклараций, кодексов поведения, инструкций и т. п.) в практику.

Меняются и задачи *этического образования* в свете того, что разного рода риски обуславливают формирование новых форм научной деятельности, ориентированной на работу с общественным мнением. Этика своими средствами может усилить чуткость восприятия людьми ценностей, тем самым меняя или корректируя их решения, увеличивая способности сбалансировать экономические и этические цели, развивая навыки саморегуляции в соответствии с общепринятыми стандартами деятельности. От

увеличения этой общественной восприимчивости зависит признание или непризнание некоторых явлений факторами риска.

Информируя, просчитывая социально-моральные последствия многих научно-технологических изобретений и этим повышая чувствительность к их моральному восприятию, этика помогает включить дополнительные мотивы и регуляторы, адекватнее идентифицировать субъектов ответственности за увеличение опасностей для сохранения природы, жизни, здоровья и т. п. Так этика может не только помочь обнаружить факторы риска, но и включиться в создание предупреждающих механизмов по выявлению факторов со статусом риска.

В процессе *институционализации* современной профессиональной (экологической, биомедицинской, инженерной, даже космической) этики происходит целенаправленная разработка *ответственных решений и действий*, обусловленная желанием обеспечить безопасность. Это показывает, что *страх* как негативное основание современного типа ответственности и солидарности может приводить к научно обоснованному внедрению конструктивных нравственных ценностей. (Эта мысль четко выражена современным теоретиком *этики ответственности* Г. Йонасом [2].)

Страх перед возможными рисками увеличивался с каждой техногенной катастрофой, но осознание его и понимание, что нужно приложить максимальные усилия для их предотвращения, особенно усилились после черныбыльской аварии. Именно по причине осознания рисков и страха перед возможными экологическими, техногенными, биомедицинскими и т. п. катастрофами процессы инструментального внедрения ценностей стали более динамичны на практике, чем в теории.

Так этика инструментально внедряется в практику через прагматическую мотивацию и соответствующие организационные процедуры и процессы. Эта мотивация делает этические ценности на самом деле дееспособными, что и нужно обществу: ценности не на словах, а в реальных делах. Поэтому важно конструировать системы, в которых люди сами будут жизненно заинтересованы регулировать свою деятельность в соответствии с моральными ценностями поступать: социально ответственно, честно по отношению к окружающим и т. п.

Поскольку для предотвращения угроз нужны не столько разговоры о ценностях, сколько этика в действии, то инструментами процедурной этики производится запуск соответствующих механизмов. В этом контексте происходит не только формирование экологического мышления, предоставление специфических знаний, но конструирование определенных навыков и привычек «экологичного поведения». Происходит это не только и не столько на индивидуальном уровне, сколько на уровне организаций, профессий (институтов). Именно такие структуры оказываются способными операционализировать поставленные цели и обеспечить

функциональность механизмов их достижения, создавая *превентивную систему* для появления риска и угроз.

Поскольку риск заставляет делать все возможное в целях избежания различных угроз, то необходимо исследовать все пути предотвращения нежелательного поведения людей (уменьшения потенциальных потерь из-за «неблагонадежности» так называемого «человеческого фактора»). Для этого на системном уровне должно быть усилено формирование поведенческих навыков и соответствующих нравственных суждений людей.

Исследование влияния организационного контекста на поведение личности показало: 1) системные факторы, особенно *корпоративная культура*, безусловно, влияют на индивидуальное поведение; 2) *разный уровень морального развития* людей создает сложности в работе и затрудняет операционализацию достижения целей; 3) *системы управления* способны менять поведение людей, поэтому ценности необходимо конструировать на мезо-уровне, т. е. на уровне организаций/профессий, средствами управления соответствующими процессами и процедурами, способными мотивировать работников на социально ответственное поведение.

Таким образом, этика может стать действенной и эффективной, только развиваясь как *этика организаций*, способная отыскать наилучшее сочетание инструментов/процессов для достижения цели. *Ответственность за этическую практику* не есть дело отдельной личности, это *корпоративная управляемая ответственность организации* (профессии, предприятия). С ее помощью создаются обстоятельства, которые мотивируют людей поступать этично (ответственно, честно, принципиально) либо наоборот. Эта парадигма меняет подход к ряду традиционных решений моральных проблем. Она:

- переносит львиную долю ответственности с индивида на организацию (не коллектив) как *субъект морали*; этические проблемы решаются через создание институциональных фактов/факторов, детерминирующих желаемые последствия;
- меняет отношение к геройству и героям, которые нужны, когда проблемы не решаются должным образом на системном уровне, а рассчитаны на «авось», риск или самопожертвование субъектов деятельности;
- «снимает» романтизацию конфликта между должным и сущим, между ценностями и фактами;
- инструментально, целенаправленно, процедурно уничтожает разрыв между ценностями и реальностью; **необходимость управления риском**, особенно актуальная в экологии, обостряет эту задачу;
- делает закономерностью экологической этики установку: «от того, что есть», идти «к тому, что должно быть»;
- отказывается от этического обоснования «свободы выбора» в пользу общепринятых стандартов, норм и принципов, если это может

гарантировать овладение риском хотя бы в определенных рамках, уничтожая угрозы, исходящие от волюнтаризма отдельных персон.

Последний пункт не случайно предполагает вынужденный, но необходимый отказ от «свободы выбора» и требует от отдельных субъектов деятельности быть «законопослушными» и следовать предварительно принятым ценностям, нормам, принципам. Добродетель «законопослушности» (разумеется, при соблюдении права «быть информированными» и получить моральное обоснование должного поведения) особенно нужна для управления риском, она инструментально выступает как проводник экологической этики в практику в целях предотвращения угроз.

Для операционализации целей экологической этики необходимо:

а) научно обосновать и разработать индикаторы «этичности», а также критерии этической экспертизы для обоснования регулирующих норм;

б) при участии всех субъектов взаимодействия обосновать суждения, нормы, принципы экологической этики;

в) в конкретных условиях внедрения этико-экологических стандартов провести совместные мероприятия: 1) по наладке функциональности норм и стандартов, 2) по улучшению качества этической экспертизы, выработке рационально обоснованных критериев и моделирования необходимых процессов и процедур; 3) по рассмотрению и проведению анализа восприятия ценностей; 4) по выяснению вопросов национального и международного законодательств.

Все это помогает выявить, что и как следует делать, чтобы экологические действия соответствовали Должному – договорам, «писанным стандартам», ожиданиям общества, причем всех граждан, всех заинтересованных сторон (в том числе и будущих поколений), а не только «зеленых» или других активистов в деле продвижения экологических стандартов в реальную жизнь.

Этические механизмы управления риском

Ясно определенные, стратегически прописанные и операционализированные процедуры способны детерминировать независимые (от частных или государственных интересов) и компетентные эколого-этические решения, обеспечивая ответственное поведение и действия. Их объяснение и демонстрация (*Ethical Review Practices*) формируют доверие к действиям тех организаций и предприятий, которые это делают, доверие к профессионалам со стороны общества. Только в таком случае они отвечают на ожидания общества, которое может надеяться, что оно не рискует, доверяя той или иной организации, предприятию. Профессионалы-экологи, способные выносить независимые суждения об объекте, производя аудит, экспертную оценку, основанную на знании (не на мнении, интересе, давлении), научно обоснованных просчитанных нормах и стан-

дартах, становятся проводниками общественного интереса. По сути, они назначаются обществом быть компетентными в распознании рисков и их предотвращении. Здесь экологическая этика опирается на «новую нормативную логику», когда фактом (истиной), с которым соизмеряется событие/поступок, становятся норма, стандарт, правило.

Это требует определенных познаний в *этике организаций*, которые сегодня сами должны учиться процедурам принятия правильного этического решения: приобретать моральную компетенцию и внедрять этические программы в свою практическую деятельность.

Существует зависимость моральной компетенции организации от уровня этических знаний высшего руководства. Модель морального развития организации акцентирует роль высшего руководства в создании организационных процессов: ведь именно оно формирует институциональные и функциональные компоненты корпоративной работы и внедряет требования экологической и социальной ответственности. Поскольку функциональность этики проявляется только тогда, когда действуют системы управления институциональной этикой, то очевидно, что без соответствующей деятельности руководящего состава невозможно достичь ее эффективности. Если об этических ценностях, правилах, нормах только говорится, но не обеспечивается их реализация, т. е. на уровне организационных процессов не производится управление ими, то операционализация целей невозможна.

Экологическая этика становится действенной там, где включены механизмы управления ценностями и реально осуществляется мониторинг, координация, оценка/этический аудит и коррекция соответствия действий провозглашаемым этическим ценностям, правилам, нормам. Там и тогда целенаправленно создается социальная (а значит, и экологическая) *ответственность*. Для этого развиваются способности *интегральности* (Integrity), т. е. *честности* – соответствия слова (стандарта, правила, нормы) и дела, а также *«законопослушности»* (Compliance), т. е. *уважения и сознательного отношения* к нормам, правилам, стандартам, законам. Культивирование (формирование) этих качеств в суждениях и действиях на индивидуальном и коллективном уровнях дает возможность эффективно управлять моральными, экологическими и экономическими сложностями и потенциальными рисками и контролировать их. А для этого необходимо выработать *мотивацию*, при которой соблюдать стандарты и быть социально ответственным *выгодно* и, напротив, рискованно таковым не быть.

Так конструируется система, в которой соблюдение моральных ценностей, закрепленных в стандартах, становится фактором *управления риском* и предотвращения негативных явлений, а знание ценностей, глубокое понимание и культивирование соответствующих им навыков действий – средством достижения целей экологической этики и, соответственно, гарантом успеха в управлении рисками.

В современном обществе включить и поддерживать такие механизмы можно с помощью различных неправительственных организаций. Особенно широкий круг граждански зрелых людей охватывает движение «этических потребителей». Их появление и деятельность на практике показывают, как возможно осуществлять управление риском через моделирование и конструирование новых социальных явлений, определяющих желаемые последствия (в данном случае – создание и соблюдение экологических норм и стандартов).

Сегодня в глобальном масштабе ведется *этический счет компаний*, который основывается на их рейтинге по 23 предусмотренным этическим категориям, часть из которых охватывает экологические параметры. Эти внешние этические инструменты мотивируют предприятия делать все необходимое, чтобы соответствовать этим категориям, в частности, включать внутренние механизмы (создавать кодексы поведения на предприятии, этические комитеты и другие элементы этической инфраструктуры), гарантирующие соблюдение этических норм. Предприятия, соблюдающие предусмотренные этические категории, удостоиваются этических брендов – товарных знаков, которые предоставляют независимые эксперты, соизмеряющие *должное* (экологические стандарты) и *сущее* (реальное положение дел на предприятии), т. е. проводящие *эколого-этический аудит* интегральности (честности) предприятия.

Этот внешний фактор выявляет заинтересованность самих предприятий быть интегральными – т. е. управлять ценностями, делая все, чтобы дела соответствовали словам. Это подтверждается ростом числа сертифицированных фирм, выпускающих продукцию с экологическим брендом. Такими методами – через «этико-экологическое потребление» – общество требует от фирм ответственного поведения, «голоса покупателями», и вынуждает их принимать принципы, стандарты и нормы, в рамках которых должны действовать все структуры, внедряя в свою деятельность добродетели интегральности. Ориентированные на социальную ответственность потребители через увеличение закупок либо бойкот товаров экологически безответственных предприятий способны активизировать их внутреннюю заинтересованность в институционализации этики, в запуске механизмов проверки собственной «законопослушности» (внутренний аудит или другие элементы этической инфраструктуры). Таким путем предприятия достигают роста доверия, тем самым – увеличения объемов бизнеса, соответственно – роста прибылей. Этот путь сбалансирования экономики (эффективности, прибыли) и экологии (ответственности за состояние природы) уже сегодня целенаправленно проводится как на уровне глобальной политики, так и в локальных сферах различных производств. А этические кодексы предприятий являются непосредственными инструментами в деле осуществления сбалансированного *устойчивого развития (sustainability)*. Сегодня уже из опыта конкретных передовых промышленных предприятий, анализируя их кодексы поведения, можно отследить, каким образом они операционализируют экологические нормы и стандарты, уменьшая тем самым вредное воздействие на природу или прекращая иные неблагоприятные факторы.

Кроме того, с помощью движения «этических потребителей» происходит прогресс общественной морали – через увеличение числа и силы воздействия всех заинтересованных лиц и организаций, которые, «присматривая», осуществляют постоянный мониторинг и регулярно контролируют управление комплексами этических проблем. Это делается путем выявления опасностей, просчета угроз, «вытаскивания из анонимности» разных негативных явлений, информирования широкой публики. А поскольку моральное развитие организаций имеет параллели с индивидуальным моральным развитием, появляется возможность целенаправленно, через системы управления, меняя организационный контекст, способствовать моральному прогрессу личности.

В ситуациях, когда какие-то этические проблемы разрешены и желаемое поведение однозначно и императивно переведено в статус нормы, стандарта, правила, каждый субъект деятельности обязан им безусловно подчиняться. То есть все субъекты деятельности должны поступать соответственно добродетелям «законопослушности» и интегральности, а если кому-то эти правила, нормы или стандарты не нравятся (или нормы/правила перестали соответствовать изменившейся ситуации), то их следует менять, а не нарушать.

При таком подходе все дела решаются соответственно ценностям, люди могут доверять соблюдающим стандарты организациям, а заодно и чувствовать собственную безопасность (в этом смысле управление риском означает управление безопасностью) или хотя бы уменьшение страха перед разными рисками. Такое состояние приходит тогда, когда все происходит так, как и должно быть (интегрально), как предварительно просчитано, стратегически предусмотрено, коммуникативно транслировано, ресурсно обеспечено, наконец – индивидуально и коллективно (организационно) мотивировано. Таким образом происходит управление риском – *противостояние должного и сущего преодолевается*, и этика в таких процессах участвует самым непосредственным образом – как инструмент преодоления или хотя бы уменьшения угроз.

Прежде всего это относится к конкретным случаям экологических угроз, которые обнаруживают извечный моральный конфликт между должным и сущим. В целях его преодоления, во-первых, применяются традиционные методы морального воздействия – провозглашение долга, апеллирование к совести субъекта деятельности, моральное обоснование обязанностей, возбуждение чувства ответственности за содеянное и т. п. Во-вторых, начинают использоваться современные способы инструментального внедрения ценностей – «информирование совести», обоснование норм, введение стандартных процедур и процессов организационной этики, формирование функциональных кодексов поведения с системой их поддержки всей инфраструктурой институциональной этики. По-

сколько люди не хотят подвергаться риску, стать жертвами чьих-то действий (пусть и благонамеренных), то уже не просто сетуют на какие-то угрозы, а берутся их уничтожать, операционализируя такие цели посредством управления ценностями. Таким образом, человечество приобретает эффективный инструмент для достижения своих целей, а этика, наконец, становится прагматической и функциональной.

Сегодня этика может стать действенной и эффективной только как *этика организаций*, которая способна отыскать наилучшее сочетание инструментария для достижения цели. При этом *инструментализм* становится средством продвижения экологической этики в конкретную деятельность, практическим путем претворения в реальную жизнь моральных ценностей. Поэтому обществу не следует оставаться на старых стереотипах, причисляющих инструментализм к антигуманным концепциям. Сегодня без него невозможно увеличить дееспособность экологической этики. При этом ответственность за этическую практику есть дело не отдельной личности; это корпоративная управляемая ответственность организации, с помощью которой создается мотивация поступать этично – ответственно, интегрально, принципиально – либо наоборот, что особенно существенно для управления рисками в социально-экологической сфере.

Вопросы и задания

1. В чем состоят специфические особенности современных рисков и общества рисков? Какова роль страха в ситуации общества риска?
2. Какую роль играет наука в становлении социально-экономических институтов общества риска?
3. Каковы источники формирования нового морального сознания в обществе экологического риска?
4. Каковы специфические черты морального сознания социума риска?
5. Что означают понятия «институционализация», «инструментализм», «операционализация» в контексте функций экологической этики?
6. Почему и каким образом тема управления рисками становится этической темой?
7. Прокомментируйте парадигму *корпоративной управляемой ответственности организации* в экологической этике и ее потенциальные возможности.
8. Выскажите ваше отношение к ценностям интегральности: честности и ответственности. Как вы понимаете «законопослушность» в рамках экологической этики?
9. Согласны ли вы с тем, что страх перед возможными рисками может быть негативным основанием современного типа ответственности и солидарности?

Литература

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой, послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

2. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас; пер. с нем., предисл., прим. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

3. Potter, V. R. Global bioethics. Building on the Leopold Legacy / V. R. Potter. – Michigan : Michigan State University Press, 1988. – 203 p.

Глава 12. Экологическая этика в контексте устойчивого развития

Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.
«Наше общее будущее»

Проявившиеся в последнее столетие отрицательные для природы и человека последствия его антропогенной деятельности, существование в условиях постоянных рисков заставляют по-новому рассматривать систему экологических взаимоотношений и вызывают необходимость становления особой формы единства человека и природы. При этом следует учитывать тот факт, что человек как биосоциальное существо для полноценной жизнедеятельности и развития нуждается в естественной среде определенного качества. Предел адаптационных возможностей человеческого организма, обусловленных биологической природой человека, вызывает к жизни соответствующие экологические потребности. В связи с этим возникает проблема соотношения темпов изменения окружающей среды с адаптационными возможностями человека и человеческой популяции.

На протяжении предшествующей истории это происходило автоматически. В конце XX века в связи с ростом народонаселения, дефицитом природных ресурсов, загрязнением среды обитания произошли резкие изменения. В самом деле, никогда прежде человечество не возросло количественно в 2,5 раза при жизни только одного поколения; никогда прежде для его жизнеобеспечения не требовалось такого огромного количества природных ресурсов; никогда прежде отходы, возвращаемые в окружающую среду, не были столь велики. Ресурсоемкость стиля жизни, предлагаемого как образец всему человечеству, превышает естественные ограничения нашей среды обитания. Практиковать этот стиль жизни можно лишь за счет других живущих на земле людей. В результате около 13 % населения планеты поглощает около 70 % невозобновляемых ресурсов и выбрасывает примерно столько же загрязняющих веществ.

12.1. Глобальные проблемы человечества и традиционные парадигмы экологического сознания

Глобальные проблемы, постигшие человечество, есть следствие способа бытия современного человека, а не результат его отдельных ошибок и просчетов [1]. Поэтому было бы заблуждением полагать, будто с экологическим кризисом можно справиться с помощью одних экономических мер. Для того чтобы материально-техническая деятельность по изменению природной среды не приняла угрожающую форму экологического кризиса, она должна сопровождаться коренными социальными изменениями, что является неотъемлемым условием позитивного преобразования ноосферы.

Важно также понять и принять *новые ценностные ориентиры, смысловые установки, создать новый образ человека*: в противовес человеку-потребителю – человека гуманного по отношению к самому себе и природе. Без этой глобальной философской, мировоззренческой, методологической перестройки отношений в системе человек – природа все меры экономического, экологического, научно-технического характера будут иметь лишь частное значение и не смогут стать сколько-нибудь серьезным препятствием на пути надвигающейся экологической катастрофы.

Применительно к современной ситуации актуальной и значимой является *концепция ноосферы* российского естествоиспытателя и мыслителя В. И. Вернадского, изложенная им в работе «Биосфера» (1926 г.) и представляющая идею сосуществования человека и природы [2]. Это, в частности, идея об объективном процессе преобразования человеком природы, о созидании ноосферы как контролируемом процессе обмена веществом и энергией общества с природой. Тема единства биосферы и человечества является центральной в учении о ноосфере: человек не является самостоятельным живым существом, живущим отдельно по своим законам, он существует внутри природы и является частью ее, в то же время собственно человеческий разум является природоизменяющей силой. Основное требование, вытекающее из этой установки, формулируется как подчинение всех действий человека задаче сохранения окружающей среды для себя и будущих поколений. Для этого необходимо более централизованно решать проблемы экологии, рассматривая планету как целостную систему, по-новому ставить вопрос о свободе и демократии, о единстве человечества.

Анализируя историю отношений человека и природы, мы убедились, что каждому историческому этапу развития человеческого общества соответствовала определенная модель: мифологическая, научно-техническая, философско-гуманистическая. Если модель взаимодействия человека и природы, основанная на *мифологическом* типе мировоззрения, предполагала анимистическую персонификацию природных явлений и изначальное господство природы над человеком, то *научно-техническая* модель основывается на антропоцентрической позиции, т. е. идее господства человека над природой. В контексте современной

философско-гуманистической модели акцент делается на гармонию человека и природы.

На всем протяжении исторического развития западной цивилизации деятельность человека, его мировоззрение, отношение к окружающей природе определялись так называемой **«парадигмой человеческой исключительности»** (Human Exceptionalism Paradigm), для которой характерны:

- **антиэкологизм**: деятельность человека обуславливают социальные и культурные факторы, а не природа;
- **антропоцентризм**: человек доминирует над всеми живыми существами благодаря способности творить;
- **социальный оптимизм**: возможен социальный, технический и технологический прогресс на основе науки.

Со временем «парадигма человеческой исключительности» трансформировалась в **«парадигму человеческой освобожденности»** (Human Exemptionalism Paradigm) – освобожденности от подчинения объективным природным закономерностям. На ее основе сформировалось *антропоцентрическое экологическое сознание*. Напомним, что его отличают следующие установки:

- человек – высшая ценность, он обладает правом собственности на природу;
- природа ценна постольку, поскольку приносит пользу человеку;
- взаимодействие человека с природой преследует прагматическую цель: удовлетворение потребностей человека (пищевых, производственных, научных, эстетических и т. д.);
- природа как объект человеческих манипуляций есть обезличенная «окружающая среда»;
- природа должна способствовать процессу развития человека;
- этические нормы и правила действуют только в человеческом обществе и не распространяются на отношения с природой;
- природа выступает как объект одностороннего воздействия человека.

В эпоху научно-технических революций, когда человек обрел достаточную силу, чтобы сделать с природной средой все, что ему заблагорассудится, во весь рост встала проблема моральной ответственности человека за природу и установление гармоничных отношений с ней. Ее решению и призвана способствовать **экологическая этика**.

Этические отношения являются важнейшим регулятором взаимоотношений живой природы и человечества. Формирование этических норм поведения человека в отношении других живых организмов происходило по мере становления и развития общества, осознания общности интересов, роста культуры. На данном этапе этические нормы этих взаимоотно-

ношений следует рассматривать с позиций не только **прав**, но и **обязанностей** человечества перед природой, продолжением жизни на Земле как нынешних, так и будущих поколений. А это предполагает заботу о сохранении существующей естественной обстановки и ее отдельных элементов. Понимание того, что они также имеют право на жизнь, ограждает их от бессельного истребления и жестокого к ним отношения.

Экологическая этика – результат междисциплинарного синтеза – этики и экологии. Впервые в работах «Философия и движение в защиту животных» (1950 г.), «Гуманность» (1966 г.) А. Швейцер выдвинул свое уникальное видение гуманизма: идею *благоговения человека перед жизнью*, даже перед низшими ее формами [3]. Принцип экологии духа, сохранения жизни должен стать основополагающим для общепланетарной культуры. Напомним, что этика благоговения перед жизнью включает в себя любовь, самоотверженность, сострадание, эмпатию, духовное единение с другим существом.

С начала 70-х годов XX века экоэтика стала претендовать на статус дисциплины, способной разработать нравственные принципы, задающие нормы поведения человека в природном мире. Сегодня она охватывает разнообразные, не обязательно связанные друг с другом области: права животных, этику Земли, экофеминизм, глубокую экологию, поверхностную экологию, права геообъектов (скал, долин, пустынь и т. п.), биоэтику. У экологической этики обширнейшее поле проблем: от экспертизы строительства нефтепроводов и атомных электростанций до заботы об одиноком дереве, которое могут срубить.

Мы живем в переходное время, когда завершает существование и развитие один тип человека и складываются условия для образования другого типа – человека науки, культуры и цивилизации. Это предполагает практическую реализацию новых опытов общения и общежития, интеллектуального обеспечения жизни, формирование нового типа мировоззрения и даже новых форм жизни.

Сегодня наиболее серьезные опасения человечество связывает с тремя основными направлениями: интеллектуальной робототехникой, геной инженерией и нанотехнологиями.

Последние годы XX века характеризовались бурным развитием биотехнологий, основанных на достижениях молекулярной биологии и генетики. В связи с разработкой методов генетической инженерии появились новые, ранее немыслимые перспективы в решении глобальных проблем человечества, такие как борьба с голодом, лечение болезней, защита окружающей среды, созданы устойчивые к болезням, вредителям, другим неблагоприятным факторам высокопродуктивные сорта растений и породы животных. Организовано массовое производство биологически активных и лекарственных препаратов, разрабатываются методы генной терапии наследственных болезней. Создаются трансгенные растения и животные – продуценты различных веществ для фармакопей, парфюмерии и т. д.

Вместе с тем новые биотехнологии, особенно генно-инженерные, помимо несомненных достоинств могут нести в себе потенциальные неблагоприятные эффекты для здоровья человека и окружающей среды. К числу возможных экологических рисков от их использования относятся следующие:

- разрушительное воздействие на биологические сообщества и утрата ценных биологических ресурсов в результате засорения местных видов генами от генетически модифицированных организмов;
- создание новых паразитов (например, сорняков) и усиление вредоносности уже существующих;
- выработка веществ – продуктов трансгенов, которые могут быть токсичными для организмов, живущих или питающихся ими;
- неблагоприятное воздействие на экосистемы токсичных веществ, производных неполного разрушения опасных химикатов.

Пока имеется элемент научной неопределенности относительно возможных неблагоприятных последствий для здоровья человека и окружающей среды, генно-инженерная деятельность и другие формы технологической активности человека согласно принципу предосторожности должны регулироваться на государственном уровне специальным законодательством в соответствии с Картахенским протоколом по биобезопасности и устойчивому развитию (2002 г.).

12.2. Концепция устойчивого развития и основные принципы организации экологических сообществ

В развитии экологического сознания 70-е годы XX века явились рубежом, связанным с осознанием того факта, что «век изобилия» постепенно сменяется «веком постизобилия». Причиной послужил рост цен на энергоносители во время «нефтяного кризиса», что для современной индустриальной, энергоемкой цивилизации стало сигналом приближающейся катастрофы.

Тесная связь и взаимозависимость экономического и социального развития общества с проблемами окружающей среды отмечалась уже в Декларации первой конференции ООН об окружающей среде (1972 г., Стокгольм). В это же время в докладах Римского клуба («Пределы роста» и др.) была сформулирована идея необходимости перехода современной цивилизации от экспоненциального экономического роста к состоянию «глобального динамического равновесия», от количественного роста – к «органическому», т. е. качественному росту и «новому мировому экономическому порядку».

Еще в конце 20-х – начале 30-х годов в США возникает идея «пределов роста» (Пауэлл, Фернау и др.) и вытекающая из нее проблема «экологического дефицита», согласно которой люди в глобальном масштабе будут ог-

раничены в доступе к базе жизнеобеспечения, что вызовет ситуацию паники, обострение конкуренции за жизненные ресурсы, девальвацию нравственных ценностей, мировые войны (справедливость этих прогнозов подтверждают постоянная напряженность и военные конфликты на Ближнем Востоке из-за контроля над нефтедобычей).

Но только в 90-е годы XX века, после опубликования Международной комиссией по окружающей среде и развитию доклада Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее» [4], получило широкое распространение понятие *«устойчивое развитие»*. Доклад не только показал неразрывную взаимосвязь экологических, экономических, социальных и политических проблем, но и обосновал невозможность решения каждой из них в отдельности. Устойчивое развитие было представлено как такая модель человеческого развития, при которой потребности нынешних поколений удовлетворяются без лишения возможности удовлетворения жизненных потребностей для будущих поколений. Иными словами, в основе концепции устойчивого развития лежит знаменитый принцип экологической этики О. Леопольда – *принцип хронологической объективности* [5].

После саммита в Рио-де-Жанейро (1992 г.) в соответствии с Декларацией Рио (см. раздел 4.1) и «Повесткой дня на XXI век» во многих странах мира были разработаны *стратегии устойчивого развития* и начали предприниматься конкретные шаги по их реализации.

К сожалению, несмотря на то что идеи устойчивого развития получают все большее распространение, по оценкам Комиссии ООН по устойчивому развитию, правительства и народы мира не сделали еще все возможное для выхода из планетарного кризиса. Так, не решены многие проблемы, связанные с ухудшением состояния земель, загрязнением воздуха и воды, гибелью лесов, сокращением биологического разнообразия, растущей бедностью и неравенством, ущемлением прав человека, ростом заболеваемости населения, социальными и военными конфликтами, терроризмом и насилием.

Переход к устойчивому развитию предполагает поэтапное восстановление естественных экосистем до уровня, который обеспечил бы устойчивость окружающей среды и при котором появилась бы реальная возможность существования будущих поколений людей, удовлетворения их жизненно важных потребностей и интересов. Реализация новой стратегии развития означает постепенное соединение в единую самоорганизующую систему экономической, экологической и социальной сфер деятельности. В этом смысле устойчивое развитие предполагает как минимум *экономическую эффективность, биосферосовместимость и социальную справедливость* при общем снижении антропогенного давления на биосферу.

Вступление человечества в новую эру своего развития, в эпоху ноосферы, обеспечение коэволюции человека и биосферы не могут произой-

ти автоматически. Следует выработать новые принципы согласования действий, поведения людей и новой общественной морали, что потребует существенной перестройки всего бытия, смены стандартов и идеалов.

Переход к устойчивому развитию создает возможность выживания и дальнейшего непрерывного развития цивилизации, но в существенно измененной, *биосферосовместимой форме*, когда человек не разрушает природную среду своего обитания. Биосфера не должна рассматриваться только как поставщик ресурсов. Это фундамент жизни, сохранение которого должно быть обязательным условием функционирования социально-экономической системы и ее отдельных элементов.

В контексте устойчивого развития перед экологической этикой стоят задачи: разрушить старое, потребительски-негуманное отношение к природе, основанное на антропоцентрической парадигме мышления, и утвердить новое экологическое мировоззрение, основанное на том, что все, что делается во имя человека, не должно вредить природе. В основе экологической этики лежит идея не только взаимного уважения между людьми, но и забота о благополучии будущих поколений, о сохранении биосферы как «общего дома», в котором сосуществуют и человек, и другие виды живых существ. Именно такое мировоззрение может обеспечить устойчивое развитие человечества, т. е. сохранение в течение неограниченно долгого времени стабильной и благоприятной для жизни людей окружающей среды.

На современном этапе важным аспектом жизни и деятельности людей является построение **экологически устойчивых человеческих сообществ**, не вступающих в противоречие с природной способностью поддерживать жизнь. На данный момент многие экосистемы настолько разбалансированы, что утратили способность противостоять естественным катаклизмам, в результате деятельности человека участились катаклизмы «протivoестественные». Анализ процессов, стоящих за природными катастрофами, свидетельствует, что экологические факторы тесно переплетены с социальными.

Человек постоянно чувствует на себе изменения окружающего мира, и эти изменения его утрашают. Американский социолог, философ и футуролог О. Тофлер [6] отмечал, что человечество находится в «футурошоке», который характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед неведомым грядущим. Это психологическое состояние депрессии по своему воздействию можно приравнять к заболеванию. Получается, что на грани истощения находятся не только ресурсы Земли, но и психологические ресурсы человека.

В течение более трех миллиардов лет эволюции экосистемы планеты выработали утонченные и сложные механизмы, обеспечивающие максимальную устойчивость. Суть экологической грамотности заключается

в усвоении этой мудрости природы. Следует не только понимать **принципы организации экологических сообществ**, но и использовать эти принципы для поддержания устойчивости человеческих сообществ в сфере образования, науки, культуры, экологии, политики и т. д.

Одним из принципов организации экосистем является принцип **взаимозависимости**, заложенной в природе всех экологических взаимоотношений: *поведение и жизнь члена экосистемы зависит от всего сообщества и наоборот*. В человеческом сообществе принцип экологической взаимозависимости предполагает понимание взаимоотношений, складывающихся между людьми. Человеческое сообщество должно осознавать все множество этих взаимоотношений со своими членами, заботиться о них.

Другим принципом является **принцип цикличности** экологических процессов, когда в экосистеме взаимосвязаны пища и отходы; организмы непрерывно используют и перерабатывают одни и те же молекулы минералов, воды и воздуха. В человеческом сообществе этот принцип нарушается, порождая конфликт между экологией и экономикой: производство трансформирует природные ресурсы в товар плюс отходы, после продажи товара потребителям и его потребления появляются новые отходы. Следует максимально приблизить производство и потребление к циклическим процессам в природе, реорганизовав экономику и бизнес.

Одним из способов стимуляции промышленных инноваций, перехода к использованию новых видов энергии в условиях рынка может служить введение экологического налогообложения на товары, службы и материалы с тем, чтобы цены объективно отражали истинные ресурсные издержки производства.

В экосистеме циклический обмен энергией и ресурсами проявляется в сотрудничестве и партнерстве с целью достижения максимальной устойчивости. Важнейшая отличительная черта жизни (с момента появления первых клеток два миллиарда лет тому назад) – сотрудничество, биосенсор, жизнь друг в друге, сохранение жизни.

Применительно к человеческим сообществам это означает демократию и расширение прав личности, что в динамике могло бы привести к совместной эволюции членов человеческого сообщества и тем самым – к экономической устойчивости. Однако в наше время все еще господствуют противоположные принципы: конкуренция, экспансия, насилие, приводящие к конфликтам.

Еще один важный принцип организации экосистем – **принцип гибкости**. Гибкость экосистемы зависит от скорости восстановления баланса при отклонении от нормы, вызванном меняющимися внешними условиями, от готовности приспособиться. Все экологические колебания ограничиваются пределами допустимого, и всегда существует опасность

разрушения системы, если она не сможет компенсировать вышедшие за пределы колебания. В человеческом сообществе нарушение принципа гибкости проявляется в конфликтных ситуациях, что ведет к стрессу, в свою очередь вызывающему повышение жесткости и напряженности во всей системе. Временный стресс является неотъемлемым аспектом жизни, продолжительный стресс – деструктивен. Для управления социальной системой (городом, экономикой, вузом) необходимы оптимальные средства и новые стратегии разрешения конфликтов, одним из которых является динамическое уравнивание сторон.

Экологическая грамотность предполагает также необходимость осознания того факта, что противоречие внутри сообщества есть признак многообразия, здоровья и жизнеспособности системы. Именно биологическое многообразие экосистемы обеспечивает ей гибкость. В социуме культурное и этническое многообразие, множество подходов к решению проблем позволяют также образовать гибкое сообщество. Для того чтобы сообщество стало устойчивым, необходимо осознание взаимозависимости и необходимости всех его членов. В XXI веке выживание человечества будет зависеть от способности воспринять эти принципы и жить в соответствии с ними.

12.3. «Новая энвайронментальная парадигма»: эколого-этические заповеди отношения к окружающей среде

Необходимость перехода к новой системе взаимоотношений человечества с природой привела к возникновению *«новой энвайронментальной парадигмы»* (New Environmental Paradigm). Для нее характерны следующие постулаты:

- человек – один из множества видов на Земле, взаимозависимых и включенных в единую глобальную экологическую систему, хотя он и обладает исключительными характеристиками (культурой, технологиями и т. п);
- деятельность человека обуславливается сложными биофизическими, экологическими связями с окружающим миром, налагающим и на нее физические и биологические ограничения;
- экологические законы обязательны для человека несмотря на то, что посредством разума он существенно расширяет возможности своего существования в социальной и природной средах.

Основывающееся на «новой энвайронментальной парадигме» экологическое сознание может быть названо *экоцентристским*. Ему присущи характерные особенности (частично рассмотренные в разделе 1), которые в суммарном виде могут быть сведены к следующим «десяти заповедям».

1. Высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы; природа и человек – элементы единой системы.

2. Природное изначально самоценно, имеет право на существование независимо от пользы или вреда для человека.

3. Человек – один из членов природного сообщества, а не собственник природы.

4. Иерархической картины мира не существует; даже в силу разумности человек не обладает какими-либо особыми привилегиями: разумность налагает на него лишь определенные обязанности по отношению к окружающей природе.

5. Цель взаимодействия человека с природой – удовлетворение потребностей как человека, так и всего природного сообщества; их *взаимодействие* сменяет *воздействие* человека на природу.

6. Характер взаимодействия человека с природой определяется *экологическим императивом*: правильно и разрешено только то, что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие.

7. Природа – полноправный субъект взаимодействия с обществом.

8. Этические нормы и правила равным образом распространяются как на взаимодействие между людьми, так и на взаимодействие с миром природы.

9. Развитие природы и человека мыслится как процесс коэволюции, взаимовыгодного функционирования.

10. Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой.

В современную эпоху все больше людей начинает осознавать, что для предотвращения биосферной катастрофы и спасения будущих поколений необходимо восстановить нарушенный баланс между обществом и природой. Это возможно при изменении самого образа жизни человека, путем введения в практику его жизнедеятельности экологических императивов, на основе экологической и духовной нравственности. Можно сказать, что устойчивое развитие человечества станет возможным лишь в равновесной (недеградирующей) биосфере. Самое сложное и важное для перехода к такому развитию – изменение человеческих ценностей.

Путь к устойчивому развитию лежит через совершенствование управления природопользованием, экономикой и обществом на всех уровнях: от глобального до локального. В связи с этим первостепенная роль должна отводиться образованию, обучению и распространению знаний в области охраны природы. Это позволит мобилизовать общество в поддержку устойчивого развития, воплотить принципы экологической этики в жизнь, разработать и осуществить программу, направленную на охрану природных ресурсов и снижение уровня их потребления.

Целью системы экологического образования и воспитания является формирование экологического сознания посредством утверждения экологической ответственности за воздействие на среду обитания. Необходимо осознание того факта, что только от самих людей зависит сегодня поддержание окружающей их природной среды в жизнеспособном состоянии. Экологическое воспитание и образование предполагает формирование у человека знаний и практических навыков природопользования на основе активной социальной позиции в области охраны природы; на основе убеждений, сформированных посредством усвоения принципов экологической этики; на основе осознания принципиального единства фундаментальных законов природы на всех уровнях самоорганизации – от физического до социального.

В этом процессе существенную роль играет взаимодействие гуманитарного и естественнонаучного знания, формирующаяся научная и культурная парадигма единства человека и природы на основе *коэволюционной концепции*. Она выдвигает новые методологические задачи познавательной и практической деятельности:

- отказ от технократической парадигмы, основывающейся на механистических представлениях о жесткой детерминации мира, безальтернативности, линейности его развития;
- обращение к синергетическому подходу, вариативному мышлению, интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, признание в качестве равноценных иных, вненаучных, способов постижения мира;
- сближение гносеологического (познавательного) и аксиологического (ценностного) подхода в становлении единого, целостного мировосприятия;
- отказ от крайних точек зрения антропоцентризма и биоцентризма, нацеленность на преодоление полярных позиций.

Козэволюционная познавательная модель ориентирует на получение теоретических представлений о *социоприродных законах*, не сводимых к законам природным и социальным. Существенным является исследование путей обеспечения динамически устойчивого симбиоза компонентов системы «человек – биосфера», постижение взаимосвязи, взаимозависимости различных процессов в жизни общества и природы, вследствие чего могут быть установлены условия-запреты, обеспечивающие динамический гомеостазис общества с биосферой и всем живым.

В целях утверждения стратегии козэволюционного развития в экологическом образовании необходимо повысить значимость нормативного и ценностного компонентов. Нормативная составляющая раскрывается в системе этических, правовых и эстетических принципов, а также норм и правил экологического характера, определяющих отношение общества и человека к окружающей среде, природным ресурсам.

Успешно воплотить моральный компонент в эколого-этическое образование помогает обращение к опыту исторического прошлого, приобщение к этическим принципам умозрительных построений древности, мировых и национальных религий. Здесь можно найти примеры ограничения социальных потребностей индивида, возможности отказа от «потребления ради потребления», доминирующего в современной цивилизации. Например, буддизм проповедует любовь и милосердие ко всем живым существам и природе в целом, отказ от стремлений человека к обладанию: «Тот, кто в этом мире преодолеет свои желания, с того спадают его печали, как капли воды с цветка лотоса». Мухаммед, основатель ислама, заявлял: «Бедность – это моя гордость». Осуждение культа потребления существует и в христианстве: «Горе миру от соблазнов: ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит». (Ев. от Матф., гл. 18. ст. 7). В античности философы призывали вести умеренную жизнь, чтобы быть независимым (Пифагор), отмечали, что богатство и знатность не приносят никакого достоинства, называли богатым того, кто беден желаниями (Демокрит), считали смелым и храбрым того, кто себя одолевает (Аристотель). В III тысячелетии «вечные истины», высказанные мудрецами вновь становятся актуальными и могут быть реинтерпретированы в современном процессе эколого-этического образования.

Знание экологических норм взаимодействия с природой требует от человека усвоения законов экологического и социоэкологического характера. Важную роль при этом играет экологический императив, предполагающий совокупность ограничений, накладываемых на социокультурное развитие человечества возможностями биосферы. Выполнение экологического императива означает сознательное подчинение развития человечества жестким пределам изменения параметров среды обитания.

Важными элементами образования с точки зрения экологической этики являются: воспитание в человеке и человечестве в целом чувства ответственности за состояние окружающей среды; ослабление деструктивного начала человеческой деятельности посредством эмоционального восприятия природы, ее величия, красоты; следование принципам ненасильственного отношения к различным формам жизни на планете. Эти принципы были провозглашены великими гуманистами XIX–XX вв. Л. Н. Толстым, А. Швейцером, Г. Д. Торо, И. Ганди и др.

Идея ненасилия является ценной экогуманистической идеей. В контексте устойчивого развития она предстает как идея изменения внешнего мира посредством изменения внутреннего мира человека, в первую очередь путем преодоления в себе внутренних агрессивных, разрушительных импульсов. Если мы хотим изменить мир, то изменения нужно начинать с себя. В настоящее время перед человечеством стоит важная задача изменения системы ценностных ориентаций и обращения общественного сознания к новым ценностям – взаимопонимания, диалога, толерантных взаимоотношений, взаимоподдержки и сотрудничества.

Экологическое образование, ориентируясь на экологические нормативные и ценностные установки, позволит утвердить новые, альтернативные формы и стили жизни, в основе которых лежат перспективные ценности общества и общезначимые приоритеты, и выработать универсальное миропонимание.

Экологическая этика в контексте экологического образования является главным средством формирования экологической культуры. Современное экологическое знание несет в себе смыслоутверждающий потенциал. Глубокое изучение системной организации биосферы, выявление роли человека по отношению к ней, основных параметров взаимодействия человека и биосферы нацеливают на разработку и осуществление стратегии коэволюции как совместного бесконфликтного развития человечества и природы.

С точки зрения австрийского биолога и философа К. Ц. Лоренца техническая цивилизация губительна в своей основе, она загоняет человека в тупик, на ее место должна прийти новая культура, основанная на общепланетарном информационном пространстве [5]. Это приведет к нравственному отношению к природе, обузданию научно-технического и технологического бума; развитию экономики, базирующейся не на погоне за прибылью, а на удовлетворении потребностей людей. Культуры Запада и Востока, Севера и Юга будут дополнять друг друга и утверждать новый тип цивилизации, связывающий посредством различных форм общения не только живущих на Земле людей с живой и неживой природой, но и со всем Космосом. Началом изменения человечества является сам человек, а развитие и самосовершенствование всех его качеств и способностей – условие выживания человечества.

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете сущность понятия «устойчивое развитие»? Свяжите его с принципом хронологической объективности А. Леопольда.
2. В чем суть концепции ноосферы В. И. Вернадского?
3. Проанализируйте характерные для различных этапов становления экологического сознания «парадигму человеческой исключительности» (Human Exceptionalism Paradigm), «парадигму человеческой освобожденности» (Human Exemptionalism Paradigm) и новую «энвайронментальную парадигму» (New Environmental Paradigm). Сравните их и найдите основные различия.
4. Какие основные опасности и риски несут в себе, на ваш взгляд, новые био- и генно-инженерные технологии?
5. Когда и где была принята концепция устойчивого развития? В каких международных документах она отражена? Какой документ по устойчивому развитию принят в Республике Беларусь?
6. Какие основные принципы организации экологических сообществ вам известны и какие из них, по вашему мнению, должны быть взяты на вооружение человеческим сообществом?

7. Какую роль в реализации концепции устойчивого развития призвана сыграть экологическая этика? Прокомментируйте «десять заповедей» экологической этики и выскажите свое отношение к ним.

Литература

1. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1991.
2. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М., 1989.
3. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
4. Наше общее будущее. – М. : Прогресс, 1989.
5. Леопольд, А. Природная пирамида / А Леопольд // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. – М. – Бостон, 1992.
6. Тоффлер, А. Шок будущего / А. Тоффлер. – М., 2002.
7. Лоренц, К. Ц. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Ц. Лоренц // Обратная сторона зеркала / К. Ц. Лоренц; пер. с нем. – М. : Республика, 1998.
8. Лосев, К. С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития в России в XXI веке / К. С. Лосев. – М. : Космосинформ, 2001.
9. Данилов-Данильян, В. И. Перед главным вызовом цивилизации: взгляд из России / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев, И. Е. Рейф. – М. : ИНФРА-М, 2005.

Глава 13. Экологическая этика в системе экологического образования Республики Беларусь

«Страшна не радиация, страшно невежество...»

А. М. Люцко

В третьем тысячелетии на авансцену выходят проблемы взаимоотношения природы и общества. Природная ситуация меняется катастрофически быстро. Среда, окружающая человека, превращается в действующий персонаж человеческой трагедии и грозит бедами, которые все больше занимают умы ученых. Согласно утверждению многих из них, человечество сможет иметь шанс на будущее только в условиях устойчивого развития, то есть когда оно снова окажется в равновесии с биосферой, для чего деятельность человека, его сознательная активность должны быть подчинены требованиям природы. Новая общепланетарная, *ноосферная система*, предложенная еще В. И. Вернадским [1], должна базироваться на *экологическом императиве* во взаимоотношениях человека и окружающей среды.

Существуют различные толкования термина «экология». Одно из них – представление об экологии как науке, занимающейся изучением антропогенного воздействия на окружающую среду и разработкой методов уменьшения этого воздействия. В настоящее время доминирует новое понимание экологии, базирующееся на основе теории систем, термо-

динамики открытых систем. Оно восходит к работам А. А. Богданова, В. И. Вернадского, который, развивая учения о биосфере и ноосфере, использовал понятие организованности как важнейшего свойства материальных и энергетических частей биосферы. Исходя из этих позиций, экологию можно определить как *науку о самоорганизации и эволюции биосферных систем разных уровней сложности, изучающую связи и превращения в системах живой и неживой природы* (включая и антропогенно измененную ее часть).

Экологическое образование призвано способствовать формированию социально-интеллектуальной базы для реализации идей коэволюции и устойчивого развития посредством воспитания ответственности перед природой, а ответственность – это уже категория этическая. Человек должен воспринять идею неизбежности жизни в контакте и общении с сообществами, подобными себе, и окружающим миром и понять, что мы живем в сложной системе, которая нуждается в «нелинейных» моделях нашего поведения. Поэтому в государственной политике Беларуси по охране окружающей среды и рациональному природопользованию в качестве одного из условий осуществления стратегии устойчивого развития и оздоровления окружающей среды рассматривается *экологическая компетентность* природопользователей и всего населения.

Необходимость формирования высокой экологической культуры в обществе закреплена в Конституции Республики Беларусь. В Законе «Об образовании» одним из принципов образования в Республике Беларусь также назван принцип природоохранной направленности. Наиболее полно эти задачи сформулированы в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», предусматривающем обязательность преподавания экологических знаний во всех учебных заведениях, во всех формах обучения (ст. 46). Закон предусматривает также, что все должностные лица, чья деятельность связана с природопользованием, кто так или иначе оказывает влияние на окружающую среду, должны иметь необходимую природоохранную подготовку и регулярно повышать уровень экологических знаний для того, чтобы производственный процесс, в котором они участвуют, наносил природе наименьший ущерб. Закон предписывает, что при назначении специалиста на должность, при его аттестации и переподготовке должен учитываться уровень их экологической подготовки.

Важную роль в определении государственной политики в области экологического просвещения, образования и воспитания сыграла Республиканская программа по образованию в области наук об окружающей среде на 1991–1995 гг., одобренная Правительством Белорусской ССР. Основные идеи программы, во-первых, нашли свое отражение в белорусском законодательстве; во-вторых, уже сегодня реализуются на практике

в республиканской системе образования; в-третьих, используются в других государственных программах, прежде всего, в «Национальной программе рационального природопользования и охраны окружающей среды на 1996–2000 гг.», а также «Стратегии устойчивого развития Республики Беларусь».

13.1. Экологическое образование и воспитание в Республике Беларусь

Формирование нового типа *экологического сознания и системы ценностей* осуществляется в процессе **образования**, сочетающего в себе *обучение и воспитание*. Именно образование играет сегодня ведущую роль в осознании проблем окружающей среды, способствует установлению рационального и бережного отношения к ней. Система экологического образования в Республике Беларусь призвана решать, прежде всего, практические задачи: получив профильное образование, специалист должен уметь грамотно осуществлять природопользование, не подрывая основ жизнедеятельности для будущих поколений [2].

Экологическое образование и воспитание в средней и высшей школе

В настоящее время интегрированные природоохранные курсы введены в программы базовой и средней школ, профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведений. В некоторых школах, лицеях, гимназиях открыты профильные классы (физико-математический, химико-биологический, естественно-географический и т. п.), где большое внимание уделяется экологическому содержанию учебно-воспитательного процесса (например, гимназия № 19 г. Минска с экологическим уклоном). С учетом возраста детей экологические аспекты включены в программы образовательно-воспитательного процесса даже детских дошкольных учреждений (например, детского сада № 13 г. Минска).

Значительный опыт экологической подготовки и воспитания учащихся накоплен внешкольными учреждениями, работу которых координирует и направляет Республиканский экологический центр детей и юношества. Ими созданы наработки по привлечению учащихся и молодежи к активной практической деятельности в области охраны окружающей среды. Старшеклассники занимаются в научных обществах, проводят исследования под руководством ученых. Итоги этой научной работы подводятся на республиканских конференциях. Для более широкого привлечения ребят из населенных пунктов, где нет вузов и других научных учреждений, действуют заочные формы обучения: «Белорусская малая лесная заочная академия», «Компьютер, экология и биология», школы юных фермеров, биологов, осуществляются экологи-

образовательные проекты «Малым рекам – нашу большую заботу», «Днепровское созвездие».

Делается многое. Однако школьное образование все еще прививает ребенку мировоззрение, базирующееся на тезисе о превосходстве человека над природой. При этом все мироздание делится на полезное для человека и бесполезное, т. е. на «хорошее» и «плохое» в понимании ребенка. Этот подход формирует упрощенное представление о связях в природе и обществе и, как следствие, поведение, которое не учитывает сложных взаимоотношений в природе и все чаще нарушает хрупкое равновесие ноосферы. Поэтому экологическое образование в школе не должно быть сведено к введению дисциплины «Экология» и проведению внеклассных экологических мероприятий. Процесс экологизации образования должен осуществляться не только в профильных классах, но и в общеобразовательной школе, а элементы экологических знаний должны внедряться, начиная с начальной школы, а еще лучше – с детского сада.

В системе *средних специальных учебных заведений* в учебный процесс введены специальные дисциплины по основам экологии, проведена корректировка учебных планов и программ, осуществляется межпредметный подход, утверждаются активные формы и методы экологической подготовки специалистов, природоохранные вопросы отражаются в дипломных и курсовых проектах. Во всех учебных заведениях этого типа введен предмет «Основы охраны окружающей среды» (20 час.), на старших курсах – интегрированный предмет «Основы промышленной экологии» (50–60 час.). Однако этические аспекты экологической подготовки здесь развиты слабо.

В *профессионально-технических училищах* экологическое образование и воспитание, как правило, базируется на тех же подходах, что и в старших классах средней школы. Однако в ПТУ профессиональные вопросы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов уже включаются в отдельные темы специальных дисциплин, а также отражаются во внеклассной работе. Особое место при этом занимают ПТУ лесотехнического и сельскохозяйственного профилей.

Ключевым звеном в системе подготовки экологически грамотных, нравственно ответственных специалистов для сферы производства и управления является *высшая школа*. На уровне высшей школы также введены в обязательный перечень дисциплин природоохранные курсы. В вузах созданы научно-методические советы по отраслям наук (естественные, сельскохозяйственные науки, техника, медицина и т. п.), которые ведут научно-методическую разработку проектов образовательных стандартов, координируют усилия учебных заведений, направленные на под-

готовку и переподготовку кадров для отраслей народного хозяйства, осуществляющих активную природопользовательную деятельность.

В зависимости от профиля вузов введены такие курсы, как «Экология», «Радиоэкология», «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов», «Радиобиология и радиационная медицина», «Экономика природопользования» и др. Экологические аспекты являются важной составляющей дисциплины «Защита населения и хозяйственных объектов в чрезвычайных ситуациях. Радиационная безопасность», которая преподается во всех вузах. Однако курс «Основы экологической этики» введен только в МГЭУ им. А. Д. Сахарова.

Подготовка специалистов-экологов

Подготовка *специалистов природоохранного профиля* в течение многих лет ведется в вузах Республики Беларусь. Существуют специальности и специализации природоохранной направленности в Белорусском государственном технологическом университете, Белорусском национальном техническом университете, Белорусском аграрно-техническом университете, Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, Полоцком государственном и Брестском техническом университетах, ряде других вузов республики. Ученых-экологов готовят в классических университетах – Белорусском государственном университете, Гродненском государственном университете им. Я. Купалы, Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины, Витебском государственном университете им. П. М. Машерова [2].

В 1992 г. создано и успешно действует высшее учебное заведение экологического профиля – *Международный государственный экологический университет имени А. Д. Сахарова*, возглавляющий Учебно-методическое объединение вузов республики по экологическому образованию и Постоянную комиссию по радиоэкологическому образованию государств – участников СНГ. Университету также придан статус базовой организации государств – участников СНГ по экологическому образованию [3, 4]. В настоящее время МГЭУ им. А. Д. Сахарова постоянно расширяет подготовку специалистов-экологов путем введения новых специализаций в существующие специальности.

Уникальной не только для Республики Беларусь, но и для стран СНГ является специальность «Радиоэкология» [5]. Сегодня это междотраслевая наука, охватывающая все аспекты воздействия ионизирующих излучений на поведение экологических иерархий живых организмов в окружающей среде. В этом смысле проблемное поле радиоэкологии расширяется практически до проблемного поля радиологии – науки о действии ионизирующих излучений вообще и средствах защиты от них. В перспективе университет предполагает перейти на подготовку по группе

специальностей «Радиология», сохранив радиоэкологию как одно из направлений. Немаловажную роль в развитии специальности «Радиоэкология» играет вовлечение МГЭУ им. А. Д. Сахарова в образовательную деятельность МАГАТЭ: университет является единственным русскоязычным региональным центром в мире, на базе которого под эгидой и при технической поддержке МАГАТЭ проходят переподготовку граждане иностранных государств, в первую очередь стран СНГ.

Специальность «Экологический мониторинг, менеджмент и аудит» предполагает подготовку экологов-аналитиков, которые способны работать в области мониторинга окружающей среды, обрабатывать данные наблюдений и давать прогнозы эволюции экологической обстановки, предлагая направления устойчивого развития территорий.

Одним из актуальных направлений подготовки специалистов-экологов является *использование экологически чистых возобновляемых энергетических ресурсов*. С 1996 г. МГЭУ им. А. Д. Сахарова ведет в этом направлении планомерную работу по накоплению опыта преподавания, подбору кадров, созданию материально-технической базы [6, 7].

С 1997 г. в университете преподается дисциплина «Экологические проблемы энергетики», которая в настоящее время является дисциплиной специальности «Экологический мониторинг, менеджмент и аудит». Разработаны перечень дисциплин специализации, их учебные программы. В университете работают фотоэлектрическая и нагревательная солнечные установки, которые используются как в учебном процессе, так и для хозяйственных нужд. В 1998 г. при НИИ экологических проблем университета открыта НИЛ экоприоритетной энергетики, которая занимается разработкой научных основ использования возобновляемых энергетических ресурсов в условиях Республики Беларусь. На базе учебно-научной станции «Волма» создан экологический парк – демонстрационная площадка, на которой размещены образцы установок, использующих для производства энергии возобновляемые энергетические ресурсы, ветроэнергетические установки, солнечные батареи (дар Земли Форарльберг, Австрия), микроГЭС, котельная на древесном биосырье (при финансовой поддержке Земли Форарльберг, Австрия, и Института им. Отто Хуга, Мюнхен, Германия).

С 2004 г. в МГЭУ им. А. Д. Сахарова в рамках специальности «Экологический мониторинг, менеджмент и аудит» осуществляется подготовка специалистов по специализации *«Менеджмент возобновляемых энергетических ресурсов»*. Актуальность подготовки специалистов такого рода обусловлена необходимостью обеспечения энергетической безопасности страны с опорой на собственные ресурсы, создания условий для максимально возможной эффективности использования возобновляемых энергетических ресурсов при сохранении природных богатств, природного равновесия и биоразнообразия. С 2008 г. МГЭУ им. А. Д. Сахарова совместно с Белорусским национальным техническим университетом

начинает подготовку по специальности «Энергоэффективные технологии и энергетический менеджмент». В 2008 г. в университете открыт также набор студентов на специальность «Ядерная и радиационная безопасность» в рамках государственной программы подготовки специалистов для атомной электростанции, строительство которой начинается в Республике Беларусь.

Важным аспектом деятельности современных специалистов-экологов является широкое *использование информационных технологий в экологии*. Сегодня в МГЭУ им. А. Д. Сахарова специализация студентов по экологическим информационным системам осуществляется в рамках специальностей «Экологический мониторинг, менеджмент и аудит» и «Радиоэкология».

С 2005 г. в МГЭУ им. А. Д. Сахарова осуществляется подготовка по специальности «Информационные системы и технологии в экологии» (в очной и заочной формах обучения). Учебным планом специальности предусматривается гармоничное сочетание профильной экологической и инженерно-технической подготовки в области компьютерных технологий.

Использование геоинформационных систем при планировании и принятии решений является важным аспектом развития различных отраслей. В подготовке специалистов лесного, садово-паркового и сельского хозяйства вопросам экологии с применением геоинформационных систем следует уделять особое внимание, поскольку объектом их деятельности являются природные комплексы, оказывающиеся под сильным воздействием хозяйственной деятельности человека либо созданные им. При этом на передний план выступает проблема долгосрочного планирования хозяйственной деятельности, направленного на обеспечение сохранения биологического разнообразия либо целенаправленное восстановление экосистем, подвергшихся ранее нерациональному воздействию человека. Использование геоинформационных технологий позволяет не только учесть экологические факторы развития территорий, но и разработать оптимальные сценарии этого развития.

Особое место в системе подготовки специалистов-экологов занимает специальность «Медицинская экология». Можно утверждать, что подавляющее большинство заболеваний человека обусловлено воздействием факторов внешней среды, а следовательно, имеет прямое отношение к экологии. Распространение заболеваний, эпидемиологические и санитарно-гигиенические проблемы давно стали предметом перекрестного внимания специалистов здравоохранения, инженеров по охране труда и экологов. Комплексное видение проблем в этой области, выработка научных подходов к их решению во многом зависят от того, насколько тщательно учтены факторы внешней среды, какие средства и методы получения знаний и обработки результатов наблюдений используются в этой облас-

ти. В этом направлении и ведется подготовка специалистов по медицинской экологии и в МГЭУ им. А. Д. Сахарова.

Вместе с тем, несмотря на значительные успехи в подготовке специалистов-экологов, система экологического образования содержит в себе и определенные недостатки, порождающие ряд проблем. Это, прежде всего, отсутствие должной координации между учебно-методическими объединениями, руководящими развитием родственных групп специальностей.

Так, специальность «Биоэкология» существует в научном профиле «Экологические науки» и в технико-технологическом профиле «Охрана окружающей среды». В результате специалисты, подготавливаемые по этим специальностям, имеют разную квалификацию (биолог-эколог и инженер-эколог). Вследствие разрозненной деятельности вузов по созданию и развитию экологических специальностей сегодня в стране выпускается около 400 специалистов-экологов ежегодно, тогда как в системе Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды занято всего около 800 специалистов.

Правда, с учетом роста требований к качеству производимой продукции при одновременном соблюдении соответствующих международных стандартов сохранения состояния окружающей природной среды необходимость выхода на мировые рынки должна подталкивать белорусские предприятия на создание собственных экологических служб. А в них должны работать экологи-аналитики и менеджеры, способные комплексно решать стоящие перед предприятиями задачи, увязывать стратегию развития предприятия со стратегией развития территорий, включая проживающее на них население, что также является предметом заботы экологов-аналитиков и экологов-медиков.

В последние годы Министерство здравоохранения проявляет все больший интерес к привлечению в отрасль выпускников специальностей «Медицинская экология» и «Медико-биологическое дело». Это связано с существующим дефицитом специалистов медико-лабораторного профиля и постоянно расширяющейся приборной базой учреждений здравоохранения (в том числе санитарно-эпидемиологических служб), развитием аналитических методов и информационных технологий. В существующих условиях рядом с врачом должен стоять специалист, глубоко понимающий принципы работы современной медицинской техники, владеющий методами анализа образцов биологических объектов, обработки данных с целью оказания содействия в установлении правильного диагноза, выборе оптимальных методов лечения и т. п.

Существующая же практика подготовки врачей-лаборантов на основе высшего медицинского образования является затратной. Большой объем полученных медицинских знаний лишь частично используется затем в лабораторной деятельности. Вместе с тем достаточно глубокую подготовку врачей по физике, технике и информатике, необходимую для освоения современ-

ной техники и аналитических методов, можно осуществить только за счет расширения учебного плана и, соответственно, увеличения срока обучения как минимум еще на 1–2 года.

В то же время учебные планы специальностей «Медицинская экология» и «Медико-биологическое дело», разработанные в МГЭУ им. А. Д. Сахарова, дают пример и возможность гармоничного сочетания фундаментальной физико-математической и биохимической подготовки со специальными медицинскими знаниями.

Эти и другие проблемы и трудности развития системы экологического образования в Республике Беларусь обусловлены в значительной степени спецификой самого экологического образования и воспитания, которая связана с:

- многопрофильным характером подготовки специалистов;
- глобальным характером задач, стоящих в большинстве случаев перед ними;
- особыми требованиями к личностным качествам специалистов-экологов.

Кроме того, ряд проблем порождается недостатками в области организации и управления экологическим образованием. Это, в частности:

- отсутствие систематического информационного обеспечения деятельности специалистов;
- отсутствие системы повышения квалификации и переподготовки кадров в области преподавания экологии человека и наук об окружающей среде;
- недостаточное обеспечение учебниками и учебными пособиями системы экологического образования и воспитания;
- слабое взаимодействие между учреждениями системы высшего, среднего специального, профессионально-технического и среднего образования.

Сегодня требуется серьезная реструктуризация и совершенствование экологической подготовки как специалистов-экологов, так и специалистов других профилей, деятельность которых непосредственно связана с природопользованием. Огромную роль в этом процессе призваны сыграть *эколого-этическое образование и просвещение*.

13.2. Этическая составляющая экологического образования

В Беларуси (как и на всем постсоветском пространстве) **концепция эколого-этического образования** (ЭЭО) находится пока в стадии становления. Ее разработка – одна из задач проекта ЮНЕСКО «Экологическая этика в системе биоэтического образования в Республике Беларусь».

Концептуальная модель эколого-этического образования

Формирование и содержание концептуальной модели ЭЭО обусловлены рядом обстоятельств. С одной стороны, это обстоятельства,

общие для всей эколого-этической проблематики, ориентирующие на поиск *общих закономерностей* ЭЭО. С другой – это региональные особенности, определяющие его *локальный характер*. Основными факторами, определяющими формирование концептуальной модели ЭЭО в Республике Беларусь, являются следующие:

1) актуальность и необходимость срочного решения экологических проблем в глобальном и региональном масштабах – как *всеобщий объективный фактор*;

2) *региональные особенности* экологических проблем в Беларуси, связанные с постчернобыльской ситуацией и, как следствие, особое внимание к разработке этических оснований *экологии человека*;

3) низкий уровень *этико-экологического сознания* населения – как обывателей, так и профессионалов, в частности людей, принимающих ответственные решения – *общий субъективный фактор* (об этом свидетельствуют и данные, полученные в результате пилотажного анкетирования будущих специалистов гуманитарного, естественнонаучного, технического и экологического профилей – см. главу 5);

4) достигнутое наконец-то человеческим сообществом единство в понимании зависимости решения экологических проблем от ментальности и уровня экологической культуры общества;

5) принципиальные особенности самой экологической этики и ЭЭО, предполагающие, в частности:

- необходимость учета именно в этой сфере неразрывного единства и равноправия рационально-логического и эмоционально-чувственного начал и потому – *обращение к сентиментальности* как одному из факторов формирования чувства любви, жалости, сопереживания к природным объектам, нуждающимся в защите и заботе (по аналогии с отношением ко всем беззащитным и зависимым);

- необходимость *непрерывности* в системе ЭЭО, предполагающей применение принципа «всегда и везде»: как во «временном» (с детского – «ясельного» возраста до системы повышения квалификации «зрелых» природопользователей), так и «пространственном» аспектах (используя для этого не только учебные, но и внеучебные формы и методы);

- необходимость/желательность поиска и применения *нетривиальных форм и методов* ЭЭО (в частности, широкое использование информационных технологий, метода case-study и др.);

6) *особенность формирования концептуальной модели ЭЭО в Беларуси* – это накопленный опыт в организации *биоэтического образования* в Республике и возможность его использования в целях ЭЭО; правда, здесь имеются свои плюсы (многоуровневость, институционализация) и минусы (в частности, некоторый перекокс «нашей» экоэтики в сторону проблем экологии человека и животных);

7) проблемы и трудности в разработке самой *теории экоэтики*, в частности:

- отсутствие единого мнения о роли антропоцентристских и не-антропоцентристских подходов в экоэтике;
- многозначность и вариативность экспликации и интерпретации ее основных принципов;
- дискуссии по поводу нормативного характера экоэтики и содержания экоэтических норм, практических правил и регулятивов, их статуса и соотношения.

В связи с последним обстоятельством необходимо подчеркнуть: в основе концепции ЭЭО должна лежать четко разработанная концептуальная модель самой экологической этики, которая отстраивает свое проблемное поле, систему нравственных категорий и базовых принципов на двух основных уровнях – *теоретическом* и *нормативном*. Как мы могли убедиться, на *теоретическом* уровне разрабатываются концептуальные основания экологической морали как сферы должного, осуществляется поиск и обоснование фундаментальных ценностей, их критериев и статуса, выдвигаются *базовые принципы* экоэтической регуляции. На *нормативном* уровне формулируются конкретные правила жизненных моральных суждений, отвечающие на *практический вопрос* «что я должен делать?», регламентирующие поведение людей в природе и способы разрешения социоприродных конфликтов. Оба уровня переплетаются, взаимно обуславливают друг друга и определяют пути и способы решения **основных задач экоэтики** – как науки и учебной дисциплины, которыми, таким образом, выступают:

- теоретическое обоснование основных принципов и норм моральной регуляции отношения человека и природы;
- поиск практических регулятивов, технологий и институтов их реализации;
- разработка средств и методов и организация системы ЭЭО как основы формирования эквайронментального сознания людей, ориентирующего их на обеспечение гармоничного сосуществования с природой.

Становление и организация эколого-этического образования в Республике Беларусь

В организационном плане становление ЭЭО в Республике Беларусь шло от частного к общему: от потребностей конкретной специальности к осознанию необходимости широкой экоэтической образовательно-просветительской деятельности. Ответом на эти потребности и необходимость стало открытие в Минске 15 лет назад Международного государственного экологического университета им. А. Д. Сахарова. Именно академику Сахарову вскоре после Чернобыля пришла идея открыть в трех наи-

более пострадавших странах – России, Украине и Беларуси – вузы, которые готовили бы специалистов, способных предотвращать «чернобыли», бороться с их последствиями и решать известные и еще не известные радиоэкологические, радиобиологические и техногенные проблемы.

Открыли такой вуз только в Беларуси уже после смерти А. Д. Сахарова. С первого дня у вуза была особая, «эксклюзивная» биография. Университет изначально декларировал свою приверженность принципам четырех «интер»: international, interactive, interpretation, interdisciplinary. Таким он и является: *международным*; построенным на принципах *взаимодействия*; *интерпретирующим* для студентов различные научные точки зрения и смыслы; базирующимся в своей учебной и научной деятельности на самых неожиданных *междисциплинарных связях*. Именно ориентация на междисциплинарность, осознание того, что сегодня это и есть наиболее перспективный путь научного поиска, позволили сначала выдвинуть *идею изучения в экологическом вузе экологической этики*, апробировать ее, читая курс в качестве факультативного, затем добиться включения экологической этики в учебную программу вуза в качестве дисциплины специальности. При этом экоэтика рассматривается, во-первых, как *нормативная этика*, как основа формирования нового – энвайронментального мышления *каждого* человека в условиях экологического кризиса; во-вторых – как специфическая составляющая практически всех *профессиональных этик* (инженерной, юридической, педагогической и др.).

Сегодня «Основы экологической этики» в МГЭУ им. А. Д. Сахарова – обязательный 20-часовой курс, *цель* которого – формирование у студентов, будущих экологов, биологов и медиков осознанного нравственного отношения к природе, Иному Живому и деятельностно-благоговейного отношения к Жизни. Для достижения этой цели решается ряд познавательных и воспитательных *задач*:

- дать студенту необходимые знания о сущности и основных проблемах экологической этики, ее основных принципах и ценностях;
- выработать у него способность и привычку к рефлексии над проблемами Жизни, Смерти, Иного Живого;
- ознакомить будущих специалистов с нравственными сторонами актуальных экологических проблем, проблем радиоэкологии и радиобиологии;
- помочь сформировать собственную этическую точку зрения на эти проблемы и умение отстаивать ее;
- выработать у студента устойчивую ориентацию и готовность в будущей практической деятельности руководствоваться принципами и нормами экологической этики.

Предполагается, что в результате усвоения курса студент *должен знать*:

- ключевые концептуальные модели и категориальный аппарат экологической этики;
- ее историю и современное состояние;
- сущность ее основных принципов: антропоцентризма, экоцентризма, биоцентризма и др.;
- особенности субъект-объектных и субъект-субъектных отношений человека и природы.

Будущий специалист-эколог *должен уметь*:

- характеризовать основные проблемы, принципы и ценности экологической этики;
- ее соотношение с биоэтикой и биомедицинской этикой;
- разбираться в нормативно-прикладных аспектах эколого-этического знания и его профессионального применения;
- анализировать специфику и роль экологической этики в деятельности специалиста и выявлять нравственные стороны актуальных проблем современной экологии;
- разбираться в конкретных нравственных экологических ситуациях в контексте высших моральных ценностей;
- делать собственный моральный выбор.

При этом выпускники вуза *должны иметь навыки*:

- исследования и разрешения конфликтных экологических ситуаций;
- ведения этико-экологической полемики и диалога;
- корректного и толерантного поведения в сфере профессионального и личного общения.

Очень важно, чтобы студенты приобрели привычку к рефлексии над проблемами Жизни и Смерти – Человека и Иного Живого, устойчивую ориентацию и готовность в будущей практической деятельности руководствоваться принципами и нормами экологической этики.

Кроме содержательного насыщения курса немаловажную роль играет его **методическая организация**. В обучении экоэтике особенно широко применяются **интерактивные методики** как в традиционных, так и в нетрадиционных формах обучения.

Так, на лекциях по экоэтике весьма продуктивными являются:

- организация и реализация принципа обратной связи (благодаря запискам-откликам студентов, которые служат материалом для последующего обсуждения и дискуссий на семинарах);
- выступления студентов с наиболее интересными докладами и сообщениями с их последующим обсуждением;
- диалогическая форма чтения лекций, когда аудитории задаются вопросы, провоцирующие дискуссию.

На семинарах наиболее продуктивно применение метода «малых групп» с использованием таких форм, как:

- «ролевые» и «деловые» игры;
- «жизнь во времени» с распределением «дежурств» по историческим эпохам;
- проведение семинара в форме КВН по экологической проблематике;

- тестирование и мини-викторины («интеллектуальные разминки») в начале семинаров;
- дискуссии по актуальным эколого-этическим темам;
- написание эссе по этико-экологической тематике (по выбору студентов);
- ситуативные игры – своеобразная форма применения метода *case-study*.

Но овладение основами экологической этики должно осуществляться не только за счет введения отдельного курса. Оно может и должно сопровождаться *гуманитаризацией изучения всех специальных дисциплин*. Поэтому целесообразно включить элементы экологической этики в систему повышения квалификации как школьных, так и вузовских педагогов. Причем экоэтика должна изучаться одновременно в качестве: а) основы личной экологической культуры педагога; б) основы формирования экокультуры учащихся (с элементами методики – формы, методы, специфика) [8].

Введение этико-экологического образования в вузе позволяет расширять рамки воспитания личности специалиста и *во внеучебное время*. Это, например, привлечение студентов к участию в научных конференциях по вопросам социально-гуманитарного развития и этико-экологической проблематике, проведение круглых столов и пресс-конференций.

Так, в рамках ежегодных «Сахаровских чтений» наряду с виднейшими физиками, экологами, биологами выступают молодые ученые и студенты университета, их лучшие доклады и научные работы публикуются в одноименных сборниках. Способствует повышению познавательной активности студентов и вовлечение их в процесс художественного творчества. Подтверждение тому – ежегодный студенческий сборник «Поэтическая Сахаризация», демонстрирующий способность авторов к нетривиальному видению мира, без чего невозможно современное энвайронментальное мышление.

Изучение основ экологической этики в экологическом университете – это необходимый специалисту курс профессиональной этики. Вместе с тем это капля в море этико-экологического невежества населения, руководителей индустрии, государственных чиновников. И поэтому один из главных результатов введения курса экологической этики в вузе – осознание необходимости широкой *этико-экологической просветительской деятельности*, формы которой могут быть самыми разными.

Сегодня студенты и выпускники университета осуществляют «этико-экологическое шефство» в школах; снимают фильмы и клипы пропагандистско-экологического характера, принимают участие в тематических кинофестивалях. Вопросы экологической этики регулярно освещаются в университетской газете «Экосфера». С участием студентов разработан веб-сайт «Биоэтика» (<http://bioethica.iatp.by>).

Особенно остро и интересно проходят открытые заседания ДИСКa – Дискуссионного Студенческого Клуба, на которые приходят студенты других вузов,

чтобы самим принять участие в дискуссиях, посвященных, например, отношению к генетически модифицированным продуктам, или этическим проблемам современных биотехнологий, или в дискуссии «Любите ли вы животных: на завтрак или на обед?», или в таких мероприятиях, как «Суд над экологическим преступником», экологическая игра «Что? Где? Когда?» и др.

Уже несколько лет в университете функционирует группа *EcoUni*. При ее активном участии проводятся круглые столы, посвященные вопросам нравственности и гуманности по отношению к животным (например, в интернет-центре Гомельской областной библиотеки). Одна из самых ярких акций *EcoUni* – проведение в Белорусской медицинской академии последипломного образования, где работают сегодня многие выпускники МГЭУ, международного семинара «Гуманизация обучения специалистов медико-биологического профиля» (Минск, 14–15 ноября 2006 г.), посвященного защите животных в учебном процессе и научных исследованиях. В семинаре приняли участие международная организация InterNICHE – International Network for Humane Education (Великобритания), Центр защиты прав животных «Вита» (Россия), Национальный комитет по биоэтике Республики Беларусь, Национальная академия наук Беларуси, БГМУ, МГЭУ им. А. Д. Сахарова. По материалам семинара издан одноименный сборник.

Но самым серьезным результатом деятельности *EcoUni* стали разработка ее участниками учебных программ по проблемам экологической этики для детских садов и старшеклассников, с которыми они апробируют эти программы, проводя занятия с ними, а также подготовка на основе собственного опыта учебно-методического пособия для педагогов «Биоэтика и экоэтика для школьного и внешкольного образования».

К сожалению, МГЭУ им. А. Д. Сахарова – единственный вуз не только в Беларуси, но и на постсоветском пространстве, где в таком объеме изучается курс экологической этики. В учебных программах других вузов республики до настоящего времени на рассмотрение проблем экологической этики отводилось 2 часа в курсе общей этики, что явно недостаточно. Однако перевод этики в разряд факультативных дисциплин по выбору вуза отнял у экоэтики и эти 2 часа и сделал изучение основ экологической этики еще более проблематичным, а попросту говоря – нереальным.

13.3. Информационные технологии и педагогическое обеспечение эколого-этического образования: реалии и перспективы

Формирование нового типа *экологического сознания и системы моральных ценностей* осуществляется в процессе образования, соче-

тающего в себе обучение и воспитание. Оно играет ведущую роль в осознании проблем окружающей среды, способствует установлению рационального и бережного отношения к ней. При этом **образование** рассматривается нами как: а) *единство обучения и воспитания*; б) *целенаправленное формирование и развитие личности в условиях преобразования общественных отношений*; в) *процесс и результат качественной подготовки специалиста на основе использования современных информационных технологий*.

Ведущие специалисты в области педагогики [9–12] выделяют в качестве исходных такие *принципы образования*, как научность, наглядность, систематичность и последовательность, активность и сознательность, доступность, модульность, интеграция, индивидуализация, принципы личностного и деятельностного подходов (профессиональной направленности), принципы оптимизации и тотального управления качеством педагогического процесса, принципы непрерывности, вариативности и открытости образования.

Реализация *этико-экологической подготовки*, как и вся система образования в целом, подчинена этим принципам и связана с решением актуальных педагогических проблем, в том числе с задачами *проектирования технологий обучения*. Огромную роль в решении этих задач играют **информационные технологии**.

Современные информационно-компьютерные и телекоммуникационные средства позволяют отражать внешние, чувственно воспринимаемые свойства объектов и формировать у обучаемых эмпирические понятия и творческое мышление. Это ведет к осознанию необходимости применения в процессе обучения личностно-ориентированного подхода, который, в свою очередь, активизирует познавательную, исследовательскую и творческую деятельность обучаемых. При усвоении знаний обучаемые всегда опираются на наглядные образы, полученные в ходе собственного познавательного опыта или с помощью специальных средств наглядности, которые являются своеобразными ориентирами познавательной деятельности [13, 14].

Информационные технологии позволяют обеспечить качественное продуктивное взаимодействие как между обучаемыми, преподавателями и другими субъектами социально-педагогических взаимоотношений, так и между учебными заведениями. Это в полной мере относится и к этико-экологическому образованию: ведь оно не может ограничиваться рамками учебного заведения; его специфика в том, что оно, как отмечалось, должно быть *непрерывным, открытым, охватывающим все уровни развития индивида*.

Важнейшими факторами теории и практики применения информационных технологий в образовательном процессе являются: междисциплинарность, интеграция и интернационализация научно-педагогического знания, единство обучения и научных исследований, расширение глобально-

региональных научных коммуникаций, применение новых информационных и аналитических технологий, в том числе в исследовательской деятельности преподавателей. Напомним, что именно эти факторы лежали в основе образования МГЭУ им. А. Д. Сахарова, и именно они продолжают определять научную и педагогическую стратегию и тактику университета.

Чтобы сформировать творческую личность, обладающую познавательными потребностями, способностями самостоятельно моделировать цели, содержание и способы организации своей деятельности, обладающую социальной направленностью, необходима целенаправленная интеграция всех усилий общества, требуется экономическое, социально-политическое, духовно-информационное взаимодействие образовательной и окружающей социокультурной сред. В результате такого взаимодействия и образуется *информационная образовательная среда* (ИОС), выступающая основной компонентой обобщенной модели образовательного процесса и воплощением применения информационных технологий в учебном процессе. Именно в этой среде осуществляется самоформирование личности, ее саморазвитие, в этой среде личность проявляет свою деятельностьную сущность, отражая себя в мире и мир в себе.

Применение ИОС в этико-экологическом образовании позволяет с помощью современных развивающих методик обучения стимулировать умственное, моральное и эмоциональное развитие обучаемых, способствовать формированию у них гуманистических ценностей. Активное взаимодействие ИОС с социокультурными, в том числе профессионально ориентированными средами создает *обобщенную среду*, характеризующуюся различными откликами и способствующую повышению качества обучения. Взаимное перетекание сред положительно влияет на многие аспекты индивидуального развития обучаемых: их когнитивное и личностное развитие; самоопределение в современном меняющемся мире; личностную направленность и самосознание; осознание профессиональных требований к своей личности; рефлексию своего прошлого учебно-практического опыта; осознание обучаемыми сложной системы взаимосвязи учебных и трудовых практик [15].

Одно из главных достоинств ИОС – присутствие в их структуре *трех типов многообразия*: структурного многообразия; многообразия взаимодействия; многообразия в ходе обучения [16]. Их практическая реализация обеспечивает не только разнообразие форм педагогического взаимодействия между педагогом и обучаемым. В процессе этико-экологического образования многообразие способствует всестороннему развитию целостной личности – посредством совершенствования не только интеллектуальной компетентности и практических навыков, но и аффективной сферы, включающей моральные, религиозные, эмоциональные, социальные и эстетические аспекты личности.

Одна из особенностей функционирования ИОС – наличие в ее интегративной системе *виртуально-творческих объединений*, информационное взаимодействие с которыми позволяет:

- формировать у обучаемых стремление к углублению знаний;
- прививать им потребность в непрерывном образовании с широким охватом межпредметных связей;
- развивать аналитические, прогностические, организаторские, коммуникативные умения;
- формировать необходимые профессиональные и личностные качества;
- развивать творческую инициативу, самостоятельность и ответственность.

В контексте этико-экологического образования проектирование интегрированной ИОС должно осуществляться в соответствии с целью и принципами профессиональной подготовки. Это обеспечит эффективность и качество процесса обучения, рост субъективно-личностного знания обучаемых – посредством критического анализа, основанного на творческом восприятии. Именно такой способ позволяет субъекту обучения перейти границы пространственного и временного окружения, пытаться оценивать обстоятельства за пределами собственного опыта, обнаруживать и подвергать сомнению существующие предрассудки и допущения. Вместе с тем в ИОС, обеспечивающей этико-экологическое образование, заложено естественное желание человека приблизиться к истине – более совершенной, более полной, более интересной, логически строгой и релевантной. Поэтому можно утверждать, что процесс познания в ИОС есть одновременно метод (или логический процесс), целью которого является рост *объективно-истинного* знания.

Важнейшим элементом, позволяющим развивать и полностью реализовывать возможности ИОС, является *информационная культура личности*, включающая:

- информационную грамотность и компетентность в понимании природы информационных процессов и отношений;
- гуманистически ориентированную информационную ценностно-смысловую сферу (стремления, интересы, мировоззрение, ценностные ориентации);
- развитую информационную рефлексию, а также творчество в информационном поведении и социально-информационной активности. (На выявление уровня информационной культуры личности в сфере экологического знания и было направлено наше исследование, анализ которого представлен в главе 5.)

Обобщенная модель, характеризующая использование информационных технологий в процессе образования, представлена на рис 2.

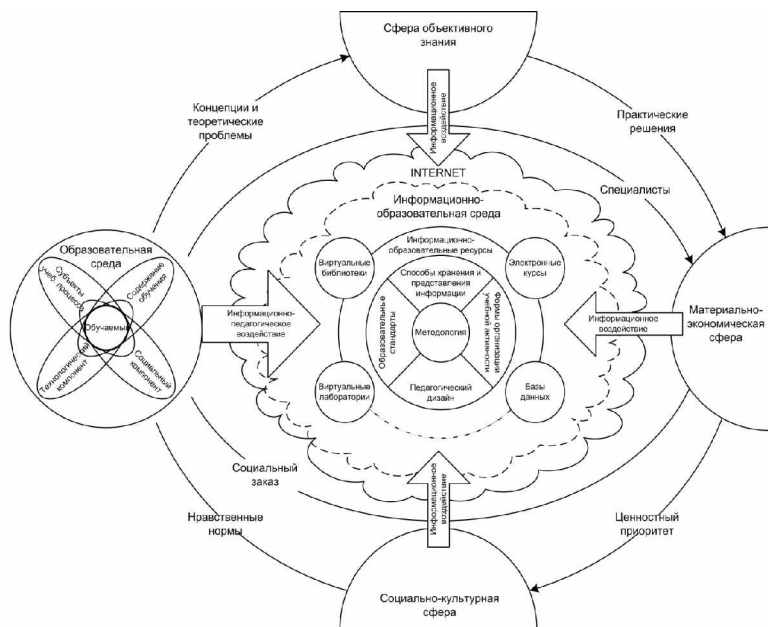

Рис. 2. Модель использования информационных технологий в образовании

Дидактическими условиями формирования и развития модели интегрированной ИОС в рамках этико-экологического образования являются:

- проектирование и оптимизация дидактической модели ИОС, нацеленной на формирование высококвалифицированного специалиста, обладающего устойчивыми этико-экологическими знаниями и компетенциями, соответствующими современной экологической ситуации;
- обеспечение внутренней целостности и технологичности ИОС на основе современных информационно-педагогических технологий, эффективно реализующих функции и цели этико-экологического образования;
- организация управления самостоятельной работой обучаемых на основе комплекса дидактических средств ИОС;
- мониторинг и контроль качества знаний и профессиональных навыков при помощи современных методик, реализованных на программно-технической базе ИОС;
- открытость ИОС для социальных и культурно-образовательных инновационных процессов;
- вариативная организация ИОС, обеспечивающая рост и устойчивое развитие социокультурного и биоэкологического разнообразия;

– преемственность в образовании и конструирование содержания образования на основе современных социокультурным форм.

Существует *классификация* дидактических функциональных возможностей ИОС в этико-экологическом образовании.

1. *По функциональному предназначению стационарной вычислительной техники*: компьютер абонента, хост-компьютер и компьютер провайдера [17].

2. *По виду предоставляемых информационной сетью услуг* – комплекс средств и продуктов деятельности, удовлетворяющих информационные потребности обучаемых и преподавателей в:

– вещательных услугах (электронные учебники, пособия, справочники, библиотеки, учебное программное обеспечение и документация из файловых архивов, электронные библиотеки и архивы, базы данных);

– интерактивных услугах (электронная почта, телеконференции, текстовая, аудио, видеосвязь в реальном времени);

– поисковых услугах (каталоги, поисковые системы) [18].

3. *По типу соединения с ИОС*: синхронный и асинхронный режимы передачи данных [18,19].

ИОС, функционально основанная на синтезе программно-технических средств, информационно-коммуникационных и информационно-педагогических технологий, обладает определенными *дидактическими параметрами*, оптимизация которых позволяет повышать качество учебного процесса в целом, в том числе в области этико-экологического образования.

Такими дидактическими условиями эффективного применения ИОС являются:

- использование в образовательном процессе современных программных продуктов;
- адаптируемость проектируемых учебных курсов к использованию электронных форм обучения;
- использование сети Интернет для поиска и размещения педагогической информации;
- опора на достижения современных средств электронного обучения и разделов психологии, посвященных особенностям усвоения информации посредством информационных технологий;
- непрерывное повышение информационной компетентности педагогов;
- стимулирование педагогического творчества в области высоких технологий.

В рамках ИОС формируется *модель обучаемого*, которая может быть представлена в виде идеальной и виртуальной составляющих. К *идеальной модели* мы причисляем личностные качества, знания, умения, навыки обучаемого, составляющие четыре уровня: нравственно-этический, физиологический, духовные процессы и явления, знания и навыки личности. *Виртуальная модель* отображает личностные характе-

ристики обучаемого в электронном виде и представляется в ИОС в виде *портфолио обучаемого*.

Активное взаимодействие с ИОС позволяет формировать у обучаемых качественно необходимые навыки для дальнейшего *самообразования*, такие как:

- восприятие, формализация и структурирование информации;
- анализ и коррекция учебной деятельности на основе мониторинга комплекса ИОС в области этико-экологического образования;
- работа с различными информационными моделями и источниками информации;
- планирование учебной деятельности и постановка приоритетных целей для решения учебных задач на основе применения современных информационных технологий;
- развитие навыков принятия оперативных решений в сфере экологии;
- формирование вариативности и критичности мышления;
- усвоение информационной культуры междисциплинарного взаимодействия;
- консолидация коллективных видов деятельности.

Графическое представление нормативной модели обучаемого дано на рис. 3.

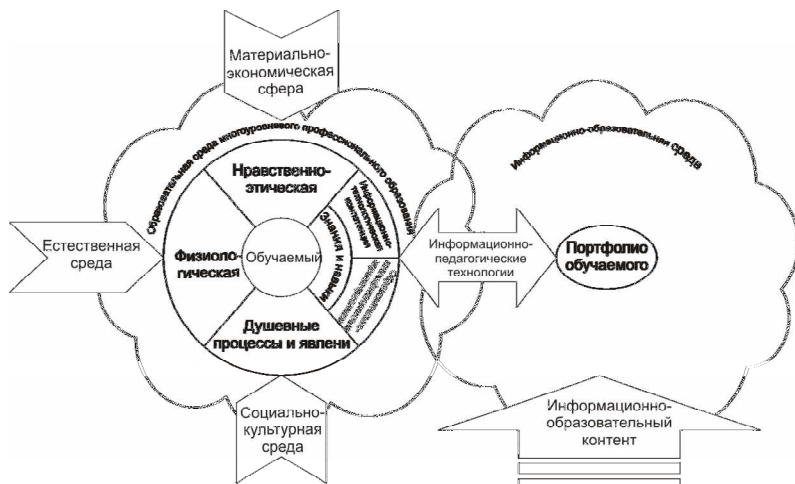

Рис. 3. Нормативная модель обучаемого в общей структуре ИОС

Таким образом, *средства информационных технологий*, входящие в структурную организацию ИОС, обеспечивают возможность не только предъявлять обучаемому объект изучения в наиболее наглядной форме, но и

организовывать его деятельность по преобразованию объекта: либо в форме достраивания модели, либо в форме ее видоизменения и реконструирования.

Методологическая составляющая ИОС обеспечивает надлежащий уровень информационной культуры обучаемых, формирование мотивации для электронного обучения, а также позволяет естественным образом войти в структуру единого образовательного пространства.

Дидактические возможности ИОС обеспечивают непрерывность, вариативность и открытость образования.

Наиболее полно отражает возможности реализации этико-экологического образования посредством информационных технологий концепция *региональной информационно-образовательной среды* (РИОС). Она определяется как программно-телекоммуникационная среда, «совокупность средств передачи данных, информационных образовательных ресурсов, программного и методического обеспечения, представляющих единые технологические средства для ведения учебного процесса, его информационной поддержки и документирования» [20] в системе Интернет любым учебным заведениям независимо от их профессиональной специализации и уровня.

Логическим завершением использования информационных технологий в обобщенной модели образования является формирование ***единого информационно-образовательного пространства*** (ЕИОП). Оно представляет собой совокупность локализованных пространств разного уровня, интегрированных в общую систему получения знаний, и раскрывается во взаимосвязи ИОС различных уровней (региона, страны, мирового сообщества). ЕИОП является конечной формой развития ИОС. Коренным отличием информационной среды от информационного пространства является то, что, не покидая одного информационного пространства, индивид может свободно перемещаться из одной информационной среды в другую или же одновременно находиться в нескольких разнородных информационных средах, которые могут восприниматься как единое целое.

Информационно-образовательное пространство как базис этико-экологического образования создается в результате жизнедеятельности социума и его сложных отношений с окружающей средой; оно взаимно восприимчиво ко всем инновациям в образовательной области.

Формирование информационно-образовательного пространства как инновационного средства ретрансляции и аккумуляции социального, культурного, экономического и научного потенциала общества и использование его в целях этико-экологического образования осуществляются в Республике Беларусь в соответствии с приоритетными задачами системы образования в целом. Основными из них являются: максимальная информатизация учебного процесса, развертывание электронных систем дистанционного обучения, создание материально-технической базы для

внедрения открытого образования, формирование единого образовательного пространства, ориентация на сбалансированное устойчивое развитие общества, не приводящее к катастрофическим последствиям ни в социальной, ни в природной сферах.

Вопросы и задания

1. Какие направления экологического образования в Республике Беларусь являются приоритетными на сегодняшний день? Какие вы считаете нужным добавить на ближайшую перспективу?

2. В чем, на ваш взгляд, состоит специфика экологического образования?

3. Какие факторы определяют концепцию эколого-этического образования в Беларуси? Выскажите свое отношение к ним.

4. В чем состоят основные цели и задачи эколого-этического образования?

5. Есть ли в вашем вузе курс «Основы экологической этики»? Если есть, выскажите свое отношение к нему: по содержанию, организации и методике изучения. Если нет, в какой форме осуществляется эколого-этическое образование в вашем вузе? Удовлетворяет ли оно вас? Что вы можете предложить для совершенствования эколого-этической подготовки специалиста?

6. Какую роль в эколого-этическом образовании играют информационные технологии?

7. Что такое информационная образовательная среда (ИОС)? Как вы можете оценить ее состояние в вашем вузе?

8. Какую роль играет ИОС в формировании модели обучаемого? Согласны ли вы с этой моделью?

9. Что такое единое информационно-образовательное пространство? Заинтересованы ли вы в его формировании и готовы ли к вступлению в него?

10. Эколого-этическое образование – это не только получение теоретических знаний, но и приобщение к практической деятельности. Свяжитесь с наиболее активной природоохранной общественной организацией в вашем городе, проанализируйте ее программу с точки зрения экологической этики и примите участие в ее акциях.

Список литературы

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский – СПб. : Айрис-Пресс, 2008. – 576 с.

2. Кундас, С. П. Экологическое образование в Республике Беларусь: состояние, проблемы и направления дальнейшего развития / С. П. Кундас, А. И. Тимошенко // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Педагогические науки. – 2005. – № 5. – С. 1–8.

3. Кундас, С. П. Международный государственный экологический университет имени А. Д. Сахарова – образовательная деятельность, научные исследования, международные связи / С. П. Кундас // Информационно-аналитический бюллетень Центра услуг для международных образовательных проектов. – 2004. – № 1. – С. 10–16.

4. Kundas, S. International Sakharov Environmental University – Educational and Research Activity in the Field of Ecology and Renewable Energy Sources / S. Kundas // Wissenschaftliche Zeitschrift der Hochschule Mittweida(FH). – 2007. – № 4. – P. 36–39.

5. Кундас, С. П. Радиоэкологическое образование в Беларуси / С. П. Кундас, А. И. Тимощенко // Экологическая антропология. – Минск, 2006. – С. 273–275.

6. Развитие инновационной деятельности в области возобновляемых источников энергии на базе международного экологического парка «Волма» / С. П. Кундас [и др.] // Экологический вестник. – 2007. – № 1. – С. 82–93.

7. Role of renewable energy sources in enhancement of environmental and energy security of Belarus / S. Kundas [et al.] // NATO Security through Science Series. Strategies to Enhance Environmental Security in Transition Countries. – Springer, 2007. – P. 279–294.

8. Мишаткина, Т. В. Педагогическая этика: учеб. пособие / Т. В. Мишаткина. – Ростов-н/Д. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 250 с.

9. Беляева, А. П. Тенденции развития профессионального образования / А. П. Беляева // Педагогика. – 2003. – № 6. – С. 21–27.

10. Гайсенон, В. А. Концептуальные основы профессионально-педагогического образования преподавателей высшей школы / В. А. Гайсенон, Л. И. Шумская, Э. М. Калицкий // Изв. Междунар. академии техн. образования. – 1998. – № 1. – С. 17–26.

11. Калицкий, Э. М. Концептуальные основы организации повышения квалификации профессионально-педагогических кадров в новых условиях / Э. М. Калицкий. – Минск : РИПО, 2003. – 374 с.

12. Шкляр, А. Х. Непрерывное профессиональное образование в интегративных структурах профессиональной школы (теория и практика) / А. Х. Шкляр. – Минск : РИПО, 1995. – 128 с.

13. Кравченя, Э. М. Средства обучения в педагогическом образовании / Э. М. Кравченя. – Минск : БГПУ, 2004. – 235 с.

14. Полат, Е. С. Телекоммуникации в учебно-воспитательном процессе в школе: метод. пособие для учителя / Е. С. Полат. – М. : Ин-т средств обучения РАО, 1993.

15. Цырельчук, Н. А. Непрерывное профессиональное образование: экспертная оценка ситуации [Беларусь] / Н. А. Цырельчук // Высшая школа. – 2003. – № 2. – С. 15–21.

16. Кундас, С. П. Информационные технологии в системе непрерывного экологического образования / С. П. Кундас, С. Н. Анкуда, Т. В. Корнеева // Единое образовательное пространство славянских государств в XXI веке: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., (5–6 апр. 2006 г., г. Брянск) / под ред. В. И. Аверченкова. – Брянск : БГТУ; СГА 2006. – С. 266–269.

17. Полат, Е. С. Интернет в гуманитарном образовании: учеб. пособие для студ. вузов / Е. С. Полат. – М. : Владос, 2001. – 271 с.

18. Полат, Е. С. Дистанционное обучение: учеб. пособие для студ. пед. вузов / Е. С. Полат. – М. : Владос, 1998. – 190 с.

19. Мельников, Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Г. П. Мельников; под ред. Ю. Г. Косарева. – М. : Сов. радио, 1978. – 368 с.

20. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития / А. М. Новиков. – М. : Эгвес, 2000. – 268 с.

Раздел 4 ПРАКТИКУМ

4.1. Международные документы по проблемам экологической этики

Методические рекомендации по организации и проведению обсуждения документов

Все участники обсуждения делятся на три-четыре группы. Каждая группа получает текст одного из следующих *Документов*:

4.1.1. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию;

4.1.2. Всемирная декларация прав животных;

4.1.3. Европейская конвенция по защите домашних животных;

4.1.4. О защите животных от жестокого обращения. Закон Украины № 3447-IV.

Работа в группах. Участникам предлагается выполнить следующие задания:

1. Провести этическую экспертизу документа и высказать свое понимание его содержания:

а) с точки зрения принятых в экоэтике понятий и принципов;

б) с точки зрения целесообразности и реальности внедрения предлагаемых норм.

2. По отношению к Документам, защищающим права животных, ответить на вопросы:

– Насколько применимы этические категории к правам животных?

– Как соотносятся права животных с правами человека?

– Какие положения вы бы внесли в Декларацию дополнительно?

– Какие положения из этих документов вы бы хотели видеть в законе Республики Беларусь о защите животных?

4.1.1. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию

Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (Декларация Рио), содержащая основные принципы экологического права, принята на конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия).

Декларация развивает положения, содержащиеся в декларации конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, принятой в Стокгольме 16 июня 1972 г., и содержит в себе 27 принципов экологически корректного поведения мирового сообщества. В декларации также определяются цели ее принятия.

Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию является одним из основных источников экологического права (права окружающей среды) большинства стран.

Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию

*Утверждена Конференцией ООН по окружающей среде
и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.*

Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, будучи создана в Рио-де-Жанейро с 3 по 14 июня 1992 г., подтверждая Декларацию Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, принятую в Стокгольме 16 июня 1972 г. и стремясь развить ее, преследуя цель установления нового, справедливого глобального партнерства путем создания новых уровней сотрудничества между государствами, ключевыми секторами общества и людьми, прилагая усилия для заключения международных соглашений, обеспечивающих уважение интересов всех и защиту целостности глобальной системы окружающей среды и развития, признавая комплексный и взаимозависимый характер Земли, нашего дома, провозглашает, что:

Принцип 1

Забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Они имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой.

Принцип 2

В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права, государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и развития и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции.

Принцип 3

Право на развитие должно быть реализовано, чтобы обеспечить справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в областях развития и окружающей среды.

Принцип 4

Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него.

Принцип 5

Все государства и все народы сотрудничают в решении важнейшей задачи искоренения бедности – необходимого условия устойчивого развития – в целях уменьшения разрывов в уровнях жизни и более эффективного удовлетворения потребностей большинства населения мира.

Принцип 6

Особому положению и потребностям развивающихся стран, в первую очередь наименее развитых и экологически наиболее уязвимых, придается особое значение. Международные действия в области окружающей среды и развития должны быть также направлены на удовлетворение интересов и потребностей всех стран.

Принцип 7

Государства сотрудничают в духе глобального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления здорового состояния и целостности экосистемы Земли. Вследствие своей различной роли в ухудшении состояния глобальной окружающей среды государства несут общую, но различную ответственность. Развитые страны признают ответственность, которую они несут в контексте международных усилий по обеспечению устойчивого развития с учетом стресса, который создают их общества для глобальной окружающей среды, и технологий и финансовых ресурсов, которыми они обладают.

Принцип 8

Для достижения устойчивого развития и более высокого качества жизни для всех людей государства должны ограничить и ликвидировать нежизнеспособные модели производства и потребления и поощрять соответствующую демографическую политику.

Принцип 9

Государства должны сотрудничать в целях укрепления деятельности по наращиванию национального потенциала для обеспечения устойчивого развития благодаря углублению научного понимания путем обмена научно-техническими знаниям и расширения разработки, адаптации, распространения и передачи технологий, включая новые и новаторские технологии.

Принцип 10

Экологические вопросы решаются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан – на соответствующем уровне. На национальном уровне каждый человек должен иметь соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая имеется в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах, и возможность участвовать в процессах принятия решений. Государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации. Обеспечивается эффективная возможность использовать судебные и административные процедуры, включая возмещение и средства судебной защиты.

Принцип 11

Государства принимают эффективные законодательные акты в области окружающей среды. Экологические стандарты, цели регламентации и приоритеты должны отражать экологические условия и условия развития, в которых они применяются. Стандарты, применяемые одними странами, могут быть неуместными и сопряженными с необоснованными экономическими и социальными издержками в других странах, в частности в развивающихся странах.

Принцип 12

Для более эффективного решения проблем ухудшения состояния окружающей среды государства должны сотрудничать в деле создания благоприятной и открытой международной экономической системы, которая привела бы к экономическому росту и устойчивому развитию во всех странах. Меры в области торговой политики, принимаемые в целях охраны окружающей среды, не должны представлять собой средства произвольной или неоправданной дискриминации или скрытого ограничения международной торговли. Следует избегать односторонних действий по решению экологических задач за пределами юрисдикции импортирующей страны. Меры в области охраны окружающей среды, направленные на решение трансграничных или глобальных экологических проблем, должны, насколько это возможно, основываться на международном консенсусе.

Принцип 13

Государства должны разрабатывать национальные законы, касающиеся ответственности и компенсации жертвам загрязнения и другого экологического ущерба. Государства оперативным и более решительным образом сотрудничают также в целях дальнейшей разработки международного права, касающегося ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведется под их юрисдикцией или контролем, районам, находящимся за пределами их юрисдикции.

Принцип 14

Государства должны эффективно сотрудничать с целью сдерживать или предотвращать перенос и перевод в другие государства любых видов деятельности и веществ, которые наносят серьезный экологический ущерб или считаются вредными для здоровья человека.

Принцип 15

В целях защиты окружающей среды государства в соответствии со своими возможностями широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды.

Принцип 16

Национальные власти должны стремиться содействовать интернационализации экологических издержек и использованию экономических средств, принимая во внимание подход, согласно которому загрязнитель должен, в принципе, покрывать издержки, связанные с загрязнением, должным образом учитывая общественные интересы и не нарушая международную торговлю и инвестирование.

Принцип 17

Оценка экологических последствий в качестве национального инструмента осуществляется в отношении предполагаемых видов деятельности, которые могут оказать значительное негативное влияние на окружающую среду и которые подлежат утверждению решением компетентного национального органа.

Принцип 18

Государства немедленно уведомляют другие государства о любых стихийных бедствиях или других чрезвычайных ситуациях, которые могут привести к неожиданным вредным последствиям для окружающей среды в этих государствах. Международное сообщество делает все возможное для оказания помощи пострадавшим от этого государствам.

Принцип 19

Государства направляют государствам, которые могут оказаться затронутыми, предварительные и своевременные уведомления и соответствующую информацию о деятельности, которая может иметь значительные негативные трансграничные последствия, и проводят консультации с этими государствами на раннем этапе и в духе доброй воли.

Принцип 20

Женщины играют жизненно важную роль в рациональном использовании окружающей среды и развитии. Поэтому их всестороннее участие необходимо для достижения устойчивого развития.

Принцип 21

Следует мобилизовать творческие силы, идеалы и мужество молодежи мира в целях формирования глобального партнерства, с тем чтобы достичь устойчивого развития и обеспечить лучшее будущее для всех.

Принцип 22

Коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды в силу их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития.

Принцип 23

Окружающая среда и природные ресурсы народов, живущих в условиях угнетения, господства и оккупации, должны быть защищены.

Принцип 24

Война неизбежно оказывает разрушительное воздействие на процесс устойчивого развития. Поэтому государства должны уважать международное право, обеспечивающее защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов, и должны сотрудничать, при необходимости, в деле его дальнейшего развития.

Принцип 25

Мир, развитие и охрана окружающей среды взаимосвязаны и неразделимы.

Принцип 26

Государства разрешают все свои экологические споры мирным путем и надлежащими средствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Принцип 27

Государства и народы сотрудничают в духе доброй воли и партнерства в выполнении принципов, воплощенных в настоящей Декларации, и в дальнейшем развитии международного права в области устойчивого развития.

Источник: документ ООН A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I), P. 3–7.

4.1.2. Всемирная декларация прав животных

Universal Declaration of Animal Rights

Принята Международной Лигой Прав Животных 23 сентября 1977 г. в Лондоне. Утверждена 15 октября 1978 г. в штабе ЮНЕСКО в Париже. Текст пересмотрен Международной Лигой Прав Животных в 1989 г., представлен Генеральному директору ЮНЕСКО в 1990 г. и обнародован в том же году. Не является официальным документом (см. <http://www.league-animal-rights.org/en-duda.html>)

Преамбула:

принимая во внимание, что Жизнь – едина, все живые существа имеют общее происхождение и приобрели различия в ходе видовой эволюции,

принимая во внимание, что все живые существа обладают естественными правами и что любое животное с нервной системой имеет определенные права,

принимая во внимание, что пренебрежение к этим естественным правам и даже незнание их причиняет серьезный вред природе и способствует совершению преступлений против животных,

принимая во внимание, что сосуществование видов подразумевает признание человеческим видом права других видов на жизнь,

принимая во внимание, что уважение животных человеком является неотделимым от уважения человека человеком,

объявляется, что:

Статья 1

Все животные имеют равные права на существование в условиях биологического равновесия. Равные права не отменяют признания различия видов и права на индивидуальность.

Статья 2

Все животные имеют право на уважение.

Статья 3

1. Животные не должны подвергаться ненадлежащему уходу или жестокому обращению.

2. Если необходимо убить животное, это должно происходить быстро, безболезненно и при условии предварительного введения животного в бессознательное состояние.

3. Недопустимо издевательство над телом животного.

Статья 4

1. Дикие животные имеют право жить и размножаться на свободе в естественной окружающей среде.

2. Длительное лишение свободы диких животных, охота и рыбалка как формы отдыха, так же, как и любое другое использование диких животных по причинам, которые не являются жизненно важными, противоречат этому фундаментальному праву.

Статья 5

1. Любое животное, находящееся в зависимости от человека, имеет право на надлежащий уход и заботу.

2. Домашнее животное не должно быть неоправданно брошено или убито.

3. Во всех формах разведения и использования животных необходимо учитывать их физиологию и естественное поведение, характерное для вида.

4. Выставки, фильмы, развлекательные мероприятия с участием животных не должны демонстрировать сцен насилия или издевательств.

Статья 6

1. Эксперименты на животных, вызывающие их физические или психологические страдания, нарушают права животных.

2. Необходимо систематически искать гуманные альтернативы экспериментам над животными.

Статья 7

Любое действие, приводящее к неоправданной гибели животного, и любое решение, ведущее к такому действию, являются преступлениями против жизни.

Статья 8

1. Любое действие, ставящее под угрозу выживание дикого вида, и любое решение, ведущее к такому действию, являются преступлениями против вида и аналогичны геноциду.

2. Массовое уничтожение диких животных, загрязнение и разрушение биосферы аналогичны геноциду.

Статья 9

1. Юридический статус животных и их права должны быть признаны законодательно.

2. Интересы безопасности и защиты животных должны учитываться на высоком государственном уровне.

Статья 10

Образовательные учреждения должны направлять свои усилия на воспитание в духе уважения к животным.

4.1.3. Европейская конвенция по защите домашних животных

СДСЕ № 125, Страсбург, 13.11.1987

Преамбула

Государства – члены Совета Европы, подписавшие конвенцию,
– принимая во внимание, что цель Совета Европы – достичь более близкого объединения его членов;

– признавая, что человек несет моральное обязательство уважать все живые существа, и имея в виду, что между человеком и домашним животным существуют особые отношения;

– принимая во внимание важность домашних животных и их влияние на образ жизни и в результате – их необходимость для общества;

– учитывая трудности, возникающие при огромном количестве видов животных, которых содержит человек;

– принимая во внимание риск для гигиены, здоровья и безопасности человека и других животных, присущий увеличению популяции домашних животных;

– принимая во внимание, что содержание представителей дикой фауны в качестве домашних животных не должно поощряться;

– учитывая различные причины, которыми руководствуются при покупке, содержании, коммерческом или некоммерческом разведении, передаче или продаже домашних животных;

– сознавая, что домашние животные не всегда содержатся в условиях, обеспечивающих им здоровье и нормальное существование;

– имея в виду, что отношение к домашним животным сильно различается, иногда из-за недостаточных знаний и осведомленности;

– принимая во внимание, что основные нормы отношения и обращения с домашними животными, заключающиеся в ответственности владельца, не только желательны, но и являются необходимыми,

пришли к следующему соглашению:

Глава I. Основные положения

Статья 1. Определения

1. Под ДОМАШНИМ ЖИВОТНЫМ подразумевается любое животное, которое содержит или собирается завести человек, в частности, в его домашнее хозяйство, для собственного удовольствия и дружеского общения.

2. Под ТОРГОВЛЕЙ ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ подразумеваются все регулярные деловые сделки в существенном объеме, совершаемые с целью получения прибыли и подразумевающие смену владельца.

3. Под КОММЕРЧЕСКИМ РАЗВЕДЕНИЕМ и СОДЕРЖАНИЕМ подразумевается, главным образом, разведение и содержание с целью получения прибыли в значительном объеме.

4. Под ПРИЮТОМ ДЛЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ подразумевается некоммерческое учреждение, где домашние животные могут содержаться в большом количестве. Такие учреждения могут принимать бездомных животных, если это предусматривается национальным законодательством и/или административными мерами.

5. Под БЕЗДОМНЫМИ ЖИВОТНЫМИ подразумеваются домашние животные, которые не имеют дома или находятся вне границ своего дома и без непосредственного надзора своего владельца.

6. Под КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ подразумевается учреждение, основанное государством.

Статья 2. Сфера и механизм выполнения

1. Каждая сторона обязуется принять все необходимые меры для проведения в жизнь положений данной Конвенции в отношении:

а) домашних животных, содержащихся частными или официальными лицами в домашнем хозяйстве или любом учреждении для торговли, коммерческого разведения и содержания, а также в приютах для животных;

б) то же относится к бездомным животным.

2. Ничто в данной Конвенции не должно мешать проведению в жизнь других мер по защите животных или мер по сохранению численности диких животных, находящихся под угрозой исчезновения.

3. Ничто в данной Конвенции не должно препятствовать свободе сторон принимать более строгие меры по защите домашних животных или добавлять к положениям, содержащимся ниже, те категории животных, которые не были указаны в данном документе.

Глава II. Принципы содержания домашних животных

Статья 3. Основные принципы благополучия животных

1. Никто не имеет права причинять животному ненужной боли, страданий или ущерба.

2. Никто не имеет права бросать домашнее животное.

Статья 4. Содержание

1. Любой человек, содержащий домашнее животное или согласившийся за ним присматривать, должен нести полную ответственность за его здоровье и благополучие.

2. Любой человек, содержащий домашнее животное или присматривающий за ним, должен обеспечить ему место для проживания, уход и заботу с учетом естественных потребностей и в соответствии с его породой и особенностями, в частности:

а) обеспечивать его в достаточном количестве подходящей ему пищей и водой;

б) удовлетворять его потребности в физической нагрузке;

в) принять все необходимые меры для предотвращения возможного побега животного.

3. Животное не должно содержаться в качестве домашнего, если:

а) не соблюдаются условия параграфа 2;

б) несмотря на соблюдение всех этих условий, животное не может приспособиться к неволе.

Статья 5. Разведение

Любой человек, подбирающий животное для разведения, должен нести ответственность за правильность учета всех его анатомических, физиологических и поведенческих особенностей, которые могут негативно сказаться на здоровье и состоянии потомства или матери.

Статья 6. Возрастные ограничения на приобретение животного

Никакое домашнее животное не может быть продано лицу моложе 16 лет без согласия его родителей либо лиц, их заменяющих.

Статья 7. Дрессировка

Никакое домашнее животное не должно дрессироваться способом, наносящим вред его здоровью и состоянию, особенно если его заставляют или используют средства, наносящие увечья, или вызывают ненужную боль, страдания и стресс.

Статья 8. Торговля, коммерческое разведение и содержание, приюты для животных

1. Любое лицо, которое ко времени вступления в действие данной Конвенции занималось торговлей, коммерческим разведением или содержанием домашних животных, или содержащее приют, должно в сроки, установленные каждой стороной, поставить в известность об этом компетентные органы. Любое лицо, намеревающееся заняться подобным видом деятельности, должно оповестить о своем намерении компетентные органы.

2. В этой декларации должно быть оговорено:

- а) виды животных, которые вовлечены в данную деятельность;
- б) ответственное лицо и его квалификация;
- в) описание помещения и оборудования, которое используется или будет использоваться.

3. Вышеперечисленная деятельность может осуществляться только в случае, если:

а) ответственное лицо обладает знаниями и навыками, необходимыми для данного вида деятельности, полученными либо в результате профессиональной подготовки, либо достаточного опыта работы с домашними животными;

б) помещение и оборудование, используемые в процессе данной деятельности, отвечают требованиям, изложенным в статье 4.

4. Компетентные органы должны определить соответствие декларации требованиям, предусмотренным параграфами 1 и 3. В случае если эти условия не соблюдаются, они должны рекомендовать меры, необходимые для благополучия животных, или они могут запретить начало или продолжение данного вида деятельности.

5. Компетентные органы должны, в соответствии с законодательством государства, контролировать, выполняются или нет данные условия.

Статья 9. Реклама, развлечения, выставки, соревнования, другие подобные мероприятия

1. Домашние животные не должны использоваться в рекламе, развлечениях, выставках, соревнованиях и других подобных мероприятиях, если не соблюдаются следующие условия:

а) организаторы не создали соответствующие условия для домашних животных, или же домашние животные содержатся не в соответствии с требованиями параграфа 2 статьи 4;

б) если здоровье и состояние домашних животных подвергаются риску.

2. Домашним животным не должны даваться никакие вещества, к ним не должно применяться такое обращение и такие приемы, которые способны повысить или понизить уровень их естественных возможностей:

а) во время соревнования или

б) в любое другое время, если это ведет к риску для здоровья и благополучия животных.

Статья 10. Хирургические операции

1. Хирургические операции с целью изменения внешнего вида или с другими нелечебными целями должны быть запрещены, в частности:

а) купирование хвоста; б) купирование ушей; в) оглушение; г) удаление ногтей и зубов.

2. Исключения возможны в случае:

а) если данные нелечебные операции необходимы по ветеринарно-медицинским соображениям или же для пользы данного конкретного животного; б) кастрации.

3. а) операции, во время которых животному, возможно, придется перенести острую боль, должны вестись ветеринаром при анестезии и только под его личным контролем;

б) операции, при которых анестезии не требуется, должны проводиться компетентным лицом и в соответствии с законодательством.

Статья 11. Усыпление

1. Только ветеринар или другое компетентное лицо могут усыплять домашних животных, за исключением чрезвычайных ситуаций, когда необходимо положить конец страданиям животного, а помощь ветеринара или другого компетентного лица не может быть оказана немедленно, а также в других экстремальных случаях, предусмотренных законодательством государства. Любое усыпление должно проводиться с причинением минимальных физических и моральных страданий в соответствии с обстоятельствами. Выбранный способ усыпления, за исключением экстремального случая, должен:

а) вызывать немедленную потерю сознания и смерть или

б) начинаться с погружения в глубокий наркоз, за которым последует этап, который однозначно приведет к смерти. Лицо, ответственное за усыпление, должно убедиться, что животное мертво, прежде чем тело будет ликвидировано.

2. Следующие методы усыпления должны быть запрещены:

а) утопление и другие методы удушения, если не соблюдаются условия параграфа 16;

б) использование ядовитых веществ и минералов, дозы, применение которых не может обеспечить эффекта, указанного в параграфе 1;

в) использование электрического тока, если этому не сопутствует мгновенная потеря сознания.

Глава III. Дополнительные меры по защите бездомных животных

Статья 12. Снижение численности

Если государство считает, что численность бездомных животных представляет для него проблему, оно должно принять законодательные и/или административные меры, необходимые для снижения их численности способами, которые не вызовут неизбежной боли, страдания или душевных мук. Данные меры должны соответствовать следующим требованиям:

а) если необходим отлов таких животных, то он должен производиться с причинением им минимальных физических и моральных страданий;

б) независимо от того, будут ли эти животные усыплены или содержаться в приюте, делаться это должно в соответствии с принципами данной Конвенции;

в) стороны признают необходимость:

– обеспечения возможности постоянной идентификации собак и кошек с помощью специальных методов, не причиняющих животным сильной изнуряющей боли, страданий и душевных мук, как при нанесении татуировки, а также ведение реестра номеров животных, фамилий и адресов их хозяев;

– снижения незапланированного размножения собак и кошек посредством их кастрации;

– поощрения нашедших бездомных собак и кошек сообщать об этом в компетентные органы.

Статья 13. Исключения при отлове, содержании и усыплении

Исключения из положений данной Конвенции, касающихся отлова, содержания и усыпления бездомных животных, могут быть сделаны только в случае их неизбежности в рамках общенациональной программы контроля над большими животными.

Глава IV. Информация и образование

Статья 14. Информационные и образовательные программы

Стороны обязуются способствовать развитию информационных и образовательных программ с целью обеспечения осведомленности и знаний о принципах и положениях данной конвенции среди организаций и лиц, занимающихся содержанием, ведением, дрессировкой и выращиванием животных. В этих программах внимание должно уделяться, в частности, следующим аспектам:

а) необходимости дрессировки домашних животных для любых коммерческих целей или для соревнований, осуществляемой лицами, имеющими соответствующие знания и навыки;

б) необходимости препятствовать:

– передаче домашних животных лицам моложе 16 лет без согласия их родителей или тех, кто их заменяет;

– вручению домашних животных в качестве призов, наград или премий;

– незапланированному размножению домашних животных;

в) возможным негативным последствиям для здоровья и нормального существования диких животных, если они были приобретены или содержатся как домашние животные;

г) риску безответственного приобретения домашних животных, ведущему к увеличению числа ненужных (владельцам) и брошенных животных.

Глава VII. Конечные положения

Статья 17. Подписание, ратификация, принятие, одобрение

Данная Конвенция должна быть открыта для подписания государствами – членами Совета Европы. Она является предметом ратификации, принятия или одобрения. Механизм ратификации, принятия или одобрения должен быть согласован с Генеральным Секретарем Совета Европы.

Статья 18. Вступление в силу

1. Данная Конвенция должна вступить в силу в первый день месяца, спустя шесть месяцев после принятия ее четырьмя государствами – членами Совета Европы в соответствии с положениями статьи 17.

2. Что касается государств-членов, которые впоследствии подпишутся под данной Конвенцией, она должна вступить в силу в первый день месяца, спустя шесть месяцев после рассмотрения, принятия и одобрения ее данным государством.

Статья 19. Подписание государствами - не членами

1. После вступления в силу данной Конвенции Комитет Министров Совета Европы может пригласить любое государство – не член Совета Европы подписать данную Конвенцию по решению, принятому большинством, согласно положениям статьи 20(3) Закона Совета Европы, и при единогласном решении представителей контрактных государств, имеющих право на место в Комитете Министров.

2. Что касается любого вступившего государства, Конвенция должна вступить в силу в первый день месяца, спустя шесть месяцев после рассмотрения и подписания Генеральным Секретарем Совета Европы.

Статья 20. Территориальный вопрос

1. Любое государство может, в течение времени подписания или рассмотрения механизма ратификации, принятия или одобрения, точно определить территорию или территории, на которые данная Конвенция будет распространяться.

2. Любая сторона может, в любую последующую дату, передать декларацию Генеральному Секретарю Совета Европы о распространении применения данной Конвенции на любую другую территорию, точно определенную декларацией.

Статья 22. Денонсирование (прекращение)

1. Любая сторона может в любое время денонсировать данную Конвенцию посредством извещения, адресованного Генеральному Секретарю Совета Европы.

2. Это денонсирование вступит в действие в первый день месяца, спустя шесть месяцев с даты передачи извещения Генеральному Секретарю.

Страны, правомочные представители которых, подписали данную Конвенцию: Австрия, Бельгия, Кипр, Дания, Франция, Германия, Греция, Исландия, Ирландия, Лихтенштейн, Италия, Люксембург, Мальта, Великобритания, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Северная Ирландия.

4.1.4. О защите животных от жестокого обращения

ЗАКОН УКРАИНЫ № 3447-IV от 21 февраля 2006 г.

Закон направлен на защиту животных от страданий и гибели вследствие жестокого обращения с ними, защиту их естественных прав и укрепление нравственности и гуманности общества. Ниже приводятся выдержки из данного Закона.

Раздел I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Определение терминов

животные – биологические объекты, принадлежащие к фауне: сельскохозяйственные, домашние, дикие, в том числе домашняя и дикая птица, меховые, лабораторные, зоопарковые, цирковые;

дикие животные – животные, естественной средой существования которых является дикая природа, в том числе те, которые находятся в неволе или полусвободных условиях;

домашние животные – собаки, коты и другие животные, которые в течение продолжительного исторического периода традиционно содержатся и разводятся человеком, а также животные видов или пород, искусственно выведенных человеком для удовлетворения эстетических нужд и нужд в общении, не имеющих, как правило, жизнеспособных диких популяций, состоящих из особей с аналогичными морфологическими признаками и существующих продолжительное время в их естественном ареале;

сельскохозяйственные животные – животные, которые содержатся и разводятся человеком для получения продуктов и сырья животного происхождения;

беспризорные животные – домашние животные, оставшиеся без ухода человека или образовавшие полусвободные группировки, способные размножаться вне контроля человека;

экспериментальное животное – животное, используемое для проведения научных опытов, экспериментов;

этаназия – гуманные методы умерщвления животных, исключающие их предсмертные страдания;

жестокое умерщвление животных – умерщвление животных без применения обезболивающих средств, предотвращающих ощущение животными боли и страха;

биостерилизация – лишение животных хирургическим путем способности к воспроизведению потомства (репродуктивной способности);

жестокое обращение с животными – издевательство над животными, содеянное с применением жестоких методов или из хулиганских мотивов, а также натравливание животных друг на друга, содеянное из хулиганских или корыстных мотивов;

гуманное отношение к животным – действия, отвечающие требованиям защиты животных от жестокого обращения и предусматривающие доброжелательное отношение к животным, содействие их благо, улучшение качества их жизни и т. п.

Статья 2. Нормативно-правовое регулирование защиты животных от жестокого обращения

Нормативно-правовое регулирование защиты животных от жестокого обращения осуществляется данным Законом, законами Украины «О животном мире», «Об охране окружающей естественной среды», «О ветеринарной медицине», «Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения», «О защите населения от инфекционных болезней» и другими нормативно-правовыми актами, принятыми в соответствии с ним.

Статья 3. Сфера действия данного Закона

Действие данного Закона распространяется на отношения, возникающие в связи с содержанием животных и обращением с ними физических и юридических лиц.

Действие данного Закона распространяется на следующие виды деятельности:

- скотоводство, включая племенное скотоводство;
- обращение с животными на территории государственных природоохранительных заповедников и на других особо охраняемых природоохранительных территориях;
- охота, охотничье хозяйство, рыболовство; содержание домашних животных и племенная работа с ними;
- использование животных в цирках, зоопарках, на выставках и других зрелищных мероприятиях;
- использование животных в спорте, в сфере отдыха и развлечений людей;
- использование животных в научно-исследовательских и учебных целях, в тестировании;
- использование животных в производстве, в том числе в производстве биологических препаратов;
- другие виды деятельности, оказывающие влияние на животных.

Действие данного Закона распространяется на обращение с животными независимо от формы собственности и других вещевых прав на них.

Статья 4. Основные принципы защиты животных от жестокого обращения

Обращение с животными базируется на следующих принципах:

- жестокое обращение с животными является несовместимым с требованиями нравственности и гуманности, служит причиной морального вреда человеку;
- обеспечение условий жизни животных, соответствующих их биологическим, видовым и индивидуальным особенностям;
- право собственности и другие вещественные права на животных в случае жестокого обращения с ними могут быть прекращены в соответствии с данным Законом;
- запрет жестоких методов умерщвления животных; ответственность за жестокое обращение с животными;
- содержание и обращение с домашними животными без цели причинения вреда как окружающим, так и самому животному.

Статья 5. Запрет пропаганды жестокого обращения с животными

Запрещаются пропаганда жестокого обращения с животными, призывы к жестокому обращению с ними, а также пропаганда охоты в системе дошкольного, общего среднего, профессионально-технического и высшего образования.

Запрещается использование в развлекательных или коммерческих целях материалов, демонстрирующих жестокое обращение с животными.

Статья 6. Воспитание гуманного отношения к животным

Воспитание гуманного отношения к животным является важной составляющей этического, культурного и экологического воспитания граждан.

Воспитание гуманного отношения к животным предусматривает формирование высокого уровня эколого-этического сознания и культуры граждан.

Воспитание гуманного отношения к животным обеспечивается путем преподавания курсов по экологической этике и гуманному отношению к животным в дошкольных учебных заведениях, в системе общего среднего, профессионально-технического и высшего образования.

Раздел II. ПРАВИЛА СОДЕРЖАНИЯ ЖИВОТНЫХ, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ЖЕСТОКОСТЬ

Статья 7. Общие правила содержания животных, исключая жестокость

Условия содержания животных должны соответствовать их биологическим, видовым и индивидуальным особенностям.

Условия содержания животных должны удовлетворять их естественным нуждам в пище, воде, сне, движениях, контактах с подобными себе животными, в естественной активности и других потребностях.

Количество содержащихся животных ограничивается возможностью обеспечения им условий содержания в соответствии с требованиями данного Закона.

Место содержания животных должно быть обустроено таким образом, чтобы обеспечить необходимое пространство, температурно-влажный режим, естественное освещение, вентиляцию и возможность контакта животных с естественной для них средой.

Статья 10. Ветеринарное обслуживание животных

Лицо, содержащее животное, обязано обеспечить своевременное предоставление ему ветеринарной помощи.

В случае возникновения подозрения на наличие у животного заболевания лицо, содержащее его, обязано немедленно изолировать такое животное и обратиться к ветеринарному врачу.

Ветеринарные процедуры в отношении животных могут проводить только лица, имеющие соответствующее специальное образование.

Ветеринарное обслуживание должно включать услуги по эвтаназии животных или новорожденного приплода животных.

Статья 15. Приюты для животных

Для удержания беспризорных животных создаются приюты для животных.

Приюты для животных могут создаваться органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями независимо от форм собственности, общественными и благотворительными организациями и физическими лицами.

Приюты для животных проводят свою деятельность за счет средств их собственников, а также любых иных не запрещенных законом источников.

Местные бюджеты могут предусматривать средства на создание приютов для животных и возмещение затрат приютам по содержанию животных независимо от форм собственности.

Положение о приюте для животных утверждается центральным органом исполнительной власти по вопросам ветеринарной медицины.

Статья 17. Умерщвление животных

Умерщвление животных допускается:

- для получения хозяйственной полезной продукции;
- для прекращения страданий животных, если они не могут быть прекращены другим способом;
- при необходимости умерщвления новорожденного приплода животных;
- при регулировании численности диких животных и животных, не содержащихся человеком, но находящихся в условиях, полностью или частично создаваемых деятельностью человека;
- при необходимости умерщвления отдельных животных, больных бешенством или другим особо опасным заболеванием или если они являются носителями особо опасного заболевания;
- при необходимости обороны от нападения животных, если жизнь или здоровье людей находится в опасности.

При умерщвлении животных должны соблюдаться следующие требования:

- умерщвление проводится методами, исключающими предсмертные страдания животных;
- помещение, где проводится умерщвление, должно быть отделено от помещения, где содержатся другие животные;
- запрещается использовать негуманные методы умерщвления животных, приводящие к гибели от удушья, электрического тока, болевых инъекций, отравления, курареподобных препаратов, перегрева и другие болевые методы;
- переработка животных разрешается только после их умерщвления;
- умерщвление страдающих животных проводится немедленно, если их страдание невозможно прекратить иным образом.

Раздел III. ПРАВИЛА ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ЖЕСТОКОСТЬ

Статья 18. Общие правила обращения с животными, исключая жестокость

При обращении с животными *не допускается*:

- использование оснащений, инвентаря, травмирующих животных;
- принуждение животных к выполнению неестественных для них действий, приводящих к травмам;
- нанесение побоев, травм с целью принуждения животных к выполнению любых требований;
- использование животных в условиях чрезмерных физиологических нагрузок и т. п.

При проведении болевых процедур *обязательно* применение обезболивающих препаратов.

Запрещается:

- разведение животных с выявленными генетическими изменениями, причиняющими им страдание;
- разведение животных с наследственно закрепленной агрессивностью;
- принуждение нападения одних животных на других, кроме случаев использования собак охотничьих пород, других ловчих зверей и птиц для охоты;

- проведение генетических изменений на животных;
- применение к животным фармакологических и механических средств допинга;
- другие действия или бездействие, противоречащие принципам защиты животных от жестокого обращения.

Статья 24. Вылов и временная изоляция домашних животных

Собаки, независимо от породы, принадлежности и назначения, в том числе и имеющие ошейники с номерными знаками и намордники, но находящиеся без владельца на улицах, площадях, рынках, в скверах, садах, на бульварах, пляжах, в общественном транспорте, дворах и других общественных местах, считаются беспризорными и подлежат отлову.

Временной изоляции подлежат собаки, коты и другие домашние животные в случае, если на то есть соответствующее решение органов санитарно-эпидемиологической службы и ветеринарной медицины, а также те, которые нанесли телесные повреждения человеку или другому домашнему животному.

Временная изоляция домашних животных может проводиться в принудительном порядке, если домашнее животное является опасным для окружающих.

Временно изолированные домашние животные в течение семи дней со дня их улова должны быть обследованы и после заключений государственного учреждения ветеринарной медицины о состоянии здоровья животных возвращены их обладателям (после уплаты затрат на обследование и содержание), а в случае выявления обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью окружающих, передаются специализированным организациям для дальнейшего лечения или умерщвления.

Для обеспечения вылова и временной изоляции собак, котов и других домашних животных органами местного самоуправления могут создаваться коммунальные службы или предприятия по вопросам содержания и обращения с животными в населенных пунктах в соответствии с местными программами регулирования численности животных в населенных пунктах.

Вылов собак, котов и других домашних животных отдельными гражданами запрещается, кроме случаев, когда эти животные являются опасными для окружающих и проявляют агрессивность, создавая угрозу безопасности людей.

Вылов собак, котов и других домашних животных, как правило, проводится при отсутствии посторонних лиц с 5 до 7 часов или после 20 часов (летом после 22 часов).

Выловленные беспризорные домашние животные в течение семи дней со дня их улова обязательно содержатся на карантинных площадках службы или предприятия, осуществляющего вылов, и могут быть возвращены их обладателям с разрешения ветеринарного учреждения после предъявления регистрационного удостоверения и оплаты стоимости затрат на улов и содержание.

Выловленные бродячие домашние животные в течение пяти дней со дня их улова содержатся на карантинных площадках службы или предприятия, осуществляющих вылов, и могут быть переданы специализированным организациям по их желанию для передачи их в специализированные приюты.

Если в течение двух месяцев с момента заявления о задержании беспризорного животного не будет выявлено его обладателя или он не заявит о своем праве на него, право собственности на это животное переходит к лицу, у которого оно было на иждивении и в пользовании.

В случае отказа лица, у которого беспризорное животное было на иждивении и в пользовании, от обретения права собственности на него, это животное переходит в собственность территориальной общины, на территории которой оно было выявлено.

Возвращенные владельцам животные подлежат прививке против бешенства.

Обладатели обязаны в течение тридцати дней содержать таких животных в изолированном помещении и по указанию ветеринарного учреждения доставлять их для осмотра.

Статья 26. Правила обращения с животными, используемыми в научных экспериментах, тестировании, учебном процессе, производстве биологических препаратов

Использование животных в научных экспериментах, биологическом тестировании, учебном процессе допускается лишь в случае отсутствия возможности замены их другими альтернативными методами и объектами.

Перечень альтернативных методов и объектов для использования вместо экспериментальных животных разрабатывается и утверждается центральным органом исполнительной власти по вопросам науки и образования.

Работа с экспериментальными животными может проводиться при наличии разрешения на проведение такого вида деятельности, выданного Комитетом по вопросам этики (биоэтики) центрального органа исполнительной власти по вопросам науки и образования.

Комитет по вопросам этики (биоэтики) действует на основании положения, утвержденного центральным органом исполнительной власти по вопросам науки и образования.

К работе с экспериментальными животными допускаются лица, имеющие высшее медицинское, ветеринарное, зоотехническое, биологическое или фармацевтическое образование, полученное в высших учебных заведениях III-IV уровней аккредитации.

Процедуры на экспериментальных животных, независимо от их целей с возможной опасностью травм животных или причинением им острых или продолжительных болевых раздражений, проводятся в условиях обезболивания.

Экспериментальное животное, уже использовавшееся в процедуре, может использоваться в следующей процедуре лишь после приведения его состояния здоровья к нормальному и при условии, если:

- во время новой процедуры к животным применяется общая анестезия;
- следующая процедура предусматривает лишь незначительные вмешательства.

Запрещается использование в научных экспериментах, тестировании, учебном процессе животных, тяжело переносящих неволю, закрытое пространство, дрессировку.

Запрещается применение:

- девокализации животных (лишение хирургическим путем возможности животных издавать звуки);
- травмирующих методов при снятии из животных клеток.

Запрещается демонстрировать на животных в учебных целях в случае, если демонстрирующиеся явления могут быть показаны на безжизненных объектах, в том числе демонстрация рефлекторной деятельности организма.

Во время проведения практических работ в учебном процессе запрещается требовать от студентов выполнения процедур, приводящих к смерти или травмам животных, если это противоречит их моральным или религиозным принципам. В этих случаях такие формы практической работы должны быть заменены другой задачей.

Эксперименты на животных, связанные с хирургическим и другим приносящим вред влиянием, не могут проводиться при участии или в присутствии лиц школьного возраста.

Животным, используемым в научных экспериментах, тестировании, учебном процессе, предоставляется квалифицированный уход.

Нежизнеспособное экспериментальное животное умерщвляется методами эвтаназии к наступлению у животного страданий. Методом эвтаназии для экспериментальных животных являются передозировки анестетиков.

Уборка трупа возможна лишь тогда, когда смерть будет констатирована лицом, ответственным за работу с животными.

Раздел IV. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Статья 27. Государственная политика в сфере защиты животных от жестокого обращения

Государственная политика в сфере защиты животных от жестокого обращения проводится в следующих основных направлениях:

- контроль соблюдения законодательства о защите животных от жестокого обращения;
- установление единых норм в сфере защиты животных от жестокого обращения;
- пропаганда гуманного обращения с животными, разработка и внедрение образовательных программ по охране и защите животных от жестокого обращения;
- установление ответственности за нарушение законодательства о защите животных от жестокого обращения.

Статья 31. Полномочия центрального органа исполнительной власти по вопросам науки и образования в сфере защиты животных от жестокого обращения

К полномочиям центрального органа исполнительной власти по вопросам науки и образования в сфере защиты животных от жестокого обращения принадлежат:

- контроль соблюдения требований данного Закона во время проведения научных экспериментов;
- утверждение перечня научных учреждений, имеющих право проводить опыты на животных;
- выдача разрешений на проведение научных экспериментов над животными;
- установление порядка проведения научных опытов, экспериментов на животных;

- утверждение альтернативных методов и объектов для получения научных данных;
- осуществление других полномочий в сфере защиты животных от жестокого обращения в соответствии со своей компетенцией.

Раздел V. ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Статья 33. Общественный контроль в сфере защиты животных от жестокого обращения

Общественный контроль в сфере защиты животных от жестокого обращения осуществляется общественными инспекторами по охране окружающей естественной среды.

Общественные инспектора по охране окружающей естественной среды имеют право составлять протоколы по фактам жестокого обращения с животными. Эти протоколы рассматриваются соответствующими органами исполнительной власти по вопросам охраны окружающей естественной среды.

Общественные инспектора охраны окружающей естественной среды в сфере защиты животных от жестокого обращения:

- принимают участие в проведении совместно с работниками государственных учреждений ветеринарной медицины рейдов и проверок по соблюдению предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами законодательства о защите животных от жестокого обращения;
- предоставляют помощь органам государственного контроля в сфере защиты животных от жестокого обращения в плане деятельности по предотвращению правонарушений в сфере защиты животных от жестокого обращения.

Статья 34. Контроль общественных организаций в сфере защиты животных от жестокого обращения

Контроль в сфере защиты животных от жестокого обращения может осуществляться общественными организациями, уставной целью которых является защита животных от жестокого обращения.

Общественные организации в сфере защиты животных от жестокого обращения:

- принимают участие в проведении государственными органами управления в сфере защиты животных от жестокого обращения проверок выполнения предприятиями, учреждениями и организациями планов и мероприятий, связанных с защитой животных от жестокого обращения;
- ставят перед соответствующими органами государственной власти вопрос о конфискации животных и ответственности лиц, их содержащих, в соответствии с действующим законодательством, в случае выявления фактов жестокого обращения с животными;
- подают в суд иски о возмещении вреда, причиненного вследствие нарушения законодательства о защите животных от жестокого обращения, в том числе здоровью граждан и имуществу общественных организаций.

Общественные организации, уставной целью которых является защита животных от жестокого обращения, имеют право получать от органов государствен-

ной власти и органов местного самоуправления информацию, необходимую для реализации ими своих уставных целей и задач.

Деятельность общественных организаций в сфере защиты животных от жестокого обращения осуществляется в соответствии с законодательством Украины на основе их уставов.

Статья 35. Ответственность за нарушение требований данного Закона

За нарушение требований данного Закона виновные лица несут криминальную, административную и гражданско-правовую ответственность согласно закону.

4.2. Тексты для анализа

Методические рекомендации по организации и проведению обсуждения текстов

Все участники обсуждения делятся на три-четыре группы. Каждая группа выбирает для анализа один из следующих **текстов**:

4.2.1. О. Леопольд. «Календарь песчаного графства»

4.2.2. Б. Кэлликотт. «Природоохранные ценности и этика»

4.2.3. П. Тейлор. «Пять принципов приоритетности в разрешении конфликтных ситуаций с позиции экологической этики»

4.2.4. П. Сингер. «Будущее Движения освобождения животных»

Работа в группах. Участникам предлагается выполнить следующие задания:

1. Каждой группе провести этическую экспертизу текста и подготовить его коллективную презентацию с собственными комментариями.

2. Остальные студенты задают вопросы и принимают участие в обсуждении.

3. Студентам предлагается высказать собственное критичное отношение к идеям, излагаемым в текстах.

4.2.1. О. Леопольд. «Календарь песчаного графства»

Конспект разделов книги

Новая этика земли

«Мы пока не научились ценить дикую природу как фактор социального благополучия. Одни утверждали, что дикую природу надо сохранить как источник мяса, другие – как источник денег, третьи, четвертые, пятые и так далее считали, что ее необходимо сохранять в интересах науки, воспитания молодежи, сельского хозяйства, искусства, здравоохранения и даже военной готовности» (с. 194).

Таким образом, мы сопоставляем несопоставимое. Это разные вещи, все в равной мере ценные: «Значит, если мы способны жить без гусиной музыки, с тем же успехом мы можем покончить со звездами, закатами и «Илиадами». Но суть в том, что мы были бы глупцами, если бы покончили с ними» (с. 197).

Отсюда происходит ценностная деформация развлечений на лоне природы. Например, охоты. Увлечения – это бунт против стереотипов. А настоящий охотник основывается на спортивном кодексе и пытается общаться с животными.

Человечеству необходима «этика земли». «Этика – это своего рода замороженный общественный инстинкт» (с. 201). Он проходит свои стадии эволюции,

все более расширяя категории, к которым относится. Так, этические правила Древней Греции не распространялись на рабов (человеческий скот). Затем произошёл трудный отказ от рабства и перенесение категорий этики на отношения человека и общества. «Развитие этики можно выразить не только через философские, но и через экологические понятия. Этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика в философском смысле – это различие общественного и антиобщественного поведения» (с. 200).

«Все сложившиеся до сих пор этические системы опираются на одну предпосылку – индивид является членом сообщества, состоящего из взаимосвязанных частей. Инстинкт побуждает его соперничать за место в обществе, но этика одновременно побуждает его к сотрудничеству.

Этика земли попросту расширяет пределы общества, включая в него почвы, воды, растения и животных, которые все вместе объединяются словом «земля».

Этика земли меняет роль человека, превращая его из завоевателя сообщества, составляющего землю, в рядового и равноправного его члена» (с. 202).

«Изменения растительного покрова воздействовали на ход истории» (с. 204). О. Леопольд иллюстрирует это высказывание событиями эпохи американских первопоселенцев, которые продвигались в глубь континента, по течению Миссисипи, следуя за тростниковыми землями.

Этика земли возлагает на человека необходимость охраны природы. «Охрана природы – это состояние гармонии между человеком и землей» (с. 205). В качестве первого шага охраны природы предполагается «всемерно расширять экологическое просвещение». Но «Обязательства обретают силу лишь в сочетании с совестью, и перед нами стоит задача сделать объектом общественной совести не только людей, но и землю» (с. 207). Совесть – это внутренний фактор, она не может опираться на соображения экономической ценности. Нечто может быть экономически не ценно, но вследствие сложных взаимосвязей в биоте привести к ее гибели. Кроме того, до какой степени государству будет хватать денег на природоохранительные мероприятия и экономические поощрения? Здесь нужна мораль, а не экономика.

«Этика, дополняющая и контролирующая экономическое отношение к земле, предполагает существование мысленного образа земли как биологического механизма» (с. 212). Классическая пирамида выглядит так. Это сложная система, взаимосвязи внутри которой представляют собой пищевые взаимоотношения элементов. Количество особей каждой ступени уменьшается от нижней к верхней. «Человек стоит на одной из промежуточных ступеней, рядом с медведями, енотами и белками, которые едят как мясную, так и растительную пищу» (с. 213). Связь между ступенями такова, что каждую последующую ступень кормят все необходимые звенья нижележащих. Далее смерть и тление возвращают вещества в землю – это такой же необходимый элемент, как и все цепи питания, потому как почва – это самая низшая ступенька, питающая все высшие. «Когда в одной части системы происходит изменение, многие другие части вынуждены приспосабливаться к нему» (с. 214). По мере эволюции все цепи удлиннялись и усложнялись. Эволюционные изменения происходили медленно. Человек со своими орудиями получил возможность влиять быстро и сразу на многие звенья цепи. Что важно понять из всего этого современному человеку:

1) земля – это не просто почва;

2) местные растения и животные поддерживали энергетическую систему в действии, ввезенные же, возможно, сохранят ее, а возможно, разрушат;

3) изменения, вносимые человеком, отличаются от эволюционных изменений, и последствия их бывают гораздо опаснее, чем предполагалось или предвиделось (с. 215).

Все это приводит к «дезорганизации» жизни под воздействием человеческого фактора. Но оно неминуемо, поэтому важно помнить, что «чем менее бурны и насильственны производимые человеком изменения, тем больше вероятность успешной перестройки пирамиды» (с. 217). «Этика земли отражает существование экологической совести, а тем самым и убеждение в индивидуальной ответственности за здоровье земли. Здоровье земли заключается в ее способности к самообновлению. И охрана природы воплощает наши попытки понять и сохранить эту способность» (с. 218). О. Леопольд выделяет два типа мировоззрения в рамках охраны природы. А – отношение к земле как к почве. Б – отношение к земле как к биоте. Люди типа А занимаются не спасением колодца, а усовершенствованием насоса. Они воплощают классическую науку о сельском хозяйстве, которая зародилась раньше экологии и поэтому сложнее трансформируется. Этика земли должна основываться на любви и уважении к природе, на благоговении перед ее ценностью (но не экономической, а философской ценностью). Какие есть препятствия на пути развития этики земли?

1. Образовательная система (отсутствие полноценного экологического образования).

2. Экономическая система. Бережное обращение с землей – не экономическая проблема. Надо отказаться от «экономического детерминизма».

Но развитие этики земли – дело не только эмоций, но и ума. Нужно изучать биоты.

«Способность видеть культурную ценность дикой природы в конечном счете сводится к интеллектуальной скромности. Поверхностный суперсовременный человек, полностью утративший связь с землей, считает, будто он точно знает, что важно, а что нет. Только истинный ученый понимает, что нетронутая дикая природа придает определенность и смысл человеческой деятельности» (с. 234).

«Система воздействия [этики земли] та же, что и в любой другой этике, – общественное одобрение хороших действий, общественное порицание действий дурных».

Отношения с дикой природой

«Дикая природа – это сырье, из которого человек выковал изделие, именуемое цивилизацией» (с. 222). «Выбранные для ее сохранения участки неизбежно должны заметно различаться в размерах и степени дикости» (с. 223). Но иногда маленьких и разрозненных кусочков недостаточно, чтобы сохранить определенные виды.

Зачем нам дикая природа?

«Участки дикой природы – это и возможность сохранить искусство путешествий в его первозданном виде, особенно с помощью каноэ или вьючных лошадей» (с. 228).

Дикая природа нужна науке. Попытки сохранить здоровье земли редко оборачивались успехом. В общем-то проблема в том, что мы все болезни земли ле-

чим локально. Но, чтобы понимать механизмы здоровой земли, надо иметь хоть какие-то нетронутые участки для ее изучения.

Дикая природа нужна для диких животных. Так, национальные парки совершенно бессильны сохранить крупных хищников. Отсюда возникает еще ряд проблем. На самом деле, «любая программа охраны или восстановления дикой природы – это арьергардный бой в попытке свести потери при отступлении до минимума» (с. 234).

Главное – эстетика. Современного человека тянет к природе. И за возможность охотиться или даже просто видеть дикую природу человек способен заплатить огромные деньги. Почему? «А потому, что дикие создания, на которых он охотится, ускользнули от него, и он надеется с помощью некромантии законов, субсидий, региональных планов, реорганизации департаментов или иных форм массовых благих пожеланий заставить их вернуться» (с. 236).

Итак, почему мы ищем соприкосновения с природой? Потому что оно доставляет нам удовольствие. Существует несколько ступеней развития этого удовольствия, как в филогенезе, так в онтогенезе, так и в социогенезе:

1. Идея трофея. Природа ценна, потому что позволяет осуществлять поиск и обретение трофеев. «С ростом массовости методы сохранения дикой природы начинают все больше опираться именно на искусственность, и ценность трофеев снижается» (с. 239).

2. Добыча косвенных трофеев, ведь трофеи могут быть разными: от чучел до фотографий.

3. Ощущение уединенности среди природы. «Восприятие естественных процессов, благодаря которым земля и все живое на ней обрели свои особые формы (эволюция), а также поддерживают свое существование (экология)» (с. 242). «Главное свойство восприятия заключается в том, что оно не сопряжено ни с потреблением, ни со снижением ценности каких бы то ни было ресурсов». «Развитие восприятия – вот единственная истинно творческая сторона обеспечения отдыха на природе» (с. 243).

Ощущение деятельного соприкосновения с землей.

«Примитивные формы активного отдыха на природе пожирают собственную базу, тогда как высшие формы хотя бы в некоторой степени обеспечивают удовлетворение почти или вовсе без вреда для земли и жизни» (с. 246).

Леопольд, О. Календарь песчаного графства. – М., 1983.

4.2.2. Б. Кэлликотт. «Природоохранные ценности и этика»

Для меня непостижимо, что этические отношения с землей могут существовать без любви, уважения и восхищения землей и высокого уважения к ее ценности.

Под ценностью, конечно, я имею в виду что-то гораздо более широкое, чем простая экономическая ценность;

я имею в виду ценность в философском смысле.

О. Леопольд, 1949 г.

Ценность биоразнообразия

Биологи охраны природы часто рассматривают ценность биоразнообразия как данную. ...Внутренняя или присущая ценность – это ценность, которой что-то обладает как самоцелью. Внутренняя ценность человеческих существ редко оспаривается. Внутренняя ценность негуманоидных природных существ и природы как целого была предметом больших противоречий. Вероятно поскольку предложение о том, что негуманоидные природные существа и природа могут также иметь внутреннюю ценность, является таким новым и противоречивым, некоторые выдающиеся защитники окружающей среды (напр., Myers, 1983) предпочитали давать чисто утилитарное рациональное обоснование для сохранения биоразнообразия. Точка зрения о том, что биоразнообразие обладает ценностью только как средство достижения человеческих целей, называется антропоцентрической (сконцентрированной на человеке). С другой стороны, точка зрения о том, что биоразнообразие является ценным просто потому, что оно существует независимо от его использования человеческими существами, называется биоцентрической.

Инструментальная ценность

Антропоцентрическая инструментальная (или утилитарная) ценность биоразнообразия может быть разделена на три базовые категории – вещи, услуги и информация. Психологически-духовная ценность биоразнообразия является, возможно, четвертым видом антропоцентрической утилитарной ценности.

Внутренняя ценность

В отличие от инструментальной ценности внутренняя ценность не является делимой на категории. Обсуждение внутренней ценности сфокусировалось на двух других вопросах: видах вещей, которые могут обладать внутренней ценностью, и тем, существует ли внутренняя ценность объективно или она присваивается субъективно.

В ответ на растущую озабоченность разрушением людьми негуманоидной жизни, некоторые современные философы порвали с западными религиями и философской традицией и приписывали внутреннюю ценность под любым именем следующему: животным с ясным сознанием (Regan, 1983); способным чувствовать животным (Warnock, 1971); всем живым существам (Taylor, 1986); видам (Callicott, 1986; Rolston, 1988; Johnson, 1991) и эволюционным процессам (Rolston, 1988). Леопольд (1949, 1953) приписывал «ценность в философском смысле» – под которой он мог иметь в виду только то, что философы называют «внутренней ценностью», – «земле», определенной как «все из вещей на, над или

в земле» (Callicott, 1987). Суле (1985) категорически утверждает, что «биотическое разнообразие обладает внутренней ценностью», а Эренфельд (1988) считает, что «ценность является внутренней частью разнообразия».

...Внутренняя и инструментальная ценности не являются взаимоисключающими; многие вещи могут цениться одновременно за их полезность и ради самих себя. ...Вопрос внутренней ценности разделяет сторонников охраны природы на две подозрительные друг к другу фракции – антропоцентристов и биоцентристов.... Инструментальная оценка биоразнообразия и ее внутренняя оценка «сливаются» в идентичных природоохранных политиках, на взгляд Нортон; таким образом, нам в действительности нет необходимости апеллировать к внутренней ценности биоразнообразия, чтобы обосновать природоохранную политику.

Денежное выражение ценности биоразнообразия

Денежное выражение ценности биоразнообразия является технической задачей для экономистов. ...Даже внутренняя ценность биоразнообразия может быть принята во внимание в экономических оценках природоохранных целей.

...Дикий вид, который обладает рыночной ценностью, подвержен чрезмерному промыслу, когда права собственности на него не могут быть закономерно утверждены и поддержаны. Это приводит к трагедии общественных земель (Nardin, 1968). Если ресурсом можно владеть (либо частным, либо общественным образом) и права собственности на него могут поддерживаться, тогда вид будет сохранен, как гласит теория, потому что владелец не будет испытывать искушения «зарезать курицу, которая несет золотые яйца».

Потенциальные блага – новая пища, топливо, лекарства и т. п. – не имеют рыночной цены, очевидно потому, что они остаются неизвестными или неразвитыми. ...Биоразнообразие может быть приписана «цена возможности», определенная как «количество людей, которые были бы согласны заплатить заранее, чтобы гарантировать возможность будущего использования» (Raven et al., 1992). Цена возможности любого данного неоткрытого или неопisanного вида может быть очень небольшой, потому что вероятность того, что данный вид окажется полезным, также очень невысока (Ehrenfeld, 1988). Но сложенные вместе цены возможности миллиона или более видов, которым в настоящее время угрожает полное истребление, могут быть громадными.

Рынок присваивает долларовую стоимость биоразнообразию другими способами, чем цена реальных или потенциальных благ, которые обеспечивает природа. Люди платят за посещение национальных парков, например, и за походы по областям дикой природы. Такая плата, не меньшая, чем стоимость стоек из диких животных, – выражает стоимость единицы биоразнообразия в деньгах.

Чаше предпринимаются попытки денежного измерения стоимости часто бесплатной или недооцениваемой рекреационной, эстетической, интеллектуальной и духовной полезности природы, чем попытки денежного измерения стоимости услуг, которые экономика природы обеспечивает для человеческой экономики.

Мидоуз (1990) намекает на один из способов денежного измерения природных услуг. «Как бы вам понравилась работа, – спрашивает он, – опыления триллионов цветков яблони в один солнечный полдень в мае? Может быть, можно себе представить, что вы можете изобрести машину, чтобы делать это, но нельзя

себе представить, чтобы машина могла работать так элегантно и дешево, как медоносная пчела, тем более попутно создавать мед». Стоимость экономики услуг природы могла бы быть денежно измерена путем подсчета стоимости замены природных услуг искусственными. Но с точки зрения недостаточности и возможностей, какой была бы цена использования человеческого труда или машин для опыления растений, если – в результате современных экономических практик, таких как избыточное использование инсектицидов – в будущем опыляющие организмы были бы исчезающе недостаточными?

Этика охраны природы

По словам Леопольда (1949), этика, понятая биологически, представляет собой «ограничение свободы действий». Этика, другими словами, ограничивает эгоистичное поведение уважением к какому-то другому благу.

Антропоцентризм

В западных религиях и философской традиции только человеческие существа достойны этического принятия во внимание. Все другие вещи считаются просто средствами достижения человеческих целей.

...Антропоцентрическая этика охраны природы потребовала бы от индивидуумов, корпораций и других заинтересованных групп справедливо принимать во внимание то, как их действия, которые оказывают непосредственное влияние на природную окружающую среду, опосредственно воздействуют на другие человеческие существа. Вырубание тропических лесов, например, может сделать прекрасную листовенную древесину доступной для богатых потребителей, дав щедрую прибыль лесозаготовительным компаниям, трудоустройство рабочим и обеспечить международную торговлю для стран, имеющих долг. Но это может также лишить туземные народы их домов и традиционных средств существования, а людей повсюду – неоткрытых ресурсов, ценных услуг экосистемы, эстетического опыта и научных знаний. И без ограничений лесозаготовка может оставить будущим поколениям человеческих существ обнищавший мир (несправедливость среди поколений). Таким образом, вырубка леса и другие разрушительные для окружающей среды типы разработки ресурсов могут считаться неэтичными без какого-либо фундаментального изменения в структуре традиционного западного морального мышления.

Природоохранная этика иудейско-христианского служения

...Иудейско-христианское мировоззрение было, в конечном счете, ответственным за наступление современного кризиса окружающей среды, некоторые озабоченные окружающей средой христиане и иудеи бросили вызов интерпретации Уайтом (1967) библейского отношения к окружающей среде и ценностей (Вагг, 1972). В конце концов Бог провозгласил все, что Он создал в течение пяти дней перед созданием Им человека, «хорошим». Таким образом, выходит, что Бог придал внутреннюю ценность каждому виду существ, не только человечеству. ...Но как насчет того, что только один «человек» создан по образу Бога? Это может быть воспринято как придающее уникальную ответственность, а не уникальные привилегии человеческим существам. Как Бог заботится о человечестве, так и мы, которые созданы по образу Бога, должны заботиться о земле.

...Иудейско-христианская этика окружающей среды придает объективную внутреннюю ценность природе самым ясным и недвусмысленным из способов – по Божьему указу. Но внутренняя ценность распространяется на виды, а не на индивидуальные особи. Потому что ясно, что во время своих нескольких актов творения Бог создает виды, «фоды», а не индивидуальные животные и растения – китов, другими словами, а не конкретно того кита, который проглотил Иону, или того, которого звали Моби Дик. Таким образом, именно виды, а не индивидуальные особи Бог провозглашает хорошими. Следовательно, человеческие существа могут свободно использовать другие живые существа постольку, поскольку мы не подвергаем опасности их вид – другими словами, постольку, поскольку мы не ухудшаем разнообразия творения.

Традиционная незападная этика окружающей среды

Простые люди мощно мотивированы делать вещи, которые могут быть оправданы с позиций их религиозных верований. Поэтому для глобальной охраны природы крайне важно выделить этику окружающей среды из живых мировых религий.

...В частности, ислам учит, что человеческие существа занимают привилегированное место в природе, и, заходя в этом отношении дальше, чем иудаизм и христианство, тому, что все другие природные существа были созданы, чтобы служить человечеству. Следовательно, среди мусульман существовала сильная тенденция принимать чисто утилитарный подход к отношениям человек–природа. Что касается сохранения биоразнообразия, то арабская антилопа-бейза была доведена до почти полного истребления в результате охоты нефтяных шейхов, вооруженных военными штурмовыми ружьями в колыбели ислама. Но черствое равнодушие ко всему остальному творению более не санкционируется религиозно в исламском мире.

...Джайны верят, что каждое живое существо населено нематериальной душой, не менее чистой и бессмертной, чем человеческая душа. Плохие поступки в прошлых жизнях, однако, покрыли эти души материей-кармой. Ахимса (непричинение вреда всем живым существам) и аскетизм (избегание всех форм физического удовольствия) – это параллельные пути, которые в конце концов освободят души от будущего возрождения в материальном мире.

...Буддисты не в меньшей степени, чем джайнисты и христиане, принимают лидирующую роль в глобальном природоохранном движении. Вероятно, заметнее всего тибетский Далай-Лама является самым видным охранником природы среди мировых религиозных лидеров.

...Одна четвертая населения мира – это китайцы. К счастью, традиционная китайская мысль обеспечивает отличные концептуальные ресурсы для природоохранной этики. Китайское слово «дао» означает путь или дорога. Даоисты верят, что существует Дао, Путь природы. То есть природные процессы происходят не только в упорядоченной, но и в гармоничной манере. ...С конфуцианской точки зрения личность не является отдельной бессмертной душой, временно проживающей в физическом теле; личность скорее представляет собой уникальный центр сети отношений. Поскольку его или ее сущность образована этими отношениями, разрушение собственного социального или экологического контекста эквивалентно саморазрушению. Другими словами, биоцид равноценен суициду.

Биоцентризм

До зарождения этики окружающей среды философы морали в западной традиции присваивали моральный статус человеческим существам и только человеческим существам, не апеллируя к мистическому свойству, такому как образ Бога, но апеллируя к таким наблюдаемым чертам, как рациональность или лингвистическая способность.

...Сингер (1975) следует современнику Канта по XVIII столетию Джереми Бентаму и утверждает, что способность чувствовать, способность испытывать удовольствие или боль должна быть критерием морального статуса.

Гудпастер (Goodpaster, 1978) первым сделал шаг от освобождения животных к биоцентрической (буквально «сконцентрированной на жизни») этике окружающей среды. С биологической точки зрения способность чувствовать, утверждал он, развилась не как самостоятельная цель, но как средство для выживания животных. Следовательно, если в способности чувствовать есть что-то, имеющее отношение к морали, то насколько большее отношение к морали имеет то, чему призвана служить способность чувствовать, а именно – жизнь. Более того, все живые существа, как объяснялось ранее, имеют свое собственное благо и, следовательно, имеют интересы. Этот факт также, по словам Гудпастера (1978), должен давать право всем живым существам на этический статус.

Определяя более крайнюю точку зрения, Тейлор (Taylor, 1986) утверждает, что все живые существа обладают равной «внутренней ценностью».

...Следовательно, способные чувствовать животные обладают большей внутренней ценностью, чем неспособные чувствовать растения, а человеческие существа обладают большей внутренней ценностью, чем способные чувствовать животные. Таким образом, биоцентризм Ролстона лучше согласуется с нашим интуитивным чувством ценностной иерархии, чем биоцентризм Тейлора, потому что в версии Ролстона жизнь человеческого существа является более ценной, чем жизнь белохвостого оленя, а жизнь оленя более ценной, чем жизнь сосны.

Таким образом, в биоцентризме Тейлора все индивидуальные организмы обладают равной внутренней ценностью, а в биоцентризме Ролстона базовая внутренняя ценность на уровне индивидуальных организмов увеличивается способностью чувствовать и самосознанием; т. е. организмы получают растущую внутреннюю ценность за счет способности чувствовать и наличия самосознания.

Экоцентризм

...«Этика земли» Леопольда не основана на религиозных верованиях, она также не является расширением этической парадигмы классической западной моральной философии. Она скорее основана на эволюционной и экологической биологии.

...От Дарвина мы узнали, что «вся этика, которая развивалась до сих пор, опирается на единственную посылку: что индивидуум является членом сообщества взаимозависимых частей» (Leopold, 1949); а от Леопольда – что экология сейчас «просто расширяет границы сообщества до включения почв, вод, растений и животных или коллективно земли».

...Хотя это было почти забыто за прошедшие 200 лет, человеческая этика всегда имела сильный холистический аспект. То есть человеческие существа чув-

ствовали, что у них есть долг и обязательства перед их сообществами как таковыми, так же как и перед индивидуальными членами этих сообществ.

Под влиянием Дарвина Леопольд также придал своей этике земли решительный холистический оттенок. «Коротко говоря, этика земли, – пишет он, – изменяет роль *Homo sapiens* с покорителя сообщества земли на его простого члена и гражданина. Она подразумевает уважение к своим собратьям-членам, а также уважение к сообществу как таковому» (Leopold, 1949). Леопольд пришел к написанию своей итоговой моральной максимы или «золотого правила» этики земли: «Вещь является правильной, когда она склонна сохранять целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию».

...Леопольд, следуя Дарвину, представляет этику земли как этическое «приращение», то есть добавление, а не замену нашей давно сформированной внутричеловеческой этике.

...Мы редко сталкиваемся с выбором между убийством человеческих существ и сохранением биоразнообразия. Скорее в большинстве случаев выбор делается между человеческим образом жизни и биоразнообразием. Например, японцев и других потребителей китового мяса не просят положить свои жизни за то, чтобы спасти китов, а только изменить свои пищевые предпочтения. Чтобы спасти леса, мы не должны совершать самоубийства; мы можем спасти их, просто используя меньше древесины и бумаги, и повторно используя всю древесину, которую мы должны извлекать. Все человеческие интересы не являются равными. Мы должны быть готовы отвергать менее важные человеческие интересы ради жизненных интересов других форм жизни и ради экологического здоровья и целостности.

Леопольд осознавал природные изменения и был чувствителен к ним. Он знал, что охрана природы должна нацеливаться на движущуюся мишень. Как мы можем сохранять биоту, которая является динамичной, постоянно изменяющейся, когда сами слова *сохранять* и *заповедать* – особенно когда они связаны с целостностью и стабильностью – имеют сопутствующее значение статичности? Ключом к разрешению этой головоломки является концепция временной и пространственной шкалы. Просмотр «Этики земли» Леопольда показывает, что у него был ключ, хотя он мог не понимать, насколько многомасштабными в действительности являются изменения в природе.

В «Этике земли» Леопольд (1949) пишет: «Эволюционные изменения... являются обычно медленными и локальными. Изобретение человеком инструментов дало ему возможность сделать изменения беспрецедентной жестокости, быстроты и масштаба». Как отмечалось, Леопольд ясно осознавал, что природа находится в динамике, но под влиянием экологии равновесия середины столетия он думал о природных изменениях в первую очередь с эволюционных, а не с экологических позиций. Тем не менее шкала равным образом уместна тогда, когда принятие во внимание экологических изменений прибавляется к принятию во внимание эволюционных изменений; то есть тогда, когда обычные климатические колебания и динамика участков прибавляются к нормальным темпам вымирания, гибридизации и формирования видов.

Homo sapiens является частью природы, «обычным членом и гражданином» «земли-сообщества», как это формулирует Леопольд (1949). Следовательно, ан-

тропогенные изменения, навязанные природе, являются не менее природными, чем любые другие. Но поскольку *Homo sapiens* является моральным видом, способным на этическое осмысление и сознательный выбор, и поскольку наше эволюционное родство и членство в биотическом сообществе прибавляют этику земли к нашей знакомой социальной этике, антропогенные изменения могут быть оценены с точки зрения этики земли. Но по какой норме? По норме соответствующего масштаба.

Временной и пространственный масштаб в комбинации представляют собой ключ к оценке непосредственного человеческого экологического воздействия. Задолго до того, как эволюционировал *Homo sapiens*, жестокие потрясения регулярно происходили в природе (Pickett, White, 1985), и они по-прежнему происходят достаточно независимо от человеческих действий. Вулканы хоронят биоту целых гор под лавой и пеплом. Торнадо проносятся через леса, сравнивая деревья с землей. Ураганы разьедают берега. Стихийные пожары проносятся над лесами и саваннами. Реки затапливают поймы. Засухи высушивают озера и ручьи. Почему в таком случае аналогичные антропогенные потрясения – сплошная вырубка, застройка побережья, гидроэлектрические запруды и т. п. – являются неэтичными по отношению к окружающей среде? Как таковые они такими не являются; это вопрос масштаба.

Итоговая моральная максима этики земли в таком случае должна быть обнвлена в свете развития экологии за прошедшие четверть столетия. Леопольд признавал существование и значимость естественных изменений окружающей среды, но, кажется, думал о них в первую очередь на очень медленной эволюционной временной шкале. Даже при этом он, таким образом, включает концепцию внутренних изменений окружающей среды и критическую норму шкалы в этику земли. В свете более недавних разработок в экологии мы можем добавить нормы масштаба как для климатической, так и для экологической динамики к этике земли. Хотя испытываешь колебания по поводу редактирования элегантной прозы Леопольда, мы пытаемся сформулировать современную итоговую моральную максиму для этики земли следующим образом: *Вещь является правильной, когда она имеет тенденцию потрясать природную систему только в нормальных пространственных и временных масштабах. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию.*

Кэлликотт, Б. Природоохранные ценности и этика // Гуманитарный экологический журнал. – Т. 6. Вып. 2.– 2004. С. 42–55.

4.2.3. П. Тейлор. «Пять принципов приоритетности в разрешении конфликтных ситуаций с позиции экологической этики»

Рассмотрим подробнее пять таких принципов, называемых следующим образом:

- а) принцип самозащиты;
- б) принцип пропорциональности;
- в) принцип минимального ущерба;

г) принцип справедливого распределения;

д) принцип справедливого возмещения.

Хоть я и уверен, что этих принципов достаточно для того, чтобы справедливо рассудить конфликтные претензии, возникающие в результате столкновения обязанностей в сфере человеческой и экологической этик, я должен подчеркнуть, что они не дают точного разрешения любой возможной конфликтной ситуации. Каждый принцип представляет один набор морально соответствующих соображений, которые следует принимать во внимание, и эти соображения могут служить лишь ориентиром в принятии решений относительно возникающих конфликтов.

а) принцип самозащиты

Согласно принципу самозащиты, моральному агенту разрешено защищать себя от опасных или вредных организмов путем их уничтожения. Это касается, однако, только тех случаев, когда моральный агент, приняв все меры предосторожности, не может все-таки избежать столкновения с таким организмом и воспрепятствовать тому, чтобы такой организм нанес серьезный вред окружающим условиям, позволяющим моральному агенту существовать и действовать. Далее, этот принцип не разрешает с целью сохранения существования и функционирования морального агента пользоваться ему первыми попавшимися средствами самозащиты, а только теми, которые нанесут наименьший возможный вред организмам. Принцип применим только в случаях, когда нет никакой альтернативы, настолько же эффективной, но причиняющей меньший вред «атакующим» организмам. Принцип допускает действия, абсолютно необходимые для поддержания существования моральных агентов, но он не допускает действий, разрушающих организмы, если такие действия просто способствуют интересам или ценностям, которые моральные агенты могут иметь как личности. Самозащита – это защита против вредных и опасных организмов, а вредный или опасный организм в данном контексте понимается как тот, чьи действия представляют угрозу жизни или здоровью тех существ, которым нужны нормально функционирующие тела для того, чтобы существовать как моральные агенты. В сфере человеческой этики есть очень близкая параллель. Если у нас есть моральное право на жизнь, из него следует, что мы имеем моральное право защищать свою жизнь – силой, если это необходимо, если другие угрожают нашей жизни, но это не значит, что нам разрешено применять силу по отношению к другим просто для достижения своих целей и ценностей. Следует отметить, что если нападающий – слабоумное человеческое существо, к примеру, если нападает разъяренный душевнобольной и покалечит нас, если его не остановить, то наше право самозащиты допускает его убийство, если нет другого способа избежать собственного убийства. Такова параллель, касающаяся самозащиты в экологической этике – против животных и растений. Тот факт, что «нападающие» морально невинны, не лишает силы данный принцип. Полное значение данного принципа приоритетности и его обоснования станут яснее после рассмотрения следующих трех положений.

(1) Принцип самозащиты не оправдывает нанесения вреда созданиям, не наносящим вреда нам, если только оно не связано с практической необходимостью, возникающей из-за невозможности отделить безвредные организмы от вредоносных, от которых мы пытаемся защититься. Мы увидим далее, что в этом отношении принцип самозащиты отличается от второго, третьего и четвертого

принципов, подлежащих нашему осмыслению. В определенных ситуациях, которых касаются эти принципы, вред может быть причинен по крайней мере некоторым безвредным организмам, даже если это не связано с самозащитой.

(2) Несмотря на то, что на первый взгляд принцип самозащиты может показаться пристрастным, необъективным в пользу человека, на самом деле он соответствует требованиям объективного отношения к каждому виду. Он не разрешает моральному агенту способствовать благу какого-либо организма на том лишь основании, что он принадлежит к данному виду, а не к иному. В частности, людям здесь не отдается предпочтение потому только, что они – люди.

Есть два соображения, подтверждающих эту объективность. Во-первых, принцип самозащиты сформулирован, «незвизрая на виды». Изложение принципа касается только моральных агентов и организмов, не являющихся таковыми. Конечно, при обсуждении различных аспектов и приложений этого принципа человек обычно имеет в виду людей, защищающихся, как правило, от животных, поскольку именно к таким практическим ситуациям повседневной жизни приложим этот принцип. Тот факт, что люди являются моральными агентами, а животные таковыми не являются – это случайная истина, не принимаемая данным принципом в расчет. Моральным агентам разрешается защищаться от вредных или опасных организмов, не являющихся моральными агентами. Это все, что допускает принцип самозащиты...

Второе соображение в пользу беспристрастности этого принципа состоит в том, что он полностью согласуется с идеей равной врожденной ценности всех живых существ – и людей и всех прочих созданий. Здесь уместно еще раз обратиться к принципу самозащиты в сфере человеческой этики. Наше право применить силу против другого человеческого существа, угрожающего нам насилием, вовсе не означает, что мы обладаем большей врожденной собственной ценностью, чем нападающий. Оно значит только, что мы можем справедливо применить средства «наименьшего зла» для защиты своего существования. Из уважения к личностной сущности другого мы обязаны не причинять ему или ей большего вреда, чем это абсолютно необходимо в целях самозащиты.

Равенство собственной ценности агрессора и защищающегося в человеческой этике выражается в нашей готовности сделать принцип самозащиты универсальным. С моральной точки зрения мы бы сочли справедливым, если бы другой или другая защищались от нас самих, если бы вдруг мы сами стали агрессорами. Эта идея обратимости означает, что и агент, и субъект имеют равную собственную ценность. Ведь каждый человек может быть как в роли субъекта, так и в роли агента, и при этом оправданность акта самозащиты остается неизменной.

Однако в случае самозащиты от животных или растений универсализация и обратимость неприменимы, поскольку ни животные, ни растения не могут играть роль моральных агентов, хотя и могут быть в положении моральных субъектов. То, что они делают по отношению к нам, не может быть справедливым или несправедливым, верным или неверным, потому что их действия не входят в сферу моральных стандартов или правил. И все же допустимость нашей самозащиты не подразумевает нашу более высокую или их более низкую врожденную ценность, что станет очевидным из следующих пояснений. Если мы обладаем прочным чувством собственной значимости, мы придаем изначальную ценность нашему существованию как личностей... Из самоуважения мы считаем, что наша личностная сущность стоит того, чтобы ее

защищать. В то же время мы убеждены, что наша ценность не ниже, чем животных или растений. Дальше, если мы воздержимся от самозащиты против них, позволив им убить себя, то пожертвуем самим своим существованием. Потребовать такой жертвы в качестве морального долга можно было бы только в том случае, если бы они имели более высокую собственную ценность, чем мы. Полагая, что у нас нет основательных причин принимать такую точку зрения, мы можем заключить, что у нас не существует моральной обязанности приносить себя в жертву им. Следовательно, морально допустимо, чтобы мы защищали себя от них, даже при том условии, что их собственная ценность равна нашей.

(3) Третье положение связано с неизбежностью действий, совершаемых согласно этому принципу. Соответствующая ситуация в сфере человеческой этики: нам разрешается применять силу против другого в целях самозащиты только в случаях, когда мы не можем избежать нападения или спастись от него. Если некто угрожает нам, а мы можем благополучно избежать столкновения, мы должны именно так и поступить. Аналогично и в случаях разрешения конфликтных претензий, разрешаемых на основе принципа самозащиты, мы должны приложить все усилия для того, чтобы избежать ситуаций, когда возникает опасность нанесения нам вреда другим организмом. Мы должны быть сильными и здоровыми, чтобы меньше было нужды в нанесении вреда другим созданиям или уничтожении их, поскольку, чем мы слабее, тем более опасными для нас будут их действия...

Причина таких ограничений и оговорок заключается в том, что все живые существа, безвредные ли, или вредоносные, имеют собственную врожденную ценность, а потому должны являться объектами отношения уважения. Убийство любого существа или причинение ему вреда всегда само по себе считается аморальным и может быть оправдано только в случае отсутствия какой бы то ни было альтернативы. В то же время у нас должны быть настолько веские моральные основания для такого поступка, чтобы они превалировали над очевидной обязанностью не совершать его. Самозащита, понимаемая как действие, абсолютно необходимое для сохранения самого существования морального агента, как раз и является таким основанием. И только при таких условиях применим принцип самозащиты.

б) принцип пропорциональности

Прежде чем рассматривать остальные четыре принципа, посмотрим, как они взаимосвязаны. Во-первых, все четыре относятся к случаям, когда рассматриваемые организмы безвредны. Если их оставить в покое, их действия не поставят под угрозу ни жизнь, ни здоровье людей. Поэтому все четыре принципа касаются тех случаев, к которым не применим принцип самозащиты.

Далее, нам нужно понять различие между существенными и несущественными интересами. Пользуясь этим различием, мы можем изложить соотношение этих четырех принципов следующим образом. Принципы пропорциональности и минимального ущерба относятся к случаям конфликтов между существенными интересами животных и несущественными интересами людей. С другой стороны, принцип справедливого распределения касается конфликтов, в которых интересы всех сторон являются существенными. Наконец, принцип справедливого возмещения ущерба применяется только тогда, когда в прошлом уже применялся либо принцип минимального ущерба, либо принцип справедливого распределения. Каждый из

названных принципов создает ситуации, в которых требуется компенсация возмещения в какой-либо форме ущерба, нанесенного животным или растениям, когда и становится применимым принцип справедливого возмещения ущерба.

Что отличает существенные интересы от несущественных? Для ответа на этот вопрос, прежде всего, необходимо прояснить значение термина «интересы», а затем указать критерии определения того, являются ли рассматриваемые интересы существенными или несущественными. В данном контексте удобно будет называть условия и события в жизни организмов, помогающие им в реализации своего блага, способствующими, содействующими их интересам или продвигающими их. События и условия, препятствующие реализации их блага, будем называть вредными, неблагоприятными для их интересов или противоположными им. Термин «интересы» я буду применять к любому из объектов или событий, сохраняющих или защищающих в какой-то степени благо живого существа. Независимо от того, нравится ли что-нибудь данному организму или нет, чувствует ли он удовольствие или боль, имеет ли какие-нибудь осознанные желания, цели, задачи, важно ли ему то, что происходит с ним, озабочен ли он этим, сознателен ли этот организм вообще, – я буду говорить о его интересах следующим образом.

Чтобы выяснить, как разделить интересы на существенные и несущественные, следует принять во внимание тот факт, что интересы организма могут иметь для него разную степень важности. Одни из интересов могут быть более важными для него, чем другие, либо потому, что первые больше способствуют его благу, чем вторые, либо потому, что первые являются необходимым условием для сохранения его существования, а вторые – нет. Мы можем сказать, что один интерес имеет большую важность, чем второй, в той мере, в какой неосуществление первого причинит организму больший ущерб или потерю, чем второго. Наиболее важными интересами являются те, которые необходимы для обеспечения его жизни.

Данное обсуждение существенных и несущественных интересов проведено было для того, чтобы представить далее второй и третий в нашем списке принципы приоритетности – пропорциональности и наименьшего ущерба... Эти принципы касаются двух различных типов конфликтов между параллельными претензиями. В обоих случаях мы имеем дело с ситуациями, в которых существенные интересы животных и растений вступают в конфликт с несущественными интересами людей. Но каждый из этих принципов касается различных типов несущественных человеческих интересов. Для того чтобы определить различие между этими типами, мы должны рассмотреть, как несущественные интересы людей связаны с отношением уважения к природе.

Во-первых, существуют несущественные человеческие интересы, изначально несовместимые с отношением уважения к природе. Эти интересы должны быть отвергнуты каждым, кто имеет уважение к природе, поскольку для их достижения требуются действия или намерения, непосредственно выражающие или воплощающие потребительское отношение к ней. Потребительство не имеет ничего общего с уважением, поскольку при этом дикие животные и растения имеют просто практическую ценность для достижения человеческих целей. Удовлетворять такие несущественные интересы – значит отрицать их врожденную собственную ценность. К таким интересам и действиям, совершаемым для их удовлетворения в нашем современном мире, относятся, например:

- убийство слонов ради их бивней, из которых изготавливаются сувениры для туристов;
- убийство носорогов – из их рога делают рукоятки кинжалов;
- сбор редких диких растений, например орхидей или кактусов, для чьих-то частных коллекций;
- отлов тропических птиц на продажу, чтобы любители держали их в клетках;
- отлов (капканами, ловушками) и убийство рептилий, таких как змеи, крокодилы, аллигаторы, черепахи, – ради их кожи, используемой для изготовления дорогой обуви, сумочек и другой модной продукции;
- охота на редких диких млекопитающих – ягуаров, леопардов – и их убийство для продажи их роскошного меха;
- любой вид охоты и рыбной ловли, осуществляемый ради забавы (независимо от того, съедаются ли убитые животные), когда такие действия не необходимы для удовлетворения существенных интересов людей, в частности спортивной охоты и рыбалки на отдыхе.

Цели такой деятельности и человеческие интересы, являющиеся ее мотивами, изначально несовместимы с уважением к природе; ...они могут быть названы только потребительскими, эксплуататорскими. О тех, кто принимает участие в такой деятельности, так же как и о тех, кто потребляет их продукцию, зная методы, которыми она была добыта, никак нельзя сказать, что они имеют уважение к природе. Во всех такого рода действиях человек относится к диким существам как к простым средствам достижения своих целей, отрицая таким образом их врожденную неотъемлемую ценность. Дикие животные ценятся или только как источник удовольствия или как вещи, которыми можно манипулировать опять-таки ради человеческого удовольствия.

...Удовлетворяемые при этом человеческие интересы вовсе не являются существенными, базовыми интересами. Даже если охотники и рыбаки съедают убитую ими добычу или улов, это не имеет прямого отношения к основной цели их спортивных занятий. (Здесь не рассматривается ситуация, когда охота или рыбная ловля осуществляются по необходимости – для обеспечения средств существования.) То, что охотники и рыбаки съедают свою добычу просто ради удовольствия и, следовательно, их занятия служат удовлетворению лишь несущественных интересов, доказывается тем фактом, что они продолжают охотиться даже в том случае, если не поедают убитых ими млекопитающих, птицу или рыбу. Охотятся они вовсе не ради того, чтобы удовлетворить свою потребность в пище.

Относительно приведенных примеров следует заметить, что ни одно из описанных действий не нарушает человеческих прав. В самом деле, если оставаться в рамках только человеческой этики, люди имеют моральное право делать все это, поскольку они имеют право на свободу достижения своих законных интересов, а в пределах их этики интерес является «законным», если его реализация не связана с причинением зла или вреда другому человеку.

Только если к таким действиям применить принципы этики охраны природы, осуществление таких действий должно быть сопоставлено с требованиями этики уважения к природе. Вот тогда мы поймем, что с учетом всех обстоятельств такие действия неправомерны и несправедливы. Ведь если бы мы посчитали их допустимыми, то тем самым сочли бы ценность или важность существенных интересов животных и растений ниже несущественных интересов людей.

Любой моральный агент, имеющий уважение к природе (как и уважение к личности), сочтет это абсолютно недопустимым. Человек может вполне благополучно жить, не имея собственной птицы в клетке, одежды и обуви из дорогой кожи или роскошного меха, коллекции редких растений, не занимаясь ради развлечения охотой или рыбалкой, не покупая сувениров из слоновой кости... Но при осуществлении каждого из перечисленных выше видов деятельности с животными или растениями обращаются так, словно само их существование вообще не имеет никакой ценности, кроме как служить средством для удовлетворения человеческих желаний.

Рассмотрим теперь другой тип несущественных человеческих интересов, которые тоже могут вступать в конфликт с существенными интересами растений или животных. Это такие человеческие интересы, которые, в отличие от только что рассмотренных, сами по себе не противоречат отношению уважения к природе. Однако реализация этих интересов может иметь последствия, нежелательные с точки зрения уважения к природе, а потому их следует по мере возможности избегать. Иногда эти несущественные интересы не имеют такой высокой ценности, чтобы ради них допускать тяжелые для природы последствия. В таких случаях человек, относящийся к природе с уважением, охотно откажется от реализации этих интересов. Однако иной раз эти интересы ценятся так высоко, что даже человек, имеющий искреннее уважение к природе, не желает или не может отказаться от их реализации. В последнем случае реализация таких интересов сама по себе не выражает и не воплощает ни отношения уважения к природе, ни потребительского отношения к ней. В этом случае дикие животные или растения не используются и не потребляются как простые средства достижения человеческих целей, хотя последствия действий, ведущих к реализации таких интересов, причиняют им вред. Вот примеры несущественных интересов такого типа:

- строительство музея или библиотеки, ради которого придется разрушить естественную среду обитания;

- сооружение аэропорта, железной дороги, порта, автомагистрали, связанное с вторжением в природную экосистему и нарушением ее нормального функционирования;

- замена первичного леса лесопосадками;

- перегораживание плотиной естественного русла реки для сооружения ГЭС;

- преобразование естественного лесного массива в парк.

Откажутся ли люди, имеющие подлинное уважение к природе, от осуществления такого рода деятельности или нет – зависит от того, какую ценность они придают связанным с нею интересам. А это, в свою очередь, будет зависеть от всей их системы ценностей и от имеющихся альтернатив, – в частности, можно ли найти такую замену, которая причиняла бы меньше вреда или ущерба природе, и можно ли удовлетворить хотя бы часть таких интересов иным путем.

Подведем итог этой классификации несущественных человеческих интересов, поскольку это важно для дальнейшего рассмотрения принципов приоритетности. Во-первых, существуют интересы, непосредственно выражающие потребительское отношение к природе; действия, предпринимаемые для их реализации, изначально несовместимы с уважением к природе.

Во-вторых, существуют интересы, сами по себе воплощающие и не выражающие потребительского отношения к природе, но их реализация оказывает

негативное воздействие на природу. Люди, имеющие уважение к природе, сочтут необходимым, по мере возможности, избежать такого воздействия. Среди этих интересов могут быть не слишком важные для человека или не настолько важные, чтобы они перевесили ущерб природе, связанный с последствиями их реализации. Другие таковы, что их ценность для человека действительно превышает важность нежелательных последствий, даже если такой человек искренне уважает природу.

Таким образом, центральная идея принципа пропорциональности состоит в следующем: в ситуации конфликта между человеческими ценностями и благом (безвредных) диких животных и растений существенным интересам придается больший вес, независимо от того, чьи интересы конфликтуют – человеческие или иных существ; этот принцип не допускает преобладания несущественных интересов над существенными, даже если это существенные интересы растений или животных, а несущественные – человеческие.

Условия приложения принципа пропорциональности таковы: рассматриваемые человеческие интересы являются несущественными и изначально несовместимыми с уважением к природе; конфликтные им – существенные интересы диких животных и/или растений, безвредных для человека (о самозащите речь не идет). К сожалению, такие действия, как спортивная охота и рыбалка, покупка роскошных мехов, изготовленных из шкур диких зверей, приняты повсеместно, и миллионы людей считают их морально допустимыми. Это с очевидностью доказывает несомненный, абсолютный антропоцентризм их взглядов на природу и их отношения к диким животным и растениям. Однако с точки зрения биоцентрической этики такие действия следует осудить как воплощающие эксплуататорское отношение к существам, имеющим не меньшую врожденную ценность, чем их эксплуататоры.

в) принцип минимального ущерба

Принцип минимального ущерба касается ситуаций, когда (1) существенные интересы животных и растений вступают в конфликт с несущественными интересами людей, и этого конфликта невозможно избежать; (2) рассматриваемые человеческие интересы не являются изначально несовместимыми с уважением к природе; (3) однако действия, необходимые для реализации этих интересов, наносят ущерб существенным интересам диких животных и/или растений; и (4) рассматриваемые человеческие интересы настолько важны, что разумные и информированные моральные агенты, имеющее искреннее уважение к природе, не желают отказаться от них, даже принимая во внимание нежелательные воздействие своих действий на окружающую среду (примеры были приведены выше). Проблема приоритетов в таких ситуациях заключается в следующем: как мы можем определить, когда допускается реализация человеческих (несущественных!) интересов, если она сопряжена с причинением ущерба существенным интересам диких растений и животных?

Только человеческая этика вполне допускает действия (скажем, разрушение естественной среды обитания ради строительства музея), способствующие реализации несущественных человеческих интересов за счет существенных интересов других живых существ, поскольку в ней люди имеют право на свободу реализации своих законных интересов, если она не связана с нанесением ущерба другим лю-

дам. Но как только мы начинаем принимать во внимание принципы этики охраны природы, права людей в отношении других людей перестают играть решающую роль. Мы уже должны учитывать и благополучие прочих живых существ.

Далее, несущественные интересы людей в данном конкретном случае считаются настолько важными, что даже те, кто следует отношению уважения к природе, считают возможной их реализацию за счет причинения ущерба живой природе. Каковы же причины такой особой важности? Ответ, прежде всего, связан с той ролью, которую играют в нашей жизни такие интересы с точки зрения цивилизованного человека; во-вторых, с тем, что они занимают центральное место в представлении людей о своем собственном истинном благе. Первый пункт касается культурного или социального аспекта этих интересов, важности их вклада в человеческую цивилизацию с позиций широкой исторической перспективы. Вторым – представлением индивидуума о том, какую жизнь, при существующих обстоятельствах и возможностях, он считает наиболее стоящей.

...Теперь уместно прояснить содержание принципа минимального ущерба. Этот принцип допускает, что разумный, информированный, независимый человек, относящийся с уважением к природе, не желает все же отказаться от реализации обоих вышеописанных типов интересов, даже если ему известны негативные воздействия их реализации на диких животных и растения, но добивается реализации этих интересов только при условии, что это связано с меньшим злом (меньшим нарушением долга), чем любой альтернативный способ их реализации.

Этот принцип устанавливает определенные ограничения на реализацию обоих типов интересов, с которыми мы сейчас имеем дело. В случае учреждений и повседневной деятельности данного общества, играющих важную роль для достижения им высокого уровня цивилизации, этот принцип требует, чтобы эти учреждения и деятельность наносили наименьший возможный ущерб природному миру. Наименьшее количество нарушений предполагает, что не существует никаких альтернативных учреждений и способов осуществления деятельности, которые могли бы, при прочих равных условиях, причинять меньше вреда жизни диких обитателей природных экосистем.

Что касается второго типа человеческих ценностей, то принцип минимального ущерба требует, чтобы действия, предпринимаемые людьми для достижения своих целей, лежащих в основе разумной концепции их истинного блага, были такими, что никакие альтернативные способы достижения тех же целей не причиняли бы меньшего зла диким живым существам. Как и прежде, ключевым тестом на моральную допустимость реализации несущественных интересов людей является минимизация зла и несправедливости, чинимых обитателям природных экосистем.

Каким же образом принцип минимального ущерба определяет справедливое разрешение конфликтных претензий? Прежде всего мы должны спросить себя, действительно ли данные человеческие ценности стоят той экстремальной цены, которую платят за них живые существа? В этой связи нам следует подумать о нашей личной системе ценностей и об образе жизни нашего общества, чтобы посмотреть, возможны ли модификации ценностей или смещение взглядов, которые помогут избежать хоть какого-то числа жертв этой деятельности. Во-вторых, мы должны тщательно изучить все альтернативные возможности достижения наших целей. Принцип минимального ущерба требует, чтобы мы выбра-

ли альтернативу, которая либо полностью устраняет необходимость убийства, либо, по крайней мере, сокращает число жертв. Наконец, наше уважение к природе требует, чтобы мы относились резко отрицательно ко всякому убийству и признавали свою обязанность каким-либо образом компенсировать ущерб, нанесенный нами живым обитателям мира природы. Наша добросовестность, забота, осторожность, сознательность в осуществлении этих трех шагов являются признаками нашего чувства справедливости в применении принципа минимального ущерба.

2) принцип справедливого распределения

Четвертый принцип приоритетности применим к конфликтам прав людей и прочих существ при двух условиях. Во-первых, последние не наносят нам вреда, поэтому принцип самозащиты здесь непригоден. Во-вторых, интересы, приводящие к конфликтной ситуации, имеют одну и ту же степень важности – и те, и другие являются существенными, поэтому принципы пропорциональности и минимального ущерба тоже неприменимы. Сфера применения четвертого принципа включает случаи, не охватываемые первыми тремя.

Этот принцип называется принципом справедливого распределения, потому что предлагает критерии справедливого распределения степени реализации интересов всех заинтересованных сторон, когда в конфликт вступают только существенные, то есть одинаково важные для всех сторон, интересы. Поэтому им придается и равный моральный вес. Для того, чтобы решение, разрешающее такой конфликт, было справедливым, это равенство следует соблюдать. Принцип справедливого распределения требует, чтобы, если существует источник блага для одной из конфликтующих сторон, это благо было разделено поровну между всеми, поскольку интересы всех существенны. В таких обстоятельствах справедливая доля – это равная доля.

Однако, когда мы пытаемся применить этот принцип на практике, то выясняется, что даже самые справедливые методы распределения не могут гарантировать совершенного равенства отношения к каждому индивидуальному организму. Следовательно, мы морально обязаны дополнить все решения, основанные на принципе справедливого распределения, дальнейшими мерами, налагаемыми пятым принципом – принципом справедливого возмещения ущерба. Поскольку мы не соблюдаем полной справедливости, мы должны дополнительно компенсировать ущерб соответствующим диким созданиям. Так же, как и в случае применения принципа минимального ущерба, признание обид, причиненных существам, имеющим собственную прирожденную ценность, налагает на нас дополнительную обязанность сделать все возможное для возмещения, заглаживания этих обид.

При разработке различных методов, с помощью которых принцип справедливого распределения может быть практически осуществлен, мы должны помнить, что в данном случае мы имеем дело с безвредными для нас дикими растениями и животными. Следовательно, у нас нет необходимости убивать их из самозащиты. Поскольку они на нас не «нападают», мы можем попытаться избежать или устранить ситуации, которые вынуждали бы нас делать выбор между своей жизнью и их. Принцип справедливого распределения требует, чтобы мы, насколько это возможно, находили пути трансформации ситуаций конфронтации в ситуации взаимного

приспособления. Только таким способом можно разделить полезные всем ресурсы Земли поровну между всеми членами Живого сообщества.

д) принцип справедливого возмещения

Рассмотренные принципы минимального ущерба и справедливого распределения для установления справедливого способа разрешения конфликтов между людьми и прочими живыми существами должны дополняться принципом справедливого возмещения.

Какие здесь возможны компенсации? Мы можем руководствоваться двумя факторами. Первый: чем больше причиненный ущерб, тем большая требуется компенсация. Любой метод содействия благу животных и растений или его защиты, который должен служить восстановлению баланса равновесия между людьми и прочими организмами, должен дать последним количество блага, сопоставимое (насколько это возможно оценить) с количеством причиненного зла, которое должно быть компенсировано. Второй фактор: следует уделять большее внимание здоровому состоянию целых экосистем и их биотических сообществ, чем благополучию отдельных особей. Практически более эффективно способствовать благу как можно большего числа организмов. Более того, отводя определенные природные территории под заповедники и заказники и сохраняя определенные типы ландшафтов в их естественном состоянии, мы можем достойным образом «выплатить» компенсацию диким существам.

Экоэтический идеал

В свете этого цельного и всеобъемлющего представления о принципах разрешения экологических конфликтов мы и найдем решение, которое бы логически вписалось в идеальный мировой порядок, как мы его себе представляем... Речь идет о характеристиках, обеспечивающих такой мировой порядок – такие условия жизни и окружающей среды, к которым мы бы все стремились как к действительно достойному идеалу, достижимому, если бы мы следовали общему набору правил, стандартов и принципов приоритетности как человеческой, так и экологической этики, изложенных выше. Этот идеал – воображаемая картина того, что каждый моральный агент считал бы правильным выразить в своем поведении и характере как воплощение уважения к личности и природе. Наиболее подходящее определение для описания этого «наилучшего из миров» следующее: мировой порядок на нашей планете, где человеческая цивилизация приведена в полную гармонию с природой...

Под человеческой цивилизацией здесь нужно понимать все множество культур Земли на данном отрезке времени. В этически идеальном мире, где все культуры находятся в гармонии с природой, каждый ведет свой образ жизни в пределах ограничений, налагаемых человеческой этикой уважения к личности. В каждом сообществе индивидуумы и организации преследуют свои разнообразные интересы, не нарушая ничьих моральных прав. В то же время они соблюдают законы и директивы своих политических и юридических систем, гарантирующих им эти права. Как бы ни различались их представления о реальности, каким бы ни было их понимание истории и традиций, какую бы религию они ни исповедовали и как бы они ни представляли себе наиболее достойную жизнь, их верования, их

убеждения, их ценности не вступают в конфликт с фундаментальным отношением уважения к личности.

Точно так же, если мы обратимся к тому, как каждая культура относится к прочим живым существам, каковы ее взгляды на место человеческой жизни в природном мире, то обнаружим огромное разнообразие этических идеалов человеческой цивилизации. Однако это разнообразие должно всегда соответствовать отношению уважения к природе... Если некоторые или все элементы биоцентрического мировоззрения не приняты мировоззрением данной культуры, оно все равно не должно поддерживать потребительского отношения к диким живым существам и иного воззрения, противоречащего отношению уважения... Биоцентрическое мировоззрение – рациональное и научно обоснованное представление о месте человека в природном мире, однако оно не обязательно должно быть единственным для всех культур, когда будет достигнут этический идеал гармонии между человеческой цивилизацией и природой.

...В данном контексте «гармония» означает сохранение равновесия, баланса между человеческими ценностями и благополучием животных и растений в природных экосистемах. Это такие условия на Земле, когда люди могут реализовывать свои личные интересы и вести принятый в их культуре образ жизни, давая при этом возможность величайшему разнообразию биотических сообществ и природным экосистемам спокойно вести свойственное им естественное существование. Ущерб членам этих сообществ может быть результатом только естественных процессов эволюции, адаптации, изменения условий окружающей среды, но только не человеческой деятельности.

Наша роль как моральных агентов в этом этическом идеале заключается в том, чтобы направлять и контролировать свое поведение, соблюдая в отношении животных и растений, живущих на воле, четыре основных правила этики охраны природы. Преследуя цели своей культуры и свои собственные, мы не всегда, конечно, можем избежать вторжения в природный мир, однако мы должны всегда ограничивать себя, чтобы причинять как можно меньше вреда природным экосистемам и их биоте. Царство природы не создано для нашего потребления, эксплуатации и контроля в наших собственных целях – им нужно пользоваться вместе со всеми остальными видами. И хотя определенная часть человеческой культуры – биокультура – состоит как раз в использовании других живых существ в человеческих интересах, такие господство и подчинение отсутствуют в отношении человека к миру дикой природы...

Нормативная функция этического идеала

Как же этический идеал может служить нормативом для принятия решений теми, кто ему следует? Главная функция идеала – быть точкой отсчета для практических целей. Он осуществляет эту функцию, указывая тот мировой порядок, постепенная реализация которого должна быть долговременной моральной задачей всех разумных моральных агентов. Непосредственные задачи, которые они ставят для себя, направлены на изменение существующего мира таким образом, чтобы, согласно их разумению, он становился все более похожим на идеальный. Именно благодаря тому, что они представляют себе конечный результат всех своих усилий в терминах этического идеала, они применяют свои знания таким образом, чтобы выбрать наилучшие практические цели и средства их достижения.

Этический идеал не только проясняет конечную цель практической рациональности, но и придает ей надлежащую ценность. Цели, которые моральные агенты ставят перед собою для постепенного достижения этического идеала, считаются достойными их усилий, потому что этот этический идеал сам по себе представляет наивысшее благо. Достижение непосредственных, практических целей имеет только промежуточную, вспомогательную ценность. Цели и средства изыскиваются не ради самих себя, а во имя идеала, то есть во имя того, чтобы сделать мир лучше, приблизив его на один шаг к тому, каким он должен быть...

...Каким бы способом моральные агенты ни изменяли существующий мир в направлении большей гармонии между цивилизацией и природой, используемые ими для этого средства никогда не должны нарушать основные моральные ограничения, налагаемые уважением к личности и уважением к природе. Люди и другие живые создания не должны рассматриваться исключительно в терминах их сиюминутной или потенциальной полезности в приближении мира к идеалу. Их практический рационализм не должен превосходить их обязанности как моральных агентов. Процесс постепенного приближения к идеалу – сам по себе моральный процесс. Для достижения хорошей цели нельзя пользоваться дурными средствами, то есть нельзя совершать действия, являющиеся злонамеренными, пагубными с учетом всех обстоятельств. Только действия, предпринимаемые в рамках правил, установленных человеческой этикой и этикой охраны природы, могут считаться допустимыми в борьбе за приближение этического идеала.

Надеюсь, полное изложение Этики Уважения к Природе доказало возможность ее внедрения в практику. Мир гармонии между человеческой цивилизацией и природой, построенный так, как было описано выше, – вполне четкая эмпирическая возможность. Я не предлагаю никаких политических, юридических или экономических перемен в существующих мировых культурах в качестве специфических мер, которые необходимо принять, чтобы начать движение по направлению к этическому идеалу. Но все же из приведенных описаний биоцентрического мировоззрения и отношения уважения к природе должно быть ясно, что первым непременным шагом являются внутренние изменения наших моральных убеждений и обязанностей. Эти внутренние изменения сами по себе являются психологической возможностью. Некоторые люди уже добились таких психологических перемен, применяя свою независимость для решения о принятии новых моральных принципов касательно их отношений к природному миру и его живым обитателям. Они принимают хотя бы самые начала биоцентрического мировоззрения в рамках этики охраны природы. То есть смещение взглядов от антропоцентрических к биоцентрическим не является психологически невозможным для людей, выступающих моральными агентами. Мы не должны путать трудность задачи с ее неразрешимостью. Здесь не должно быть никаких иллюзий – многим людям будет чрезвычайно трудно изменить свою систему ценностей, свои убеждения, весь свой образ жизни, когда они решат принять отношение уважения к природе и действовать соответственно. Это может потребовать глубокой психологической переориентации. Большинство из нас в современном мире были воспитаны в строго антропоцентрических культурах, в которых прирожденное превосходство человека над всеми остальными видами принимается как данность. Потребуется огромные усилия для того, чтобы освободиться от этого общепринятого взгляда на животных и растения. Но все это не выходит за пределы практических возможностей. Ничего не мешает нам воспользоваться на-

шей способностью к независимому и разумному мышлению, чтобы постепенно сделать мир таким, каким он должен быть.

Taylor P. Respect for nature. A theory of environmental ethics. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1988, pp. 264–307.

4.2.4. П. Сингер. «Будущее Движения освобождения животных»

Те, кто живет на эксплуатации животных, обороняются. Особенно исследователи. Многие лаборатории усилили охрану, но это дорогое дело, и такие деньги на заборы и ограждения, по-видимому, не всегда доступны для экспериментаторов – это как раз и нужно освободителям животных. Построить заборы вокруг всех ферм и фабрик – еще более дорогое удовольствие. Не удивительно, что те, кто проводит опыты на животных или выращивает их для получения пищи, надеются, что освобождение животных окажется всего лишь проходящей прихотью. Этой надежде не суждено сбыться. Движение освобождения животных не остановится. Оно устойчиво развивается в течение более чем десятилетия. Это движение поддерживают широкие слои населения. Мы не имеем оправдания, обращаясь с животными, как с вещами, служащими нам для целей, которые мы находим для себя удобными, в таких развлечениях, как охота, или в лабораториях, используя животных как приспособление для определения безопасности нового пищевого красителя.

Но все еще стоит вопрос о том, каким курсом пойдет Движение. В Движении освобождения животных некоторые формы прямых действий имеют широкую поддержку. Принимая политику ненасилия против любых видов животных, человека или нечеловека, многие активисты верят, что освобождение животных из ситуации, где их заставляют страдать, а также предоставление им жилища является оправданным. Они сравнивают это Движение с незаконной железной дорогой, которая помогает черным рабам найти дорогу к свободе; это, как они говорят, единственно возможное средство помочь жертвам угнетения. В худших случаях неоправданных экспериментов этот аргумент является правильным. Но существует другой вопрос, который каждый, кто не просто заинтересован в немедленном освобождении десяти, пятидесяти или ста животных, а в будущих переменах, которые повлияют на миллионы животных, должен задать себе. Являются ли прямые действия эффективной тактикой? Разве эти действия не придают всего лишь определенное направление дебатам и не усиливают сопротивление реформам? Но кто-то скажет, что Движение просто завоевывает общественное мнение – и очевидно, что общественность сочувствует животным – и это приносит Движению больше хорошего, чем плохого. И это в основном так.

Теперь появились признаки того, что борьба только в самых незащищенных областях не является актуальной, так как все больше расширяется деятельность активистов Движения. Некоторые активисты даже работают вне деятельности, направленной на освобождение животных или на документальное подтверждение жестокости. В 1982 г. группа, которая называла себя «Милиция прав животных», посылала Маргарет Тэтчер сенсационные письма. Об этой группе никто никогда ничего не слышал, и, возможно, она не имеет никакого отношения к настоящим организациям защиты животных. Но, несомненно, «Группа возмездия охотникам»

(ответвление от проводившей успешные операции Ассоциации диверсантов охоты) реально существует. Прерывать охоту для того, чтобы помочь животным скрыться – это одна сторона; но жаждать «возмездия» для охотников – это совершенно другая сторона, которая в моральном плане вызывает очень сильное сомнение. (Если мы рассмотрим социальное положение и детский опыт большинства охотников, то их жестокое поведение становится объяснимым – и становится скорее вопросом сострадания, а не возмездия.)

Я не утверждаю, что нелегальные действия всегда морально плохи. Существуют обстоятельства, когда даже при демократии морально оправданным становится неподчинение закону; и в Движении освобождения животных много хороших примеров таких обстоятельств. Если демократические процессы не функционируют успешно; если проведение опроса общественного мнения подтверждает, что огромное количество людей против многих видов экспериментов, а правительство все еще не принимает никаких эффективных действий, чтобы остановить эти эксперименты; если общественность большей частью не знает, что происходит на фермах и в лабораториях – тогда нелегальные действия могут быть единственно правильным путем помощи животным и ознакомления людей с реальными фактами происходящего.

Я проявляю беспокойство не потому, что попирается закон как таковой. А потому, что в будущем возможно усиление конфронтации, что приведет к образованию напряженной обстановки, в которой нет места осмысленным действиям, и, в конце концов, проблема животных может отступить на задний план. Напряженность между активистами Движения освобождения животных, с одной стороны, и фермами, а также некоторыми экспериментаторами, с другой, – неизбежна. Но действия, которые привлекут общественное внимание, а также насильственные действия, которые приведут к причинению людям страданий, создадут напряженную обстановку во всем обществе, в целом весьма вероятны.

Задача освободителей животных – не допустить любого проявления насилия. Активисты освобождения животных должны выступать против насилия, даже когда их оппоненты проявляют насилие по отношению к ним. Под насилием я понимаю причинение какого-либо физического вреда любому человеку или животному; я бы еще добавил также и те действия, которые приносят психологический вред, такие как, например, страх или ужас.

Легко согласиться с тем, что если некоторые экспериментаторы заставляют животных страдать, то было бы правильным заставить этих экспериментаторов также страдать. Но это мнение является ошибочным. Мы можем быть убеждены, что человек, который причиняет страдания животным – совсем бессердечный и черствый: но мы опустимся на один уровень с этим человеком, если причиним ему вред или будем ему угрожать. Все Движение освобождения животных основано на силе этического отношения к животным. Оно утверждает высокие моральные качества.

Вместо того, чтобы идти дорогой возрастающего насилия, Движение освобождения животных делает намного лучше, если последует примеру самых известных и самых достойных лидеров Движений освобождения современности: Ганди и Мартина Лютера Кинга. Обладая огромной смелостью и решительностью, они придерживались принципа ненасилия, несмотря на провокации и в большинстве случаев насильственные действия их оппонентов. В конце концов они добились успеха,

так как справедливость их действий нельзя было отрицать, и их поведение тронуло умы даже тех, кто выступал против них. Борьба за расширение сферы морального отношения к животным, возможно, даже более сложная и долгосрочная задача, чем мы себе представляем, но если эта задача будет разрешаться с такой же решимостью и такими же моральными качествами, несомненно, это приведет к успеху.

Сингер П. Будущее освобождения животных // Крик. – 1998, № 1. – С. 46–47. (сокращ. вариант)

4.3. Ситуационный анализ в экологической этике

4.3.1. Методическое введение

Экологическая этика представляет собой основу для формирования общечеловеческой экологической культуры, что является насущным требованием современности. Экологическая этика – это прикладная наука, «область знания и поведения, предметом которой являются практические моральные проблемы, имеющие пограничный и открытый характер» [1]. Это определение А. А. Гусейнова исключительно важно для выбора методики преподавания и изучения экологической этики.

К наиболее эффективным педагогическим методам, рассматривающим конкретные моральные ситуации, имеющие общезначимый, «пограничный и открытый» характер, относится метод *ситуационного анализа*. Ситуационный анализ, или *case-study*, сегодня широко применяется в практике современных вузов. Эта методика является одной из наиболее эффективных форм проведения семинарских занятий по предмету «Экологическая этика». Этический анализ экологических ситуаций представляет собой исследование, которое напрямую направлено на выработку *навыка принятия решений* по конкретным, проблематичным с моральной точки зрения ситуациям и насущным моральным вопросам, связанным со средой нашего обитания. Рассмотрение конкретных случаев позволяет исследовать «приложимость» этических подходов, нравственных норм и принципов к реальным событиям человеческой жизни.

В процессе освоения теоретических положений экологической этики, анализа практических экологических ситуаций и их обсуждения у студентов формируется *экологическая культура*. Считается, что в процессе проведения *ситуационного анализа* студенты приобретают аналитические, практические, творческие, коммуникативные, социальные навыки [2]. Им приходится отвечать требованиям, предъявляемым к лицам, занимающим определенные социальные позиции. Они осваивают системные компетенции, позволяющие воспринимать природу и ее объекты как целостную систему, выявляя соотношение и место каждого объекта в экосистеме.

В процессе работы над ситуациями студентами приобретается способность *рассуждать этически*. Понимание этической сущности анализируемых ситуаций приходит через определение моральных проблем, вербализацию и применение этических принципов и ценностей. Этическая сущность той или иной ситуации обычно состоит в вопросах, касающихся «прав или благополучия людей (и/или

других чувствующих существ)» и мотивов поступков и качеств людей, которые они проявляют в этой ситуации [3].

В процессе анализа ситуации развивается моральное воображение, критическое мышление, способность выносить ценностное суждение, давать моральную оценку, принимая во внимание права чувствующих и неодушевленных объектов природы. В конечном счете ситуационный анализ должен помочь студентам выработать навык принятия моральных решений в экологических ситуациях.

Особенность ситуационного анализа по предмету «Экологическая этика» состоит в том, что одной из вовлеченных в конфликт сторон являются объекты живой и неживой природы. Причем открытым остается вопрос, являются ли экосистема либо ее элементы участниками разбираемой ситуации. Участниками ситуации обычно признаются те, кто может реально повлиять на ее изменение и улучшение. Потерпевшие стороны, как то: водоемы с их обитателями, горы, лесные массивы, заповедники и пр. – в качестве участников ситуации обычно не рассматриваются, что свидетельствует о прочных антропоцентрических взглядах участников дискуссии.

В том случае, если вопрос касается прав и благополучия животных, то студенты достаточно легко наделяют их правами на жизнь, свободу, адекватную среду обитания, защиту от причинения боли и страданий. С неодушевленными и нечувствующими объектами дело обстоит гораздо труднее. Студентам не легко признать их обладателями каких-либо «прав». Здесь важно стимулировать моральное воображение студентов, объяснять, «что их отношение (или безразличие) к морально приемлемому и неприемлемому проявляется в действиях или бездействии», что серьезно влияет на права и благополучие других. [3]. Перед проведением ситуационного анализа, касающегося состояния экосистемы или неодушевленных объектов природы, целесообразно провести дискуссию о том, насколько правомерно говорить о благополучии природы и ее объектов.

Основная **цель** ситуационного анализа в рамках курса «Экологическая этика» – выработка критического мышления по отношению к характеру взаимодействия человека и природы и формирование ответственного отношения к природе. **Задачи**, которые решаются посредством ситуационного анализа, сводятся к выработке определенных отношений, умений и навыков. Это, в частности:

- умение вычленять и формулировать нравственную проблематику, связанную с отношением человека к Природе, ее живым и неживым объектам;
- осознание сущности биоцентрического и экоцентрического отношения к природе, представлений о правах природы и ее объектов;
- умение вести дискуссии по проблемам экоэтики с точки зрения будущих специалистов;
- нахождение способов разрешения конфликтов, возникающих в результате человеческого воздействия на природу, ее живые и неживые объекты, на основе ответственного отношения к будущему человечества.

Существуют различные **методы и формы** проведения ситуационного анализа. Среди них можно выделить такие, как проведение деловой игры и дискуссий. Важно дать студентам четкую формулу для проведения ситуационного анализа.

При построении анализа в форме деловой игры следует обозначить все заинтересованные в разрешении ситуации стороны и предоставить небольшой по объему, но достаточный материал для определения позиций сторон. Целесооб-

разно ввести независимый комитет, представляющий собой инстанцию, принимающую решение по проблеме на основе выступлений вовлеченных сторон. Это стимулирует студентов делать более продуманное обоснование той или иной позиции, вырабатывает навык принятия решений, позволяет прочувствовать ответственность за их принятие.

Особенности построения анализа в форме дискуссии предполагают постановку преподавателем проблемных вопросов к ситуации, которые могут строиться на основе соотнесения определенных этических парадигм.

Практика показывает, что существуют определенные трудности в проведении ситуационного анализа – как для преподавателя, так и для студентов.

1. **Выбор экзотической темы для ситуационного анализа** в курсе той или иной дисциплины для студентов различных специальностей, который осложняется дефицитом времени. Так, в курсах гуманитарных дисциплин на тему «Экологическая этика» отводится не более 2–4 часов. Поэтому первая проблема – в том, каковы основания для выбора темы ситуационного анализа.

В курс «Философия» логично включить анализ ситуации, имеющей общемировое, глобальное значение. Это может быть, например, ситуация глобальной катастрофы, факт, имеющий значение для конкретной страны или нескольких стран, космическая деятельность человека, проблемы исчезновения или массовой гибели видов животных, что влечет за собой изменение экосистемы, катастрофическое загрязнение морей или рек, имеющих жизненное значение для населения нескольких регионов и т. п.

В курс «Культурология» можно включить анализ экологической ситуации, связанный с нарушением традиций тех или иных народов, что влечет за собой или отражает изменение менталитета народа (например, угроза экосистеме озера Байкал как священного озера для бурятов).

В курс «Социология» можно включить анализ ситуаций, связанных с негативным воздействием на жизнь общества или деятельностью общественных природозащитных движений (например, загрязнение экологии региона промышленными предприятиями, случаи из практики экорадикалов и т. д.). В курсе «Экология» имеется возможность провести этический анализ любой ситуации, влекущей за собой нарушение целостности экосистемы.

В курс «Политология» логично включить анализ ситуаций, связанных с нарушением международных отношений в результате преступной экологической деятельности той или иной страны (например, когда сброс загрязняющих веществ в одной стране катастрофически сказывается на экосистеме соседней страны – загрязнение рек Сунгари и Амура, катастрофа в Керченском проливе).

В курсе «Концепции современного естествознания» можно провести ситуационный анализ фактов разрушительного воздействия деятельности человека на природу и природные объекты как осмысление последствий научно-технического прогресса.

В курс «Этика» нужно включать ситуации морального выбора и ответственного отношения человека к объектам живой и неживой природы.

Важно, чтобы в процессе анализа этих ситуаций студенты могли пользоваться знаниями, полученными по основному предмету, могли вычленять столк-

новение интересов природы и человека, могли видеть и формулировать этическую составляющую этого конфликта и предлагать решения, основанные на принципах, которые уже выработаны в экологической этике (например, «устойчивого развития» Природы и человека или «здоровья экосистемы» и т. п.).

2. Определенную трудность представляет *составление текста* с описанием ситуации. Текст должен кратко описывать ту или иную экологическую ситуацию, критическое состояние которой является следствием человеческой деятельности, а улучшение ситуации зависит от того, какое решение будет принято людьми по ее разрешению. По объему описание ситуации не должно превышать одну страницу, по содержанию – излагать реальный факт конфликта природы (отдельных объектов живой и неживой природы) и человека (причем по «вине» как человека, так и природы, например разрушение прибрежного города в результате цунами) с указанием места и даты действия, или реальное событие, приведшее к конфликту нескольких сторон (как людей, так живых и неживых объектов природы), или сложившиеся обстоятельства, которые затрудняют дальнейшее благополучное существование вовлеченных сторон. Сама ситуация должна быть интересна для студентов – жизненна и драматична, она должна провоцировать конфликт, подталкивать к принятию решения. Желательно, чтобы описываемый в ситуации факт конфликта имел социальное, политическое, экологическое, экономическое значение. Важно, чтобы в ситуации четко просматривалась моральная коллизия, были затронуты ценностные основания жизни человека либо ситуация касалась прав и благополучия природы или ее отдельных объектов.

3. Важно подготовить *дополнительные материалы* для ситуационного анализа. Прежде всего в них должна быть предоставлена информация, характеризующая позицию каждой вовлеченной стороны.

Это может быть культурологическая, историческая, географическая, биологическая, экологическая справка об объекте природы. Материалы могут быть в форме интервью, экспертных оценок экологов в прессе, высказываний жителей населенного пункта, официальных заявлений властей, высказываний общественных организаций, работников предприятия. Это могут быть выдержки из газетных или научных публикаций, аналитические материалы или обзоры материалов, издаваемых общественными организациями.

Дополнительный материал позволяет студентам составить четкое представление о мотивах, интересах и предпочтениях сторон, вовлеченных в конфликт. Они у них, безусловно, разные. Иногда они могут совпадать, но по разным основаниям. Так, интересы государства и частных компаний в проведении Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. совпадают, но мотивы – разные. Общественные организации и экологи протестуют, но подписывают заключительные документы тоже по разным основаниям. Важно, чтобы студенты четко осознавали, почему та или иная сторона стремится именно к такому способу разрешения конфликта.

4. Большую роль играет четкая *постановка вопросов* для обсуждения. Вопросы составляются, исходя, во-первых, исходя из сути конфликта, описанного в ситуации; во-вторых, из тех задач, которые ставит препода-

ватель: чему он хочет научить студентов во время проведения дискуссии; в-третьих, вопросы должны выводить студента на обсуждение этического аспекта конфликта. Практика показывает, что вычленение нравственного или этического аспекта экологического конфликта – одна из основных сложностей ситуационного анализа.

Вопросы могут строиться на основе соотнесения определенных этических парадигм. Например, можно анализировать ситуацию с точки зрения утилитаризма и деонтологии Канта либо выстроить анализ, исходя из антропоцентризма, биоцентризма, экоцентризма, и показать особенности точек зрения на экологические ситуации каждого из этих подходов. В том случае, если преподаватель выбирает определенную «пару» подходов, то нужно четко следовать их ценностным основаниям, и выработка решений должна опираться на ценностные основания этих подходов.

Основным результатом ситуационного анализа в курсе «Экологической этики» должно стать изменение взглядов студентов на живую и неживую природу, признание за ней права на благополучие и устойчивое развитие, что будет свидетельствовать о расширении их морального сознания. Следствием этого изменения является выстраивание собственного поведения в конкретной нравственной практике и вдумчивое, ответственное принятие морального решения. Подобные навыки вырабатываются у студентов в том случае, если процедура состоит из: а) обсуждения ситуации и возможных вариантов решения, б) выработки согласованного решения, в) мониторинга гуманитарных последствий выработанных решений (П. Д. Тищенко). Анализ экологических ситуаций предоставляет возможность вырабатывать этот навык у студентов во время изучения курса «Экологическая этика».

Список литературы

1. Гусейнов, А. А. Размышления о прикладной этике / А. А. Гусейнов // Вестник научно-исследовательского института прикладной этики. Вып. 25. Профессиональная этика / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. – Тюмень : НИИПЭ, 2004. – С. 148–159.
2. Смолянинова, О. Г. Дидактические возможности метода «case study» в обучении студентов / О. Г. Смолянинова // Электронный ресурс: <http://www.ethicscenter.ru/teach/met.html>.
3. Кэллахан, Дж. От «прикладной» к практической: преподавание практических аспектов этики / Дж. Кэллахан // Электронный ресурс: <http://www.ethicscenter.ru/biblio.html#10>.

Практические рекомендации: задания для ситуационного анализа

Для более четкой ориентации при выполнении анализа участникам предварительно предоставляется справочный материал: *характеристики антропоцентрического, экоцентрического и биоцентрического морального сознания.*

Антропоцентрическое сознание. Высшую ценность представляет человек. Картина мира иерархична: на вершине – человек, затем созданные им вещи, внизу – природа. Цель взаимодействия с природой – удовлетворение прагматических потребностей человека. «Прагматический императив» – правильно то, что полез-

но человеку. Природа воспринимается как объект человеческой деятельности. Этические нормы и правила не распространяются на взаимодействие с миром природы. Развитие природы мыслится как процесс, который должен быть подчинен целям и задачам человека. Деятельность по охране природы продиктована дальним прагматизмом: необходимо сохранить природную среду, чтобы ею могли пользоваться будущие поколения.

Экоцентрическое сознание. Высшую ценность представляет гармоническое развитие человека и природы, характерен отказ от иерархической картины мира. Цель взаимодействия с природой – оптимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всех членов природного сообщества. Действует «экологический императив»: правильно только то, что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие. Природа воспринимается как равноправный субъект взаимодействия с человеком. Этические нормы и правила равным образом распространяются как на мир людей, так и на мир природы. Развитие природы мыслится как процесс коэволюционного единства. Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой.

Биоцентрическое сознание. Признается синкретичность мира (от греч. *synkrutismos* – объединение) и отвергается представление о нем как состоящем из отдельных самостоятельных объектов. Мир – это единое целое, и поэтому не существует разделения субъекта и объекта, «человеческого» и «нечеловеческого», человек не выделяется из мира природы. Биосферный эгалитаризм (от франц. *égalité* – равенство) требует равного права всех живых существ на жизнь и процветание, признания равной, внутренне присущей им самоценности, независимой от использования человеком. Принцип экологического самообеспечения требует от человека отказа от повышения жизненных стандартов ради дальнейшего развития. Человек может использовать природные ресурсы только в пределах, необходимых для самообеспечения существования человеческого вида. Материальные стандарты должны быть резко снижены, но качество жизни как удовлетворение духовных потребностей должно быть существенно улучшено.

По: Дерябо, С. Д. Экологическое сознание // Гуманитарный экологический журнал. – 2004. – Т. 6. Вып. 2. – С. 19

Вариант 1

Все участники делятся на три группы для предварительного анализа ситуации. Каждая из групп получает задание отвечать на вопросы с точки зрения одной из трех позиций: жителей региона, представителей местной власти, членов общественной природоохранной организации.

Следующий этап – занять и обосновать этическую позицию (антропоцентризма, экоцентризма, биоцентризма). Например, жители придерживаются антропоцентристской позиции, представители власти – экоцентристской, члены общественной организации – биоцентристской. Позиции рекомендуется менять.

Вопросы к участникам

1. Сформулируйте нравственную проблему предложенной ситуации.

2. Очертите круг заинтересованных сторон в разрешении данной ситуации. Чьи права, ценности и интересы затронуты в данной ситуации? Кто может оказывать влияние на разрешение данной ситуации, от кого можно ожидать рационального решения?

3. Что могут и должны сделать государственные органы, предприятия, НКО для улучшения ситуации в целом? Составьте перечень мероприятий по улучшению экологической ситуации для каждой из заинтересованных сторон. Какие возможны противодействия вашим рекомендациям?

4. Какие факты вам известны (возможны, вероятны), которые могут повлиять на улучшение ситуации?

5. Какая дополнительная информация необходима для анализа данной ситуации?

6. Уточните, существуют ли общественные движения в регионе анализируемой ситуации, ратующие за ее решение. Какова их программа действий, какова их реальная деятельность, каковы их возможности влияния на улучшение ситуации?

7. Дайте этическую оценку ситуации с точки зрения антропоцентризма, биоцентризма, экоцентризма, глубинной экологии.

8. Какие этические позиции занимает каждая из вовлеченных в ситуацию сторон? Какими ценностями и принципами они руководствуются?

9. Сформулируйте выводы по результатам анализа данной ситуации. Дайте им этическое обоснование.

10. Какими принципами уместно руководствоваться в отношениях с природой: здравым смыслом, ответственностью перед будущими поколениями, признанием равных прав всех живых существ, равных прав всех живых существ и неживой природы, профессиональным долгом, позицией максимально допустимого потребления?

Вариант 2

Участники обсуждения делятся на несколько групп по 6–7 человек. Им предлагается проанализировать ситуацию по следующей схеме:

1. Предложить 2–3 возможных варианта разрешения ситуации.
2. Изложить факты, поддерживающие каждое из предлагаемых решений.
3. Изложить сущность моральных принципов, лежащих в основе подбора фактов в предлагаемом перечне (например, принцип ответственности, принцип меньшего зла, принцип справедливого возмещения и т. д.).
4. Сформулировать и обосновать оптимальное, наиболее приемлемое решение.

Примерный план организации занятия

Вступительное слово преподавателя. Введение в ситуацию – 5 мин
Распределение по группам. Обсуждение ситуации в группах – 15 мин
Выступления групп – по 5 мин = 20 мин
Вопросы выступающим от других групп – по 3 мин = 12 мин
Принятие решения по проблеме Независимым Комитетом – 5 мин
Оглашение решения с обоснованием – 3 мин
Свободная дискуссия по проблеме – 15 мин
Заключение преподавателя – 5 мин

4.3.2. Ситуации для анализа

Ситуация 1. Этика экокатастроф: глобализация ответственности? Ситуация в Юго-Восточной Азии

Ситуация 2. Каспийская экосистема

Ситуация 3. Аболиционистское движение в экологии. Радикалы в защиту животных

Ситуация 4. Медицинские эксперименты на животных

Ситуация 5. Собачьи бои американских питбультерьеров. Необходим ли такой «спорт»?

Ситуация 6. Соревнования с участием лошадей

Ситуация 7. Доряды Атлантического океана

Ситуация 8. Проблема содержания домашних животных

Ситуация 9. Будни одной рядовой свалки

Ситуация 1. Этика экокатастроф: глобализация ответственности? (ситуация в Юго-Восточной Азии)

М. Д. Мартынова, г. Саранск

Конец 2004 г. был ознаменован природным катаклизмом, ставшим одной из самых масштабных катастроф столетия: 26 декабря произошло землетрясение, в зоне которого оказались Индонезия, Шри-Ланка, Таиланд, Бангладеш, Индия, Мальдивские острова. Сила подземных толчков достигала 8,9 балла по шкале Рихтера, что относит его к пятерке сильнейших на планете с 1900 г. По оценке экспертов, энергия подводного землетрясения в Юго-Восточной Азии была эквивалентной взрыву 9,5 тыс. атомных бомб Хиросимы. Мощнейшее цунами, возникшее в результате землетрясения в Индийском океане и обрушившееся на страны Юго-Восточной Азии, унесло жизни более 300 тыс. человек, оставило без нормальных условий существования 5 млн. человек, нанесло многомиллиардный материальный ущерб, серьезный урон природному балансу и грозило эпидемическим дисбалансом.

На побережье и островах Юго-Восточной Азии много курортов мирового значения, принимающих несколько миллионов туристов в год. Туризм обеспечивает пятую часть экономики Шри-Ланки. Зимние месяцы традиционно являются пиком туристического сезона на Таиланде, поскольку в это время кончается сезон дождей и устанавливается наиболее благоприятная для отдыха погода. Поэтому среди пострадавших от цунами, погибших и пропавших без вести было много туристов. В стране были разрушены многие водопроводы и резервуары с пригодной для питья водой, над регионом нависла угроза эпидемии.

Несмотря на все это, а также на то обстоятельство, что предполагались очередные подземные толчки, многие туристы отказывались улетать домой раньше времени. Среди них были даже семьи с детьми. В этих условиях главный санитарный врач РФ, Международная конфедерация обществ потребителей и

Российский союз туриндустрии обратились через СМИ к российским турагентам и гражданам, планирующим свой отпуск, с призывом воздержаться от поездок в страны, подвергшиеся стихийному бедствию: «Оценивая происходящее, можно сказать, что поведение граждан, бизнеса и государства будет служить индикатором состояния общества в целом. Насколько мы чувствительны к чужой беде и что для нас значат человеческие жертвы? Прежде всего нужно помнить, что все мы – люди, и важнее человеческой жизни, сострадания к родственникам погибших ничего нет. Трудно представить себе празднование Нового года в стране, где объявлен траур».

Понадобилось более полугода, чтобы расчистить то, что было популярными курортами, восстановление же туристической инфраструктуры началось только в 2006 г. Мировое сообщество выделило более \$ 2 млрд. на помощь странам, пострадавшим от катастрофы в Южной Азии. Крупнейший взнос сделало правительство Японии – \$ 500 млн., Всемирный банк – \$ 250 млн. ЮНИСЕФ направил \$ 81 млн. на помощь 1,5 млн. детей, которые в результате стихии остались без родителей, получили ранения или были больны в странах, пострадавших от цунами. Президент США обратился к конгрессу с просьбой об увеличении размера помощи пострадавшим от землетрясения и цунами в ЮВА до \$ 1 млрд. Американская администрация выделила пострадавшим в первые дни бедствия \$ 350 млн., еще \$ 650 млн. было выделено из оборонного бюджета. Американские граждане и частные компании в помощь пострадавшим от стихии собрали \$ 580 млн.

Россия была первой из стран, кто, не дожидаясь официального призыва, откликнулся на трагедию. 27 и 30 декабря самолетами МЧС в Шри-Ланку были доставлены палатки, одеяла, постельные принадлежности, а также станции для очистки воды. Россия выделила на ликвидацию последствий цунами более \$ 30 млн. Были развернуты два российских госпиталя – аэромобильный МЧС на Шри-Ланке и военно-полевой госпиталь на 200 человек на Суматре. В госпитале МЧС была оказана помощь более 1,5 тыс. человек, в том числе детям. Международные организации признали госпиталь лучшим учреждением в зоне бедствия. Многие российские деятели искусств давали благотворительные концерты, сборы которых перечислялись в фонд помощи пострадавшим. Помощь оказывали и те люди, которые сами пережили большую трагедию. Бывшие заложники и родственники погибших в результате теракта в Беслане перечислили 1 млн. рублей в фонд помощи пострадавшим.

Природная катастрофа продемонстрировала удивительные качества людей и животных. Так, представители природоохранных организаций Шри-Ланки были в недоумении: после страшного стихийного бедствия, обрушившегося на побережье Индийского океана, не осталось никаких следов гибели животных. Гигантские волны смыли все на расстоянии 3 км от побережья. В этой зоне находится уникальный природный заповедник Яла, в котором живут сотни диких слонов и десятки леопардов. Однако от удара стихии не пострадало ни одно животное. «Все слоны живы, все леопарды живы. Не погиб ни один кролик! Я думаю, у животных есть шестое чувство: они знали, что надвигается опасность, и ушли», – заявил директор парка. Однако разрушительные и катастрофические последствия цунами для окружающей среды вызывают большую обеспокоенность: ведь огромной волной смыты представители мелкой фауны, от насекомых до моллюсков.

Вместе с тем катастрофа в Юго-Восточной Азии, по крайней мере на какой-то момент, сплотила международное сообщество. Пожертвования, гуманитарные поставки и спасательные бригады со всего света продемонстрировали чувства сострадания и солидарности с жертвами наводнения, невзирая на границы. То, что обычно разделяет мир (национальность, религия или идеология) на сей раз не играло никакой роли.

И все же неужели для того, чтобы нечто подобное произошло, необходима природная катастрофа апокалипсического масштаба?

Источники: www.sibmedia.ru, www.redstar.ru, www.regnum.ru/news, www.newsru.com, www.utro.ru

Ситуация 2. Каспийская экосистема

М. Д. Мартынова, г. Саранск

Каспийское море – самое крупное из замкнутых водоемов мира. В нем сосредоточено около 90 % видов осетровых рыб, большое разнообразие птиц и эндемичных водных животных. Основная мировая добыча черной икры приходится на Каспий.

За последние полтора десятилетия под воздействием антропогенных и биохимических факторов резко ухудшилось состояние экосистемы Каспийского моря. Результаты исследований рыбохозяйственных институтов показывают, что под влиянием хронического загрязнения у промысловых рыб наблюдаются отклонения в жизнедеятельности важных систем организма, отвечающих за иммунорезистентность, репродуктивную функцию. Так, у осетровых наблюдается расслоение мышечной ткани, ослабление оболочек икры, патология гематогенеза, жировая дистрофия печени. Создается реальная угроза потери маточных стад.

Популяция осетровых рыб сокращается также из-за браконьерства. Специалисты утверждают, что по сравнению с 1995 г. объем браконьерского промысла осетровых пород на Каспии увеличился почти в 20 раз, а его ежегодные обороты достигают уже \$ 10 млрд. Причем для восстановления популяции этих рыб потребуется длительное время.

Продолжается и промысловый лов осетровых на Каспии, несмотря на то что эти виды находятся под угрозой полного уничтожения. Согласно квотам на прошлый год, Иран добыл 685,6 т осетровых, Россия – 394,56 т, Казахстан – 247,7 т.

Ежегодно на Каспии погибает более 30 тыс. тюленей. Причиной гибели животных стали неблагоприятные погодные условия (долгое время не было прочного льда), а также заболевания пастереллезом и хроническим токсикозом от загрязнения Каспия нефтепродуктами. За последние 10 лет популяция тюленей на Каспии сократилась в 3–5 раз, и если эта тревожная динамика сохранится, то вскоре встанет вопрос о включении этого вида в Красную книгу Всемирного союза охраны природы (IUCN).

Появление на Каспии рыбы-гребневика, съедающей кормовую базу кильки, также является последствием нефтедобычи. Ведь именно при нефтеперевозках гребневик и был занесен в Каспий. По последним данным, уже погибло 250 тыс. т кильки, что составляет более 40 % всего запаса этого вида рыбы Каспия.

Загрязненность экосреды отразилась и на состоянии водоплавающих птиц. Начиная с 1981 г. ежегодно на морском побережье к востоку от устья Урала наблюдается массовая гибель птиц. Их трупы обнаруживаются на протяжении 300–350 км. В 1988 г. только ветром западного направления было выброшено на берег около 250 тыс. птиц 27 видов, а с учетом отнесенных в открытое море и прибитых к тростниковым зарослям эта цифра значительно увеличивается. Подобная тенденция наблюдается и сейчас.

В целом экосистема Каспия оценивается как предкризисная и может ухудшиться в результате крупномасштабного вторжения в природную среду планируемого освоения мелководий северо-восточной части для добычи нефти (по имеющимся данным, в недрах Каспия сконцентрировано приблизительно 26 млрд. т нефти и более 3 трлн. м³ природного газа, что намного превышает природные ресурсы многих других морей и закрытых бассейнов).

Загрязнение Каспия в основном происходит из-за сброса бытовых, промышленных и сельскохозяйственных отходов, а также в результате эксплуатации нефтяных и газовых скважин. Объем смешанной нефтепродукции, попадающей в Каспий, превышает норму в 8 раз, объем фенола и тяжелых металлов – в 3 раза. В прибрежной зоне Каспийского моря сегодня находятся более 200 городов и поселков городского типа. По приблизительным подсчетам, только Баку вливает ежегодно в море до 300 млн. м³ неочищенной воды. Ситуацию усугубляют и подземные тоннели, через которые также просачиваются в бассейн грязные воды и промышленные отходы. Но самое опасное загрязнение, безусловно, нефтяное: 1 т сырой нефти загрязняет 12 км² морской территории. В результате нарушаются биологический баланс бассейна, его природное равновесие. На суше только на территории Апшеронского полуострова сконцентрированы до 3 тыс. заброшенных нефтяных скважин, общая площадь нефтяной загрязненности здесь составляет более 35 тыс. м² территории, а для очистки современным оборудованием только 10 га земли требуется почти \$ 5 млн.

В этих условиях особую озабоченность вызывает состояние здоровья населения, четыре поколения которого постоянно проживают в зоне активного загрязнения атмосферы, почвы и водных ресурсов нефтепродуктами. Ряд исследований свидетельствует о связи некоторых заболеваний с нефтяными загрязнениями. Заболеваемость крови и кроветворных органов в этих регионах выше в несколько раз. Здесь очень высок уровень младенческой смертности – 37 случаев на 1000 новорожденных, 90 % рождающихся детей страдают анемией. Угрожающие масштабы приобретают туберкулез и другие респираторные заболевания (например, в Казахстане, в Атырауской и Мангыстауской областях этот показатель превышает общереспубликанский на 91 %).

Источник: www.iiewsrn.eoro

Ситуация 3. Аболиционистское движение: радикалисты в защиту животных

Группа людей в масках и капюшонах под покровом ночи врывается в питомник при исследовательском центре и выпускает собак, предназначенных на заклание ради науки. Это типичная операция одного из движений в защиту животных. Они появились в 1970-х, в годы мирных демонстраций против охоты.

Идея активистов проста: в мире, где господствует человек, братья наши меньшие не способны за себя постоять, поэтому наш долг – делать это за них и не вредить им. Против тех, кто этот долг не выполняет, самыми действенными средствами оказалось запугивание, материальный ущерб, насилие.

«Я услышал мощный грохот, увидел голубую вспышку, в меня брызнуло стекло», – вспоминает сторож лаборатории Бристольского университета, где проводились эксперименты над животными. Лабораторию пытались поджечь, посылали в ее адрес по почте вредные вещества, нападали на сотрудников, в конце концов в 1989 г. разрушили бомбой. «Это акт терроризма, а с терроризмом нужно бороться, будь это попытки взорвать самолет или университет», – говорил министр образования и науки Кеннет Бейкер. Тогда его поддержали около тысячи ученых, в том числе шесть нобелевских лауреатов. Они подписали *Декларацию об использовании животных в медицинских экспериментах*. «Качество жизни людей по всему миру улучшилось благодаря таким исследованиям, благодаря тому, что побеждены многие болезни», – говорилось в этой декларации. Прошло четверть века, и снова британские ученые подтверждают, что лучше, например, проверять действие новых лекарств сначала не на человеке, а на существе с похожим организмом. Успехи генетики в последние годы поднимают спрос на подопытных животных со сходным набором хромосом. В то же время подчеркивается необходимость поиска альтернативных видов исследования.

Между тем защитники прав животных применяют все более изощренные средства. Это заметил подписавший оба документа профессор патологии из Лондона сэр Колдин Берри. «Выступления против опытов над животными принимают все более сложные формы, – говорит ученый. – Например, попытки перекрыть финансирование компаний, даже косвенно причастных к таким опытам. Шантаж, дискредитация людей, работающих на эти компании. В конце концов у исследователей становится меньше партнеров. По-моему, мы имеем дело с еще более высоким уровнем организации данного типа терроризма».

Как ни называй эти действия, они весьма эффективны. Например, протесты и акции привели к прекращению строительства многомиллионного центра изучения приматов в Кембридже, спонсоры перестали оказывать помощь новой медицинской лаборатории в Оксфорде.

Шесть лет сопротивлялась ферма морских свинок в Стаффордшире. Психологическое давление на тех, кто их разводит для опытов, достигло наивысшего накала в прошлом году, когда с кладбища были похищены останки 82-летней родственницы свиноводов. Ферма объявила, что прекращает многолетнюю борьбу и закрывается. «Они не победили и никогда не победят. Морских свинок будут разводить в другом месте, и жизнь будет продолжаться», – сказал фермер.

Защитники фауны снимают с фермы осаду и ищут себе другой объект. Ибо, как выразился участник одной из демонстраций, живодеров в Англии еще много. «Это больные, порочные, извращенные монстры, которые превыше всего ставят человеческую жизнь», – говорит он об ученых.

Источник: www.rambler.ru, www.inopressa.ru, www.lenta.ru

Ситуация 4. Медицинские эксперименты на животных

Новости медицины. 30.03.2006

Предварительные испытания на животных лекарства, отправившего на больничную койку шестерых участников медицинского эксперимента в Британии, показали, что оно вызывает серьезные побочные эффекты. Об этом сообщила немецкая компания – разработчик нового препарата. Согласно заявлению представителей Tegenero, в ходе испытаний препарата TGN1412 на обезьянах у животных зафиксировано набухание лимфатических узлов. 15 марта шестеро добровольцев, принявших участие в первом этапе клинических испытаний TGN1412, были в тяжелейшем состоянии доставлены в лондонскую больницу Нортвик Парк. Через несколько минут после введения препарата у участников эксперимента начались сильнейшие боли в мышцах, судороги, приступы удушья и рвота. Врачи констатировали у них обширные воспалительные процессы в различных тканях и множественную дисфункцию внутренних органов. Тяжелейшие отеки до неузнаваемости изменили внешность пострадавших. По данным компании Tegenero, набухание лимфатических узлов, выявленное после введения TGN1412 у подопытных обезьян, было незначительным. Организаторы эксперимента известили о нем контролирующие инстанции и добровольцев, готовившихся испытать препарат на себе. TGN1412 предназначен для лечения хронических воспалительных процессов при таких заболеваниях, как ревматоидный артрит, рассеянный склероз и лейкомия. По данным врачей клиники Нортвик Парк, в течение последних нескольких дней состояние трех пострадавших значительно улучшилось, их отключили от аппаратов искусственного дыхания. Четвертый больной находится в сознании, однако пока не может дышать самостоятельно. Состояние двух других пациентов продолжает оставаться критическим, врачи отказываются делать прогнозы о их шансах на выздоровление.

Источник: www.bbcussian.com

Ситуация 5. Собачьи бои американских питбультерьеров. Нужен ли такой «спорт»?

В. Боронникова, г. Минск

Сегодня собачьи бои, хоть и запрещены официально, тем не менее проводятся регулярно и строго регламентированы. Белорусские владельцы собак выставляют своих питомцев в основном в российских соревнованиях. Там выведение собак в питомниках и зарабатывание денег таким способом стало для многих бизнесом.

На сегодняшний день основная «бойцовая порода» – американский питбультерьер, который столетиями выводился исключительно для собачьих боев. Главной задачей было не столько создать идеальную «машину для убийства», сколько развить в собаке бойцовский дух, безудержную отвагу в сочетании с неумолимой жадой бороться и побеждать любого противника, несмотря на его размеры и силу.

Отношение к собачьим боям зависит, прежде всего, от того, как их воспринимать. Можно тешить самолюбие за счет побед своего питомца, можно любо-

ваться силой и мужеством бойцов, можно, в конце концов, зарабатывать на этом деньги. Но можно иметь отважного и ласкового друга и, невзирая на его принадлежность к «опасной» породе, не подвергать его таким жестоким испытаниям, как собачьи бои.

Описание ситуации

Молодой семье минчан в качестве свадебного подарка был преподнесен щенок американского питбультерьера. Оба супруга в свое время были заядлыми «собачниками», но содержали собак других пород. Галан был здоровым, веселым щенком, всеобщим любимцем, которому прощались все мелкие щенячьи проказы.

Через некоторое время выяснилось, что у молодой пары ожидается прибавление семейства. Уйдя в декретный отпуск, Ольга занималась домом и продолжала заботиться о собаке. Соседи поначалу были не совсем довольны присутствием рядом пса столь грозной породы, однако Галан отличался таким веселым и неагрессивным нравом, что вскоре завоевал всеобщую любовь.

После рождения дочери Ольга стала часто чихать и кашлять. Доктора успокаивали расстроенных супругов тем, что это аллергия на собачью шерсть, которая должна пройти после периода грудного вскармливания. Супруги не желали расставаться с питом, и их друг Олег согласился взять собаку к себе на полгода. Навещать пса так часто, как хотелось бы, у Ольги и Андрея не получалось, но в те редкие дни, когда они встречались, Галан был неизменно ласков и добр по отношению к хозяевам, будто бы понимал, что скоро вернется в семью. Появление жесткого поводка у Галана Олег объяснял строгими правилами содержания «бойцовых пород».

С некоторых пор встречи собаки с хозяевами стали все реже по причине занятости Олега. Оказывается, новый хозяин стал водить Галана на тренировочные собачьи бои, не поставив в известность его хозяев. По словам Олега, у Галана обнаружились способности ведения *глубокого гейма* – качества, которыми обладают немногие питбули. Победить такую собаку нельзя, ее можно только убить.

Но уже через несколько месяцев Олег позвонил Андрею и попросил срочно приехать к нему, ничего не сообщая Ольге. В квартире друга Андрей обнаружил истекающего кровью, с рваными ранами на теле Галана. Пес участвовал в 4 боях. В последнем поединке после очередной атаки его «порвал» соперник. Собака не скулила, а только печально смотрела Андрею в глаза и лизала ему руки. Приехавший по вызову ветеринар усыпил ее.

Сегодня в семье Ольги, Андрея и маленькой Оксаны снова живет питбультерьер. Псу 7 лет. За всю свою жизнь он не проявил агрессивности ни к одному живому существу, отличается добрым и терпеливым нравом. В честь своего предшественника он назван Галаном.

Вопросы для обсуждения

А. 1. Предположите, как сложилась бы судьба Галана, останься он в первой семье.

2. Определите возможные мотивы поступка Олега. Какие цели, на ваш взгляд, он преследовал и можно ли найти им моральное оправдание?

3. Можно ли сказать, что суть проблемы заключается не в принадлежности собаки к бойцовой породе, а в человеке, который ее вырастил и воспитал?

4. Как вы понимаете слова «моральное отношение к животным»? К кому из участников событий их можно применить? Обоснуйте свою точку зрения.

Б. Вред, ущерб подразумевает любое действие (намеренное или нет), которое посягает на настоящее или будущее благополучие животного посредством пренебрежения или ограничения любого из следующих прав:

- право на жизнь;
- право на естественное поведение;
- право не испытывать боль, не подвергаться нанесению повреждений;
- право не испытывать страх и стресс и др.

1. Если собаки породы питбультерьер выводятся с целью участия в боях, «необходим» ли им поединок и является ли стремление к подобному поведению естественным?

2. По мнению кинологов, «необходимость драться заложена в бойцовских собаках на генетическом уровне... этим породам в любом случае необходима физическая разрядка». Не нарушается ли этот пункт в случае отказа владельца от участия его питомца в матчах?

3. Какие еще права животного нарушаются без серьезного на то морального основания?

4. Можно ли считать, что именно от человека зависит, какие из инстинктов собаки развиваются какие из инстинктов собаки развиваются в доминирующие, и тогда такое поведение ее и будет естественным?

5. Считаете ли вы, что право не испытывать боль в данном случае не нарушается, так как у собак породы питбультерьер порог чувствительности таков, что боли и/или страха они не испытывают?

6. Как вы думаете, испытывает ли собака «моральное страдание» в случае поражения?

7. Стоит ли ожидаемый результат (медали, дипломы, регалии) здоровья и жизни, которые приносит в жертву владелец, выводящий на ринг свою собаку?

8. Существует ли веская моральная причина, моральное оправдание собачьих боев? Не являются ли собачьи бои реализацией собственных амбиций человека?

В. 1. Прокомментируйте слова эксперта Всемирного общества защиты животных Sheelagh Graham: «От жестокого и небрежного отношения к животным черствеет сердце; такое отношение уродует и человека, и животных». Всегда ли жестокость к животным связана с жестокостью к людям?

2. Являются ли животные орудием для удовлетворения потребностей человека или они имеют самостоятельную ценность живых, чувствующих существ?

3. Являются ли морально оправданными развлечения людей в результате мучений и/или лишения жизни других существ?

4. В природной среде поединок мотивируется продолжением рода, завладением пищей, жилищем и др. Определите «цели» и «мотивы» собак-гладиаторов. Чьи и какие цели и мотивы реализуются посредством собачьих боев?

Г. Проанализируйте следующие утверждения, приведите аргументы в защиту и против выраженной позиции:

– Цель разведения данной породы – собачьи бои, в процессе которых выявляются рабочие, генетически обусловленные качества собак-гладиаторов. Владение собакой, не участвующей в боях, не имеет никакого смысла.

– Пока храбрость и отвага будут цениться человеком, будет существовать и живое воплощение этих качеств – питбультерьер.

– Негуманными и жестокими следует считать только бои питбуля с собакой другой породы, не предназначенной для этого.

Д. Основное отличие боев питбулей состоит в отсутствии в них элементов шоу. Питбультерьеры дерутся молча. Собаки сшибаются, демонстрируют подсечки, захваты, броски, борьбу в партере, но чаще просто держат друг друга мертвой хваткой, без красивых и эффектных элементов боя. Владельцам таких собак необходимо долго восстанавливать здоровье и нервную систему собаки после боя, особенно если поединок длился долго. Бывали случаи, когда не только побежденные, но и победители умирали не от ран, а от потери сил, смертельной, в прямом смысле этого слова, усталости, которую усиливал мощный стресс.

– Что для вас означают понятия «спорт» и «спорт с участием животных»? Соотнесите эти понятия. В чем состоит их отличие?

– Можно ли назвать бои питбультерьеров спортом? Аргументируйте свою позицию.

– Справедливо ли, что общественное мнение, как правило, настроено против определенной породы собак, а не в отношении безответственных владельцев?

– Попытайтесь разработать предложения, касающиеся нравственно-правового регулирования видов спорта с участием животных.

Дополнительная информация

Власти Сан-Франциско приняли постановление, обязывающее хозяев стерилизовать и кастрировать собак породы питбультерьер, признав их опасными. Члены городского совета поддержали постановление единогласно. Хозяевам, не кастрировавшим своих питбультерьеров, грозит штраф в \$ 1000.

Согласно статистическим данным, примерно треть из 200 умерших от укусов собак американцев в период с 1979 по 1998 г. стали жертвами атак именно питбультерьеров, хотя, по мировой статистике покусов людей, американские питбультерьеры занимают третью строчку с конца. По мнению кинологов, проявлять агрессивность и наносить укусы способна любая собака. У питбуля же отсутствие агрессивности к человеку является одним из породных признаков. Это объясняется стабильностью нервной системы, поскольку на протяжении столетий агрессивная реакция этих собак в отношении людей убиралась заводчиками на генетическом уровне, т.е. отбраковывались злобные собаки.

В начале 1990-х годов в Россию и Беларусь стали попадать собаки, которых раньше мы видели только на картинках зарубежных кинологических изданий: мастифы и мастино, бордоские и аргентинские доги, бульмастифы, питбультерьеры. Это был период, когда на щенках можно было сделать быстрые и относительно легкие деньги. Появилась категория людей, которые в погоне за наживой спаривали собак практически непрерывно. Поскольку питбультерьеры не признаны международными кинологическими организациями и не участвуют в общих выставках, экстерьер для них не имеет особого значения. Это позволило предприимчивым дельцам наладить производство фальсификатов в огромном количестве.

Существует несколько почти родственных пород терьеров: бультерьер, американский питбуль, стаффордширский терьер, американский бульдог. Все они когда-то были своего рода гладиаторами, а теперь стали просто семейными собаками – компаньонами или личными телохранителями. Среди них много собак ласковых, неагрессивных, не способных на насилие. Но есть и серьезные сторожа, и бойцы, которые требуют хорошего воспитания и твердой руки хозяина, понимающего толк в такой собаке. Разведение этой породы невозможно без тестирования собаки *на гейм*.

Дело в том, что по внешнему виду щенка невозможно определить, вырастет ли из него настоящий боец. Но даже если собака от рождения обладает геймом, ей необходимы специальные тренировки. Кроме полноценного питания и курса общей дрессировки, подготовка собаки к бою включает в себя бег за автомобилем и до трех месяцев интенсивных тренировок на тренажерах. Обязательны анализы мочи и крови, тесты на гормоны и гемоглобин. И, тем не менее, понять, обладает ли питбуль геймом, можно только на ринге. Молодая собака сначала участвует в кратковременных учебных боях длительностью от 5 до 20 мин. Последним испытанием становится матч с опытным соперником, который продолжается от 30 мин до часа. Только в том случае, если собака проявила желание победить, ее хозяин может рассчитывать на подписание контракта.

Существуют единые правила проведения собачьих боев во всем мире – CAJUN. Перед боем владельцы собак заключают контракт, в котором оговаривают основные условия: от количества зрителей до суммы выигрыша. Бывают открытые и закрытые бои. Последних большинство, причем хозяева собак мотивируют это тем, что не хотят огласки, а животные не любят большого числа людей. Непременное условие, за нарушение которого налагаются штрафные санкции, – одинаковая весовая категория соперников. Одно из главных правил традиционных матчей состоит в том, что хозяева моют перед боем чужих собак. Дело в том, что в старину, когда на кон ставились целые состояния, случалось, что в шерсть своей собаки владельцы втирали пахучие вещества и даже яды пролонгированного действия. Вот почему по неизменным правилам вы имеете право даже лизнуть (в прямом смысле этого слова) собаку противника, чтобы убедиться, что нет противозаконных втираний.

Собака сразу же дисквалифицируется, если в течение всех процедур зарычала или огрызнулась на чужого человека. Бой оканчивается либо с наступлением момента, заранее оговоренного в контракте (до первой крови или до первого серьезного повреждения), либо когда хозяин решает остановить поединок, либо собака отказывается сопротивляться. Проверка способности защищаться называется «скрейтч». Бойцов растаскивают и разводят по разным углам ринга. Собаке надо перебежать ринг и вцепится в соперника. Если она это не делает, то считается проигравшей.

Лет 70 назад, когда в США были запрещены собачьи бои, образовалась декоративная ветвь питбультерьеров, у питов появилось шоу-направление, для них даже ввели титул «Пурпурная лента». На монопо родных выставках стали учитывать экстерьер и не тестировать рабочие качества. Многие кинологи и владельцы таких собак считают, что «если так пойдет дальше, то очень скоро мы потеряем бойцовую породу и будем иметь собаку, напоминающую питбультерьера только мордой, но утерявшую то, ради чего ее создавали – геймес!».

Словарь терминов

Гейм (англ. *game* – боевой дух, азарт) – способность вести бой в условиях запредельной физической усталости.

Глубокий гейм (*dead game*) – смертельный гейм; победить такую собаку нельзя, ее можно только убить.

Скретч – атака.

Ситуация 6. Соревнования с участием лошадей

И. Абдрашитова, г. Саранск

Современные соревнования с участием животных вызывают все нарастающие опасения со стороны организаций, борющихся за права животных. В средствах массовой информации нередко можно встретить описания жестокого обращения с быками, лошадьми, собаками. Сторонний наблюдатель, скорее всего, испытает сострадание по отношению к животным и возмущение методами разводчика и владельца. Но не все так однозначно в сфере спорта. Если одни спортсмены и дрессировщики будут использовать только гуманные методы, то они обречены на неуспех, так как другие могут использовать прежние методы дрессуры. Если же одни из них поднимут шум, то они нарушат корпоративную этику. При всей очевидности жестокого обращения с животными нужно учитывать, что запрет на негуманные методы по отношению к животным, их регламентацию необходимо проводить постепенно и в спорте в целом. Требуется не только соглашение между всем спортивным сообществом, но и переоценка ценностей, где на первое место будет ставиться не победа любой ценой, а прежде всего – уважение к правам любых существ на Земле.

Описание ситуации

В феврале 2006 г. в Италии был раскрыт незаконный канал поставок допинговых препаратов для лошадей. Было арестовано 25 человек (жокеи и тренеры, аптекари, врачи и санитарные служащие), конфисковано 82 лошади. Арестованным предъявлены обвинения: создание преступной группировки с целью мошенничества и нанесения ущерба обществу, занимающемуся организацией и проведением конных соревнований, хранение и продажа допинговых лекарственных препаратов. В ходе расследования выяснили, что лошадям для улучшения показателей давали стимуляторы для дыхания, анаболики, средства для релаксации мышц, гормоны и кортикостероиды, анестетики и антигистаминные препараты, виагру, которая у животных становится мощным стимулятором сердечной и дыхательной деятельности.

Недалеко от Неаполя также был закрыт нелегальный ипподром площадью 30 тыс. м², где были расположены беговые дорожки, трибуны, боксы на 80 лошадей, автостарт, вышка для судей, стоянка для автомобилей. Ипподром был досмотрен и опечатан, но вскоре вновь начал функционировать.

Напичканные препаратами животные участвовали в гонках как на легальных, так и нелегальных стадионах, на которых часто организовывались тотализаторы, велась мошенническая деятельность. В 2005 г. бы-

ло проведено 153 обыска от Сицилии до Эмилии, 38 фамилий было внесено в списки подследственных. Полиция заявила: «Есть и еще одна причина, более серьезная, чем незаконные действия во время скачек: введение фармакологических препаратов лошадям вызывает большую тревогу и беспокойство, поскольку животные в конце своей спортивной жизни направлялись на бойню. Конина оказывалась в специализированных магазинах, ее продавали, не зная того, что мясо напичкано гормонами – веществами, которые могут нанести серьезный ущерб здоровью людей, способствовать повышению опасности возникновения онкологических заболеваний».

Источник: <http://palm.newsru.com/sport/28feb2006/viagra.html>

Методические рекомендации

Студенческая аудитория делится на три группы:

- первая группа анализирует проблему благополучия лошадей в сфере спорта;
- вторая группа выявляет социально-этический аспект проблемы;
- группа экспертов предоставляет нормативную программу, являющуюся результатом сложения «Кодекса поведения FEI для благополучия лошади» и собственных суждений. Выступление представителей каждой группы – 20 мин и 5 мин – на взаимные вопросы. В завершение – выводы преподавателя и общий вопрос для всех групп: «Какой пункт вы хотели бы внести в нормативную программу, предложенную группой экспертов?» (10 мин).

Вопросы для групп

Блок вопросов для первой группы

1. Как вы думаете, имеют ли лошади самостоятельную ценность, не зависящую от пользы для человека?
2. Очертите круг заинтересованных сторон в разрешении данной ситуации. Чьи права и интересы затронуты?
3. Считаете ли вы, что пренебрежение к благополучию лошади является равным пренебрежению к благополучию человека? Почему?
4. Согласны ли вы с заявлением, что напичканная лекарствами конина, оказывающаяся в специализированных магазинах, является более серьезной проблемой, чем незаконные действия во время скачек? Почему?
5. Как вы думаете, возможен ли отказ от всех видов эксплуатации животных, связанных с причинением страданий животным, от использования животных в зрелищных мероприятиях?
6. Какими принципами вы руководствовались при ответе на вопросы?

Блок вопросов для второй группы

1. Очертите круг заинтересованных сторон в разрешении данной ситуации. Чьи права и интересы затронуты?
2. Какой ущерб могут нанести подобные случаи обществу, занимающемуся организацией и проведением конных соревнований?
3. Как вы думаете, почему после того как был закрыт нелегальный ипподром под Неаполем, он вновь начал функционировать?
4. В чем сходство между допинговыми скандалами на спортивных соревнованиях в целом и данной ситуацией?
5. В чем их различия?

Блок вопросов для третьей группы

1. Очертите круг заинтересованных сторон в разрешении данной ситуации. Чьи права и интересы затронуты?
2. Предложите нормативную программу, в которой была бы отражена возможность пресечения жестокости по отношению к скаковым лошадям, для чего:
 - обозначьте пункты в «Кодексе поведения FEI (Международная федерация конного спорта) для благополучия лошади», которые были нарушены;
 - определите, какие пункты являются наиболее важными для данной ситуации;
 - дополните «Кодекс поведения FEI для благополучия лошади».

Дополнительная информация для группы экспертов:

«Кодекс поведения FEI для благополучия лошади»

1. Во всех видах конного спорта субъектом первостепенного значения должна быть признана лошадь.
2. Благополучие лошади должно быть поставлено выше интересов и потребностей коннозаводчиков, тренеров, всадников, владельцев, дилеров, организаторов соревнований, спонсоров или официальных лиц.
3. Обращение с лошадью, уровень ее ветеринарного обслуживания должны гарантировать здоровье и благополучие лошади.
4. Постоянно должны соблюдаться и поощряться высочайшие стандарты кормления лошади, охраны ее здоровья, норм санитарных условий жизни и безопасности.
5. При транспортировке лошадей необходимо обеспечивать условия, отвечающие всем требованиям содержания лошади: вентиляцию, кормление, водопой и поддержание здоровой окружающей среды.

Источник:

<http://www.greenmama.ru/nid/49960/?PHPSESSID=0925a190e2ae77b34d2212f6601721f3>

Дополнительный материал для всех групп

1. Что считается допингом в конном спорте?

В любом другом виде спорта это нечто, способное искусственно улучшить результаты. С лошадьми все несколько сложнее. К скачкам, например, такое понятие вполне подходит – там есть определенная дистанция, которую надо пройти с максимальной скоростью. Можно чем-либо воздействовать на лошадь, чтобы она прошла эту дистанцию резвее, чем могла бы по своим природным возможностям. А вот в конкуре – работа лошади не только физическая, но и, если можно сказать, интеллектуальная. Улучшить с помощью медикаментов качества движений, данные от природы, высоту прыжков, работу спортсмена, заложенную в лошадь, качество подготовки невозможно. Зато можно, например, скрыть хромоту или успокоить излишне возбудимую лошадь. Если лошадь получила травму перед соревнованиями, то ей больно, она бережет больную ногу. Если обезболить ей конечность, она не будет чувствовать боли, начнет полностью ее нагружать – выступит лучше. После соревнований ее состояние, конечно, ухудшится, но это будет уже после.

Для конкура может применяться и обратный вариант. Изначально лошадь не хочет и не умеет прыгать в высоту через препятствие. В реальной жизни она его лучше обойдет. Прыгать ее учит и заставляет человек. Чтобы заставить лошадь прыгать как можно выше, в кожу втирают раздражающее вещество. Если лошадь задевает препятствие, она будто касается его обнаженным нервом, естественно, начинает поднимать ноги как можно выше и всеми силами старается не задеть препятствие. Кроме того, лошадь, как любое благородное животное, обладает повышенной возбудимостью, которая может помешать соревнованиям. Например, в выездке даже хорошо подготовленная лошадь на пике возбуждения ничего не показывает, в конкуре возбудимая лошадь не может сделать ни одного хорошего прыжка. Перед преодолением препятствий в конкуре есть специально отведенное время, дающее возможность всаднику успокоить лошадь, настроить ее на соревнования. Но если контакта у всадника с лошадью не налажено, то применяют ряд средств, тоже, разумеется, запрещенных, которые снимают возбуждение.

Что же разрешено? Разрешены массаж, физиотерапевтические процедуры, такие как применение магнитных попон и накладок, лазер, иглоукалывание. Но даже на проведение всех этих процедур нужно получить письменное разрешение ветеринарного делегата Федерации конного спорта.

В список запрещенных Федерацией конного спорта препаратов входят практически все сильнодействующие лекарства: субстанции, влияющие на центральную нервную, сердечно-сосудистую, мочеиспускательную, иммунную системы, желудочно-кишечный тракт. Запрещено также

использование антибиотиков, препаратов с антивирусными свойствами, болеутоляющих лекарств, понижающих температуру и т. д.

Наказания за применение запрещенных веществ очень серьезные, и ответственность лежит целиком на владельце лошади. Владелец не может сказать, что не знал о препарате, дал его лошади случайно, по незнанию. Все корма, выдаваемые спортивным лошадям, обязательно должны содержать пометку «не содержат запрещенных добавок» и проходить контроль у ветеринара. Лечение лошади также должно согласовываться с ветеринарным врачом.

Попадет ли лошадь в число исследуемых на присутствие запрещенных препаратов или нет? На большинстве международных соревнований для исследования произвольно выбираются не менее 5 % участвующих лошадей. То есть, если вашу лошадь отобрали на допинг-контроль, это еще не значит, что вас подозревают в нарушении. Это просто случайный выбор и относиться к этому надо спокойно. Но кроме случайно выбранных лошадей исследуются еще и лошади, которые вызывали какие-либо сомнения у членов ветеринарной комиссии на выводке, но были допущены до соревнований. Всегда очень большое внимание привлекают лошади, претендующие на призовые места. Кроме того, на финалах Кубка мира, чемпионатах мира и Олимпийских играх в обязательном порядке исследуются лошади участников, занявших первые четыре места. Если соревнования командные, в каждой из команд, занявших первые четыре места, для исследования отбирается одна лошадь.

Источник:

<http://www.povodok.ru/rest/ahorse/art3493.html>

2. Известно, что скачки на лошадях широко проводились в Индии и Древней Греции, по крайней мере, еще в 1000 г. до н. э., а возможно, и раньше. Скачки составляли главную часть программы Олимпийских игр в Древней Греции, проводившихся с VII века до н. э. Вначале соревнования включали только бег колесниц, запряженных четверкой. Позже были добавлены скачки на лошадях, а также соревнования колесниц с парными упряжками и состязания для мальчиков-всадников. Значение этих олимпийских состязаний было велико, победителей чествовали, как героев. Скачки в Древнем Риме стали чрезвычайно популярны благодаря покровительству и участию в них таких императоров, как Калигула, Нерон, Домициан.

...В результате селекционного отбора, проходившего в XVIII и XIX веках, увеличились размеры и улучшились скоростные качества вновь созданной чистокровной верховой породы. Это привело к значительному сокращению дистанции скачек: с 6,5–9,5 до 5 км, что позволило породе демонстрировать не выносливость, а свои скоростные данные. К

тому же ускорилось созревание лошадей, и они стали участвовать в скачках с более молодого возраста.

В XVIII веке в Великобритании впервые были разработаны национальные правила и положения о проведении скачек. Тогда же был основан первый жокей-клуб, получивший полномочия контролировать проведение конных состязаний. Впервые были зафиксированы официальные рекорды, начали регистрироваться клички лошадей, а их родословные заносились в племенные книги. Участвовать в конных скачках стало весьма авторитетным занятием. Вначале владелец лошади сам должен был участвовать в скачках, или сажать в седло своего приятеля, либо, если требовался небольшой вес, приглашать жокея.

Источник:

<http://www.loshadi.ru/cgi-bin/maine.cgi?page=sportone&link=00009Q:00009V>

3. В каждой стране свои традиции развития конного спорта. Во Франции выездка, построенная на точных фигурах, существовала на протяжении нескольких веков. Это было не развлечение, а искусство, которому версальская школа придала величие и блеск. В Англии не было ни академий, ни школ верховой езды, ни теории конного спорта. Здесь всегда считалось, что лошадь – верный товарищ на тренировках, а конный спорт – лучший способ свободно прогуляться на свежем воздухе. В странах Востока верховая езда развивалась как особое боевое искусство стрельбы из лука с коня. История этого прекрасного вида спорта в России тоже началась не вчера. Офицерские скачки (стипл-чейзы на четыре версты) проводили в Красном Селе с 1820 г. Конное дело в царской империи издавна было поставлено на широкую ногу.

Источник: <http://www.tovary.ru/a-id-6232.html>

4. В течение длительного времени скачки и игра на них, по существу, неотделимы друг от друга. Перед организаторами соревнований стоит постоянная дилемма: как сохранить честный характер скачек и предотвратить нечестные манипуляции со стороны их участников. На протяжении столетий скандалы сопутствуют проведению скачек, поскольку всегда есть желающие заработать легкие деньги по чьей-либо просьбе. Самым верным путем для получения несправедливого преимущества является возможность помешать лошади победить путем некачественнойковки или другими средствами, препятствующими ей показать на соревнованиях лучший результат. Более сложно заставить лошадь бежать резвее своих обычных возможностей с помощью скармливания ей запрещенных возбуждающих фармакологических средств или применения каких-либо колющих предметов. Эти и другие нечестные приемы продолжают отрицательно сказываться на этом виде конного спорта, хотя благодаря применению видеозаписи и лабораторных тестов их стало определить гораз-

до проще, чем раньше. В любом случае скачки и игра на них должны существовать вместе, так как в большинстве стран состязания зависят от определенного процента общей суммы заключенных ставок, который идет на организацию соревнований.

Источник: <http://www.horse.ru/oloshadi/structure.php?&cur=2039>

Ситуация 7. Дорады Атлантического океана

Д. Ермаков, г. Новомосковск

В ночь на 29 января 1982 г. Стивен Каллахэн поднял паруса на своей небольшой яхте, направляясь с Канарских островов в Карибское море. Шесть дней спустя яхта затонула, и Каллахэн оказался посреди Атлантики на дрейфующем надувном спасательном плотике, имея с собой лишь около килограмма продовольствия и четырех литров пресной воды. История дрейфа – это история страха и отчаяния, героизма и надежды... История странника, познавшего мрачные бездны мироздания и человеческой души.

Описание ситуации

Фрагмент 1. 17 февраля, день тринадцатый

Кто-то начинает резко и сильно колотить меня снизу по спине и по ногам. Но это не акула, а дорады*. Раз за разом они бьют по выступам в днище плота, туда, где он прогибается. Выстроившись широким фронтом, точно идущие в массированный налет бомбардировщики, дорады по дуге заходят на мой плот с носа.

На всякий случай я направляю ружье в сторону проплывающего под плотом тела. «На, получай!» Бум! Оглушенная рыба замирает в воде. Я тоже оглушен неожиданностью. Вытаскиваю ее на борт. Спазматически дергается дубиноподобная голова. Прыжком навалившись сверху, я прижимаю ее голову к фанерному квадрату, который служит мне разделочной доской. Взгляд большого круглого глаза дорады встречается с моим. Я чувствую ее нестерпимую боль. Поколебавшись, вонзаю в ее глазницу нож – сопротивление усиливается еще больше. Вот-вот она вырвется совсем. Следи за острием! *Сейчас* не до жалости. Нашупав нож, всаживаю его в рыбий бок, проворачиваю его там, пока не нахожу позвоночник и не переламаываю его пополам. Трепет пробегает по ее телу, мутнеет умирающий взгляд. Я откидываюсь назад и разглядываю свою добычу.

Вокруг плота поднимается суматоха. Я заметил, что эти рыбы часто держатся парами. Осиротевшая подруга погибшей дорады с нестихаю-

*Дорады – крупные и сильные морские рыбы длиной около 1 м и массой около 10 кг. Славятся как большое лакомство.

щей яростью снова и снова бросается на меня в атаку. Но я стараюсь игнорировать ее увесистые тумак в течение всех трех часов, которые уходят на разделку моего улова.

Не меньше тридцати дорад собирается возле меня для ночного эскорта. Они стучат по плоту, словно взбудораженная, разгневанная толпа, затеявшая суд Линча. До моих ушей доносится тихий ропот: «Ты заплатишься за это убийство, человек!». «Отстаньте от меня! – кричу я им. – Что вы ко мне пристали?» Отбиваясь от их нападков, я раз за разом взвожу ружье и спускаю тугую тетиву, стреляя наудачу в середину сбившейся под плотом рыбьей стаи. Одну рыбину никак не удастся отогнать. Механически пережевывая ломтик плоти ее супруга, я наблюдаю, как она разворачивается в воде для новой атаки. А мясо оказывается не таким уж деликатесом, как я полагал.

Фрагмент 2. 18 марта, день сорок второй

Слева от меня возникает силуэт большой рыбы. У меня уже выработалась привычка бить только наверняка, но сегодня вряд ли представится другой случай. Чем черт не шутит! Бац! Точное попадание. Но почему-то все тихо. Покрепче перехватываю свое оружие и с замиранием сердца перегибаюсь через борт. Огромная голова уставилась на меня остекленным глазом. Недвижно замер чуть приоткрытый рот. Не шевелятся одеревеневшие закрытые жабры. Гарпун воткнулся точно в полосу, которая проходит вдоль всего тела и указывает местоположение спинного хребта. На древке можно разглядеть зазубрины, недалеко отстоящие от законечника, а значит, моя жертва пробита не насквозь. Подтаскиваю рыбину поближе и, взявшись за копьё поудобнее, осторожно начинаю ее поднимать. Еще одно, последнее усилие... Бултых! Кидаюсь вперед в надежде еще подхватить свою добычу, но поздно. Гладкое тело выскальзывает у меня из рук.

Огромная рыбина медленно погружается в пучину, вращаясь, словно сорвавшийся с дерева яркий осенний листок. Она уходит все глубже, и медленно меркнет слепой блеск безжизненных глаз. Остальные дорады наблюдают за происшествием. Они провожают тонущего собрата, их тела, как пальцы, хотят достать его. Рыбы сближаются под водой, как живые лепестки цветка, распутившегося на стебле мертвого тела. Крошечный цветок все вращается, уходя в глубину, вот он становится меньше, меньше и, наконец, исчезает. Солнце зашло. Из черной воды на меня глядит пустота. И долго-долго я всматриваюсь в бездну.

19 марта, день сорок третий

В сердце моем не утихает скорбь по большой дораде, *напрасно* умерщвленной накануне вечером. Пытаюсь убедить себя, что депрессия моя вызвана голодом, но терзающая меня горечь утраты имеет под собой

другую, не только прагматическую почву. Неудача на рыболовном поприще для меня не новость, на них я давно не обращаю внимания. Случившееся было убийственно в эмоциональном отношении. Дорады перестали быть для меня просто пищей. Я привязался к ним сильнее, чем к домашним животным. Я вижу в них существа, равные мне, а кое в чем и превосходящие. Они дают мне телесную и духовную пищу. В нападении и защите они достойные соперники, а потому – достойные друзья. Я благодарен им за пищу телесную и духовную и почтительно отношусь к их силе. Странно, но порой убийство животных вдохновляет нас на обожествление своих жертв. Я могу, конечно, *оправдать* убийство дорады необходимостью спасения собственной жизни, но делать это мне становится все труднее и труднее. Последняя смертельная схватка никому не принесла пользы. Я лишил рыбу жизни, а себя – поддержки ее духа. Мне кажется, что я совершил тяжкий грех, что все происшедшее таит в себе очень дурное предзнаменование. Тем не менее я понимаю, что если хочу выстоять до конца, то должен продолжать охотиться на дораду. И сегодня надо быть готовым совершить новое убийство.

Фрагмент 3. 22 марта, день сорок шестой

Грезы о еде, которые меня одолевают, стали еще более яркими, чем прежде. Иногда я ощущаю запах пищи, однажды я даже ощутил вкус воображаемого блюда, но пища эта все же не материализуется. Реальное ощущение голода не покидает меня даже после еды. Затеваю еще одну попытку загарпунить дораду. Надо как-то изловчиться, чтобы попасть рыбе в брюхо. Лезвия ножей вспыхивают под солнечными лучами. Моя острога изящно вонзается под самый спинной хребет дорады и пробивает в ней огромную дыру. Подхватываю оружие левой рукой и достаю бьющуюся рыбку из воды, подняв копьё острием кверху. В яростной борьбе стараюсь пригвоздить ее к спальному мешку. Когда мой нож сокрушает, наконец, ее позвоночник, вокруг все забрызгано икрой и кровью. Ну и что? Зато у меня снова есть пища! Я неуклюже прыгаю от радости, вопя: «Пища! Пища!»

Уроки, извлеченные при разделке, не прошли даром: я нахожу новые мясистые участки в голове дорады. Но еще важнее для меня новые источники влаги – от жирных студенистых глазниц до слизистых покровов, расположенных глубоко в полости жабр. За борт я выбрасываю лишь дочиستا обглоданный череп. Первый раз за целый месяц я чувствую себя сытым. Удача пришла в критический момент. Мне очень нужно было немножко везения. Воспринимаю эту рыбу как добрый знак, точно так же, как убив, но потеряв большую дораду, я чувствовал, что то было дурным знаком. Тогда мои предчувствия оправдались. Надеюсь, что и на этот раз они меня не подведут, и в моей жизни наступит светлая полоса.

Задания для ситуационного анализа

1. Три фрагмента описывают события, отстоящие друг от друга во времени на несколько недель. Расположите фрагменты текста в хронологической последовательности. Объясните свое решение.

Примечание. При предъявлении текста студентам даты не указываются, только номера фрагментов. После выполнения студентами первого задания преподаватель сообщает правильную последовательность фрагментов и даты событий.

2. Как меняется отношение С. Каллахэна к дорадам по мере плавания? Какие мотивы преобладают в начале путешествия, какие – после? Почему?

3. Объясните, какой этический смысл вкладывает С. Каллахэн в слова, выделенные жирным курсивом.

4. Можно ли считать нормальным человека, который различает в стае рыб супруга убитой дорады, слышит рыбий ропот и отвечает ему:

а) с психологической точки зрения; б) с этической точки зрения?

5. Кто из участников событий 17 февраля вызывает у вас большее сострадание – человек, убитая рыба, ее «супруга»? Почему? Попробуйте оценить ситуацию с позиции одной из дорад стаи. Изменился ли ваш ответ?

6. Когда 18 марта С. Каллахэн упустил убитую дораду, он посчитал это дурным предзнаменованием. Действительно, через несколько дней раненая им на охоте рыба утащила с собой стрелу подводного ружья, проткнув при этом одну из камер плота, что сильно осложнило и без того не легкую жизнь одинокого мореплавателя.

6.1. Почему путешественник видит причину этого несчастья в «напрасном» убийстве дорады 18 марта? Согласны ли вы с ним? Если да, справедливо ли последовавшее наказание за убийство?

6.2. Можно ли согласиться, что светлая полоса в жизни путешественника, приведшая к его спасению на семьдесят шестой день плавания, обусловлена тем, что 22 марта ему был «добрый знак»: он поймал большую рыбу, тщательно разделал ее и впервые почувствовал себя сытым?

7. Выделяются два основных типа экологического сознания – антропоцентрическое и экоцентрическое. Можно ли однозначно отнести экологическое сознание С. Каллахэна к тому или иному типу? Найдите в тесте примеры, иллюстрирующие этическую противоречивость его поведения (мыслей, высказываний, поступков).

Источник: Каллахэн, С. В дрейфе. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 264 с.

Ситуация 8. Проблема содержания домашних животных

М. Рогожа, г. Киев

Проблема содержания домашних животных редко становилась предметом серьезного внимания этиков. Работы по этике животных

(Сингера, Кларка, Ригана, Родда) практически обходят эту проблему; защитники прав животных критически настроены по отношению к факту продажи животных и лишь иногда касаются случаев жестокого с ними обращения либо злоупотреблений, связанных с их содержанием. Это относится скорее к возражениям против утилитарного их использования, а не к самому факту их содержания.

Описание ситуации

В киевской семье в трехкомнатной квартире многоэтажного дома живет Герда, чистокровная трехлетняя далматиниха, имеющая паспорт. Хозяйка собаки, работающая женщина, имеющая двух детей-подростков, в свое время не записала Герду в кинологический клуб, так как не видела в этом особой необходимости. По ее мнению, животное в доме – это любимец, а не источник дохода; кроме того, членство в клубе платное, да и сборы, тренировки, выставки отнимают свободное время, которого катастрофически не хватает.

Герду случили с чистокровным далматином, также имеющим паспорт и тоже не состоящим в клубе. Весной Герда родила 8 щенков. Роды были очень тяжелые, вызванный ночью ветеринар в домашних условиях проводил операцию, и хозяйка ему ассистировала. Все щенки родились живыми и здоровыми, Герда также осталась жива.

Хозяйка собаки до этой ночи радовалась неожиданной возможности заработать на щенках (в Киеве их продают по \$ 100–150) и уже подумывала о том, чтобы серьезно заняться разведением далматинцев. Бессонная ночь возле едва не умершей Герды, ассистирование при операции и вердикт доктора, что Герда больше не сможет выносить и родить щенков, изменили отношение хозяйки к коммерческим проектам. Когда щенки подросли достаточно, чтобы их забрать от Герды, для хозяйки, отдававшей их за символическую плату, главным была «надежность рук» новых хозяев.

Однако выяснилось, что один из щенков глухой. Никто из обратившихся по объявлению не хотел забирать глухую собаку. Дочь упрашивала хозяйку оставить щенка дома, обещая весь уход за ним взять на себя. Но хозяйка упорно отказывалась, объясняя это тем, что: 1) очень дорого содержать двух собак; 2) в квартире мало места для двух достаточно крупных животных; 3) глухая собака требует особого ухода, дополнительного внимания и специальных тренировок.

Хозяйка обратилась в частный приют с просьбой принять глухого щенка, но получила отказ, мотивированный тем, что поскольку его родители не состоят в клубах, то он не представляет рыночной ценности, а благотворительностью они не занимаются. Работник приюта категорично заявил, что ни один питомник или приют не возьмет неklubную собаку.

Отчаявшаяся хозяйка обратилась в несколько частных ветеринарных клиник с просьбой усыпить собаку, но ни один из ветеринаров не согласился сделать этого, мотивируя отказ тем, что собака здорова, а глухота не является изъяном, несовместимым с жизнедеятельностью животного. По рекомендации родственников и друзей хозяйка разместила на сайтах трогательное обращение о поисках «настоящего хозяина и друга» от имени щенка. На следующий день после размещения этого объявления близкая подруга хозяйки рассказывала эту историю в салоне красоты своему парикмахеру. Сидящая в соседнем кресле женщина заинтересовалась и самой историей, и щенком. Она как раз подыскивала для своей дочери собаку, так как та очень переживала недавнюю смерть умершей от старости далматинихи, и забота о глухой собаке могла бы заглушить боль потери.

Хозяйка Герды поехала проверить, действительно ли щенку могут быть созданы хорошие условия и в надежные ли руки она отдает выстраданного щенка. Общение с девочкой и осмотр большого частного дома убедили хозяйку, что этим людям она сможет отдать щенка. На протяжении еще нескольких месяцев старые и новые хозяева созванивались, старые – проверяя «надежность рук», новые – заверяя в хорошем уходе.

После того как глухой щенок был отдан, хозяйке Герды начали поступать многочисленные звонки по объявлениям на сайтах от охотников с просьбой продать глухого щенка. Оказывается, глухие собаки обладают повышенным нюхом и зрением, более сообразительны и легче поддаются дрессировке. В качестве охотничьих они ценны еще и тем, что не пугаются звуков выстрелов.

Вопросы

Блок 1

1. Определите главные действующие стороны в данной ситуации (хозяйка Герды, работники приюта, ветеринары в клинике, новые хозяева глухого щенка, охотники).

2. Какие мотивы преследовала каждая из действующих сторон? Какие из этих мотивов вы считаете корыстными?

3. Кто из действующих лиц мог рассматривать глухого щенка с точки зрения его «внутренней ценности»?

4. Какая из действующих сторон рассматривала прямые, а какая – косвенные обязанности по отношению к животным в процессе принятия решений относительно глухого щенка?

5. Прав ли работник приюта, отказавшийся принять глухую собаку? Почему? Как могут быть морально оценены его действия с точки зрения различных экоэтических подходов? Насколько возможно применять на практике этические аргументы в дискуссии с наемным работником част-

ного предприятия? Допустима ли этическая оценка действий такого работника?

6. Почему ветеринары отказались усыпить глухого щенка? Насколько совместим их отказ с принципами ветеринарной этики?

7. С точки зрения какой этической теории могут быть морально оправданы действия хозяйки Герды на каждом из этапов:

- отказ оставить глухого щенка у себя дома;
- поиски приюта для глухого щенка;
- посещение ветеринарных клиник с целью усыпить животное;
- размещение объявления на сайтах;
- «инспекция» новых хозяев?

На каких этапах действия хозяйки аморальны и не могут быть морально оправданы?

Блок 2

Какая моральная аргументация может быть применена к распространенной по всему миру практике содержания домашних животных в качестве «любимцев»? Расположите аргументы «за» и «против» содержания домашних животных по следующим пунктам:

- психологическая польза для человека;
- польза для животного;
- злоупотребления, связанные с содержанием домашних любимцев;
- коммерческое использование.

Поясните свое расположение аргументов.

Дополнительная информация

Далматин – порода собак, красота экстерьера которой – результат селекции, одним из побочных эффектов которой является глухота (среди далматинов по этой причине самый высокий процент глухоты из всех пород собак).

Источник: <http://www.zooclub.ru/dogs/porod/289.shtml>

Ирина Жукова, журналист:

Если глухота и другие проблемы являются следствием отбора по окрасу, то породу далматин можно отнести к породам «рискованной селекции» (если называть так отбор в направлении, противоположном направлению естественного отбора), требующим более осторожных методов отбора. Важно осознать, что эстетические требования на определенном этапе вступают в противоречие с рабочими критериями и даже начинают угрожать физическому здоровью собаки. В связи с этим надо решить, прежде всего, принципиальные вопросы: будут ли сохраняться в породе уникальные физические возможности и крепкое здоровье – и тогда было бы целесообразнее отступить к старому типу окраса, более темному в целом, зачастую с врожденным пятном. Или порода окончательно переходит в разряд чисто декоративных, и селекция будет продолжаться

по линии усовершенствования окраса, и тогда неизбежно придется снизить планку физических требований, в том числе и по слуху. В любом случае вряд ли возможно в «зоне риска» работать жесткими методами: с одной стороны, отбором по окрасу продуцировать физические несовершенства, а затем безоговорочно выбраковывать собак, полученных в результате подобного целенаправленного разведения. ...Если принять во внимание, что в нашей стране в настоящее время тестирование с помощью аппаратуры, достоверно определяющей слух собаки, мало реально из-за его дороговизны, то возможность регуляции процента глухоты через окрас приобретает у нас особое значение.

Вопросы

1. Моральную аргументацию какого рода применяет журналистка?
2. Как бы вы ответили на вопросы, которые ставит журналистка в приведенном отрывке статьи? На каких ценностях вы основываете свои ответы?

Ситуация 9. Будни одной рядовой свалки

Н. Хафизова, г. Пермь

Цель занятия: осмыслить соотношение понятий «экологическая культура» и «экологическое сознание»; актуализировать понимание важности экоэтики как элемента экологической культуры и экологического сознания.

Каждый раз, выезжая за город – на дачу, по грибы да ягоды или на речку, человек хочет отдохнуть от шума, серости и загрязненности города. И вроде бы уже приготовился отдохнуть, как вдруг глаз натывается на спонтанно организованную свалку мусора – и расслабление куда-то исчезает. То ли от нарушенной гармонии созерцания красоты, то ли от взявшей вдруг из глубин души боли – боли задыхающегося в грязи природного пространства. И пока едешь, подобных пять-шесть свалок да и насчитаешь.

И ведь понимаешь, что хоть пространство и дикое, но оно – часть какого-то административного деления, руководство которого отвечает за порядок во всем. С другой стороны, понятно, что загрязняется оно не этим руководством, а рядовыми горожанами. Можно, конечно, попытаться их понять, сославшись на пресловутый менталитет, доставшийся нам якобы в наследство от коллективно-обезличенной эпохи, где общее означало, по сути, ничье. И потому, быть может, природа, вернее, та ее часть, которая не полезна в данный момент кому-то конкретному, и воспринимается как пустота, которую легче всего заполнить отбросами (а почему бы и нет: мусор – уже не пустота). Но если люди не видят полезности природы, неужели у них пропало чувство прекрасного, неужели оно настолько нивелировалось под грузом «полезности», «эффективности», «выгоды» и т. п.? Возможно также, что люди позволяют себе делать то, что уже сделали до них; это как снежный ком, и логика поступков такова: я выкидываю, потому что

уже есть куда выкидывать, мало того, какая с меня ответственность – не я же первый. Можно все понять, по крайней мере, представить, что толкает людей на такое отношение к природе. Но как, например, понять бессмысленность ситуации, когда проезжающая мимо машина, останавливается, из нее высовывается рука, выбрасывающая очередную порцию мусора, и уезжает. Что, нельзя было до города довести и выбросить мусор в положенном месте? И все же эта картинка – лишь лирическая прелюдия к очень рядовому далее описанному сюжету.

Описание ситуации

На реке Сылва в Пермском крае существует совхоз «Жабреи», рядом с которым расположились четыре дачных кооператива. По дороге к ним на земле совхоза спонтанно образовалась свалка, которая за 7–8 лет превратилась в огромную кучу гниющего мусора со всеми сопутствующими обстоятельствами: крысами, бродячими собаками, специфическим запахом и т. п. Жители кооперативов три года назад, обнаружив «вдруг» ее размеры, обратились к руководству совхоза с просьбой убрать свалку, так как сфера ответственности за порядок на этих землях лежит на нем. На эту просьбу руководство ответило отказом, заявив, что свалка – «дело рук» членов кооперативов, пусть сами и убирают. Но размеры свалки были таковы, что требовалась техника, которой кооперативы не располагали, да и средств собранных не хватало, чтоб ее нанять. В тот год был включен «административный ресурс»: член одного из кооперативов имел связи с высшим руководством города и края, так что в совхоз «позвонили» и проблема была решена в два дня.

На следующий год весной на расчищенном месте опять стала образовываться свалка. К осени руководство всех четырех кооперативов, памятуя о том, каково им было эту проблему решать в прошлом году, обратились с просьбой выйти на субботник. Из 15 тысяч человек (!) пришло около 20 (!), чьими усилиями в четыре «ездки» вывезли весь мусор (была нанята машина), за что им было заплачено по 500 рублей.

Весной 2007 г. руководство развесило плакаты на территории кооперативов и в месте бывшей свалки, запрещающие свал мусора; никаких санкций по отношению к нарушителям не предусматривалось. Но к осени ситуация, хоть и в меньшем размере, повторилась; был объявлен субботник, на который практически никто не пришел (6 человек, усилиями которых мусорная куча была сделана более компактной). Те же, кто на субботник не пришел, комментировали свой отказ так: за «бесплатно» только дураки работают... Кто мусорит, пусть и убирает, и если правления кооперативов не смогли вычислить, кто это делает, пусть сами и убирают.

А свалку было решено оставить до весны...

Предлагаемые темы и вопросы для обсуждения

1. Экологическая культура

1. Причины возникновения ситуации?
2. Какие факторы влияли на поведение людей в решении проблемы?
3. Какие ценностные установки лежали в основе их действий?

4. Выделите ключевые моменты, по которым можно было бы отследить наличие или/и отсутствие экологической культуры в данном сюжете. Дополните список критериев экологической культуры.

5. Назовите этические категории, которые являются необходимой частью экологической культуры.

6. Дайте содержательное определение экологической культуры.

2. Экоэтическая составляющая ситуации

1. Назовите мотивы основных участников разрешения ситуации. Проиграйте мотивы вариантов на каждом из этапов решения проблемы.

2. Имел ли место конфликт интересов? В чем он проявился?

3. Определите, какие этические категории необходимы для анализа данной ситуации.

4. Какое место занимает экологическая и этическая составляющая в решении проблемы?

5. Смоделируйте, при каких условиях эта ситуация могла бы быть с ярко выраженной экоэтической составляющей.

3. Ответственность в экологии: субъект и формы проявления

1. Кто является субъектом ответственности в ситуации: а) возникновения свалки; б) ликвидации свалки?

2. В чем проявлялось ответственное и/или безответственное поведение участников ситуации?

3. Какого типа действия должны были бы присутствовать в ответственном поведении людей, чтобы усилить экологическую составляющую ситуации?

4. Предложите свой, наиболее ответственный, на ваш взгляд, вариант решения проблемы.

Литература, рекомендуемая для подготовки и проведения анализа всех ситуаций

1. Авдонин, А. Н. Экологическое сознание: состояние и причины пассивности / А. Н. Авдонин [и др.] <http://www.ecoethics.mrsu.ru/ru/biblio/filtex.html>

2. Валитова, А. И. Экологическое сознание: сравнительный анализ / <http://www.ecoethics.mrsu.ru/ru/biblio/filtex.html>

3. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера. / В. И. Вернадский. – М. : Айрис-Пресс, 2007.

4. Йонас, Г. Принцип ответственности / Г. Йонас. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – С. 211–214, 222–225, 235–239.

5. Каган, М. С. Культура и природа: экологические проблемы теории культуры / М. С. Каган // М. С. Каган. Философия культуры. – С-Пб. : Петрополис, 1996.

6. Каландаров, К. Х.. Экологическое сознание. Сущность и способы формирования / <http://www.ecoethics.mrsu.ru/ru/biblio/filtex.html>

7. Кошелева, В. Экология и нравственность / <http://www.ecoethics.mrsu.ru/ru/biblio/filtex.html>

4.4. Твоя экологическая культура

Анкета для студентов высших учебных заведений и колледжей

На каждый вопрос анкеты (кроме вопросов 3, 22, 23) следует выбрать один вариант ответа. На вопросы 3, 22, 23 можно выбрать столько ответов, сколько сочтете нужным.

1. Какое место, по вашему мнению, занимает «человек разумный» в живой природе?

1.1. Человек имеет большую ценность по сравнению с другими существами (он «венец природы», «царь природы» и т. д.).

1.2. Человек – существо, равное со всеми живыми существами природы.

1.3. Человек – «вредное» для природы существо.

2. Считаете ли вы, что принцип «благоговения перед жизнью» относится:

2.1. Преимущественно к жизни человека.

2.2. К любой форме жизни.

2.3. К разумным и чувствующим формам жизни.

2.4. Не понимаю этого принципа.

3. Экологическая этика настаивает на священности жизни. Является ли, по вашему мнению, священной:

3.1. Жизнь комара.

3.2. Жизнь вируса СПИДа.

3.3. Жизнь диких животных.

3.4. Жизнь всех животных.

3.5. Только жизнь человека.

3.6. Только человека, который сам не убивает людей.

3.7. Только человека, который не убивает ни людей, ни животных.

3.8. Жизнь есть жизнь, она не является ни священной, ни несвященной.

4. Считаете ли вы, что:

4.1. Ценность природных объектов определяется степенью их пользы для человека.

4.2. Природа (живая и неживая) самоценна, безотносительно к пользе для человека.

4.3. Затрудняюсь ответить.

5. Считаете ли вы человека «паразитом» на теле Земли?

5.1. Да, считаю, но человек в этом не виноват, это биоценоз.

5.2. Да, считаю, но при этом человек обязан заботиться о своем «носителе».

5.3. Нет, не считаю.

6. Как вы относитесь к возможности «взаимной любви» с природой? Считаете ли вы, что любовь к природе предполагает ожидание от нее взаимности?

6.1. Хотелось бы в это верить, но человек не заслужил такой взаимности.

6.2. Такая взаимность невозможна: природа – не разумное существо.

6.3. Никогда не думал об этом.

7. Следует ли распространить «золотое правило нравственности» на природу?
- 7.1. Да, к природе надо относиться так же, как хочешь, чтобы она относилась к тебе.
- 7.2. Нет, поскольку природа не может ко мне сознательно «относиться», «золотое правило» по отношению к ней неприменимо.
- 7.3. Хотя «золотое правило» неприменимо к природе, люди должны нравственно к ней относиться, исходя из других нравственных соображений.
8. Как вы полагаете, может ли дальнейшее развитие медицины и биологии привести к отрицательным последствиям для экологии человека (общества в целом и отдельных его представителей)?
- 8.1. Да, это может нести угрозу прекращения разумной жизни на Земле из-за нарушения естественных процессов.
- 8.2. Нет, отрицательных последствий не будет, если человек будет контролировать применение своих достижений (запретит биологическое оружие, клонирование и т. д.).
- 8.3. Никто не может знать точно.
9. Как вы полагаете, при проведении медико-биологических исследований или мероприятий могут ли интересы общества быть выше интересов отдельного человека?
- 9.1. Да, такое вполне может случиться.
- 9.2. Нет, это противоречит принципам гуманизма.
- 9.3. Если польза для общества будет значительно больше, чем ущерб интересам отдельной личности.
10. Может ли, по вашему мнению, социальный статус человека (уровень его общественной полезности, заслуг) быть критерием для принятия решений по поводу каких-либо медико-биологических манипуляций (например, срочная операция или пересадка органов)?
- 10.1. Да, считаю, что общество должно в первую очередь заботиться о наиболее ценных гражданах.
- 10.2. Нет, медицинские манипуляции должны проводиться по жизненным показаниям, невзирая на социальный статус человека.
- 10.3. Все зависит от ситуации.
11. Является ли современная форма биологического существования человека (конечность жизни, способ размножения, форма получения энергии в виде потребления пищи и т. д.) обязательной и в будущем для человеческой цивилизации?
- 11.1. Да, это необходимые законы природы.
- 11.2. Нет, человечество может и должно позаботиться о своем усовершенствовании.
- 11.3. Не понимаю, о чем идет речь.
12. Следует ли при проведении биомедицинских исследований с участием человека ориентироваться на соотношение риска и пользы для испытуемых?
- 12.1. Да, и проводить их только при значительном перевесе предполагаемой пользы.
- 12.2. Ради будущего блага следует идти на риск даже при минимальных шансах на успех.

- 12.3. Никто не может предвидеть результата, поэтому лучше об этом не думать.
13. Считаете ли вы по моральным или религиозным основаниям недопустимыми медицинские вмешательства в репродукцию человека?
- 13.1. Считаю аморальным/греховным только аборт.
- 13.2. Считаю аморальным/греховным не только аборт и контрацепцию, но и искусственное оплодотворение.
- 13.3. Все это – личное дело человека, и он вправе распоряжаться своим телом.
14. Считаете ли вы, что в случае обнаружения на стадии беременности возможных физических или психических отклонений у будущего плода:
- 14.1. Будущей матери из соображений гуманности следует избавиться от неполноценного ребенка.
- 14.2. Следует сохранить жизнь плода, поскольку она принадлежит ему, и никто не имеет права решать за него.
- 14.3. Это слишком ответственное решение, я не знаю.
15. Считаете ли вы, что эвтаназия – добровольный безболезненный уход из жизни – это:
- 15.1. Гуманная помощь умирающему человеку избавиться от страданий и реализовать свое право не только на жизнь, но и на смерть.
- 15.2. Легальная форма убийства и самоубийства, потворство слабости и лазейка для преступности.
- 15.3. Я против эвтаназии, но считаю, что должен быть принят закон, дающий человеку такое право.
16. Считаете ли вы необходимыми ограничения на забор и использование органов от живых доноров при трансплантации?
- 16.1. Да, иначе они станут предметом «купли-продажи».
- 16.2. Нет, поскольку это делает невозможным добровольное «дарение» органов своим близким.
- 16.3. Затрудняюсь ответить.
17. Как вы относитесь к клонированию человека?
- 17.1. Я – за; это прогресс науки, возможность воспроизвести выдающихся людей или просто близких.
- 17.2. Я – против; это покушение на человеческую индивидуальность и неповторимость, опасность тиражирования злодеев или олигархов.
- 17.3. «Поживем – увидим».
18. Ваше отношение к экспериментам на животных:
- 18.1. Считаю, что без них не обойтись во имя спасения жизни и здоровья человека.
- 18.2. Считаю, что необходимо изыскивать и применять альтернативные методики, заменяющие животных, особенно в учебном процессе.
- 18.3. Затрудняюсь ответить.
19. Считаете ли вы, что охоту на животных, содержание животных в цирках, уличные аттракционы с использованием животных следует запретить?
- 19.1. Да, это негуманно.
- 19.2. Нет, это вошло в традиционный образ жизни человека.

19.3. Затрудняюсь ответить.

20. Как вы относитесь к использованию животных для производства одежды и обуви из натуральных меха и кожи?

20.1. Спокойно: это необходимо и полезно для здоровья человека.

20.2. Негативно: это варварство по отношению к животным.

20.3. Можно носить мех и кожу только специально выращенных для этого животных, но не диких.

20.4. Вполне можно обойтись искусственными заменителями.

20.5. Это не самая большая проблема.

21. Считаете ли вы необходимой борьбу с курением?

21.1. Да, во имя защиты окружающей среды.

21.2. Нет, это «капля в море».

21.3. Нет, считаю такую борьбу нарушением прав курящего человека.

21.4. Да, курение – нарушение прав некурящего человека.

22. Как вы считаете, от кого зависит сохранение природы для будущих поколений? (обведите кружком цифру в нужной графе таблицы)

		В полной мере	Частично зависит	Не зависит	Не знаю
22.1.	От государства	1	1	1	1
22.2.	От неправительственных общественных организаций	1	1	1	1
22.3.	От каждого члена общества	1	1	1	1
22.4.	От меня	1	1	1	1
22.5.	От бизнеса (степени его экологической ответственности)	1	1	1	1
22.6.	От степени экологической ориентированности системы образования	1	1	1	1
22.7.	От семейного воспитания	1	1	1	1

23. Отметьте те пункты, которым обычно следуете в повседневной жизни:

23.1. Стараюсь не покупать полиэтиленовые, пластиковые пакеты.

23.2. Распечатываю текст на черновиках, если нет необходимости в обратном.

23.3. Участвую в городских субботниках.

23.4. Не жгу костры там, где запрещено.

23.5. Читаю на упаковке состав продуктов, которые покупаю.

23.6. Не использую в пищу продукты, содержащие генно-модифицированные организмы.

23.7. Покупаю продукты в больших экономичных упаковках.

23.8. Не покупаю продукты быстрого приготовления.

23.9. Смотрю, есть ли на товарах экологическая маркировка.

23.10. Стараюсь избегать покупки одноразовых предметов: бритв, зажигалок и т. п.

23.11. Участвую в экологических митингах, демонстрациях.

23.12. Работаю на даче.

23.13. Забочусь о домашних животных.

23.14. Участвую в выпуске экологических газет, стендов.

23.15. Участвую в работе природоохранной общественной организации.

Какой?

24. Считаете ли вы, что природу следует охранять и заботиться о ней:

24.1. Ради сегодняшних интересов человека.

24.2. Во имя будущих поколений.

24.3. Ради нее самой.

25. Как вы оцениваете свой уровень экологической культуры?

25.1. Высокий; 25.2. Достаточно высокий.

25.3. Средний; 25.4. Низкий. 25.5. Затрудняюсь ответить.

4.5. Библиография по проблемам экологической этики

1. Анохина, В. В. Этнодинамика экологического сознания и диалог культур / В. В. Анохина, А. В. Барковская, Е. В. Хомич // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета. – Минск, 2001. – С. 371–376.

2. Анохина, В. В. Экологическое измерение белорусской культуры и архетипы народного сознания / В. В. Анохина // Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры. – Минск, 1994. – С. 170–181.

3. Антология экологической мысли: цивилизации Востока / науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск, 2003. (Экологическая мысль народов мира).

4. Антология экологической мысли: Западноевропейская цивилизация / науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск, 2006. – (Экологическая мысль народов мира).

5. Аттфилд, Р. Этика экологической ответственности / Р. Аттфилд // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – С. 203–257.

6. Барковская, А. В. Антропосоциальная парадигма в философии природы / А. В. Барковская. – Минск, 2000.

7. Бганба-Церера, В. Р. Становление экологической этики: проблемы и перспективы / В. Р. Бганба-Церера. – М., 1992.

8. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой, послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

9. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика / А. П. Ермишин [и др.]; под ред. А. П. Ермишина. – Минск: Тэхналогія, 2005. – 430 с.

10. Борейко, В. Е. Краткий курс экологической этики / В. Е. Борейко. – Киев: КЭКЦ, 2004. – 72 с.

11. Борейко, В. Е. Популярный словарь по экологической этике и гуманитарной экологии / В. Е. Борейко. – Киев: КЭКЦ, 2003.

12. Борейко, В. Е. Прорыв в экологическую этику / В. Е. Борейко. – 4-е изд., доп. – Киев : КЭКЦ, 2005. – 208 с.
13. Борейко, В. Е. Современная идея дикой природы / В. Е. Борейко. – 2-е изд., доп. – Киев : КЭКЦ, 2003. – 208 с.
14. Борейко, В. Е. Философы дикой природы и природоохраны / В. Е. Борейко. – 2-е изд., доп. – Киев : КЭКЦ, 2004. – 160 с.
15. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М., 1989.
16. Водопьянов, П. А. Великий день гнева: экология и эсхатология / П. А. Водопьянов. – Минск, 1993.
17. Вронский, В. А. Прикладная экология: учеб. пособие / В. А. Вронский. – Ростов-н/Д., 1996.
18. Гиренок, Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера / Ф. И. Гиренок. – М., 1992.
19. Гирусов, Э. В. Экология и культура / Э. В. Гирусов, И. Ю. Широкова. – М., 1989.
20. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: сб. : пер. с англ. и фр. / сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева; введ. ст. Ю. А. Шрейдера. – М., 1990.
21. Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. Философия отношения с природой: сб. обзоров и реф. / сост. В. Е. Ермолаева. – М., 1994.
22. Гор, А. Неудобная правда. Глобальное потепление: как остановить планетарную катастрофу / А. Гор. – СПб. : Амфора, 2007. – 328 с.
23. Гор, Э. Земля на чаше весов / Э. Гор. – М., 1993.
24. Горке, М. Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы / М. Горке // Гуманитарный экологический журнал. – 2002. – Т. 4, вып. 1. – С. 101–108.
25. Грищенко, В. Н. О концепциях экологической этики / В. Н. Грищенко // Гуманитарный экологический журнал. – 2004. – Т. 6, вып. 2.
26. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997.
27. Данилов-Данильян, В. И. Перед главным вызовом цивилизации: взгляд из России / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев, И. Е. Рейф. – М., ИНФРА-М, 2005.
28. Дежкин, В. В. Экоцентризм против антропоцентризма: давайте поспорим / В. В. Дежкин // Гуманитарный экологический журнал. – 2002. – Т. 4, спец. вып. – С. 44–46.
29. Дерябо, С. Д. Экологическое сознание / С. Д. Дерябо // Гуманитарный экологический журнал. – 2004. – Т. 6, вып. 2.
30. Джукс, Н. Гуманное и эффективное обучение наукам о жизни / Н. Джукс, Е. Маруева // Гуманизация обучения специалистов медико-биологического профиля: материалы науч.-практ. семинара с междунар. участием (Минск, 14–15 ноября 2006 г.) / ред.-сост. Т. В. Мишаткина; гл. ред. Г. Я. Хулуп. – Минск : Проспектплюс, 2006. – С. 9–22.
31. Ермолаева, В. Космизм и экологическая этика / В. Ермолаева // Общественные науки и современность. – 1995. – № 4. – С. 118–124.
32. Жибуль, И. Я. Экология, потребности, сущность, динамика, перспективы / И. Я. Жибуль. – М., 1991.

33. Закон «О защите животных от жестокого обращения». Украинский прорыв / под ред. В. Е. Борейко. – Киев : КЭКЦ, 2007.
34. Зеленков, А. И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А. И. Зеленков, П. А. Водопьянов. – Минск, 1987.
35. Иванов, В. Г. Конфликт ценностей и решение проблем экологии / В. Г. Иванов. – М., 1991.
36. Игнатовская, Н. Б. Отношение к животным как проблема нравственности: Анализ дискуссий в современной западной этике / Н. Б. Игнатовская // Этическая мысль: науч.-публ. чтения. – М., 1988.
37. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас; пер. с нем., предисл., прим. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
38. Каган, М. С. Культура и природа: экологические проблемы теории культуры / М. С. Каган // Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996.
39. Карпинская, Р. С. Философия природы: коэволюционная стратегия / Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев, А. П. Огурцов. – М., 1995.
40. Коновалова, Л. В. Прикладная этика: биоэтика и экоэтика / Л. В. Коновалова. – М., 1998. – Вып. 1.
41. Круть, И. В. Очерки представлений о взаимоотношении природы и общества / И. В. Круть, И. М. Забелин. – М., 1988.
42. Кундас, С. П. Экологическое образование в Республике Беларусь: состояние, проблемы и направления дальнейшего развития / С. П. Кундас, А. И. Тимошенко // Вестник Полоцкого государственного университета. Педагогические науки. – 2005. – № 5. – С. 1–8.
43. Кундас, С. П. Радиоэкологическое образование в Беларуси / С. П. Кундас, А. И. Тимошенко // Экологическая антропология, 2006. – С. 273–275.
44. Кундас, С. П. Информационные технологии в системе непрерывного экологического образования / С. П. Кундас, С. Н. Анкуда, Т. В. Корнеева // Единое образовательное пространство славянских государств в XXI в.: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (5–6 апр. 2006 г., г. Брянск) / под ред. В. И. Аверченкова. – Брянск : БГТУ, 2006 – С. 266–269.
45. Кэллахан, Дж. От «прикладной» к практической: преподавание практических аспектов этики / Дж. Кэллахан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ethicscenter.ru/biblio.html#10>.
46. Кэликотт, Б. Природоохранные ценности и этика / Б. Кэликотт // Гуманитарный экологический журнал. – 2004. – Т. 6, вып. 2. – С. 42–55.
47. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд – М., 1983.
48. Леопольд, О. Природная пирамида / О. Леопольд // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. – М. – Бостон, 1992.
49. Лосев, К. С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития в России в XXI веке / К. С. Лосев. – М. : Космосинформ, 2001.
50. Лось, В. А. Взаимоотношения общества и природы / В. А. Лось. – М., 1990.
51. Макаrchук, Н. Н. Преподавание физиологии возможно без убийства // Нужны ли опыты на животных в учебном процессе?: сб. докл. / под ред. В. Мещеряковой. – М. : Российское отделение ИнтерНИЧ, 2006.

52. Маркович, Д. Ж. Социальная экология / Д. Ж. Маркович; пер. с серб.-хорват. – М., 1991.
53. Мишаткина, Т. В. Этика: практикум / Т. В. Мишаткина. – Минск, 2003.
54. Мишаткина, Т. В. Этика: экспресс-курс / Т. В. Мишаткина. – Минск, 2004.
55. Моисеев, Н. Н. Человек, среда, общество / Н. Н. Моисеев. – М., 1991.
56. Наше общее будущее. – М., Прогресс, 1989.
57. Нэш, Р. Права природы. История экологической этики / Р. Нэш. – Киев : КЭКЦ, 2001.
58. Петрицкий, В. А. Экологизация морали и этика / В. А. Петрицкий // Философские науки. – 1990. – № 4. – С. 103–106.
59. Поттер, В. Р. Биоэтика. Мост в будущее / В. Р. Поттер. – Киев, 2002.
60. Прикладная этика / И. Л. Зеленкова, А. В. Барковская, О. Л. Соловьева [и др.] / под ред. И. Л. Зеленковой. – Минск, 2003.
61. Риган, Т. В защиту прав животных. Линзи Э. Божественные права животных / Т. Риган, Э. Линзи. – Киев : КЭКЦ, 2004.
62. Русский космизм. Антология философской мысли. – М., 1993.
63. Сафонов, И. А. Философские проблемы единства человека и природы / И. А. Сафонов. – СПб., 1994.
64. Сингер, П. Освобождение животных / П. Сингер. – Киев, 2002.
65. Стоун, К. Должны ли деревья иметь права? / К. Стоун // Гуманитарный экологический журнал. – 2001. – Т. 3, вып. 1. – С. 56–60.
66. Тимофеев-Ресовский, Н. В. Биосфера и человечество / Н. В. Тимофеев-Ресовский // Бюллетень ЮНЕСКО. – 1968. – № 1. – С. 3–10.
67. Токар, Б. «Зеленая» альтернатива: создание экологического будущего / Б. Токар. – М., 1990.
68. Тоффлер, А. Шок будущего / А. Тоффлер. – М., 2002.
69. Философия и экологическая проблема. – М., 1990.
70. Философия природы в античности и в средние века. – М., 2000.
71. Фишер, С. Человек и животное: этико-юридич. очерк / С. Фишер. – СПб., 1899.
72. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. – М., 2004.
73. Хесле, В. Философия и экология / В. Хесле. – М., 1993.
74. Хомич, Е. В. Идея экологического синтетизма в русской культуре / Е. В. Хомич // Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры. – Минск, 1994. – С. 152–169.
75. Чумаков, А. Н. Философия глобальных проблем / А. Н. Чумаков. – М., 1994.
76. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
77. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973.
78. Экологическая альтернатива. – М., 1990.
79. Эренфельд, Д. Дилемма сохранения природы / Д. Эренфельд // Высокомерие гуманизма / Д. Эренфельд // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. – М. – Бостон, 1992.
80. Этика: учеб. пособие / под ред. Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич. – Минск, 2006.
81. Agar, N. Valuing species and valuing individuals / N. Agar // Environ. Ethics. – 1995. – № 4. – P. 397–417.

82. Attfield, R. Environmental Ethics / R. Attfield. – Cambridge : Polity Press, 2003.
83. Beauchamp, T. L. Principles of Biomedical Ethics / T. L. Beauchamp, J. F. Childers. – Oxford : Oxford University Press, 2001.
84. Callicott, J. Baird. The case against moral pluralism. / J. Baird Callicott // Environmental ethics. – Athens, 1990. – Vol. 12, № 2. – P. 99–124.
85. Huiying, X. Humankind Takes up Environmental Ethics // Chinese Education & Society. – 2004. – Vol. 37, № 4.
86. Encyclopedia of Bioethics. – New York, 1995. – Vol. I.
87. Jukes, N. From guinea pig to computer mouse. Alternative methods for a progressive, humane education / N. Jukes, M. Chiuiua; – 2-nd edition. – London : Biddles Ltd. : InterNICHE, 2003. – 520 p.
88. Mishatkina, T. V. Ethical Review System for Biomedical research. Republic of Belarus / T. V. Mishatkina, Ya. S. Yaskevich // Ethical Review of Biomedical Research in the CIS Countries (Social and Cultural Aspects) / editor in chief O. Kubar. – Saint-Petersburg : Phoenix Ltd., 2007. – С. 114–148.
89. Russell, W. M. S. The Principles of Humane Experimental Technique / W. M. S. Russell, R. L. Burch. – UFAW, 1992. – 238 p.
90. Potter, V. R. Global bioethics. Building on the Leopold Legacy / V. R. Potter. – Michigan : Michigan State University Press, 1988. – 203 p.
91. Taylor, P. Are humans superior to animals and plants? / P. Taylor // Environmental ethics. – 1984. – Vol. 6. – P. 149–160.
92. Taylor, P. Respect for nature. A theory of environmental ethics / P. Taylor. – Princeton, New Jersey : University Press, 1988. – P. 264–307.
93. Thomson, J. A Refutation of Environment / J. Thomson // Environmental Ethics. – 1990. – № 12.
94. Warnock, M. Review: Principles of Health Care Ethics / M. Warnock; ed. R. Gillon // British Medical Journal. – Chichester : J. Wiley & Sons, 1994. – Vol. 308.

По теме «Экология человека»

95. Алексеев, В. П. Очерки экологии человека / В. П. Алексеев. – М., 1993.
96. Баев, А. А. Геном человека: некоторые этико-правовые проблемы настоящего и будущего / А. А. Баев // Человек. – 1995. – № 2.
97. Биомедицинская этика / под ред. В. И. Покровского, Ю. М. Лопухина. – М., 2002.
98. Биомедицинская этика: учеб. пособие / под ред. Т. В. Мишаткиной, С. Д. Денисова, Я. С. Яскевич. – Минск : ТетраСистемс, 2003.
99. Введение в биоэтику: учеб. пособие / под ред. Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко. – М., 1999.
100. Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека. – Париж : ЮНЕСКО, 2006.
101. Геращенко, Л. И. Медицинские аспекты проблемы прав человека / Л. И. Геращенко. – СПб., 1996.
102. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М., 1997.
103. Жизнь и смерть: загадки и противоречия. – М., 1990.
104. Зильбер, А. П. Трактат об эвтаназии / А. Зильбер. – Петрозаводск, 1998.

105. Кюблер-Росс, Э. О смерти и умирании / Э. Кюблер-Росс. – София, 2001.
106. Медико-социальная экология личности: состояние и перспективы: материалы междунар. конф. – Минск : БГУ, 2003.
107. Медицина и права человека. – М., 1992.
108. Милютин, А. А. Экология человека и биомедицинская этика / А. А. Милютин, М. И. Смирнов // Биомедицинская этика: проблемы и перспективы: материалы Междунар. конф. (Минск, 12–13 окт. 2000 г.) / под ред. С. Д. Денисова, Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич. – Минск : БГМУ, 2000.
109. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. Болезнь. Смерть. – М., 1995.
110. Михайлова, Е. П. Биомедицинская этика: Теория, принципы и проблемы / Е. П. Михайлова, А. Н. Бартко. – М., 1995.
111. На грани жизни и смерти (биоэтика в США). – М., 1989.
112. Павлова, Т. Н. Биоэтика в высшей школе / Т. Н. Павлова. – М., 1998.
113. Поттер, В. Р. Биоэтика. Мост в будущее / В. Р. Поттер. – Киев, 2002.
114. По ту сторону смерти. – М., 1994.
115. Проблемы биоэтики: реф. сб. / отв. ред. Б. Г. Юдин. – М., 1993.
116. Сгречча, Э. Биоэтика: учебник / Э. Сгречча, В. Тамбоне. – М., 2002.
117. Тищенко, П. Д. Биовласть в эпоху биотехнологий / П. Д. Тищенко. – М., 2001.
118. Требования биоэтики. Медицина между надеждой и опасениями. – Киев, 1999.
119. На грани жизни и смерти: Краткий очерк современной биоэтики в США / Д. Уиклер [и др.]. – М., 1989.
120. Фролов, И. Т. Этика науки: Проблемы и дискуссии / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. – М., 1986.
121. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М. : Весь Мир, 2002.
122. Этические и правовые проблемы клинических испытаний на человеке и животных. – М., 1994.
123. Юдин, Б. Г. О человеке, его природе и будущем / Б. Г. Юдин // Вопр. философии. – 2004. – № 2.
124. Юдин, Б. Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий / Б. Г. Юдин // Человек. – 2005. – № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ.....	5
Глава 1. Экологическая этика в системе прикладного этического знания: предмет, методология, проблематика (<i>Р. Г. Апресян</i>)	5
1.1. Что такое мораль, этика и прикладная этика?	5
1.2. Что такое экологическая этика?.....	11
1.3. Основные принципы экологической этики.....	14
Глава 2. Экологическая этика: историко-культурные истоки и формирование (<i>А. В. Барковская</i>).....	21
2.1. Экоэтические ценности и ориентиры Древнего Востока.....	23
2.2. Особенности этико-экологического мировосприятия в славянской культуре	30
2.3. Экоэтические ценности западноевропейской культуры	33
2.4. Становление экологической этики.....	38
Глава 3. Современная экологическая этика: основные направления (<i>А. В. Барковская</i>).....	42
Глава 4. Концептуальные основания экологической этики (<i>Т. В. Мишаткина</i>).....	53
4.1. Основные парадигмы и специфические особенности экоэтики	54
4.2. Принципы и императивы экологической этики.....	62
Глава 5. Экологическая культура студенческой молодежи: опыт социологического анализа в вузах Беларуси (<i>Е. В. Беляева</i>).....	67
5.1. «Экоцентристы» и «антропоцентристы»	69
5.2. Отношение к животным.....	73
5.3. Отношение к человеку: биомедицинские проблемы	76
5.4. Экологическое сознание и экологическая деятельность	80
РАЗДЕЛ 2. «ОТКРЫТЫЕ» ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ.....	84
Глава 6. Экоэтика и биоэтика: грани взаимодействия (<i>Т. В. Мишаткина</i>).....	84
Глава 7. Экологическая этика и права природы (<i>В. Е. Борейко</i>).....	90
Глава 8. Защита животных, используемых в биомедицинских исследованиях и образовании (<i>И. П. Меркулова</i>)	99

8.1. Этика биомедицинских экспериментов на животных	99
8.2. Этические проблемы использования животных в образовании	104
8.3. Общественные движения в защиту животных от жестокости и правовое регулирование биомедицинских экспериментов на животных ...	109
Глава 9. Экология человека в этическом измерении (Т. В. Мишаткина)	114
9.1. Экология человека: предмет, цели, этические основания	114
9.2. Биоэтические проблемы экологии человека.....	118
Глава 10. Экология человека и этические последствия научно-технического прогресса (С. Б. Мельнов, Ю. Сарана).....	128
10.1. Этические аспекты генной инженерии и современных биотехнологий	128
10.2. Этические проблемы последствий катастрофы на ЧАЭС.....	138
 РАЗДЕЛ 3. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ	145
Глава 11. Этика общества экологического риска.....	145
11.1. Концепция общества риска как отражение современной экологической ситуации (П. Д. Тищенко).....	145
11.2. Экологическая этика как фактор управления риском (Н. Васильевне).....	153
Глава 12. Экологическая этика в контексте устойчивого развития (Н. Д. Лепская).....	162
12.1. Глобальные проблемы человечества и традиционные парадигмы экологического сознания	163
12.2. Концепция устойчивого развития и основные принципы организации экологических сообществ.....	166
12.3. «Новая энвайронментальная парадигма»: эколого-этические заповеди отношения к окружающей среде	170
Глава 13. Экологическая этика в системе экологического образования Республики Беларусь (С. П. Кундас, Т. В. Мишаткина, С. Н. Анкуда).....	175
13.1. Экологическое образование и воспитание в Республике Беларусь	177
13.2. Этическая составляющая экологического образования.....	183
13.3. Информационные технологии и педагогическое обеспечение эколого-этического образования: реалии и перспективы.....	189
 РАЗДЕЛ 4. ПРАКТИКУМ (М. Д. Мартынова, Т. В. Мишаткина)	199
4.1. Международные документы по проблемам экологической этики.....	199
4.1.1. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию.....	199
4.1.2. Всемирная декларация прав животных.....	204

4.1.3. Европейская конвенция по защите домашних животных.....	205
4.1.4. О защите животных от жестокого обращения	211
4.2. Тексты для анализа	220
4.2.1. О. Леопольд. «Календарь песчаного графства»	220
4.2.2. Б. Кэлликотт. «Природоохранные ценности и этика»	224
4.2.3. П. Тейлор. «Пять принципов приоритетности в разрешении конфликтных ситуаций с позиции экологической этики»	230
4.2.4. П. Сингер. «Будущее Движения освобождения животных»	243
4.3. Ситуационный анализ в экологической этике.....	245
4.3.1. Методическое введение	245
4.3.2. Ситуации для анализа	252
4.4. Твоя экологическая культура.....	278
Анкета для студентов высших учебных заведений и колледжей.....	278
4.5. Библиография по проблемам экологической этики	282

Учебное издание

Мишаткина Татьяна Викторовна
Кундас Семен Петрович
Апресян Рубен Грантович
Барковская Алла Викторовна
Беляева Елена Валерьевна и др.

Основы экологической этики

Учебное пособие

Редактор *М. И. Авхимович, О. А. Кучинский*
Корректоры *С. О. Сараева, М. И. Авхимович*
Компьютерная верстка *А. Н. Мигиц*

Подписано в печать 06.09.08. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Ризография.
Усл. печ. л. 18,25. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 200 экз. Заказ №

Издатель
учреждение образования «Международный государственный
экологический университет имени А. Д. Сахарова»
ЛИ № 02330/0131580 от 28.07.2005 г.
ул. Долгобродская, 23, 220070, г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: info@iseu.by
URL: <http://www.iseu.by>

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии
ЧУП «Ходр» ОО «БелТИЗ»
ЛП № 02330/0056661 от 29.03.04.
220004 г. Минск, ул. Освобождения, 9